

**Песнопения таинственные (сборник
избранных стихотворений)
святитель Григорий Богослов (Назианзин)**

Слово 1, о началах

Знаю, что на непрочной ладье пускаюсь в дальнейшее плавание, или на малых крыльях уношусь к звездному небу, я, в котором родилась мысль открыть Божество, или определения великого Бога, и ключ для всего; тогда как и небесным умам не достаёт сил возблагодарить пред Богом сколько должно. Впрочем, поскольку Божеству часто бывает приятен дар не столько полной, сколько угодной Ему, хотя и скудной, руки, то смело изреку слово.

Но кто злочестив, беги прочь! Мое слово простирается или к очищенным, или к трудящимся над очищением себя. Оскверненные же? Как звери, прикасавшиеся к горе, когда с вершины ее воссиял Христос и писал на скрижалях Моисею закон, немедленно были побиваемы отторгавшимися камнями (Исх.19,13), так будет и с ними. Так слово от нашего лика гонит злых, которые имеют богоборное сердце.

А я положу на страницы предисловием как бы то же, что древле богомудрые мужи – Моисей и Исаия (говорю это знающим), когда один давал новописанный закон, а другой напоминал о законе нарушенном, чтобы привести в трепет жестокосердный народ, – представили во свидетельство слова. «Вонми небо и да слышит земля глаголы... мои!» (Втор.32,1; Ис.1,2). Дух Божий! Ты возбуди во мне ум и язык, содейлай их громозвучною трубою истины, чтобы усладились все, прилепившиеся сердцем ко всецелому Божеству!

Един есть Бог безначальный, безвиновный, неограниченный ничем, или прежде бывшим, или после имеющим быть, и в прошедшем и в будущем объемлющий вечность, беспредельный, благого великого Единородного Сына великий Отец, Который в рождении Сына не потерпел ничего, свойственного телу, потому что Он – Ум.

Един есть Бог иной, но не иной по Божеству, – сие Слово оного Бога, живая печать Отчая, единый Сын Безначального и Единственный Единственного, во всем равный Отцу (кроме

того, что один всецело пребывает Родителем, а другой – Сыном), Мироположник и Правитель, сила и мысль Отца.

Един Дух – Бог от благого Бога. Да погибнет всякий, кого не отпечатлел так Дух, чтобы являл Его Божество, у кого или в глубине сердца есть зло, или язык нечист, – эти люди полусветлые, завистливые, эти самоученые мудрецы – этот источник загражденный (Притч.25,27), светильник, сокрытый в темной пазухе (Лк.11,33.)!

Слово 2, о Сыне

Прежде всего прославим Сына, чья кровь – очищение наших немощей. Ибо по причине восставшего на Бога зломудренного, самоубийственного языка, нужно, чтобы и смертный помог небесным.

Ничего не было прежде великого Отца, потому что Он все имеет в Себе. И Его знает неотлучный от Отца – Отцом рожденный, безлетный Сын, великого Бога Слово, Образ Первообраза, Естество, равное Родителю. Ибо слава Отца – великий Сын. А как явился Он от Отца – знает единый Отец и Явившийся от Отца, потому что никто не был близ Божества.

Впрочем, то, несомненно, известно и всякому человеку и мне, что Божеству нельзя приписывать моего рождения, то есть течения, бесславного сечения. Если я делаюсь родителем не без страдания, потому что составлен из частей, то не следует из сего, чтобы подлежал страданию, Кто вовсе не сложен и бестелесен. Ибо что удивительного, если у тех, которые далеки между собою по естеству, и рождения инаковы? Если время старее меня, то оно не прежде Слова, у Которого Родитель безлетен.

Как Отец ничего не оставляет для умопредставления выше безначального Божества; так и Сын Отчий имеет началом безлетного Отца, подобно тому как начало света есть великий и прекраснейший круг солнечный. Впрочем, всякое подобие ниже великого Бога, и опасно, чтобы, поставив нечто между присносущным Отцом и присносущным Сыном, не отторгнуть нам Царя-Сына от Царя-Отца. Ибо предполагать, что время, или хотение, прежде Бога, по моему мнению, значит рассекать Божество. Родитель велик как Бог, как Родитель. Но если для Отца всего выше не иметь никакой причины досточтимого Божества; то и достопоклоняемому Рождению великого Отца не менее высоко иметь такое начало. Не отсекай Бога от Бога; потому что не знаешь такого сына, который бы далеко отстоял от Отца.

А слова *не рожденный* и *рождение от Отца* не равнозначительны слову Божество. Иначе кто произвел сии два рода Божества? В отношении к Богу оба они не входят в понятие сущности; естество же, по моему разумению, нерассекаемо. Если Слову принадлежит рождение; то Отец, будучи бесплотен, не приемлет ничего, свойственного плоти (человеческий ум никогда не дойдет до такого нечестия, чтобы помыслить сие); и ты имеешь Сына-Бога, достойную славу Родителя.

Если же ты, суемудрый, желая возвеличить Божество великого Отца и напрасно вселяя в сердце пустой страх, отринул рождение, и Христа низводишь в ряд тварей; то оскорбил ты Божество обоих. Отец лишен у тебя Сына, и Христос не Бог, если только Он сотворен. Ибо все, чего когда-либо не было, принадлежит к тварям; а Рожденное, по важным причинам, пребывает, и всегда будет, равным Богу. Какое же основание тому, что ты, наилучший, чрез Христовы страдания, впоследствии, когда преселишься отселе, станешь богом, а Христос – подобным тебе рабом; вместо Божеской чести припишется Ему только превосходство между рабами?

Если, как ковач, намереваясь сделать колесницу, готовит молот, так и великий Бог впоследствии времени создал полезное орудие, чтобы первородною рукою приобрести меня; то тварь во многих отношениях будет превосходнее небесного Христа, если только Слово для твари, а не тварь для Христа. Но кто же бы стал утверждать сие? Если же Он принял плоть, чтобы помочь твоим немощам, а ты за сие приводишь в меру преславное Божество: то погрешил Милосердствовавший о тебе. А для меня тем более Он чуден, что и Божества не умалил, и меня спас, как врач, приникнув на мои зловонные струпы.

Он был смертен, но Бог; род Давидов, но Адамов Создатель; плотоносец, но бестелесен; по Матери-Деве описан, но неизмерим. Ясли вместили Его, но звезда вела к Нему волхвов, и принесшие дары пришли и преклонили пред Ним колена. Как человек, был Он в борении, но, как неодолимый, в троекратной борьбе препобедил искусителя. Вкушал Он пищу,

но напичал тысячи, и воду претворил в вино. Крестился, но очистил грехи, но Дух громогласно провозгласил Его Сыном Безначального. Как смертный, погружался Он в сон и, как Бог, укрощал море. Утомлялся Он в пути, но у изнемогших укреплял силы и колена. Молился, но Кто же внял умиленным мольбам погибающих? Он был Жертва, но и Архиерей; Жрец, но и Бог; принес в дар Богу кровь, но очистил весь мир; вознесен на крест, но ко кресту пригвоздил грех. К чему же перечислять все подробно? Он приложился к мертвецам, но возбужден из мертвых, а прежде Сам воскрешал мертвецов. Если одно показывало нищету смертного; то другое – богатство Бесплотного. По крайней мере, ты, видя в Нем свойственное смертным, не бесчести Божества. Оно соделало славным и перстный образ, который из любви к тебе образовал нетленный Сын.

Слово 3, о Святом Духе

Что медлишь, душа моя? Воспой и славу Духа; не отделяй в слове Того, Кто не исключен по естеству. С трепетом чтим великого Духа: Он мой Бог, Им познал я Бога, Он Сам есть Бог, и меня в той жизни творит богом. Он всемогущ; Он раздаятель даров, предмет песнопений чистого лика небесных и земных; Он Жизнеподатель, сидит на превознесенном престоле, исходит от Отца. Он Божия сила, Самовластитель. Он не Сын (потому что един есть благой Сын единого Всеблагого), но Он и не вне невидимого Божества, а равночестен.

Кто же хочет Божество Небесного Духа найти на страницах богодухновенного закона; тот увидит многие частые и вместе сходящиеся стези, если только пожелает видеть, если сколько-нибудь сердцем привлеч чистого Духа, и ум у него острозрателен. А если кто потребует открытых слов вселюбезного Божества; то пусть знает, что неблагоприятно его требование. Ибо доколе большей части смертных не было явлено Божество Христово, не надлежало возлагать невероятного бремени на сердца, до крайности немощные. Не для начинающих благовременно совершеннейшее слово. Кто станет слабым еще глазам показывать полный блеск огня или насыщать их непомерным светом? Лучше постепенно приучать их к яркому блеску, чтобы не повредить и самых источников сладостного света. Так и слово, открыв прежде всецелое Божество Царя-Отца, стало озарять светом великую славу Христову, являемую немногим разумным из людей, а потом, яснее открыв Божество Сына, осияло нам и Божество светозарного Духа. И для тех пролиvalo оно малый свет, большую же часть предоставило нам, которым потом обильно и в огненных языках разделен Дух, показавший явные признаки Своего Божества, когда Спаситель вознесся от земли. Знаю же, что Бог есть огонь для злых и свет для добрых.

Так доказал я тебе Божество Духа. Если же ты приходишь в удивление, частию слыша о Сыне и не Сыне единого Божества, а частию убежденный противоположными, удобоизвращаемыми

местами Писания; то и здесь Сам Бог снизойдет и подаст мне слово.

От одного первоизданного произошли жена и Сиф, и половина и порождение четы по законам брака, и нерожденная и рожденный, хотя тот и другая равно человек. Помня сие, и ты не уничижай Божества, не предпочитай Одного, унижая Другого. Одно есть естество неизмеримое, несозданное, безлетное, благое, свободное и равночестное. Един есть Бог в Трех Озарениях, управляющий миром. Ими и я возбуждаюсь в новой жизни, когда, погребая смерть в купели, возвращаюсь ко свету. Ибо Троичное Божество даровало мне силу воссиять светоносным. Нет, не обману тебя, любитель очищения. Если бы я, омытый Божеством, стал рассекать светлое Божество, то лучше бы... но боюсь докончить недоброе слово. Я входил в купель в надежде сподобиться Божия дара. Если всего меня очистил Бог, то весь Он для меня досточтим. Но неравный Божий дар да получит тот злочестивый смертный, который сам рассекает свое Божество!

Если в Божием слове и у богоносных мужей слышишь или о Сыне, или о благом Духе, будто бы Они имеют второе место по Боге Отце; то советую тебе здесь, в словах глубокой мудрости, находить тот смысл, что она не Божество рассекает, но восходит к единому безначальному корню, дабы ты видел единство державы, а не разность досточтимости.

Из Единицы Троица и из Троицы опять Единица – здесь не то же, что ключевая жила, ключ и большая река, и между тем единый ток, в трех видах стремящийся по земле; не то же, что свеча из пылающего костра, опять в него влагаемая; не то же, что слово, исходящее из ума и в нем пребывающее; не то же, что отблеск колеблющихся и освещенных солнцем вод, мелькающий на стене, ни на одно мгновение не останавливающийся, но прежде приближения удаляющийся и прежде удаления приближающийся; не то же, потому что естество Божие не есть что-либо непостоянное, или текучее, или опять сливающееся; напротив того, Богу свойственна неизменность.

А ты, мудрствуя так, приноси в сердце чистую жертву. В Трех Светах одно естество неподвижно. Единица не бесчисленна; потому что покоится в трех Добротах. Троица не в разной мере досточтима; потому что естество нерассекаемо. В Божестве Единица, но тречисленны Те, Которым принадлежит Божество. Каждый есть единый Бог, если именуешь одного. И опять, един Бог безначальный, из Которого богатство Божества, когда слово упоминает о Трех. В первом случае проповедуется смертным досточтимость Трех Светов; во втором мы славим пресветлое единоедержавие и не восхищаемся многоначальным собором богов. Ибо, по моему рассуждению, многоначалие есть то же, что и совершенное безначалие, находящееся во взаимной борьбе. А борьба предполагает раздор; а раздор быстро ведет к разрушению. Посему многоначалие да будет у меня как можно дальше от Божества!

Тремя богами можно было бы назвать тех, которых разделяли бы между собою время, или мысль, или державу, или хотение – так что каждый никогда бы не был тождествен с прочими, но всегда находился с ними в борьбе. Но у моей Троицы одна сила, одна мысль, одна слава, одна держава; а через сие не нарушается и единичность, которой великая слава в единой гармонии Божества.

Сие только свету, который во мне, открыло Троичное сияние из-за воскрилий завесы внутрь Божия храма, за которыми сокрыто царственное естество Божие. А если нечто большее открыто ангельским ликам; то еще гораздо более ведомо Самой Троице.

Слово 4, о мире

Воспоем и творение великого Бога, опровергнув ложные мнения.

Един Бог; а что представляли эллинские мудрецы о материи и форме, будто они собезначальны, то ни на чем не основанная баснь. Как все сии почтенные формы, сделанные у них богами, не существовали от начала, но получили бытие по воле великого Бога; так видел ли кто когда-нибудь материю без формы? Или кто нашел форму без материи, хотя и очень много трудился в сокровенных изгибах ума? А я не находил ни тела бесцветного, ни бестелесного цвета. Кто отделял друг от друга то, чего не отделила природа, но свела воедино? Но отделим форму от материи. Рассуди же: если бы они были вовсе не соединимы, то как бы сошлись вместе, или как бы образовался мир, когда они совершенно отдельные? А если соединяемы; то как соединились? Кто, кроме Бога, слил их между собою? Но если Бог – соединитель; то Его же признай и Творцом всего. И горшечник на своем колесе дает форму глине, и плавильщик золота – золоту, и каменотесец – камням. Уступи же, любитель безначалия, уступи Богу нечто большее нашего смысла; и это большее пусть будет материя с движущимися формами. Помыслил многохудожный родитель всяческих – Божий Ум, и произошла материя, облеченная в формы; потому что Он не походит на живописца, в котором видимый перед очами образ возбудил нечто подобное сему образу, чего не мог бы начертать один ум.

И ты, злая тьма манихейская (Манихейство – еретическое учение о равноправной борьбе тьмы и света. – Ред.), не была от начала равнопрестольною высочайшему Свету! Если был Бог, то не было тьмы; потому что зло не могло спорить о равенстве с Богом. Если была тьма, то не даешь места Богу: Ему неприлично быть в согласии с тьмою. Если же представишь их в борьбе; преодолееет сильнейшее. А если скажешь, что они равносильны; кто третий приводит их в единство своею мудростию и прекращает борьбу? И то весьма удивительно, что,

возбудив ужасную вражду, тотчас забываешь о сей борьбе и представляешь враждующих согласными. Я состою из души и тела. И душа есть струя бесконечного света – Божества; а тело производишь ты от темного начала. И столь далеких между собою ты сводишь воедино. Если я составляю одну общую природу; то вражда мною прекращена. А если жестокая вражда во мне непримирима; то я не составляю одной природы, сопряженной из души и тела. Ибо не враждебные, но дружественные начала дают общее произведение. Такой мрак obleжит твоё сердце!

А по моему учению, един есть Бог безначальный, ни с кем не борющийся, един благий Свет, сила высокошественных умов, простых и сопряженных, небесных и земных; а тьма произошла впоследствии, и есть не какая-либо удооописуемая самостоятельная природа, но наш собственно грех. Грех же есть нарушение заповеди, подобно как ночь есть захождение солнца, немощная старость – минование юности и ужасная зима – следствие удаления солнечного вверх.

Первейший из всех небесных светов, по гордости своей утратив свет и славу, преследует всегдашнюю ненавистью человеческий род. От него и первый человек вкусил убийственного греха и смерти, которая по его ухищрению возгнела во мне пламень. Такова природа высоко родившегося зла, которому он отцом! Ржа – пагуба твердому железу; а я – самоубийца – насадил в себе пагубу – грех, по своему умыслению последовав коварным внушениям завистника.

Если же и тогда был ты, мир, близок к славе безначальной Троицы; то почему поставили тебя в такой дали христоносные Светы, сведущие в Божественном; и почему весьма не многое число лет считается после того, как водрузило тебя великое Божие Слово? Но если водружен ты впоследствии; то спрашиваю: поскольку Богу нельзя приписать недеятельности и несовершенства, то чем занята была Божия мысль прежде, нежели Всевышний, царствуя в пустоте веков, создал вселенную и украсил формами? – Она созерцала вожденную светлость Своея доброты, равную и равно совершенную светозарность трисиянного Божества, как известно сие единому

Божеству, и кому открыл то Бог. Мирородный Ум рассматривал также в великих Своих умопредставлениях Им же составленные образы мира, который произведен впоследствии, но для Бога и тогда был настоящим. У Бога все пред очами: и что будет, и что было, и что есть теперь. Для меня такой раздел положен временем, что одно впереди, другое позади; а для Бога все сливается в одно, и все держится в мышцах великого Божества. Посему внимайте, что изобрел мой ум.

Все породил в себе Ум, а рождение вовне совершилось впоследствии благовременно, когда открыло великое Божие Слово. Он восхотел создать умные природы, небесную и земную, – сии проницаемые светом зеркала первого Света, чтоб одна, сияя горе, пребывала великою светоносною служительницею Царя, другая же имела славу здесь. Он источает им Божество умов, чтобы царствовать в большем числе небесных умов и для большего числа быть блаженнотворным светом. Ибо таково свойство Царя моего – сообщать блаженство. Но чтобы тварь, приближаясь к Богу, не пожелала равной с Богом славы и не погналась за светом и славой, тогда как всего лучше соблюдать меру, а чрезмерность всего хуже; высокое Слово, благопромышляя о будущих тварях, отдалило как от Троицы все окружающее престол Света, так от ангельских ликов смертную природу. Впрочем, не очень много отдалило Оно служебную ангельскую природу, а гораздо более нашу природу; потому что мы произошли из персти, соединенной с Божеством: природа же простая совершеннее.

Из миров один сотворен прежде. Это – иное небо, обитель богоносцев, созерцаемая единым умом, пресветлая; в нее вступит впоследствии человек Божий, когда, очистив ум и плоть, совершится богом. А другой – тленный мир создан для смертных, когда надлежало устроиться и лепоте светил, проповедающих о Боге красотой и величием, и царственному чертогу для образа Божия. Но первый и последний мир созданы Словом великого Бога.

Слово 5, о Промысле

Так водружен широко основанный мир великим бесконечным Умом, Который все носит в Себе и Сам превыше всего. Но что за помысл объять необъятное? Бог, как скоро устроил мир, с первого же мгновения, по великим и непреложным законам, движит и водит его, как кубарь (волчок, юлу. – Ред.), ходящий кругами под ударом. Ибо не самослучайно естество сего обширного и прекрасного мира, которому нельзя и вообразить чего-либо подобного, и в продолжение толикого времени предоставлен он несамослучайным законам, Видал ли кто дом, или корабль, или быструю колесницу, или щит и шлем, которые бы не были сделаны руками? Мир не простоял бы столько времени, если бы в нем было безначалие. И лик певцов расстроится, если никто им не правит. Вселенной же не свойственно иметь иного Правителя, кроме Того, Кто устроил ее.

Ты, который представляешь звезды вождями нашего рождения, нашей жизни и целого мира, скажи: какое еще иное небо прострешь над самыми звездами и над ним поставишь ли еще новое и новое, чтобы было кому водить водящих? Под одною звездою родится один царь и много других людей, из которых иной добр, а другой худ, один вития, другой купец, третий бродяга, иного же высокий престол делает надменным. Для многих, родившихся под разными звездами, равная участь и на море, и на войне. Кого связывали звезды, тех не связал между собою одинакий конец. А других, хотя разделили звезды, одинакая соединила кончина. Если для каждого есть своя какая-то первая необходимость; то сие чистая баснь. А если и над нею господствует еще общая сильнейшая, и есть звезды, противные звездам; то кто же смешал их? Ибо кто сочетал, тот, если захочет, и расторгнет союз. А если совершил сие Бог; то как же стало первым то, что заменило у тебя моего Бога, если и Самого Бога не подчинишь своим звездам? Если же нет господствующего, то как будет стоять мир? – Я не вижу этой возможности, – хотя бы кто и желал такими рассуждениями

изгнать Бога. Ибо необходимо надобно кому-нибудь управлять – или Богу, или звездам.

А я знаю следующее: Бог управляет вселенною. Божие Слово и здесь и там распределяет все, чему положено в Его совете быть на небесе и на земле; и одним тварям даны навсегда непреложно постоянная стройность и течение, а другим уделена жизнь изменяющая и принимающая многие виды. О них – иное явил нам Бог, а иное блюдет в таинницах Своей премудрости, чем хочет обличить пустое тщеславие смертного; одно поставил Он здесь, а другое явится в последние дни. И земледелец пожинает все зрелое; так и Христос, наилучший судия моей жизни.

Таково мое слово; оно независимо от звезд и идет своим путем. Говори ты мне о своих гороскопах, о мелких частях зодиакального круга и о мерах пути; разорь у меня законы жизни – страх злочестивых и надежду добрых, борющуюся до конца! Если все дает звездный круг; то и я влекусь его же вращением. И самое хотение производится во мне тем же кругом; нет у меня никакой силы воли или ума, которые бы вели меня к добру; но и к этому влечет меня небо.

Не упоминай мне о великой славе Христовой – звезде-благовестнице,

которая с востока путеводила волхвов в тот город, где воссиял Христос – безлетный Сын смертного рода! Она не из числа тех, истолкователями которых астрологи, но необыкновенная и не являвшаяся прежде сего, а замеченная в еврейских книгах. Из них предузнав о звезде, посвятившие жизнь звездословию халдеи, когда с удивлением отличили ее от множества наблюдаемых ими звезд и приметили, что с новым сиянием несется она с востока по воздуху в еврейскую землю, заключили о рождении Царя. И в то именно время, как вместе с небожителями поклонились Царю астрологи, отпало у них попечение о своем искусстве.

Но пусть текут своим путем, какой указал им Царь-Христос, сии огнистые, вечнодвижущиеся, несовратимые со своих путей звезды, как неподвижные, так и блуждающие, описывающие, как говорят, одни и те же круги; и мы оставим без

исследования, возможна ли природа огня, поддерживаемая без питания, или есть некоторое, так называемое, пятое тело. Что же касается до нас, пойдем своим путем. Ибо мы, хотя узники земные, однако же поспешаем к разумному и небесному естеству.

Слово 6, об умных сущностях

Как солнечный луч из безоблачного неба, встретившись с видимыми еще отражающими его облаками, из которых идет дождь, распростирает многоцветную радугу и весь окружающий эфир блещет непрерывными и постепенно слабеющими кругами, так и природа светов поддерживается в бытии тем, что высочайший Свет лучами Своими непрестанно осиявает умы низшие. И источник светов – Свет – неименуем, непостижим, убегает от быстроты приближающегося к Нему ума, всегда упреждает всякую мысль, чтобы мы в желаниях своих простирались непрестанно к новой высоте. А светы, вторичные после Троицы, имеющей царственную славу, суть светозарные, невидимые Ангелы. Они свободно ходят окрест великого престола; потому что суть умы быстродвижные, пламень и божественные духи, скоро переносящиеся по воздуху. Они усердно служат высоким велениям. Они просты, духовны, проникнуты светом, не от плотей ведут начало (потому что всякая плоть едва огустеет, как уже и разрушается) и не входят в плоти, но пребывают, какими созданы. Желал бы я сказать, что они вовсе не одолимы злом, но удержу слишком борзо несущегося коня, стянув браздами ума. Из них одни предстоят великому Богу, другие своим содействием поддерживают целый мир; и каждому дано особое начальство от Царя: иметь под надзором людей, города и целые народы и даже распоряжать словесными жертвами земнородных.

Но на что решишься, дух мой? В трепет приходит ум, приступая к небесным красотам; стало передо мною темное облако, и недоумеваю, простирать ли вперед или остановить мне слово. Вот путник пришел к крутоберегой реке и хочет ее перейти: но вдруг поколебалась мысль; он медлит своей переправой, долго борется в сердце, стоя на берегу: то необходимости вложена в него смелость, то страх связал решимость; не раз заносил он ногу свою в воду и не раз отступал назад; однако же после всей борьбы нужда победила страх. Так и я, приближаясь к невидимому Божеству, с одной

стороны, о тех, которые предстоят чистому Всецарю и преисполнены светом, боюсь сказать, что они доступны греху, дабы чрез сие и многим не проложить пути к пороку; а, с другой стороны, опасаясь изобразить в песни моей неизменяемую доброту, так как вижу и совратившегося князя злобы. Ибо Благому не свойственно было насаждать в нас злое свойство и в тех, кого любит, возбуждать мятеж и ненависть. Нельзя также предположить, чтобы зло равномощно было добру и имело особенную природу, или впоследствии происшедшую, или безначальную, как Сам Царь. Но когда недоумевал я о сем, вложил мне Бог следующую мысль:

Первое чистое естество Божества всегда неизменно и никогда не бывает вместо единого многим. Ибо есть ли что-нибудь совершеннее Божества, во что могло бы Оно уклониться? А множественность есть уклонение существа от себя самого. Второе место занимают великие служители высочайшего Света, столько же близкие к первообразной Доброте, сколько эфир к солнцу. А в-третьих, следуем мы – воздух. И одно Божие естество совершенно неизменно; ангельское же естество неудобопреклонно ко греху; а мы, третий род, удобопреклонны, и чем дальше от Бога, тем ближе ко греху.

Посему-то самый первый светоносен, превознесшись высоко, когда, отличенный преимущественною славой, возмечтал о царственной чести великого Бога, – погубил свою светозарность, с бесчестием ниспал сюда, и, захотев быть богом, весь стал тьмою. Хотя и легок он по природе, однако же низринулся до низкой земли. С тех пор преследует он ненавистию тех, которые водятся благоразумием, и, раздраженный своею утратою, преграждает всем небесный путь, не хочет, чтобы Божия тварь приближалась к Божеству, от Которого он отпал, но пожелал, чтобы и люди участвовали с ним в грехе и омрачении. И сей завистник изринул из рая вожделевших иметь равную Божией славу.

Так он за превозношение низринут с своего небесного круга; но ниспал не один. И поскольку погубила его дерзость; то увлек в падение многих, именно, всех, кого научил греху, как

злоумышленник, склонивший к измене царское воинство; увлек – из зависти к богомудрому сонму Царяющего в горних и из желания царствовать над многими злыми. С тех пор явились во множестве надземные злобы, демоны, последователи злого царя – человекоубийцы, немощные, темные, зловещие призраки ночи, лжецы, дерзкие, наставники в грехах, бродяги, винопийцы, смехолубцы, смехотворы, прорицатели, двуречивые, любители ссор, кровопийцы, преисподние, скрывающиеся, бесстыдные, учителя волшебства. Они, приходя, манят к себе и ненавидят тех, кто им отдается. Они вместе и ночь и свет, чтобы уловлять то явно, то обманом. Таково это воинство, таков и вождь!

Но Христос не истребил его единым движением воли, которым создал целый мир и которым мог бы погубить и его, если бы захотел; потому что трудно укрыться от разгневанного Бога. Однако же не оставил Он свободным врага моего, но попустил ему быть в одно время среди добрых и злых и воздвиг между ними жестокую взаимную брань, чтобы как враг подвергался здесь ужасному позору, сражаясь с теми, которые немощнее его, так подвизающиеся в добродетели всегда имели славу свою, очищаясь в жизни, как золото в горниле. Впоследствии же, может быть и скоро, когда вещество сгорит и наступит огненное воздаяние, понесет наказание сей неукротимый, много наперед смиренный в мучимых служителях своих. Ибо такова казнь породившему зло!

Сему научил меня Дух о светозарности ангельской, как первой, так и последней. Но и здесь она нашла меру. И эта мера – Бог. Поколику приближается кто к Царю, потоплику делается он светом, а с просветлением приобретает и славу.

Слово 7, о душе

Душа есть Божие дыхание, и, будучи небесною, она терпит смешение с перстным. Это свет, заключенный в пещере, однако ж божественный и неугасимый. Ибо образу великого Бога неприлично разрушиться бесславно, как разрушаются пресмыкающиеся и неразумные животные, – хотя грех и усиливался соделать его смертным.

Душа не естество истребительного огня; потому что пожирающему не свойственно одушевлять пожираемое. Она не естество воздуха, то выдыхаемого, то вдыхаемого и никогда не остающегося в покое. Она не кровавый ток, пробегающий в теле, даже не гармония составных частей тела, приводимых в единство; потому что не одно и то же естество плоти и бессмертной формы. Да и какое преимущество имели бы добродетельные пред самыми порочными, если растворение стихий сделало их или добрыми, или худыми? Почему и у бессловесных нет разумной природы (так как и у бессловесных есть гармония формы и смертной плоти)? По сему учению, тот и лучший, в ком есть благоустройство стихий. Но так рассуждали в том предположении, что одушевляющим должно признать то, с удалением чего и душа оставляет тело. Почему же не назовешь одушевляющим и пищу, без которой вовсе невозможно жить смертному; так как одно питание укрепляет?

Знаю и другое учение, которого никак не приму; потому что у меня не какая-нибудь общая, всем разделенная и по воздуху блуждающая душа. В противном случае, все бы и вдыхали и выдыхали одинаковую душу, и все те, которые живут на свете, испустив дух, пребывали бы в других живущих: потому что и естество воздуха в разные времена бывает разлито в разных вещах. А если душа есть нечто пребывающее; что она имела сама в себе, и что составляло мой зародыш – также живое существо в утробе рождающей, если меня (душу) привлекла она извне? И если предположишь, что рождающая есть мать многих детей; то должен вменить ей в честь то, что она издержала большее число душ.

И то не умных людей учение, а пустая книжная забава, будто бы душа постоянно меняет разные тела, каждое сообразно прежней жизни, доброй или худой, в награждение за добродетели или в некоторое наказание за грехи; они то облачают, то разоблачают неприличную душу, как человека в одежды; напрасно утруждая себя, вертя колесо злочестивого Иксиона (Мифический царь Иксион за нечестие был привязан в Тартаре к вечно вращающемуся огненному колесу. – Ред.), заставляют ее быть то зверем, то растением, то человеком, то птицею, то змеею, то псом, то рыбою, а иногда тем и другим по два раза, если так оборотится колесо. Где же этому конец? А я никогда не видывал мудрого зверя, имеющего дар слова, или говорящего терна. Ворона всегда болтлива; безгласная рыба всегда плавает в соленой влаге. Если же, как говорят и сами изобретатели сего пустого учения, будет душе еще последнее воздаяние, то она потерпит наказание или без плоти – и сие весьма удивительно, – или с плотию, – тогда которую из многих предашь огню? Всего же непонятнее, каким образом после того, как ты соединял меня с многими телами и эта связь сделала меня знающим многое, одно только избегло от моего ума, а именно: какую кожу носил я наперед, какую потом и во скольких умирал; потому что мой узоналагатель не столько богат был душами, сколько – мешками. Или и это было следствием долговременного скитания, что я впал в забвение прежней жизни?

Теперь выслушай наше превосходнейшее учение о душе. А мы постараемся усладить несколько песнь, начав ее так:

Было время, когда высокое Слово Ума, следуя великому Уму Отца, водрузило несуществовавший дотоле мир. Оно рекло, и совершилось все, что было Ему угодно. Но когда все это – земля, небо и море – составило мир, нужен стал зритель Премудрости – матери всего – и благоговейный царь земной. Тогда Слово рекло: «Пространное небо населяют уже чистые присноживущие служители, непорочные умы, добрые Ангелы, песнословцы, неумолчно воспевающие Мою славу. Но земля украшается одними неразумными животными. Потому угодно Мне создать такой род тварей, в котором бы заключалось то и

другое, род тварей, средних между смертными и бессмертными, разумного человека, который бы увеселился Моими делами, был мудрым таинником небесного, великим владыкою земли, новым Ангелом из персти, песнопевцем Моего могущества и Моего ума». Так рекло Слово и, взяв часть новосозданной земли, бессмертными руками составило мой образ и уделило ему Своей жизни; потому что послало в него дух, который есть струя невидимого Божества. Так из персти и дыхания создан человек – образ Бессмертного; потому что в обоих царствует естество ума. Посему, как земля, привязан я к здешней жизни, как частица Божественного, ношу на груди любовь к жизни будущей.

Так сопряжен был первородный человек; а впоследствии тело берется от плотей, душа же примешивается неведомым образом, привходя совне в перстный состав, как знает сие Соединивший, Который и в начале вдохнул ее и сопряг образ Свой с землею. А иной, пришедши на помощь моей песни, смело и следуя многим, присовокупит и следующее рассуждение. Как тело, первоначально растворенное в нас из персти, соделалось впоследствии потоком человеческих тел и от первоизданного корня не прекращается, в одном человеке заключая других; так и душа, вдохнутая Богом, с сего времени соприходит в образуемый состав человека, рождаясь вновь, из первоначального семени уделяемая многим и в смертных членах всегда сохраняя постоянный образ. Посему-то душа получает в удел умное господство. Но как в тонких трубах и сильное дыхание, даже весьма искусного человека, производит звуки слабые и нестройные, и когда даны ему в руки трубы широкого размера, тогда изливают они совершеннейший звук; так и душа, оказывающаяся бессильною в немощем составе, проявляется в составе укрепившемся и обнаруживает тогда весь ум.

Но поскольку нетленный Сын создал Своего человека с тем, чтобы он приобрел новую славу и, изменив в себе земное в последние дни, как бог, шествовал отсюда к Богу; то и не предоставил его собственной свободе и не связал его совершенно, но, вложив закон в его природу и напечатлев в

сердце добрые склонности, поставил среди вечноцветущаго рая, хотя в таком равновесии между добром и злом, что он мог по собственному выбору склониться к тому или другому, однако же чистым от греха и чуждым всякой двуличности. А рай, по моему рассуждению, есть небесная жизнь. В нем-то поставил Бог человека, чтобы он был неослабным делателем Божиих словес. Запретил же ему употребление одного растения, которое было совершеннее других, заключая в себе силу к полному различению добра и зла. Ибо совершенное хорошо для преуспевших, а не для начинающих. Последним оно столько же обременительно, сколько совершенная пища младенцу.

Но когда, по ухищрению завистливого человекоубийцы, вняв убедительности женского слова человек вкусил преждевременно сладкого плода и облекся в кожаные ризы – тяжелую плоть – и стал трупоносцем, потому что смертью Христос положил пределы греху; тогда исшел он из рая на землю, из которой был взят, и получил в удел многотрудную жизнь; а к драгоценному растению приставил Бог хранителем Свою пламенеющую ревность, чтобы какой Адам, подобно прежнему, не взошел внутрь преждевременно и прежде, нежели бежал пожирающей снеди сладкого древа, находясь еще во зле, не приблизился к древу жизни. Как увлеченный бурными волнами мореходец отнесен назад и потом, или отдав парус на волю легчайшему веянию, или с трудом на веслах, пускается снова в плавание, так и мы, далеко отплывшие от великого Бога, опять не без труда совершаем вожделенное плавание. И этот новонасажденный грех к злочастным людям перешел от прародителя; отсюда прозяб колос.

Слово 8, о заветах и о пришествии Христовом

Теперь вникни в значение двоякого закона, обнародованного под именем Ветхого и под именем Нового и данного сперва евреям, потому что они первые познали царствующего в горних Бога, а потом и всем концам земли. Ибо Бог-Всеведец управляет человеком, изрекая ему повеления непротиворечащие, как делает какой-нибудь несведущий ум, и неизменяющиеся, что ставится в вину даже смертным. Таково мое понятие о помощи возлюбившего нас Бога.

Злобный враг, после того как изверг из рая первого Адама, обольстив его вредоносным плодом человекоубийственного древа, подобно тому как поражают оружием воинство, в котором убит предводитель, старался и в детях Адамовых насадить зло и смерть. Он со злохитренным умыслением, отвлекая человека от небесного Бога, обратил его взоры на звездное небо, сияющее светозарными красотами, и на изображения людей умерших, какие соорудила любовь и ввела в славу баснь, сперва принятая с верою незложелательными друзьями, потом никем не уличенная во лжи, с течением же лет непрестанно приобретающая новую силу. И священный еврейский род погубил ум, не покорялся пророкам, которые жаловались, умоляли и непрестанно угрожали гневом Царя, а в прежние времена даже убивал их. Самые цари не имели страха Божия, но большею частию оказались злонравными; и при них не вовсе были оставлены рощи, высоты гор и кровавые жертвы демонам. За сие евреи навлекли на себя ревнивый гнев великого Бога и погибли; а вместо них вступил на путь я, чтобы, возбуждав в них соревнование, заставить и их возвратиться к благочестивой вере во Христа, после позднего раскаяния, когда насытятся скорбью о предпочтении им нововведенного народа, заступившего их место.

Но сие будет впоследствии. поскольку же евреи презрели закон; то род человеческий удостоен, наконец, следующей чести, по мановению бессмертного Отца и действием Сына,

Христос, когда увидел, что душепагубный грех истребил в человеческом теле все, что было заложено небесного, и хитрый змий царствует над людьми, тогда, для возвращения Себе Своего достояния не других помощников послал против болезни (потому что в великих страданиях слабое врачевство недостаточно), но Сам, истощив славу, какую имел, как безматерний Сын бессмертного Бога Отца, явился без отца необычайным для меня сыном, даже не необычайным, потому что произошел от меня; и Бессмертный, став смертным, пришел чрез Матерь-Деву, чтобы целому спасти целого человека. И поскольку чрез преступное вкушение пал целый Адам; то, по человеческим и вместе не человеческим законам, воплотившись в честной утробе Жены, не познавшей брака (о, чудо невероятное для немощнейших!), пришел Бог и вместе смертный, сочетавший воедино два естества – одно сокровенное и другое видимое для людей, и из которых одно было Бог, а другое родилось для нас в последок дней. В двух естествах единый есть Бог – мой Царь и Христос; потому что соединен с Божеством и из Божества стал человек, чтобы, явившись среди земнородных другим, новым Адамом, уврачевать прежнего Адама. Но Он явился, закрывшись отвсюду завесою, потому что иначе невозможно было бы приблизиться к моим немощам, и притом нужно было, чтобы змий, почитающий себя мудрым, приступив к Адаму, сверх чаяния встретил Бога и о крепость Его сокрушил свою злобу, как шумное море сокрушается о твердый утес. Когда же явился Христос, при Его рождении поколебались земля и небо. Небесный лик возгласил песнопения, а звезда с востока указывала путь волхвам – служителям новорожденного Царя, приносящим Ему дары.

Таково мое слово о новом рождении Христовом! Здесь нет ничего позорного; потому что позорен один грех. А во Христе не имеет места позорное; потому что Его создало Слово, а не от человеческого семени стал Он человеком. Но из плоти Пречистой невестной Матери, Которую предварительно очистил Дух, исшел самосозданный Человек; принял же очищение ради меня. Ибо и все законное исполнил, как думаю,

для того, чтобы воздать закону и награду, как воспитателю, и погребальную честь, как отменяемому.

Но когда явился Предреченный пресветлым светильником великого Света, предтечу в рождении, предтечу и в слове, вопиющим среди пустыни, что Христос мой есть Бог; тогда стал Он посредником двух народов, одного дальнего, другого ближнего (потому что был общим для них краеугольным камнем), и даровал смертным двоякое очищение: одно – вечного Духа, и им очистил во мне прежнее повреждение, рождаемое от плоти, другое – нашей крови (ибо своею называю ту кровь, которую истощил Христос Бог мой), искупление первородных немощей и избавление мира.

Если бы я был не человек изменяемый, а непреодолимый; то была бы нужна мне только заповедь великого Бога, и она бы меня украшала, спасала и вела к высокой славе. Но теперь не богом создал меня Бог, а поставил в равновесии удобопреклонным туда и сюда; потому и поддерживает меня многими опорами, из которых одною служит для людей благодать омовения. Как некогда еврейские дети спасались от погубления Христовою кровию и очищали праги (пороги. – Ред.) дверей, между тем как в одну ночь погибли все первородные Египта; так и это для меня есть печать избавляющего нас от зол Бога, и для младенцев только печать, а для возрастных врачевство и совершеннейшая божественная печать Христа Светодавца, чтобы, спасшись из глубины скорбей и облегчив несколько выю от бремени, обратил я стопы свои к жизни. Ибо и путник, отдохнув от утомления, воздвигает укрепленные в силах колена. Как общее всех достояние воздух, земля, широкое небо и все, что влечет за собою круг годовых времен; так общим достоянием человеков соделалась и спасительная купель.

Слово 9, о человеческой добродетели

Люблю я добродетель; однако ж это не научило меня тому, что такое добродетель и откуда она придет ко мне, который так много люблю ее. А неудовлетворенное желание мучит. Если добродетель есть чистый поток, не смешанный с водами, которые стекают со всякого места и от снегов и от дождей, то спрашиваю: кто находил ее на земле? Ибо всякий или имел в себе сердечную нечистоту, или принял ее в себя; между тем как влачит тяжелое тело и совне возмущается врагом нашей жизни, который омрачает и очерняет нас бездною. Да и не свойственно было бы мне, который сам не иное что, как отвердевший ток, и непрестанно влекусь потоком жизни, быть чем-то нетекучим. Если же добродетель не совершенно серебристый поток, но приемлет в себя и худшее и есть нестройная смесь, то скажи: как же она добродетель? По крайней мере, у меня немало трудится над этим быстрый ум. Снег по природе холоден и бел, а огонь – красноват и тепел. И они несоединимы между собою; а соединяемые насильно, скорее разрушаются, нежели входят в соединение. Как же к добродетели привзошло гнусное, унижающее во мне образ Божий; как к образу великого Бога прикоснулся злорадный грех, если я действительно бог и не напрасно хваюсь тем, что составляю Твое достояние, Боже? Слышу о прекрасной реке Алфее, что она протекает чрез горькое море, а сладкие воды ее (к удивлению!) не терпят вреда в продолжении сего течения. Но как для воздуха порча – туман и для телесных членов – болезнь; так для добродетели – наша греховная ночь.

Часто заносил я ногу, чтобы шествовать к небу, но тяжкие и снедающие сердце заботы низлагали меня на землю. Нередко также озарял меня пречистый свет Божества; но вдруг становилось предо мною облако, закрывало великое сияние и сокрушало дух мой тем, что свет убегал от приближавшегося к нему. Что значит эта несообщимость? Или смертному написан такой закон, чтобы я всегда томился желанием? Или это к моей же пользе, чтобы мне с трудом приобретать и с трудом

сохранять? Ибо то и прочно, над чем работал ум. Как хитрый зверь закрывает одни следы другими; так часто враг затмевал во мне способность различать доброе и злое, чтобы этою хитростию ввести в заблуждение ловца добродетели. Одно предписывает мне плоть, другое – заповедь; одно – Бог, другое – завистник; одно – время, другое – вечность. А я делаю, что ненавижу, услаждаюсь злом, и внутренне горьким, злорадным смехом смеюсь ужасной участи: для меня и гибель приятна. То я низок, то опять превыспрен. Сегодня отвращаюсь презорства, а наутро сам презритель. Как меняются времена, так меняюсь и я, подобно полипу, принимаю на себя цвет камней. Горячие проливаю слезы; но не выплакан с ними грех. Хотя иссяк их поток, однако же новыми преступлениями приготавливаю в себе другой; а средства врачевания мною отринуты. По плоти я девственник; но не знаю ясно девственник ли и в сердце. Стыд потупляет глаза, а ум бесстыдно подымлет их вверх. Зорек я на чужие грехи и близорук для своих. На словах я небесен, а сердцем прильпнул к земле. Спокоен я и тих; но едва подует хотя легкий ветер, вздымаюсь бурными волнами, и волнение не прекратится, пока не наступит тишина; а тогда не очень удивительно утихнуть и гневу.

Нередко и того, кто шел добрым путем с благими надеждами и простирался уже выше посредственной добродетели, вдруг низвергал с высоты губительный враг; и как будто восходил он по песку, который под нетвердой ногою катится назад. Снова простираюсь вверх и снова возвращаюсь назад с большим прежнего срамом. Всегда я в пути, всегда в великом страхе; и едва лишь сделаю несколько шагов вперед, тотчас следует падение. Долга моя жизнь, а не хотелось бы расстаться с жизнью. Желаю уврачевания; но уврачевание от меня далеко; потому что с продолжением дней собираю я больше грехов. Посему-то в нашем роде да будет непреложно известною следующая истина:

Первое, чистое естество – Троица, а потом ангельская природа; в-третьих же – я, человек, поставленный в равновесии между жизнью и болезненной смертью, я, которому предназначена величественная цель, но достигаемая с трудом,

если только, хотя несколько, отверста мною дверь греховной жизни; ибо такой подвиг предназначен Богом моему уму. И тот из нас совершеннейший, кто, среди многих зол носит в себе немногие кумиры греха, кто, при помощи великого Бога, храня в сердце пламенную любовь к добродетели, поспешает на высоту, а грех гонит от себя прочь, подобно тому, как ток реки, влившейся в другую быструю и мутную и неукротимую реку, хотя и смешивается с нею, однако же превосходством своей чистоты закрывает грязный её ток. Такова добродетель существа сложного; большее же совершенство предоставлено существам небесным. А ежели кто еще на земле увидел Бога или, восхитив отселе на небо тяжелую плоть, востек к Царю; то сие – Божий дар, Смертным же да будет положена мера!

Но вот вложу тебе в мысль и о том слово, как взойти на верх великой добродетели, которая одна – Чистому чистая жертва. Не думаю, что сие возможно здесь. Ибо здесь многослойный туман лежит на глазах. Вожделенно и то, если и вместе с сею жизнью оставлю многоплачевные грехи. Добродетель – не дар только великого Бога, почтившего Свой образ; потому что нужно и твое стремление. Она не произведение твоего только сердца; потому что потребна превосходнейшая сила. Хотя и очень остро мое зрение, однако же видит зримые предметы не само собою и не без великого светила, которое освещает мои глаза и само видимо для глаз. И к преуспению моему нужны две доли от великого Бога, именно: первая и последняя, а также одна доля и от меня. Бог сотворил меня восприимчивым к добру, Бог подает мне и силу, а в середине я – текущий на поприще. Я не очень легок на ногу, но не без надежды на награду напрягаю свои мышцы в бегу; потому что Христос – мое дыхание, моя сила, мое чудное богатство. Он соделывает меня и зорким, и доброшественным. А без Него все мы – смертные игральща суеты, живые мертвецы, смердящие грехами. Ты не видывал, чтобы птица летала, где нет воздуха, чтобы дельфин плавал, где нет воды; так и человек без Христа не заносит вверх ноги.

Не думай о себе слишком высоко и не полагайся на свой ум, хотя ты и очень велемудр. Если и видишь кого ниже себя; не

превозносись, как всех превзошедший и находящийся близко к цели. Тот не достиг еще цели, кто не увидел предела своего пути. Много надобно иметь страха, но не должно приходить и в излишнюю робость. Высота низлагает на землю, надежда возносит к небу; а на великую гордыню гневается Бог. За иное можешь взяться руками, иного касайся только надеждой; а от иного вовсе откажись. И то признак целомудрия – знать меру своей жизни. Равно для тебя худо – и отложить благую надежду, и возыметь слишком смелую мысль, что не трудно быть совершенным. В том и другом случае твой ум стоит на худой дороге. Всегда старайся, чтобы стрела твоя попадала в самую цель, смотри, чтобы не залететь тебе далее заповеди великого Христа, остерегайся и не вполне исполнить заповедь; в обоих случаях цель достигнута. И излишество бывает часто бесполезно, когда, желая новой славы, напрягаем стрелу сверх меры.

Если будешь много о себе думать, то напомним тебе, откуда пришел ты в жизнь, чем был прежде, чем – когда лежал в матерней утробе, и чем будешь впоследствии, а именно: прахом и снедию червей; потому что принесешь с собою к мертвецам не более, как и самый немощный. А если будешь низко о себе думать, то напомним тебе, что ты Христова тварь, Христово дыхание, Христова честная часть, а потому вместе небесный и земной, приснопамятное творение – созданный бог, чрез Христовы страдания шествующий в нетленную славу. Посему не угождай плоти, чтобы не полюбить до излишества настоящую жизнь. Но старайся соорудить прекраснейший храм; потому что человек есть храм великого Бога. И тот сооружает себя в сей храм, кто отрешается от земли и непрестанно шествует к небу. И сей-то храм советую тебе охранять так, чтобы он благоухал от всех твоих дел и слов, чтобы всегда пребывал в нем Бог, чтобы он всегда был совершен, и притом существенно, а не наружно. Не раскрашенный, разноцветный и блещущий поддельными красотами корабль веда по морскому хребту, но крепко сколоченный гвоздями, удобный для плавания, искусно оснащенный руками художника и быстро движущийся по водам.

Пусть всякий простирается вперед, все же да держатся Бога; кто мудр, кто силен, кто богат или беден, все да емлются (держатся. – Ред.) за сию необманчивую опору! Здесь должно привязать челн свой всякому, особливо же мне, который сижу на высоком престоле и посредством жертв возвожу людей к небу, мне, которому, если в омраченном сердце обещаю Христа, в такой же мере угрожает скорбь, в какой предлежит добрая слава, если приближаюсь к Божеству. Ибо как по Божиим мерам отмеривается мера нашей жизни; так по мерам жизни отмеривается и Божия мера.

Так рассуждая, и здесь безбедно совершишь поприще жизни и после в тот день, когда разрешится сия примрачная жизнь, в добром сопровождении Самого Бога преселишься отсюда.

Слово 10, о человеческой природе

Вчера, сокрушенный своими скорбями, сидел я один вдали от людей, в тенистой роще, и снедался сердцем. В страданиях люблю я такое врачевство и охотно беседую наедине с своим сердцем. Ветерки жужжали и вместе с поющими птицами с древесных ветвей ниспосылали добрый сон даже и слишком изнемогшему духом. А на деревьях любимцы солнца, сладкозвучные кузнечики (цикады. – Ред.), из музыкальных гортаней оглашали весь лес своим щебетаньем. Неподалеку была прохладная вода и, тихо струясь по увлажненной ею роще, омывала мои ноги. Но мною так же сильно, как и прежде, владела скорбь. Ничто окружающее не развлекало меня; потому что мысль, когда обременена горестями, нигде не хочет встретить утешения. И я, увлекаемый кружением парящего ума, видел в себе такую борьбу противоположных помыслов.

Кто я был? Кто я теперь? И чем буду? – Ни я не знаю сего, ни тот, кто обильнее меня мудростью. Как покрытый облаком, блуждаю туда и сюда; даже и во сне не вижу, чего бы желал, потому что и низок, и погряз в заблуждениях всякий, на ком лежит темное облако дебелий плоти. Разве тот премудрее меня, кто больше других обольщен лживостью собственного сердца, готового дать ответ на все?

Я существую. Скажи: что это значит? Иная часть меня самого уже прошла, иное я теперь, а иным буду, если только буду. Я не что-либо непременно, но ток мутной реки, который непрестанно притекает и на минуту не стоит на месте. Чем же из этого (из того, чем я был, есть и буду) назовешь меня? Что наиболее, по-твоему, составляет мое я? – Объясни мне сие; и смотри, чтобы теперь этот самый я, который стою перед тобою, не ушел от тебя. Никогда не перейдешь в другой раз по тому же току реки, по которому переходил ты прежде. Никогда не увидишь человека таким же, каким видел ты его прежде.

Сперва заключался я в теле отца, потом приняла меня мать, но как нечто общее обоим; а потом стал я какая-то сомнительная плоть, что-то, не похожее на человека, срамное,

не имеющее вида, не обладающее ни словом, ни разумом; и матерняя утроба служила мне гробом. И вот мы от гроба до гроба живем для тления! Ибо в этой жизни, которую прохожу, вижу одну трату лет, которая мне приносит гибельную старость. А если там, как говорит Писание, примет меня вечная и нетленная жизнь, то скажи: настоящая жизнь, вопреки обыкновенному твоему мнению, не есть ли смерть, а смерть не будет ли для тебя жизнью?

Еще не родился я в жизнь. Для чего же крушусь при виде бедствий, как нечто, приведенное в свой состав? Это одно и непреложно для существ однодневных; это одно для меня сродно, непоколебимо, не стареется, после того как, вышед из недр матери, пролил я первую слезу, прежде нежели коснулся жизни, оплакав все те бедствия, с которыми должен встретиться. Говорят, что есть страна, подобная древнему Криту, в которой нет диких зверей, и также есть страна, где неизвестны хладные снега. Но из смертных никто еще не хвалился тем, что он, не испытав тяжелых бедствий жизни, преселился отселе. Бессилие, нищета, рождение, смерть, вражда, злые люди – эти звери моря и суши, все скорби – вот жизнь! И как много я видел напастей, и напастей ничем не услажденных; так не видал ни одного блага, которое бы совершенно изъято было от скорби, с тех пор как пагубное вкушение и зависть противника заклеили меня горькою опалой.

К тебе обращаюсь, плоть, к тебе, столько неисцельной, к тебе – льстивому моему врагу и противнику, никогда не прекращающему нападений. Ты злобно ласкающийся зверь, ты (что всего страннее) охлаждающий огонь. И великое было бы чудо, если бы напоследок и ты сделалась когда-нибудь ко мне благорасположенною!

И ты, душа моя (пусть и тебе сказано будет приличное слово), кто, откуда и что такое? Кто сделал тебя трупоносицею, кто твердыми узами привязал к жизни, кто заставил непрестанно тяготеть к земле? Как ты, дух, смесилась с дебелистью, ты, ум, сопряглась с плотию, ты, легкая, сложилась с тяготою? Ибо все это противоположно и противоборствует

одно другому. Если ты вступила в жизнь, будучи посеяна вместе с плотию, то сколько пагубно для меня такое сопряжение! Я образ Божий и родился сыном срама, со стыдом должен матерью своего достоинства наименовать похотение; потому что началом моего прозябания было истекшее семя, и оно сотлело, потом стало человеком, и вскоре будет не человеком, но прахом – таковы последние мои надежды! А если ты, душа моя, что-нибудь небесное, то желательно знать, откуда ведешь начало? И если ты Божие дыхание и Божий жребий, как сама думаешь, то отложи неправду, и тогда поверю тебе; потому что в чистом несвойственно быть и малой скверне. Тьма – не доля солнца, и светлый дух никогда не был порождением духа лукавого. Как же ты возмущаешься столько от приражений губительного велиара, хотя и сопряжена с небесным духом? Если и при такой помощи клонишься ты к земле, то, увы! увы! сколь многомогущен твой губительный грех! А если ты во мне не от Бога, то какая твоя природа? Как страшно, не надмеваюсь ли напрасно славой!

Божие создание, рай, эдем, слава, надежда, заповедь, дождь – истребитель мира, дождь – огонь с небеси, а потом закон – писанное врачевство, а потом Христос, соединивший Свой образ с нашим, чтобы и моим страданиям подал помощь страждущий Бог и соделал меня богом через Свое человечество... Но мое сердце ничем не приводится в чувство. В самоубийственном исступлении, подобно вепрям, напираем мы на меч, Какое же благо жизни? – Божий свет. Но и его преграждает мне завистливая и ужасная тьма. Ни в чем не имею преимущества, если только не преимуществуют предо мною злые. О, если бы при больших трудах иметь мне равную с ними долю! Я повержен в изнеможение, поражен Божиим страхом, сокрушен дневными и ночными заботами. Этот высококыйный и поползновенный гонит меня сзади, наступил на меня пятою. Говори ты мне о всех страхованиях, о мрачном тартаре, о пламенеющих бичах, о демонах – истязателях наших душ. – Для злых все это баснь! Для них всего лучше то, что под ногами. Их нимало не приводит в разум угрожающее мучение. Лучше было бы беззаконникам остаться впоследствии

ненаказанными, нежели мне ныне сокрушаться о бедствиях греха.

Но что говорить о людях? К чему так подробно описывать скорби нашего рода? Все имеет свои горести. И земля не непоколебима; и ее приводит в содрогание ветер. Времена года стремительно уступают место одно другому. Ночь гонит день, буря помрачает воздух; солнце затмевает красоту звезд, а облако – красоту солнца. Луна возрождается вновь. Звездное небо видимо только вполнолуние. И ты, денница, был некогда в ангельских ликах, а теперь, ненавистный, со стыдом спал с неба!

Умилосердись надо мною, царственная, досточтимая Троица! и Ты не вовсе избегла от языка безрассудных однодневных тварей! Сперва Отец, потом великий Сын, а потом Дух великого Бога были предметом хулы!

К чему приведешь ты меня, зломудренный язык? Где прекратятся мои заботы? Остановись. Все ниже Бога, Покорствуй Слову. Не напрасно (возобновлю опять песнь) сотворил меня Бог. От нашего малодушия такая мысль. Теперь мрак, а потом дастся разум, и все уразумеешь, когда будешь или созерцать Бога, или гореть в огне.

Как скоро воспел мне сие любезный ум, утолилась моя скорбь. Поздно пришел я домой из тенистой рощи, и иногда смеюсь над рассуждающими иначе, а иногда, если ум в борьбе с самим собою, томлю скорбию сердце.

Слово 11, о малоценности внешнего человека и о суете настоящего

Кто я был? Кто я теперь? И чем буду по прошествии недолгого времени? Куда приведешь и где поставишь, Бессмертный, великую тварь, ежели есть великое между тварями? А по моему мнению, мы ничего не значащие однодневные твари и напрасно поднимаем высоко брови, ежели в нас то одно и есть, что видят люди, и ничего не имеем мы, кроме гибнущей жизни.

Телец, едва оставил недра рождающей – уже и скачет, и крепко сжимает сладкие сосцы, а на третьем году носит ярмо, влачит тяжелую колесницу и могучую выю влагает в крепкий навыйник. Пестровидный олень, едва из матерней утробы – и тотчас твердо становится на ноги подле своей матери, бежит от кровожадных псов и от быстрого коня, скрывается в чащах густого леса. Медведи, порода губительных вебрей, львы, равный в скорости ветру тигр и рыси, лишь в первый раз завидят железо – тотчас у них оцетинилась шерсть и с яростию бросаются они на сильных звероловов. Недавно еще покрытый перьями птенец, едва оперился – и высоко над гнездом кружится по просторному воздуху. Золотая пчела оставила только пещеру – и вот строит себе противоположную обитель и дом наполняет сладким плодом; а все это – труд одной весны, У всех у них готовая пища, всем пир дает земля. Не рассекают они ярого моря, не пахут земли; нет у них хранилищ, нет виночерпиев. И быстролетную птицу питают крылья, а зверей – дебри. Если и трудятся, то у них небольшая однодневная работа. А огромный лев, как слышал я, растерзав зверя, им умерщвленного, гнушается остатками своего пира. Притом сказывают, что он, попеременно, в один день вкушает пищу, а в другой одним питием прохлаждает жадную гортань, чтобы приучить к воздержности чрево. Так жизнь их не обременена трудами. Под камнем или ветвями всегда готовый у них дом. Они здоровы, сильны, красивы. Когда же смирит болезнь, беспечально испускают последнее дыхание, не сопровождают

друг друга плачевными песнями и друзья не рвут на себе волос. Скажу еще более: они бестрепетно теряют жизнь; и зверь, умирая, не боится никакого зла.

Посмотри же на жалкий человеческий род; тогда и сам скажешь с стихотворцем: «Нет ничего немощнее человека» (Гомер. Одиссея. Песнь 18, ст. 130). Я плод истекшего семени; с болезнями родила меня мать, и вскормлен я с великими и тяжкими трудами. Сперва мать носила меня в объятиях – сладостный труд! – а потом не без болезненных воплей сошел я на землю; потом стал ходить по земле, как четвероногий, пока не поднялся на колеблющиеся ступни, поддерживаемый чужими руками. Со временем в намеках немотствующего голоса проблеснул мой ум. А потом уже под руководством других я выплакал себе слово. В двадцать лет собрался я с силами, но прежде сего, как подвизавшийся на поприще, встретил много поражений. Иное остается при мне, другое для меня погибло, а над иным (да будет известно тебе, душа моя!) будешь еще трудиться, проходя жизнь – это стремление, во всем тебе противное, этот дикий поток, это волнующееся море, то здесь, то там вскипающее от непрестанных порывов ветра. Часто обуреваюсь собственным своим безрассудством; а оно навел на меня противник нашей жизни – демон.

Если верно уставишь весы и взвесишь все, что в жизни приятного и что прискорбного, то одна чаша, до верха нагруженная злом, пойдет к земле, а другая, напротив, с благами жизни, побежит вверх. Война, море, возделывание земли, труд, разбойники, приобретение имущества, описи имений, сборщики податей, ходатаи по делам, записи, судьи, неправдивый начальник – все это еще детские игрушки в многотрудной жизни. Посмотри и на приятность жизни: пресыщение, обременение, пение, смехи, гроб, всегда наполненный сотлевшими мертвецами; брачные дары, брак, брак второй, если расторгся прежний, прелюбодеи, поимка прелюбодеев; дети – тревожная скорбь; красота – неверная приманка; безобразие – невинное зло; заботы о добрых детях, печаль о худых; богатство и нищета – сугубое зло; презорство,

гордость – все это как шар, летающий из рук в руки у молодых людей.

Итак, смотря на сие, снедаюсь сердцем, если почитают лучшим то, в чем больше зла, нежели добра. Не плачешь ли, слыша, сколько было скорбей у живших до нас? Впрочем, не знаю, будешь ли ты при этом плакать или смеяться. Мудрецы древности находили для себя приличным и то, и другое; и у одного из них извлекало слезы, а в другом возбуждало смех, что Трояне и Ахеи, друг на друга бросаясь, бились и взаимно себя истребляли за прелюбодейную жену; что брань была у Куретов и у браннолюбивых Этолян за свиную голову и за щетину молодого кабана; что Эаковы сыны, при всей великой славе, умерли, один среди врагов от неистовой руки, а другой от женолюбия; что именит был Амфитрионов сын (Геракл. – Ред.), но и этот, всеразящий, погиб от ядоносной одежды. Не избежали злой участи и Киря, и Крезы, а равно и наши, как будто вчерашние только, цари. И тебя, почитавшийся сыном змия, неудержимая сила – Александр, погубило вино, когда обошел ты целую землю! Какое преимущество между согнившими? Тот же прах, те же кости – и герой Атрид, и нищий Ир, царь Константин и мой служитель; и кто злострадал, и кто благоденствовал, у всех нет ничего, кроме гроба.

Такова здешняя участь; но что же в другой жизни? Кто скажет, что приносит неправедным последний день? Там kloкочущий пламень, ужасная тьма удалившимся от света, червь – всегдашнее памятование наших грехов. Лучше бы тебе, грешник, не вступать во врата жизни, и если вступил, всему разрушиться наравне со зверями; чем после того, как терпишь здесь столько скорбей, понести еще наказание, которое тяжелее всего, претерпеваемого тобою в здешней жизни! Где великая слава моего прародителя? – Погублена снедию. Где премудрый Соломон? – Покорен женами. Где этот Иуда, сопричисленный к двенадцати? – За малую корысть объят тьмою.

Молю Тебя, Царь мой Христос: подай, Блаженный, Твоему служителю немедленное исцеление от зол, преселив его отселе! Для людей одно только благо, и благо прочное – это небесные надежды. Ими дышу я несколько; а к прочим благам

чувствую великое отвращение. И я готов предоставить существам однодневным все то, что влачится по земле: отечество и чужую сторону, престолы и сопряженные с ними почести, близких, чужих, благочестивых, порочных, откровенных, скрытных, смотрящих независтливым оком, снедаемых внутренне самоубийственным грехом. Другим уступаю приятности жизни; а сам охотно их избегну.

О, как продолжительною сделали жизнь эту бедствия! – Долго ли мне сидеть у гноища? Как будто все блага нашей жизни заключены в одном утешении – изо дня в день то принимать в себя, то извергать отмеренное. Не многим пользуется гортань; а все прочее переходит в сток нечистот. Еще зима, еще лето; то весна, то осень попеременно; дни и ночи – двойные призраки жизни; небо, воздух, море – во всем этом, и что неподвижно, и что вращается, ничего для меня нет нового, всем я пресыщен. Другую даруй мне жизнь и другой мир, для которого охотно понесу все тяжести трудов. Лучше бы мне умереть, когда заключил Ты меня в матернюю утробу; ибо как скоро начал я жизнь, моим уделом стали тьма и слезы.

Что это за жизнь? – Воспрянув из гроба, иду к другому гробу и, восстав из могилы, буду погребен в нещадном огне. Да и это время, пока дышу, есть быстрый поток бегущей реки, в которой непрестанно одно уходит, другое приходит, и ничего нет постоянного. Здесь все один прах, который закидывает мне глаза, и я дальше отпадаю от Божия света, ощупью, по стене, хватаясь за то и другое, брожу вне великой жизни. Отважусь на одно правдивое слово: человек есть Божия игра, подобная одной из тех, какие видим в городах. Сверху надета личина, которую сделали руки; когда же она снята, каменею от стыда, явившись вдруг иным. Такова вся жизнь жалких смертных. У них на сердце лежит мечтательная надежда, но тешатся ею недолго.

А я, который емлюсь за Христа, никогда не отрешусь от Него, пока связан узами сей перстной жизни. Во мне двоякая природа. Тело сотворено из земли, потому и преклонно к свойственной ей персти. А душа есть Божие дыхание, и всегда желает иметь лучшую участь пренебесных. Как поток течет из

источника по ровному месту, а пламенеющий огонь знает один неизменный путь – возноситься вверх, так и человек велик; он даже Ангел, когда, подобно змее, совлекши с себя пестровидную старость, восходит отселе. Торжествуйте иереи, я умер! И вы, злые соседи, не придете уже от меня в трепет, как прежде! Вы сами себе заграждаете великое милосердие присноживущего Царя. А я, оставив все, имею одно – крест, светлый столп моей жизни. Когда же я буду восхищен отселе и коснусь пренебесных жертв, к которым не приближается скрытое зло – зависть; тогда (если позволено сказать) и за завистливых буду беззавистно молиться.

Кто я? Откуда пришел в жизнь? И после того, как земля примет меня в свои недра, каким явлюсь из восставшего праха? Где поставит меня великий Бог? И, исхитив отселе, введет ли в покойную пристань? Много путей многобедственной жизни, и на каждом встречаются свои скорби; нет добра для людей, к которому бы не примешивалось зло; и хорошо еще, если бы горести не составляли большей меры! Богатство неверно; престол – кичение сновидца; быть в подчинении тягостно; бедность – узы; красота – кратковременный блеск молнии; молодость – временное воскипение; седина – скорбный закат жизни; слова летучи; слава – воздух; благородство – старая кровь; сила – достояние и дикого вепря; пресыщение – нагло; супружество – иго; многочадие – необходимая забота; бесчадие – болезнь; народные собрания – училище пороков; недеятельность расслабляет; художества приличны пресмыкающимся по земле; чужой хлеб горек; возделывать землю трудно; большая часть мореплавателей погибли; отечество – собственная яма; чужая сторона – укоризна. Смертным все трудно; все здешнее – смех, пух, тень, призрак, роса, дуновение, перо, пар, сон, волна, поток, след корабля, ветер, прах, круг, вечно кружащийся, возобновляющий все, подобное прежнему, и неподвижный и вертящийся, и разрушающийся и неперемный – во временах года, днях, ночах, трудах, смертях, заботах, забавах, болезнях, падениях, успехах.

И это дело Твоей премудрости, Родитель и Слово, что все непостоянно, чтобы мы сохраняли в себе любовь к постоянному! Все обтек я на крылах ума – и древнее и новое; и ничего нет немощее смертных. Одно только прекрасно и прочно для человека: взяв крест, преселяться отселе. Прекрасны слезы и воздыхания, ум, питающийся божественными надеждами, и озарение пренебесной Троицы, вступающей в общение с очищенными. Прекрасны отрешение от неразумной персти, нарастание образа, приятого нами от Бога. Прекрасно жить жизнью чуждой жизни и, один мир променяв на другой, терпеливо переносить все горести.

Слово 12, блаженства и определения духовной жизни

Блажен, кто ведет пустынную жизнь, не имеет общения с привязанными к земле, но обожил свой ум.

Блажен, кто в общении со многими не развлекается многим, но преселил к Богу всецелое сердце.

Блажен, кто вместо всех стяжаний приобрел Христа, у кого одно стяжание – крест, который и несет он высоко.

Блажен, кто господин своих чистых от неправды стяжаний и подает нуждающимся божескую руку.

Блаженна жизнь счастливых девственников, которые, отрясши плоть, близки к чистому Божеству.

Блажен, кто, уступив немного законам брака, приносит в дар Христу большую часть любви.

Блажен, кто, восприяв на себя власть над народом, чистыми и великими жертвами примиряет Христа с земнородными.

Блажен, кто, принадлежа к стаду, занимает место между пасомыми, как совершеннейшая овца Христова.

Блажен, кто в высоких парениях очищенного ума видит светозарность небесных светов.

Блажен, кто многотрудными руками чтит царя и для многих служит законом жизни.

Все они наполняют собою небесные точила -эти вместилища для плода наших душ, хотя каждая добродетель ведет в особое место; потому что много обителей для многих родов жизни.

Блажен, кто показал великий дух, обнищавший страстями, кто проводит здешнюю жизнь в слезах, кто всегда алчет небесной снеди, кто чрез кротость делает себя наследником великих обетовании, кто своею сострадательностью привлекает к себе великое Божие милосердие, кто друг мира и чист сердцем, кто терпит великие скорби ради Христа – Великой Славы – и сам идет во сретение великой славе.

Иди какою хочешь из этих стезею. Если пойдешь всеми – это всего лучше. Если пойдешь немногими – второй тебе венец. А если пойдешь и одною, но превосходною – и то приятно. Всем уготованы обители по достоинству – и совершеннейшим и менее совершенным.

И Раав неблагочинную вела жизнь, но и ту соделала славною через свое превосходное страннолюбие. Мытарь за одно – за смиренномудрие – получил преимущество пред фарисеем, который много превозносился. Лучше девственная жизнь – подлинно лучше! – но если она предана миру и земному, то хуже супружества. Высока жизнь целомудренных нестяжателей, привитающих (обитающих. – Ред.) в горах; но гордость и их низлагала неоднократно; потому что они, не измеряя своей добродетели другими совершеннейшими образцами, иногда в сердце своем именуют высотой, что не высоко, а нередко, при пламенеющем уме, ноги, как горячие кони, несут их далее цели. Посему, или на легких крылах несись все выше и выше, или, оставаясь внизу, совершай безопасное течение, не страшась, что какая-нибудь тяжесть преклонит крылья твои к земле и ты, вознесшись, падешь жалким падением.

Малый корабль, скрепленный частыми гвоздями, поднимает больше груза, нежели большой корабль, худо связанный. Тесный путь устроен к Божиим вратам; но многие стези выводят на одну дорогу. Пусть одни идут тою, а другие – другою стезею, какую кому указывает природа, только бы всякий вступил на тесный путь. Не всем равно приятна одна снедь; и христианам приличен не один образ жизни.

Для всех превосходны слезы, бдения и труды. Для всех хорошо обуздывать ярость беспокойных страстей, преодолевать неводержимость, подкланяться под державную руку Христову и трепетать грядущего дня (Суда по всеобщем воскресении). Если же идешь совершенно горним путем; ты уже не смертный, но, по Григориеву слову, один из небожителей.

Поклялся я Самим Словом, Которое для меня есть высочайший Бог, Начало от Начала – от бессмертного Отца, Образ Первообраза, естество, равное Отчему, Бог, пришедший

с небес и вступивший в человеческую жизнь, – поклялся я: ни умом, замыслившим вражду, не унижать Великий Ум, ни чуждым словом – Слово. А если бы, последовав внушениям богоборных времен, стал я рассекать Божество Пресветлой Троицы; если бы мой ум обольстился высоким престолом или подал я руку искательству других; если бы предпочел я Богу смертного помощника, привязав корабль свой к хрупкому камню; если бы в счастьях возгордился я сердцем или опять, встретившись с напастями, уныл духом; если бы стал я судить суд, уклонившись сколько-нибудь от закона; если бы человеческой гордости отдал я предпочтение пред преподобными; если бы, видя, как злые наслаждаются тишиною, а добрые разбиваются об утесы, уклонился я от правого пути; если бы зависть иссушила мое сердце; если бы посмеялся я падению других, хотя и не святых, как будто бы сам стою неподвижною ногою; если бы от умножившейся желчи пал мой ум; если бы язык побежал без узды и похотливое око увлекло за собою сердце; если бы возненавидел я кого напрасно; если бы коварно или явно стал я мстить своему врагу; если бы отпустил я от себя нищего с пустыми руками или с сердцем, жаждущим небесного слова; то Христос да будет милосерд к другому, а не ко мне; мои же труды, до самой седины, да развевает ветер!

Такими законами связал я жизнь свою. А если в желаемом достигну конца, то по Твоей благодати, Нетленный!

Стихи о самом себе, в которых св. Богослов скрытым образом поощряет и нас к жизни во Христе

Царь мой, Христос! Ты чистыми дланями служителя Твоего Моисея, крестообразно вздетыми на горе, низложил некогда губительную силу Амалика. Ты простертыми руками Даниила связал во рве страшные пасти львов и ужасные острия их когтей. Через Тебя, молящийся и во утробе зверя простирающий руки Иона, исшел из великого кита; и в ассирийском пламени трех мужественных юношей, как скоро воздвигли они длани, покрыло росоносное облако. Ты сам некогда ходил по кипящему морю, усмирял волны и силу ветров, извлекал из моря обуреваемых ветрами учеников; Ты разрешал от болезней и души, и телесные составы многих; как Бог, принявший на Себя естество человеческое, вступал в общение со смертными. И Богом был Ты от века, человеком же явился нам напоследок, чтобы после того, как Сам Ты стал человеком, меня сделать богом. Будь и ко мне милосердным Богом, Блаженный, и спаси меня! Будь и ко мне милосердным Богом, и прийди к зовущему прийди, милосердый Боже, подай мне руку и спаси меня, который стражду от брани, от зверей, от пламени, от ветров, и на небо только возвожу взоры! Ибо для меня и зверями, и свирепой волной моря, и плачевной бранью, и стремлением палящего огня – всем бывают злые люди, губители моей жизни, люди, которые всего более ненавидят любящих Бога, не боясь суда, угрожающего им впоследствии, не уважая и людей, отвращающихся от злочестивца. От них огради меня, Христе, и милостиво соблюди, покрыв Своими крылами! Удали от служителя Твоего, Царь, обременительные бедствия; да не возмущают ума моего такие заботы, какие мир и царствующий в мире возбуждают в жалких смертных, как ржа железо, уничтожая в них боговидный образ и лучшую часть человека обращая в нечто сродное плоти, чтобы не душа восторгала горе тяготеющую к земле плоть, но плоть низлагала

на землю крылатую душу, оплодотворив злосчастную плотскими делами!

Для смертных двое есть врата страшной смерти. Одни источают из сердца мутный поток греха; у них всегда на уме дела вредоносные: плотоугодие, оскорбительная наглость, губительные замыслы; они, возлюбив свою участь и сами себя поощряя на всякое преступление, услаждаются грехом. Другие же чистыми очами ума видят Бога, отвращаются от наглости – этого порождения бесстыдного мира, живут без скорбей под сению плоти, ускоренными стопами попирают землю, с легкостью следуя за зовущим Богом и Духом, и воссияют впоследствии, как тайники сокровенной жизни Царя Христа, когда она явится в мире. Но и они, будучи данниками нужды, искушаются худыми терниями жизни, а злобный демон – враг для немощных смертных – измыслил из этого тысячи жал смерти, часто под благовидной личиной скрывая жалкую пагубу, чтобы уловить противоборствующего; он так же готовит гибельный конец людям, как уда в воде приносит смерть рыбам, которые, желая жизни, но поглощая только собственную свою пагубу, неожиданно привлекают уду в свою внутренность. И ко мне этот коварный, так как знал я, что он тьма, облекшись в прекрасную наружность, приступал в подобии света в надежде, что и я, возлюбивший добродетель, приближусь к пороку, когда и мой легкий ум увлечется в пагубу.

Меня не связало супружество – этот поток жизни, эти узы, тягчайшие из всех, какие налагает на людей вещество, как начало трудов. Меня не пленили прекрасные волны шелковых одежд; не любил я продолжительных трапез, не любил пресыщать прожорливое чрево – эту погибельную мать плотоугодия; не любил я жить в огромных и великолепных домах; не расслаблял я сердца музыкальными звуками, нежно потрясающими слух; меня не упоило негой роскошное испарение благовонных мазей. И серебро, и золото предоставлял я другим, которые, сидя над несметным богатством, любят предаваться заботам и немного находят для себя услаждения, но много труда. Для меня приятен кусок хлеба, у меня сладкая приправа – соль; а стол приготовлен без

трудов, и питье трезвенное – вода. Мое лучшее богатство – Христос, Который непрестанно возносит ум мой ввысь, а не поля, засеянные пшеницею, не прекрасные рощи, не стада волов или тучных овец, не дорогие служители – один со мной род, но отделенный от меня древним мучительством, которое на рожденных одной землею (землею, или Богом) наложило двоякое именование – благородства и рабства, что подтвердил и недобрый закон. Ни к чему не нужны мне ничтожная честь, которая проходит скорее разливающегося дыхания, и скорогибнущая слава; не важно для меня получить от царя награды при Дворе; никогда не обольщало меня желание судейского места, на котором, заседаая величаво, мог бы я высоко поднять вверх брови; неважно для меня иметь могущество в городах или между гражданами, предаваться самым лживым и ничтожным грезам, которые как приходят одна за другой, так и улетают, или хватать руками мимотекущий поток, как нечто твердое, ловить тень и сжимать ее руками, простирать длани к туману и осязать его. Таков человеческий род, таково и человеческое счастье: оно подобно самым не приметным следам корабля, которые нарезаются спереди и исчезают сзади! Одна слава была для меня приятна: отличаться познаниями, какие собрали Восток и Запад, и краса Эллады – Афины; над этим я трудился много и долгое время. Но и сии познания, повергнув долу, положил я к стопам Христовым, чтобы они уступили Слову великого Бога, Которое затмевает Собою всякую витиеватость и многообразное слово ума человеческого.

Но, избежав иного, не избежал я невероятного – вражды неприязненного, который с лицом дружелюбным строит мне козни. Откровенно поведаю всем мое бедствие, чтобы другие могли спастись от ухищрений пресмыкающегося зверя.

Ухаживая за родителями, которые обременены были старостью и жестокой скорбью, потому что из детей остался у них я один – слабая надежда, небольшое мерцание уже несуществующего великого светила, – ухаживая за родителями, думал я исполнить угодное Тебе и законам Твоим, Царь мой Христос; потому что Ты, Блаженный, даруешь детей смертным,

чтобы имели в них помощь и ими, как жезлом, подпирали дрожащие члены. А из всех, которые чтут Тебя, мои родители особенно заботятся о благочестии, избегнув опасности скорбной жизни, они привязали корабль свой к Твоим чистым заповедям. Ты для них начало и конец. Мать моя, наследовав от отцов богоугодную Веру, и на детей своих наложила золотую сию цепь. В женском образе нося мужественное сердце, она для того только касается земли и заботится о мире, чтобы все, и даже самую здешнюю жизнь, преселить в жизнь небесную, и на легких крылах воспарить ввысь. А родитель прежде, служа идолам, был дикой маслиной, но привился к стеблю маслины доброй и столько принял в себя соков благородного корня, что закрыл собой дерево, и многих напитал медоточными плодами, он сед волосами и вместе сед умом, приветлив, сладкоречив, это новый Моисей или Аарон, посредник между людьми и небесным Богом; непорочный внутренне, чистыми тайноводствами и нашими жертвами, какие закаляет ум, приводит он в общение смертных и великого бессмертного Бога. От такого родителя и от такой матери произошел я. Соревноваться им невозможно; а что соревнуются они друг с другом, это не тревожит меня. Заботясь о них и облегчая их труды, питал я ум свой надеждами, что делаю самое полезное дело, исполняя долг природы.

Но несомненно, что путь нечестивых исполнен пагубы, потому что и из доброго произошло для меня злое. Непрестанные и тяжкие заботы, день и ночь сная душу и тело, низводят меня с неба к матери моей – земле. Во-первых, управлять служителями – подлинная сеть пагубы. Жестоких владык они всегда ненавидят, а богобоязненных бесстыдно попирают; к злым неснисходительны, добрым неблагопокорны, но на тех и на других дышат неразумным гневом. А сверх того надобно заботиться об имуществе, всегда иметь на плечах кесарево бремя, переносить сильные угрозы сборщика податей, потому что подать, возрастая с именем, унижает для людей цену самой свободы, а на устах лежат узы. Надобно проводить время среди волнений многолюдного собрания, близ высоких седалищ, с которых решаются людские распри, надобно

выслушивать громкие возражения противника или по закону терпеть скорби в запутанных сетях. Вот бремя, вот труд! А злые берут преимущество перед добрыми; блюстители законов могут быть куплены той и другой стороной. И если злой имеет у себя больше достатка, то он и лучший. Кто же с такими людьми, без помощи Божией, избежит множества лжей и хитросплетений? Ибо необходимо или опрометью бежать и оставить все злым, или очернять свое сердце, подобно как приближающийся к этому дыханию истребительного огня носит на себе печальные знаки или пламени, или дыма. Но это еще сносно. Моя рана болезненнее. После того, как единокровный мой оставил жизнь, сколько я терпел и сколько надеюсь еще терпеть! Кто встретил неожиданные потери, тот не ожидает лучшего. При жизни брата и я имел некоторую славу у людей; богатство же или могущество никогда не волновало моего сердца. А как скоро он умер, один я терплю скорби и горести.

Из имения, каким владел брат, иное поглотила разверзшаяся земля, когда и сам он покрыт был развалинами Никеи, а иное демон предал расхищению руками негодных людей; только сам, заваленный обломками, избежал он смерти, потому что небесный Бог простер руку Свою над домом, в котором он находился. О, Кесарий мой – досточтимое имя – как утренняя звезда блистал ты тогда при дворе царском, занимая первое место по мудрости и кроткому нраву, имея у себя многих сильных друзей и товарищей; для многих изобретал ты лекарства от тяжких телесных недугов; многих своими благодеяниями избавлял от нищеты: но теперь ты умер и насытил многих псов, которые отовсюду обступили меня и лают; а из родных никто не помогает мне. Немногие меня любят, и те любят как враги; уважают, пока еще ничего не получили, а получив, ненавидят. Так с высокого развесистого дуба, порываемого усилиями ветра, и здесь и там, отовсюду вокруг похищаются ветви; так с обширного виноградника, у которого разрушена ограда, мимоходящие путники без милосердия собирают грозды, и единопасущийся в лесах вепрь наносит ему вред зубами. А мне – многослезный труд, нет сил в моей руке ни насытить, ни отогнать всех.

С тех пор, как в первый раз, отрешившись от житейского, предал я душу светлым небесным помыслам, и высокий ум, забрав меня отсюда, поставил далеко от плоти, скрыл в таинствах небесной скинии, осиял мои взоры светом Троицы, светозарнее Которой ничего не представляла мне мысль Троицы, которая с превознесенного престола изливает на всех общее и неизреченное сияние, Которая есть начало всего, что отделяется от превыспренного временем, с тех, говорю, пор я умер для мира, а мир умер для меня. Я – дышащий мертвец, мое могущество – кончившаяся греза; моя жизнь в ином мире: я воздыхаю под дебелой плотью, которую мудрые прекрасно называют мраком ума. Отрешившись от здешней жизни, от омрачающего зрения, от всего, что, пресмыкаясь по земле, блуждает и вводит в заблуждение, желаю чище приникнуть в постоянное, чтобы не в смеси (как обыкновенно доселе) с неясными образами, которыми зрение даже самого острого ума вводится в обман, но чистыми очами видеть саму истину. Впрочем, сие возможно впоследствии; а здешнее – ничего не стоящий дым или прах для того, кто эту жизнь обменял на жизнь великую, жизнь земную – на жизнь высшую, жизнь скоропреходящую – на жизнь постоянную.

За сие-то и напали на меня все, не хотят отойти от меня, спеша как на готовую добычу. Увы, увy, мой Кесарий! И ты – горсть праха, ты, который отражал от меня все беспокойства, давал мне возможность избегать всякого бремени, почитал брата, как не почитал никто другой, уважал меня, как иной уважает любимого отца!

Но я не столько сетую о потере имущества, которое желал сделать общим достоянием нуждающихся, потому что и сам я здесь иноземец и скиталец и все предоставляю руке Всевышнего – подательнице благ; не столько сетую об обиде, ненавистной всякому смертному, хотя она и кроткого человека всего скорее может привести в гнев; не столько сетую об единокровных, которых скрывает от меня гроб, похитив преждевременно, когда они возбуждали удивление всех земнородных, сколько плачу о душе своей, ибо вижу, что эта прекрасная и великая царица, дочь благородных Царей,

изнемогает под тяжестью неразрешимых оков. Враги пленили ее силой оружия, подвергли трудному рабству; и она потупляет в землю печальные очи. Таково мое страдание; вот рана, которую ношу в сердце!

Есть древнее сказание, что если злая ехидна наложит зубы и нанесет губительную рану, уязвленный тому только охотно пересказывает о сем, в кого безжалостная ехидна со своим палящим ядом влила ту же пагубу, потому что такой только человек знает нетерпимость боли. Так и я поведаю о своем мучении только тем, у кого одинаковая со мной любовь, одинаковое страдание и подобная скорбь. Тот только примет рассказ мой с любовью, пожелает знать лучшие тайны слезящего сердца, кто, возжелав поднять на рамена бремя креста и имея свою часть в огороде великого Царя, предпочитает путь прямой и сострадателен к падшим. Но я возбудил бы смех, рассказывая о своих горестях другим, особенно, в ком вера слегка напечатлелась на поверхности сердца, в чью внутренность не проникла крепкая любовь к Царю, кто живет на земле, помышляя единственно о том, что однодневно. Но да погибнут такие люди, потому что на всех: и на добрых, и на злых – равно изощряют они язык – эту уготованную стрелу!

А я не прекращу сетования, пока не избегнул плачевного порабощения греху, пока ключом ума не замкнул безумных страстей, которым жестокий сатана отверз ныне все входы, хотя они не имели ко мне доступа прежде, когда покрывала меня Божия рука и грех не имел поблизости такого вещества, которое бы легко и скоро воспламенялось, как солома от приближения огня не только возгорается, но раздуваемая ветром, образует высокий пламенный столп.

Мне надлежало бы прежде всего укрыть плоть свою в пропастях, горах и утесах; там, бегая от всего, от самой сей жизни, от всех житейских и плотских забот, живя один вдали от людей, носил бы я в сердце всецелого Христа, к единому Богу вознося чистый ум, пока не облегчила бы меня смерть, наступив вместе с исполнением надежд. Так надлежало бы! Но меня удержала любовь к милым родителям; она, как груз, влекла

меня к земле; даже не столько любовь, сколько жалость – эта приятнейшая из всех страстей, проникающая всю внутренность и все составы костей, жалость к богоподобной седине, жалость к скорби, жалость к бесчадию, жалость к заботливости о сыне, с какой, непрестанно предаваясь сладостным трудам, трепещут за него, как за глаз своей жизни и как за обремененного печалью. Предметом его занятий были прежде книги, которые Дух начертал языком святых мужей, а также из доброго писания просиявшая благодать Духа и сокровенная польза, открываемая одним очищенным. Ему приятны были Молитвы, воздыхания, бессонные ночи, ангелоподобные лики, которые, стоя на ногах, призывают Бога в псалмах и в песнопениях возносят к Нему сердца, из многих уст воссылая общие славословия. Ему приятны были – изнурение виновника зол – чрева, умерение смеха, неподвижность языка и очей, обуздание неистового гнева. А ум сдерживал блуждающую и всюду озирающуюся мысль, обращал же ее ко Христу небесными надеждами; ум стоял выше всего, возводя образ к Царю. И Богу угодно было такое стремление. Вместо богатства и несносного шума, который беспокоит меня в ночных сновидениях (потому что призраки ночи подобны дневным заботам), у меня перед очами было Божие сияние, пресветлое ликостояние и слава душ благочестивых. Но теперь в душе моей, которая прежде любила беседовать со всеми добродетельными, погибли все украшения, остались же внутреннее желание и безнадежная скорбь.

О сем плачу и не знаю ясно, что даст завтрашний день. Приведет ли меня Бог обратно к прежним правилам жизни, освободив от горестей и сняв с меня все бремя, или прежде, нежели увижу ясное небо, прежде, нежели приложен будет пластырь к ранам, изринет меня отсюда погруженным в скорби несчастливцем, который желает света после глубокой ночи? Тогда кто поможет сетующим напрасно? Здесь врачевство для людей; а напоследок все будет заключено.

Седая голова и покрытое морщинами тело преклонилось уже у меня к вечеру скорбной жизни. Но доселе не испытывал я столь сильных и многочисленных горестей. Не страдал я столько и тогда, как, отправляясь в Ахаию из Фаросской земли,

встретил я море, обуреваемое ярыми ветрами при восхождении осеннего тельца, которого особенно боятся пловцы, и немногие из них осмеливаются при нем отрешать корабельную вервь. Двадцать дней и ночей лежал я на корме корабельной, призывая в Молитвах царящего в горних Бога; пенная волна, подобная горам и утесам, то с той, то с другой стороны ударяла в корабль и нередко низвергалась в него; от порывистого ветра, свистящего в канатах, потрясались все паруса; эфир в облаках почернел, озарялся молниями и повсюду колебался от сильных ударов грома. Тогда предал я себя Богу и избавился от ярого моря, усмиренного святыми обетами. Не страдал я столько и тогда, когда колебались основания обширной и трепещущей Эллады, не видно было помощи в бедствии, а я трепетал от того, что душа моя не была еще освящена небесным даром; ибо благодать и озарение Духа привлекаются на людей купелью. Не страшился я столько и тогда, как болезнь пожирающим своим дуновением наполнила мои уста, стеснила проходы дыхания и пути жизни; и тогда как, в потемнении ума вертя прут, поранил и окровенил я себе изогнутый угол ресницы, как убийца, утратил для себя свет. Великий плач последовал за жестокой ошибкой, и я не мог своими руками возносить духовной жертвы Богу до тех пор, пока слезами не измыл повреждения; потому что для нечистого опасно прикасаться к чистому, равно как и слабое око устремлять на огнистое солнце. Много потерпел я бедствий. Кто перескажет все то, как призывал меня Бог, и отягощая на мне руку Свою, и благоволя ко мне? Но доселе не встречал я таких несчастий, какие напоследок достались моей злополучной душе.

Она желала бы увидеть когда-нибудь день свободы, совлекшись всего и обнажившись, избежать огня, уловления могущественным миром, чудовищной пасти змия, который готов уловляемого им поглотить своим зевом; а мой ум составляет сладкую снедь для велиара. Кто даст главе моей или векам текущий источник, чтобы потоками слез очистить во мне всякую скверну, сколько нужно оплакав грехи? Ибо для смертных и для душ очернившихся самое лучшее врачевство – слезы, обгоревший пепел и безопасное на земле пристанище. Пусть

всякий, взирая на меня, приходит в трепет, приобретает новые силы бежать от черной египетской земли и горьких тамошних дел и царя Фараона, шествует же в божественное отечество! Пусть не остается он пленником на бесплодных равнинах Вавилона, сидеть на берегах реки, отложив в сторону все песенные органы и заливаясь слезами, но спешит в пределы святой земли, избежав ассирийского рабского ига, которое обременяло его доселе, и положит своими руками основание великого храма! С тех пор, как я, злосчастный, оставил сию священную землю, не прекращалось во мне желание возвратиться туда; мучительное страдание повергло меня в старость, потуплены в землю мои глаза, скорбь растет в сердце, стыжусь смертных и бессмертного Царя; такова моя одежда и таково мое сердце, что не смею ни возвести взоров, ни открыть уст. Одной бедностью своею привлекаю к себе милосердие Царя, Который, благоволя ко всем земнородным, отвергает надменных.

Злые разбойники, как повествуется, поймав одного путника, который из святого града Иерусалима шел в известный городок Иерихон, причинили ему много оскорблений, всего изранили, нанеся бесславные удары, совлекли покрывавшие его одежды и по жестокосердию оставили едва дышащим. В скором времени нашли его другие путники, но Левит и иерей прошли мимо, не оказав милосердия, когда же подошел один самарянин, он сжалился над бедным, взяв его, обвязал струпы, оставил врачевство для ран и плату попечителю. Весьма чудно, почему самарянин, увидев его, сжалился, а не сжалились те, которые были лучше самарянина. Не знаю ясно, что таится под этим образом и какие тайны сокрывает Бог в Своей премудрости. Но да помилует меня в этом! И я таким же подвергся бедствиям. Ненавистник душ, похититель жизни подобным образом истерзал и меня, когда выходил я из священного града; и меня лишил он благодати Христовой и оставил нагим, как прежде Адама – причину персти и падения, когда вкушение низложило его на землю, из которой он произошел. Но умились ко мне, Царь; спаси от смерти меня, которого оставили иереи, как скоро увидели изнемогающим; введя в уготованный для всех

дом, обвяжи мои струпы и, когда восстановятся мои силы, пошли опять во святой град, где бы мог я опять быть в безопасности; охрани от злых грабителей, от трудного пути, от ран и от таких мимоходящих, которые имеют безжалостное сердце, хотя и хвалятся благочестием!

Два человека, как слышу, вошли во храм: высоко о себе думающий фарисей, будто бы он всех угоднее Богу, и мытарь, у которого сердце сокрушено было внутренне раскаянием в неправедных прибытках. Один подробно перечислял посты, законные десятины, сравнивал себя с мужами древними и укорял словами мытаря; а другой, заливаясь слезами, ударяя руками в грудь, не смея возвести даже очей к престолу великого Бога, то есть к широкому небу, и ни на кого не взирая своими рабскими очами, но стоя вдалеке, молился и взывал: «Будь милостив, умиласердись над рабом Твоим, обремененным грехами! Меня не спасут ни закон, ни десятины, ни добрые дела; и укоряющий не лжет; я стыжусь и храма, потому что касаюсь его непристойными ногами. Но Твоя благодать, Твое милосердие да излиются на меня оскверненного; сию одну надежду, Царь, подай жалким беззаконникам». Так говорили они. Бог услышал обоих и помиловал того, кто оказался изнемогающим, а высокомерного поставил ни во что. Как видел, так и рассудил их Ты, Боже мой, Который и мне подаешь смелость, потому что и я перед Тобой – тот же негоднейший мытарь, также тяжело вздыхаю и уповаю только на Твою помощь.

Если отец мой и почтенная мать воздали Тебе за меня слезами, вздыханиями и Молитвами; если они уделяли Тебе хотя бы малую часть стяжаний, чествовали Тебя чистыми и святыми жертвами (а я сам ничего такого не сделал, что было бы достойно Тебя), то умоляю, вспомни о них и помоги мне. Удали от меня злые заботы, чтобы тернии не подавили меня своими отраслями и не остановили в шествии божественным путем. Ты, защита моя, проводи меня невредимым, ибо Твой я служитель, Твое я достояние. Ты для меня от начала единый Бог; Тебе посвятила меня мать, нося меня еще в утробе своей. Тогда еще, желая на коленях своих держать сына и

подражая священной Анне, взывала она: «Царь мой, Христос! Даруй мне увидеть сына, и юный плод чрева моего заключишь Ты в Своей ограде». Так вещала она, и Бог внял ее молению; в ниспосланном от Бога сновидении наречено матери мое имя; а потом дал Ты ей и сына, и она в святилища Твои принесла меня – нового Самуила, если только был я когда-нибудь Самуилом. А теперь сопричтен я к мерзким и наглым сынам достославного служителя Твоего – Илия, которые с неразумным сердцем приступали к чистым жертвам, жадными руками касаясь священных котлов, за что и имели несчастный конец жизни.

Но мать моя с лучшими надеждами отделяла Тебе часть рожденных ею. Она руки мои очистила божественными книгами, и, обнимая меня, сказала мне такое слово: «Приводил уже некто к алтарю возлюбленного, благодарованного сына, готового стать священной жертвой. Наилучший отец приводил доброго сына, плод поздно рождающей Сарры, и корень потомства, какое начертали надежда и Божие обетование. Авраам был жрец, и Исаак – славный агнец. А я, как обещала, приношу Богу тебя – дар живой; исполни же материнское желание. Ты рожден у меня по Молитвам моим; о том теперь и молюсь, чтоб ты был совершен. Это доброе богатство даю тебе, сын мой, для сей и для будущей жизни; но последнее гораздо лучше». Таково желание, матери; и я покорялся ее желаниям, будучи еще отроком; юная душа моя принимала в себя новый образ благочестия; печать соблюдалась по мановению Христа, Который явно беседовал с рабом Своим, связал меня любовью к целомудрию, обуздал мою плоть, вдохнул в меня горячую любовь к божественной мудрости и к жизни монашеской – началу жизни будущей, к жизни, не ищущей ребра, которое бы любило плоть свою, льстивыми же словами доводило до горького вкушения, к жизни, приносящей в дар Богу чистую любовь и не разделяющей рожденного всецело от Бога между женой и Христом, Который, стезею узкой и трудной, через тесные и не для многих проходимые врата в торжественном сопровождении приводит к Богу меня – бога, из земли сотворенного, а не рожденного, и из смертного ставшего бессмертным, – приводит, с великим Божиим образом

привлекая и помощника моего – тело, подобно тому, как магнит притягивает черное железо.

Увы! Какое тяжкое отмищение потерпела ты, душа моя! Тщеславные смертные, подлинно стали мы подобны легкому дуновению ветра; или, как туда и сюда стремящийся поток Еврипа, гордясь пустотой, вращаемся мы на земле. Ни худое, ни доброе – ничто не бывает у людей до конца одинаковым. Пути добрых и злых идут между собой весьма близко; и злой не знает, чем он кончит впоследствии, и добрый не твердо стоит в добродетели; но как порок ослабляется страхом, так добродетель завистью. И Христу угодно, чтобы с тем и с другим боролся наш однодневный род, чтобы мы, взирая на Его могущество, устремляли взор ввысь. Тот у нас совершенен, кто идет прямым путем, не озирается на пепельную пустыню Содома, гибельным огнем пожираемого за наглость, но стремительно бежит на гору и забывает об отечестве из страха, чтобы не стать притчею и соленым камнем.

Собственными своими страстями свидетельствую я о человеческой растленности. Когда был я отроком и несколько разумения имел в груди, тогда, следуя какому-то прикровенному разуму и похвальным обычаям, восходил я ввысь к светозарному престолу и не блуждающими стопами шел по царскому пути. Но теперь, когда собрался я с разумом и касаюсь уже предела жизни, как бы от упоения не тверды стали стопы мои, и я, несчастный, иду излучинами; меня изнуряет брань с пресмыкающимся змием; она тайно и явно похищает у меня всякую хорошо придуманную мысль. То простираю ум к Богу, то опять увлекаюсь в худую слитность мира; и не малую часть души моей исказил смутный мир.

Но хотя покрыл меня собой черный грех, хотя враг мой, подобно каракатице, изрыгающей черноту свою на воды, явно излил на меня темный яд, однако же я столько еще могу разобрать и рассмотреть, что наилучшим образом вижу: кто я, чего желаю достигнуть и где нахожусь; несчастный, сколько раз падал я на землю или в разверстую под землей бездну. Не обольщаюсь убеждениями, не пленяюсь словами, придуманными в защиту страстей; не утешаюсь измерением

чужих пороков, как совершеннейший в сравнении с другими. Больному, которого режут железом, приятно ли видеть, что режут и других и что они ощущают еще сильнейшую боль? Что за приобретение порочному от того, что другой и его порочнее? Кто отличается добротой, от того может получить пользу и добрый, и худой, потому что зрячий – приобретение для слепого. Но услаждаться тем, что видишь порочных, есть признак еще большей порочности.

Если кто почитает меня хорошим, когда я худ, – это тяжело для меня и я внутренне проливаю тайные слезы. Лучше, будучи хорошим, во мнении других оставаться худым, нежели, будучи худым, иметь славу доброго и быть для людей обманчивым гробом, который внутри полон зловония от гниющих мертвецов, а снаружи блистает белизной и приятными для взоров красками. Убоимся великого Ока, которое видит и под землей, и в великих глубинах моря, видит все, что скрывается в человеческом уме. Перед ним ничего не разделяет время; для Бога все – настоящее. Как же сокрыл бы от Него кто-нибудь свое беззаконие? Где же укроем самих себя в последний день? Кто поможет тогда? Где утаимся от Божия ока, когда дела всех различит очистительный огонь, пожирающий легкое и сухое естество греха?

Сего-то греха боюсь и трепещу день и ночь, видя, как душа ниспадает от Бога на землю, больше и больше сближается с плотью, которой желал я избежать. Так на берегах осенней реки гордящуюся сосну или вечнозеленый чинар, подрывшись под корни, погубил соседний ручей. Сначала поколебал он все опоры и на стремнине поставил высокое дерево, а потом наклонил к реке держащееся еще на тонких корнях и, сорвав со стремнины, бросил в середину водоворота, повлек с великим шумом и отдал камням, где бьет непрестанно дождь, и вот от сырости согнивший, ничего не стоящий пенек лежит у берегов. И на мою душу, цветущую для Христа-Царя, напал жадный, неукротимый враг, низложил ее на землю и большую часть погубил; а то немногое, что осталось еще, блуждает там и здесь, если бы опять воскресил ее Бог, Который создал не сущих, а потом и разрушившихся воссоздаст и приведет в иную

жизнь, чтобы встретили или огонь, или светоносного Бога! Но все ли впоследствии встретят Бога? Этот вопрос отложим до другого времени.

Царь мой, Христос! Хотя неприязненные люди называют меня мертвым и бессильным, втайне издеваются надо мной, кивая головой, смеются моему бедствию, но Ты не оставь меня пасть под ударами противников.

И, во-первых, подкрепи снова в небесных надеждах, и, мне угасающему, мне – жаждущей светильне в светильнике, удели несколько влаги, несколько капель елея, чтобы, когда огонь возгорится, опять совокупился обновленный во мне свет, и я сподобился светлой жизни. А во-вторых, сними с меня всякое бремя и отдай его бурным ветрам, а мне даруй легкое дуновение.

Довольно смирял Ты сердце мое. Наказываешь ли Ты меня за горький грех, или укрощаешь скорбями, как укрощают молодого коня, гоня по непроходимым местам, или останавливаешь превозношение моего ума, так как оно весьма удобно рождается в тех из благочестивых, которые имеют легкий ум и самую благодать Божию обращают в повод к кичению, или моими бедствиями, Спаситель мой – Слово, хочешь Ты вразумить смертных, чтобы они возненавидели порочную жизнь, которая непостоянна, приводит к гибели всякого, и доброго, и злого, спешили же к иной жизни, к постоянной, неразвлекаемой, а для благочестивых и лучшей; но в великих глубинах премудрости Твоей сокрыто сие, что значат в продолжении превратной жизни преподаваемые смертным уроки, и благие, и горестные, во всяком же случае самые полезные, хотя и скрывается сие большею частью от дебелости нашего ума. Ты премудро движешь кормилом мира, куда не обращаешь его; и им только спасаемся мы от опасных утесов, переплывая великое и наполненное подводными камнями море непостоянной жизни.

Но я, утружденный и сокрушенный всякого рода бедствиями, преклоняю перед Тобой колена. Пошли ко мне Лазаря, который бы увлажненным перстом прохладил скорее язык, иссохший в пламени; и меня, богатого страданиями, не

удерживала бы долее бездна и не оставляла вдали от Авраамова лона. Прости надо мной мощную руку Свою, подай врачевство от горестей, покажи на мне все прежние чудеса, всю силу знамений. Скажи, и иссякнет немедленно кровавый ток Скажи, и дух легиона взойдет в стадо свиней, низринется в море и отступит от меня. Удали несносную проказу; пусть свет проникнет в невидящие очи, пусть уши услышат голос; распрости сухую свою руку; разреши узы языка; утверди немощные стопы ног, насыть от малого хлеба; укроти страшное море; блистай светлее солнца; укрепи отяготившие силы; воскреси из мертвых смердящего и, видя меня доселе бесплодной смоковницею, не иссушай.

Другие полагаются на что-нибудь иное – на благородство крови, на прах и настоящую пышность; они ищут себе какого-нибудь ничтожного помощника. Я один оставлен Тебе единому, Царь царей, Тебе, державствующему над всеми! Ты моя величайшая сила! У меня нет попечительной супруги, которая бы избавила меня от неисцельных забот и своими ласками врачевала сетующего. Не веселят меня милые дети, при которых ободряется старость и снова начинает ходить юношескими стопами. Не утешают меня ни единокровные, ни друзья: одних похитила жестокая смерть, другие, любя благоведрие, приходят в трепет при малом волнении, застигающем друга. Одно у меня было чудное утешение. Как жаждающий олень в прохладном источнике, так я находил его в сообществе мужей совершенных и христоносных, живущих на земле превыше плоти, любителей вечного Духа и благого служения, не связанных узами супружества, презрителей мира. Но и они, ратоборствуя за Тебя, разделились и стоят один за одно, другой за другое; ревность Божия незаконно расторгла закон и согласие любви, от которой осталось одно имя.

Как иной, спасаясь от льва, набегает на лютого медведя, и, убежав от медведя, с радостью укрывается в доме и опирается рукой о стену, но тут неожиданно поражает его змея, так и мне, избежавшему многих страданий, нет врачевства от бедствий. Что ни встречаю, то все болезненнее прежнего. Везде ищу помощи и повсюду от Тебя, обременяемый, к Тебе опять

обращаю взоры, Блаженный, к Тебе, моя помощь, к Тебе, Вседержитель, Нерожденный, Начало и Отец Начала – бессмертного Сына, великий Свет равного Света, Который, по неисследимым законам, из Единого исходит в Единое, – к Тебе, Сын Божий, Премудрость, Царь, Слово, Истина, Образ Первообраза, Естество равное Родителю, Пастырь, Агнец, Жертва, Бог, Человек, Архиерей – к Тебе, Дух исходящий от Отца, Свет нашего ума, приходящий к чистым и творящий человека богом! Умилосердись надо мной; даруй и мне, как здесь в преклонные лета, так и в будущей жизни, когда вступлю в общение со всецелым Божеством, радостно восхвалять Тебя немолчными песнопениями!

Плач о страданиях души своей

Что претерпел я, злосчастный? Какой плач будет соответствовать моим страданиям? Где возьму достаточный источник слез? Какую составлю песнь? Оплакивал ли кто смерть детей, досточтимых родителей, милой супруги, или истребление любезной отчизны губительным огнем, или поражение членов лютой болезнью, никто так не сетовал, как рыдаю я о жестоко страждущей душе своей, в которой (о, я злополучный) гибнет небесный образ.

Несомненно то, что человек есть тварь и образ великого Бога. От Бога всякий исшел и к Богу идет, кто, устремля мысль горе и плоть оковав духом, вождем своей жизни имеет милосердного Христа, а стяжание свое, язык и слух, самый ум и силу – все посвящает грядущей жизни, кто, из все поглощающего мира исхищая все, чем возобладал похититель чужого достояния, богопротивный велиар, вносит сие в сокровищницы, которые тверже земных и расхищаемых, и разрушаемых, чтобы узреть самого Царя, чтобы, совлекшись плоти и противоборствующей дебелости, соделаться богом и духом, стать в чине светозарного ангельского лика, за великие труды стяжать еще большую награду, не как прежде, взирая на легкий образ скинии, на письменное и разрушаемое изображение закона, но чистыми очами ума созерцая саму истину и устами воспевая празднственную песнь. Такова цель жизни; к сему обитателей земли возводит величие Христовых страданий. Ибо Христос, будучи Богом, начальником жизни, превысил века, всегда всецелый образ бессмертного Отца принял образ раба, вкусил смерть, вторично встретил жизнь, чтоб от рабства и от уз смерти избавить меня, возвращающегося к лучшей жизни.

Но не соблюдал я досточтимых таинств Божиих, хотя душа моя и посвящена в тайны небесного восхождения. Грубая плоть гнетет меня долу; не смог я подняться из грязи и обратить око к свету. И обращал, правда, но между нами стало и очи мои закрыло облако – это мятежная плоть и земной дух. Много на

сердце суетных попечений блуждающего ума; они обращаются то к тому, то к другому и отдаляют от меня Христа – Бога-Слово, потому что Жених не терпит общения с чуждой для Него душой. Много лежит на языке тлетворных зелий пагубы, потому что язык – половина всех человеческих пороков, изрыгает ли он явное зло – гнев, который особенно сильный в своих порывах отнимает у человека ум или, затаив в груди коварный умысел, льет кроткие речи из мягких устен.

О, если бы приставлена была какая-нибудь дверь и к глазам, и к устам моим, не всегда отверзающимся на добро, чтобы я и видел, и слухом принимал одно полезное, а для худого сами собой замыкались у меня и зрение, и слух! И для рук самое лучшее упражнение, чтобы они, чистые, непрестанно воздевались к небу и были покорны небесным законам; равно и для ног, чтобы они шли путем гладким, а не по тернам, не по утесам, не по стезе непреподобной. Но теперь, хотя каждый дарованный мне Богом член и сам в себе полезен, и для полезной дарован цели, однако же грех обратил его для меня в оружие смерти.

Какой же это правит мной закон? Отчего я на земле стал узником плоти? Как тело примешано к легкому духу? Не весь я чистая природа – ум, не весь и худшая – плоть; но составлен из того и другого, и нечто иное с ними. А потому и терплю непрекращающуюся тревогу брани между враждующими взаимно – и плотью, и душой. Я – образ Божий, вовлекаюсь в греховность; худшее во мне несправедливо противится лучшему, или убегаю от грехов и противлюсь им, но не без труда, после многих борений и при небесной только помощи.

Ибо два, точно два во мне ума: один добрый, и он следует всему прекрасному, а другой худший, и он следует худому. Один ум идет ко свету и готов покоряться Христу; а другой – ум плоти и крови – влечется во мрак и согласен отдаваться в плен велиару. Или один увеселяется земным, ищет для себя полезного не в постоянном, но в преходящем, любит пиршества, ссоры, обременительное пресыщение, срамоту темных дел и обманы, идет широким путем, и, покрытый непроницаемой мглой неразумия, забавляется собственной

пагубой; а другой восхищается небесным и уповаемым как настоящим, в одном Боге полагает надежду жизни, здешнее же, подверженное различным случайностям, почитает ничего не стоящим дымом, любит нищету, труды и благие заботы и идет тесным путем жизни.

Видя их борьбу, Дух великого Бога снизошел свыше и подал помощь уму, прекращая восстание беспокойной плоти или умиряя волнуемые воды черных страстей. Но плоть и после этого имеет неистовую силу и не прекращает брани; борьба остается нерешительной. Иногда плоть смирится умом, а иногда и ум опять против воли последует превосходящей плоти. Но хотя желает одного, именно лучшего; однако же, делая другое, именно, что ненавидит, оплакивает он тягостное рабство, заблуждение первородного отца, губительное убеждение матери – эту мать нашей продержности, преступную ложь пресмыкающегося кровопийцы – змия, который увеселяется человеческими грехами, оплакивает и древо или вредный для человека плод древа, и пагубное вкушение, и врата смерти, и срамную наготу членов, и еще более бесчестное изгнание из рая, или от древа жизни. Об этом сетует болезнующий ум. Но плоть моя и ныне устремляет взор на прародителей и на человекоубийственное древо; она постоянно любит всякую сладкую снедь, какую только для обольщения ее показывает злой губитель – змий.

Посему и я плачу; и Царя, Который владычествует над всем и все взвешивает на весах Своих, слезно молю, чтобы милостиво рассудил душу и тело, прекратил брань, и худшее (как и следует, потому что сие гораздо полезнее и для души, и для тела) подчинил лучшему, чтобы обремененная плотью душа не влачилась по земле и не погружалась, как свинец, в глубину, но чтобы плоть уступала окрыленному духу и образу, и грех таял, как воск от огня.

О сем моля, и сам прилагаю многие врачевства к грубой плоти, чтобы прекратить жестокий недуг, чтобы крепкими узами удержать силу плоти, как самого вероломного зверя; трепеща перед злой волной, ставлю преграды чреву, неудобоисцеляемой скорбью изнуряю сердце и проливаю потоки слез; преклоняю

перед Царем сокрушенные колена, провожу ночи без сна, ношу печальную одежду.

Иным приходят на мысль пиры, ликованья, смех, обжорство – это забавы цветущего возраста. Иные опять находят себе утешение в супругах, в сыновьях, в непрочной славе обладать огромным богатством. Иных опять увеселяют народные собрания, рощи, бани, городская пышность, похвальные речи, шум сопровождающих, когда сами они быстро несутся на высоких колесницах. Ибо у смертных много утех в многообразной жизни, и к самым бедствиям примешивается веселие.

Но я умер для жизни, едва перевожу дыхание на земле, избегаю городов и людей, беседуя со зверями и с утесами, один, вдали от других, обитаю в мрачной и необделанной пещере в одном хитоне, без обуви, без огня, питаюсь только надеждой и обратился в поношение всем земнородным. У меня ложем древесные ветви, постелью надежная власяница и пыль на полу, смоченная слезами.

Многие вздыхают под железными веригами, иные, сколько знаю, употребляют в пищу пепел, и питье у иных растворено горькими слезами; иные, осыпаемые зимними снегами, по сороку дней и ночей стоят как древа, воспрянув сердцем от земли и имея в мысли единого Бога. Иной замкнул себе уста и на язык свой наложил узду, которую, впрочем, не всегда стягивает, ослабляет же ее для одних песнопений, чтобы уста его были одушевлены гуслими, в которые ударяет Дух. А кто освятил Христу главу свою, ради благочестивого обета блюдет ее отстрижения. Другой же смежил свои очи и к слуху приставил двери, чтобы не уязвило его откуда-нибудь неприметным образом жало смерти.

Такие шесть способов врачевания и я употреблял против неприязненной плоти. Уже и седина служит пособием против моих страстей. Много было и непредвиденных бурь, которые против воли заставляли меня волноваться и сокрушали тяжкими скорбями. Но непреклонная плоть не повинуетя внушениям, не смиряется бедствиями, не укрощается временем, а всегда с закрытыми глазами спешит по стезе

противоположной жизни, и подобно легиону ищет стремнин. Если же иногда и уступает ненадолго Божью страху, или трудам, или Божественным глаголам, то как растение, выпрямляемое руками садовника, опять сгибается в прежнюю кривизну.

О, жалкие данники смерти! О, род человеческий, мы, которые, будучи снедаемы грехами, утешаемся своим беснованием, не уважаем разума, какой вложил в нас Бог при рождении, когда даровал нам семя жизни; не страшимся закона, какой начертал Царь Христос, сперва на каменных скрижалях, прикрыв истину письменами, а напоследок на наших сердцах – сиянием Святого Духа! Мы начинаниями своими противоборствуем Христовым страданиям, которыми Христос избавил нас от мучительных страстей, когда воспринял плоть и пригвожден был ко кресту, к которому пригвоздил вместе и черный грех твари, и державу велиара, чтобы мы, возродившись и воспрянув из гроба, с великим Христом приняли горную славу.

Многочисленны дары Божии всем земнородным, наш язык не может изречь их величия. Бог привлекает меня к жизни, или смиряя ударами, когда грешу, или улыбаясь мне, когда угождаю Ему. Ибо всем управляет Он с умом, исполненным благоволения к человеку, хотя и сокровенна глубина Его премудрости, хотя между нашим родом и Божеством стоит глубокий мрак, сквозь который немногие проникают изощренным взором, именно же те одни, которых просветлила жизнь, и которые, став чистыми, коснулись чистой мудрости. Но меня сподобил Христос преимущественной славой. Сперва дал меня в дар матери, которая молилась из глубины сердца, и Сам принял меня в дар от родителей, у которых из всего, что они имели, не оказалось ничего дороже сына. А потом ночными видениями вселил в меня любовь к целомудренной жизни. Внимайте мне теперь, богомудрые; а оскверненные сердцем приложите двери к своему слуху! Был я юным отроком, в таких летах, когда ум принимает в себя начертание доброго или худого, но, не имея еще в себе образца для твердых умопредставлений, прежде всего запечатлевает в сердце чужие нравы. У меня же родители не худыми красками расцветили ум,

показав мне преимущества добродетели, потому что и сами, единодушно ревнуя о благочестии, и по своим сединам, и по достохвальным нравам, составляли предмет удивления для всех земнородных; наслаждаясь счастьем и телесным здоровьем, мерно проживали человеческую жизнь. Один из них стоял некогда далеко от великого стада, в котором теперь занимает высокое место; прежде не был он и овцой, а потом стал превосходнейшею из овец, из овцы соделался пастырем; а теперь уже он отец и пастырь пастырей. И хотя не рановременно приступил он к многоплодной жатве, однако же трудами своими сильно затмил начавших делание прежде него. А другая – святое насаждение священных родителей, по матери прозябшее от благочестивого корня благочестивых ветвей, – ничем не уступала женам, бывшим прежде, которые принимали у себя Царя Христа или видели Его, восставшего из гроба. Оба они немногим дышали на земле, и то по нужде плоти; большая же часть жизни их скрывалась в вышине. От них получило образование и мое нежное сердце, как недавно приготовленный творог, который скоро принимает вид сосуда.

И в одно время, среди глубокого сна, было мне такое видение, легко воспламенившее во мне любовь к девственности. Мне представлялось, что подле меня стоят две девы в белых одеждах, обе прекрасные и одиноких лет; все убранство обеих состояло в том, что они не имели на себе уборов, в чем, собственно, и состоит красота жен. Ни золото, ни гиацинты не украшали их шеи, ни тонкие шелковые ткани, ни хитоны из нежного льна не покрывали их членов. Очи не осенялись подкрашенными ресницами. Ими не было употреблено ни одно из средств, какие изобретены мужчинами, заботившимися об искусственном украшении женской наружности для возбуждения сладострастия. У них не рассыпались по плечам златовидные кудри и не играли с легким дыханием ветерков. Поясом стягивалась прекрасная верхняя одежда, спускавшаяся на ноги до пят. Головным покрывалом, закрывая и ланиты, стояли они, поникнув взорами к земле. Обеих украшал прекрасный румянец стыдливости, сколько можно было заметить сие из-под покрывал, плотно прилегавших

к лицу. Уста их, заключенные молчанием, уподоблялись розе, лежащей в окропленных росой чашечках. Увидя их, я очень обрадовался, ибо рассуждал, что они должны быть намного выше простых земнородных. И они полюбили меня за то, что я с удовольствием смотрел на них; как милого сына целовали они меня своими устами; а на вопрос мой, что они за женщины и откуда, отвечали: «Одна из нас Чистота, а другая – Целомудрие. Мы предстоим Царю-Христу, и услаждаемся красотами небесных девственников. Но и ты сын, соедини и ум свой с нашими сердцами, и светильник свой с нашими светильниками, чтобы тебя просветленного, перенеся через эфирные высоты, могли мы поставить перед сиянием бессмертной Троицы». Сказав сие, уносились они по эфиру, и взор мой следовал за отлетавшими.

Это был сон; но сердце долго услаждалось досточтимыми видениями ночи и обликами светлой девственности. Слова дев возобновлялись в мысли моей и тогда уже, когда понятие о добром и худом ясно усваивается человеком, когда ум возобладал над любовью, и красота восхитительного ночного видения стала представляться не ясно. Как сухую солому вдруг освещает питаемая внутри ее невидимая искра, и сперва появляется малый пламень, а потом восстает обширный огненный столб, так и я, воспламеняемый видением, мгновенно озарялся любовью, и лучи ее, не укрываясь во глубине души, делались видимыми для всех.

Сперва сблизился я с людьми благочестивыми, которые, отрешась от перстного мира, избегли брачных уз, чтобы, окрылясь, следовать за Царем-Христом и с великой славой преселиться отселе. Их возлюбил я, обьял всем сердцем, и избрал для себя вождями небесной надежды. А потом и сам отринул тяжелое иго супружества, возлюбив высокий жребий вечно юных существ, потому что существа, населяющие обширное небо, не знают уз супружеских и выше беспокойных страстей. И таков, во-первых, пресветлый великий Бог, а по Нем таковы же и Божии служители, которые стоят близ высокого престола, приемлют на себя первый луч чистого Бога, и, просветленные им, преподают свет и смертным. А те, которые

совокуплены воедино из души и тела, по природе двойственны, есть порождения противоборствующей плоти, любят супружескую жизнь и готовы сеять в плоть. Но Бог-Слово, принеся нам лучший жребий, поставил его вдали от плоти и отделил от обманчивого мира, приблизил же к безбрачной жизни бессмертных.

К Нему мое сердце стремилось любовью. Не на земле утверждал я слабые стопы свои, но, вкусив тамошнего твердого ликостояния, как бы сладкого молока или меда, не захотел подступать ближе к горькой снеди, к рождающемуся от нее душепагубному греху. Для меня не привлекательны были пиршества, не имело приятности все то, о чем заботится юность, ни мягкая одежда, ни роскошные кудри, ни обольстительная прелесть срамных речей, ни смех невоздержный, ни воскипания неприязненной плоти. Другим уступил я стремнины, и ржущих коней, и своры гончих псов. Отринув все земные утехы, наклонил я шею под иго строгого целомудрия. Оно меня питало, ласкало, возрастило в великую славу и заботливо положило на руки Христу.

Но Ты, Отец, и Отчее Слово, и пресветлый Дух, опора нашей шаткой жизни! непусти, чтобы враг, противник Твоей надежды, давил меня своими руками, чтобы и меня, как черный корабль, который по благополучном плавании, приближается к берегу и почти уже касается близкой пристани, вдруг сильная буря, всесокрушающим дыханием ударив в спущенные ветрила, понесла назад, и возвратив на широкий хребет жизни, и здесь и там обуревая великими бедствиями, бросила, наконец, на скрытые подводные камни.

А таков умысел завистливого велиара. Он всегда преследует ненавистью человеческий род и не терпит, чтобы земные делались небесными, потому что сам за свое злоумышление низвержен с неба на сию землю. Он, злосчастный, возжелал иметь славу первой Красоты и великую царственную честь самого Бога, но вместо света облекся в ужасную тьму. Потому и увеселяется всегда темными делами, имеет здесь владычество над мрачным грехом. Этот превратный ум принимает на себя двоякий образ, распростирая

то ту, то другую сеть. Он – или глубочайшая тьма, или, если откроешь его, тотчас превращается в светлого ангела и обольщает умы кроткой улыбкой. Почему и нужна особенная осторожность, чтобы вместо света не встретиться со смертью. Избегать порочной жизни могут и худые люди; потому что открытый порок для многих ненавистен. Хвалю же того, кто изощренными очами духа обличает коварного и невидимого врага.

Но Ты, Милосердый, соблюди мою старость и мою седую голову и пошли добрый конец жизни! Как прежде заботливо Ты любил меня и день ото дня вел к большему совершенству, приближая к благим надеждам; так и из неприязненных и мучительных забот введи в тихую пристань Твоего царства, чтобы, прославляя Тебя, Царь, с присноживущими Светами, сподобился я небесной славы.

Жалобы на свои страдания

Много раз я простирал ко Христу Царю жалобное слово, изнемогая от великих напастей. Ибо и царь иной великодушно выслушивает от служителя скромное описание его рабских горестей; а добрый отец принимает часто от неразумного своего сына и явно смелые речи. Посему и Ты, Боже мой, будь снисходителен к словам моим, которые вознесет к Тебе, о Прекроткий, болезнующее сердце. Если болезнь отрыгнула сердцем, это служит уже некоторым облегчением в страданиях.

Для чего Ты, Царь мой Христос, поражал меня свыше столь многими бедствиями с того самого времени, как испал я из матерного чрева на мать землю? Если Ты не связал меня в мрачной матерней утробе; то для чего я принял столько горестей на море и на суше, от врагов, от друзей, от злых начальников, от чужих и от соотечественников, и явно и тайно осыпавших меня и словами противоречия и каменными тучами? Кто опишет все это подробно? Я один известен всякому, не тем, что имею пред другими преимущество в слове или в силе руки; но своими скорбями и сетованиями. Как льва обступили вокруг и лают на меня злые псы. Какие жалкие песни с востока и с запада? А может быть дойдет и до того, что кто-нибудь, разнеживший сердце на пиру, или какой-нибудь путник, или другой кто, касаясь перстами сладкозвучных гуслей, и в неговорящих звуках пересказывая мои скорби, вспомнит о Григории, которого воспитал Каппадокийцам небольшой диокесарийский город.

Но иным посылаешь Ты сверх ожидания многотрудное несметное богатство, иным же добрых детей; иной прекрасен, иной силен, иной красноречив. А моя слава в скорбях; на меня из сладостной руки Своей истощил Ты все горькие стрелы. – Я новый Иов; не достаёт только подобной причины моих страданий; потому что выводишь меня не на ратоборство с жестоким противником, как доброго борца, в силе которого уверен Ты, Блаженный, и не для того, чтобы за добрый подвиг дать награду и славу. И я неспособен к сему, и скорби мои не

так славны. Напротив того, я терплю наказание за грех. Какой же это грех? Во множестве прегрешений моих не знаю, которое оскорбляет Тебя более других. Всем открою, что заключено во глубине моего ума, хотя не ясно сказанное слово и закрыло бы, может быть, грех.

Я думал, что, как скоро Тебя одного соделал я своим вожделем жребием, а с тем вместе и все подонки жизни ввергнул в море, то, приближая к Твоему Божеству высокопарный свой ум, поставил уже его вдали от плоти. А слово вело меня к тому, чтобы всех превзойти, чтобы выше всех на золотых крылах воспарить к небу. И это возбуждало против меня всегдашнюю зависть; это запутало меня в беды и неизбежные горести. Твоя слава восторгала меня в высоту; и Твоя же слава поставила меня на земле. Ты всегда гневаешься, Царь, на великую гордыню!

Да услышат сие, и да напишут будущим родам, народы и правители, мои враги и доброжелатели! Я не отказывался от любезного мне престола великого моего родителя; нет, – и несправедливо было бы противиться Божиим уставам. Ему дан сей престол по законам, а моя юная рука служила опорой руке старческой; я уступил молениям отца, который не мною одним был почитаем, в котором и далекие даже от нашего двора уважали седину и равную ей светлость духа. Но когда Владыке нашей жизни угодно стало и то, чтобы явил я Слово и Духа на других чуждых, необработанных и поросших тернием нивах; тогда я, малая капля, напоил великий народ. А потом опять угодно вдруг стало сюда обратно послать меня, рожденного для тяжелой болезни и мучительных забот; забота же яд для человека. Но не на долгое время дал я успокоение своим членам, ибо должен был дать пастырскую свирель – доброго помощника моему стаду, которое оставалось без пастыря, чтобы какой-нибудь враг, взойдя в него, не наполнил брашном своего бесстыдного чрева. поскольку же беспокоились правители, беспокоился и народ; их тревожило желание иметь Пастыря; тревожили и губительные звери, которые, имея обезумленное сердце, и воплотившегося в человеческой утробе Бога представляли себе не имеющим ума: то многие, не веря

моим страданиям, возопияли (и говорили явно, или держали в уме), что я по высокомерию презираю богобоязненный народ (но Богу известна моя скорбь); и многие также судили обо мне по ночным своим мечтаниям. Или любовь их, как живописец, представляла многое в прикрашенном виде; или Бог закрывал им глаза, приуговляя мне добрый конец, чтобы не сокрушить меня горестными для меня ожиданиями, послав мне худшую кончину жизни. Посему преклоняю выю под крепкую Твою руку, и иду узником. Пусть другие разбирают права; мне нет никакой пользы от того, что судят мою жизнь. Влеки меня теперь, Христос, куда Тебе угодно; я изнемог от скорбей, я сокрушен, как Пророк в китовом чреве. Тебе посвящаю остаток жизни.

Но умилосердись над человеком, который едва переводит дыхание. Для чего уязвляешь меня таким множеством скорбей? Не за одних добрых умер Ты, Боже! не для них одних пришел Ты на землю – какое неизреченное чудо! – пришел Бог человек, окропляющий кровью наши души и тела. Не я один очень худ; Ты вводил в славу многих и худых. В Твоих книгах прославлены три мытаря: Матфей великий, другой – повергший свои слезы во храме, и третий – Закхей; сопричти к ним и меня четвертым! Трое также расслабленных: один с одром (Матф. 9, 1–8), другой при источнике (Иоан. 5, 5–8), и третья – связанная духом (Лук. 13, 11); сопричти к ним и меня четвертым! Три мертвеца снова увидели чрез Тебя свет, который Ты отверз им: дочь князя, сын вдовицы и полусгнивший во гробе Лазарь; сопричти к ним и меня четвертым! И теперь, о Благий, подай мне врачевства, утоляющие боли, и впоследствии даруй иметь вечную жизнь, и хвалиться Твоею славою. Был я вождем богомудрой паствы; а когда разрешусь от сея жизни, тогда, о Преблаженный, да сподобится иметь она лучшего Пастыря. А если будет иметь и подобного мне, то по крайней мере да имеет менее страждущего: потому что неприлично бороться с злыми скорбями тому, кто должен быть целителем недугов в других.

О суетности и неверности жизни, и об общем всем конце

Желал бы я стать или легкокрылым голубем, или ласточкой, чтобы бежать из человеческой жизни, или поселиться в какой-нибудь пустыне, и жить в одном убежище со зверями; потому что они вернее людей. Там желал бы я провести свою однодневную жизнь без слез, без страха наказаний и без забот; иметь одно преимущество перед зверями – ум, который ведает Божество и небожествен. Там среди спокойной жизни собирал бы я свет ко свету, или, взойдя на верх какого-нибудь высокого столба, громогласно стал бы взывать живущим на земле:

Смертные человеки, порождение истекшей влаги, ничтожные вы, которые, живя смертью, надмеаетесь суетным! долго ли вам, оставаясь игрищем ложных и наяву представляющихся сновидений, и играя ими, блуждать на земле без цели? Смотри, восшедши умом своим выше всех, как взошел и я, потому что в меня Бог вложил великое ведение полезного и вредного; а выше всех, парит ум. Тот был свеж и силен, составлял славу друзей, высоко носил голову и имел хорошо снабженные гибкие члены. Тот была прекрасная утренняя заря, весенний цвет между мужчинами, и привлекал на себя взоры всех. Тот славен подвигами; тот по оружию Арей; тот превосходнейший борец со зверями на ристалище, и на горах мерил с ними славу. Тот заботился о пирах и роскошных ужинах; суша, море и воздух приносили дань его чреву. Но теперь он покрыт морщинами и дряхл; все отцвело; пришла старость, а красота отлетела; чрево отказалось служить; небольшая часть человека остается еще в живых, а гораздо большая сошла уже в могилу. Тот надмеается ученостью всякого рода; тот высоко думает о пышных гробницах своего благородства, или о том, что и ему удалось вписать свою кровь в небольшие свитки; тот величается крепостью своих советов в городах, тем, что имя его у всякого в устах; тот собрал безмерное богатство, и еще приращает его в уме; тот, сидя на высоком седалище, восхищается данными ему весами правосудия; тот в багряной

одежде и с увяслым на челе, державствуя на земле, ни во что ставит самое небо, и хотя смертен, но напыщается не смертными надеждами. – Все это ныне; а чрез несколько времени – прах; рабы и скиптроносцы, наемники и гордящиеся богатством – все станут равны, для всех один мрак, одна обитель, и горделивым то одно преимущество, что громче над ними плач, пышнее их гробница, и дольше хранится на жалком камне надгробная надпись. Рано или поздно, но всякому смертному равный жребий. От всякого останутся, наконец, только хрупкие, полуистлевшие кости и голый череп. Кончилась пышность; но и бедность не беспокоят уже труд, неизвестная болезнь, ненависть, сумасбродство, желание большего, неукротимая наглость. Все умерло, все заключилось, вместе с умершими, до того времени, пока не пойдет отсюда в след за воскресшими.

Видя все это, послушайтесь советов моих, дети (могу назвать вас детьми, потому что долее вас перевожу дыхание на земле)! Отринув весь мир, все мятущееся в мире, все, чем обольщает наземный царь – этот хищник чужой собственности, вредитель и человекоубийца, то есть богатство, славу, председательство, знатность рода, неверное счастье, убежим как можно скорее на небо, где окрест неизреченного Троиственного Света сияют многие красоты. А другие пусть падают там и здесь, подобно шашкам, и находят удовольствие в падении шашек, или, густою тьмою покрыв свои очи и держась за стену, идут друг за другом!

Плач о собственных своих бедствиях, и Молитва ко Христу о прекращении жизни

Любезная земля, и море, и отечественная и чужая сторона, и юность и седина на западе жизни, и крылатые речи – напрасный труд, и те речи, которые породил светлый дух, и города, и убежище мое – утесы, какие только обошел я, стараясь приблизиться к Божеству Христову! Почему я один шел скорбным путем, и здесь и там меня образ многотрудной жизни? Ни однажды не мог твердо установить на земле легкой стопы своей, но одни бедствия непрестанно препровождают меня к большим бедствиям? Ты научи меня, Премудрость, отчего на мне такое бремя? Отчего благочестивые в трудах, а погибающие не знают трудов? Наказание ли это за грех? Или угли, которыми очищается жизнь, как золото в горниле? Или меня, как Иова, вызывает на борьбу с собою злобный и завистливый враг, и Ты, как борца Своего, умастив меня наперед обильно елеем, выводишь обнаженным для великого подвига, чтобы потом наградить и прославить подвижника? – Все это известно Тебе одному, Царь мой, Слово, потому что Ты управляешь целым миром по великим и сокровенным законам, из которых разве малый некоторый отблеск вполне доходит до нас, покрытых брением и имеющих близорукие глаза.

Но я утружден жизнью; едва перевожу дыхание на земле, уязвляемый множеством бедствий от врагов и от друзей, что и огорчает меня чрезмерно. Потому плачу и припадаю к Твоим коленам. Подай мертвецу Твоему кончину жизни, подай утружденному отдохновение, и возведи меня к легчайшей жизни, для которой терплю скорби, и перенес тысячи горестей; восхитив в ангельские лики, приблизь путника к небесному чертогу, где слава единого великого Бога, сияющего в трех Светах!

К себе самому в вопросах и ответах

Где крылатые речи? – В воздухе. Где цвет моей юности? – Погиб. Где слава? – Сокрылась в неизвестности. Где крепость хорошо сложенных членов? – Сокрушена болезнью. Где имение и богатство? – Иное взял Бог, а другое зависть передала в хищные руки злодеев.

А родители и священная двоица единокровных сошли в могилу. Оставалась у меня одна родина; но и оттуда изгнал злобный демон, воздвигнув против меня черные волны. Теперь я одинокий странник, скитаюсь на чужой стороне, влача скорбную жизнь и дряхлую старость; не имею у себя ни престола, ни града, ни чад, хотя обременен заботами о чадах, и непрестанно скитаюсь, день за днем провожу на ногах.

Где сброшу с себя это тело? Где встречу свой конец? Какая земля, какая страннoлюбивая могила укроет меня в себе? Кто положит перст на мои померкающие очи? Благочестивый ли и друг Христов, или один из зловерных? – Конечно, все это носит ветер, и одного малодушного может озабочивать мысль: гробу ли предадут мою плоть – это бездыханное бремя, или останется она непогребенною в добычу хищным зверям, или бесстыдным псам, или птицам, или, если угодно Тебе, обращена будет в пепел, развеяна по воздуху, или без гроба брошена на высоких утесах, или сгниет даже в реках и под шумящими дождями. Ибо не останусь я один в безызвестности, не останется мой один прах несовокupимым, как должно; хотя для многих лучше было бы, чтобы прах их не совокupлялся. Напротив того, последний день, по Божию мановению, соберет всех вместе от концов земли, хотя бы кто обращен был в пепел и лишился членов в болезни.

Одно извлекает у меня слезы и приводит в страх, – это и вознаграждение за все заботы!

Христе Царю! Ты – мое отечество, моя крепость, мое блаженство, мое все! О, если бы в Тебе обрести мне успокоение жизни и вознаграждение за все заботы!

Молитва ко Христу

Умер я для сей бедственной жизни, которая, на подобие Еврипа, носится туда и сюда, не имея ничего и на один даже день постоянного. Желаю же жить тою долгою жизнью, которая назначена в награду хорошо подвизавшимся. Кому любезна здешняя жизнь, те и увеселяйтесь ею; я с радостью узрю Владыку. Осмелюсь сказать Тебе нечто, Блаженный! Это тело, Тобою данное, творение руки Твоей, повергаю пред Тобою, как изнуренное, расслабленное, воссмердевшее. Вот оно распростерто; воззри! я изнемог. Прийди ко мне ныне, простри мне руку, прекрати жизнь мою, пока не встретил меня какой-нибудь худший конец. Для чего еще нужны злострадания и очищения? Погиб, погиб я среди бедствий; но гибну ради Тебя. Ты – мой Бог; Ты рассеиваешь мрак злостраданий.

Сон в храме Анастасии, который св. Григорием устроен был в Константинополе

Сладким покоился я сном, и ночное видение представило мне Анастасию, к которой в продолжение дня стремились мои мысли. Она первая высокое слово, остававшееся дотоле у подножия горы, возвела на самую ее вершину. Потому и наименование Анастасии получил сей храм, произведение моей неленостно потрудившейся руки.

Мне представлялось, что сию на высоком престоле, однако же не с поднятыми высоко бровями; нет, и во сне не служил я никогда гордости. По обе стороны ниже меня сидели старцы, вожди стада, отличающиеся возрастом. В пресветлых одеждах предстояли служители, как образы ангельской светозарности. Из народа же, одни как пчелы, жались к решетке, и каждый усиливался подойти ближе; другие теснились в священных преддвериях, равно поспешая и слухом и ногами; а иных препровождали еще к слышанию слов моих пестрые торжища и звучащие под ногами улицы. Чистые девы, вместе с благонравными женами, с высоких крыш преклоняли благочинный слух.

И то еще присоединилось к обаяниям ночи. Народ, желающий слышать слово мое, стоял, разделившись на части. Одни требовали слова низкого и доступного разумению; потому что не хотели и не навывкли простирать мысль горе. Другие желали речи возвышенной и витиеватой; и таковы были старавшиеся глубоко исследовать ту и другую мудрость, – и нашу, и чуждую нам. О обеих сторон слышны были восклицания, которыми выражались противоположные желания слушателей. Но из уст моих изливалась единочтимая Троица, сияющая тремя явленными нам Красотами. Я низлагал противников звучным голосом, потоками пламенеющего духа, порывами речи. Одни приходили в восторг и хвалили; другие стояли в безмолвном изумлении; иные издавали еще какие-то гласы, а некоторые возражали только мысленно, потому что

прекословие, прежде нежели разрешалось словом, замирало в самых болезнях рождения; а иные, как волны, воздвигаемые ветрами, вступали в открытую борьбу. Но доброе слово утешало всех, и красноречивых и сведущих в священном слове благочестия, и наших, и пришлых, и даже тех, которые весьма далеки от нашего двора, будучи жалкими читателями бессильных идолов. Как теплыми лучами очерненная виноградина не совсем уже незрела, но начинает понемногу умягчаться, и не совсем зрела, но отчасти черна, отчасти румяна, по местам уже зарделась, а по местам наполнена кислым соком: так и они различались зрелостью повреждения, и я восхищался уже необходимостью обширнейших точил.

Таково было мое видение; но голос петелей похитил у меня с веждой сон, а с ним и Анастасию. Несколько времени носился еще передо мною призрак призрака, но и тот, постепенно ветшая, скрывался в сердце; оставались же при мне одна скорбь и бездейственная старость. О Тебе скорблю, моя Троица! о вас сокрушаюсь, дети мои! Что ты сделала со мною, зависть? Многое ты отняла у меня; не подави еще чем-либо худшим мою неизвестную жизнь.

Много изящных произведений зодчества в царственном городе, которыми гордится он; но преимущественно пред прочими может похвалиться небесными храмами, храмами некогда моими, а теперь для меня чуждыми, в числе же других и великолепным храмом Апостолов, который крестообразными стенами рассекается на четыре части. Впрочем, все сии храмы не возбуждают во мне столько сожаления и скорби, сколько Анастасия – новый Вифлеем.

Много, правда, потерпел я напастей на море и на суше от врагов и от друзей, от пастырей и от волков, от мучительной болезни и от старости, которая делает меня согбенным; но никогда прежде сего не постигала меня такая скорбь. Не плакал так о великом храме поработенный Ассириянами народ, когда веден был далеко от отечества; не плакали так Израильтяне о Кивоте, который взят был иноплеменниками; не рыдал так и прежде них Иаков о похищении любимого сына; не сокрушается так и косматый лев об убитых ловцами детищах, и пастух о

потерянном стаде, и птица о невольно покинутом гнезде на гостеприимном дереве, и полип об оставляемом им ложе; как я доныне сетую о новоустроенном храме, об этом плоде моих трудов, которым пользуется другой.

Если когда-нибудь сердце мое забудет о тебе, Анастасия, или язык мой произнесет что-нибудь прежде твоего имени; то да забудет меня Христос! Как часто и без великих жертв и без трапезы, очищал я людей, собранных у Анастасии, сам пребывая вдали, внутрь сердца создав невестственный храм и возлияв слезы на божественные видения! Никогда не забуду, если бы и захотел, не могу забыть вашей любви, девственники, песнопевцы, лики своих и пришлых, восхищающие попеременным пением, вдовицы, сироты, не имеющие пристанища, немощные, взирающие на мои руки, как на руки Божии, и сладостные обители, препитывающие в себе старость!

А если и у вас сохранилась еще память обо мне многострадальном; то благодарение Троице! Ибо у многих сердце увлекается потоком обстоятельств, и у легкомысленных стыд только на глазах. Одного только желаю, досточтимая Троица, чтобы Божество Твое навсегда пребывало незабвенным в душах новонасажденных.

Примите мой прощальный привет, Цари, помогавшие мне в моих страданиях! Примите Восток и Запад, борющиеся между собой! Примите иереи, восстающие друг против друга! Прими и ты, председательствующая гордыня! Прими и ты, великий город! А я выше земных престолов, и если желаю славы, то единственно славы бессмертной.

Но спаси, спаси меня, возлюбленная Троица! напоследок и я увижу, где престол чистой Анастасии.

Таков плач Григория, воздыхающего об Анастасии, с которою разлучила меня некогда бессильная зависть.

Увещательное послание к Геллению, о монахах

Спрашиваешь о силе моих речей, которые уже не существуют с тех пор, как немоществую для мира, подъял на себя сладостное бремя – спасший меня Крест, и все человеческое обменял на Христа. А какие еще есть у меня речи, они не слишком мягки и лестны (ибо такие речи не угодны совершеннейшему Слову). В них говорится не о роде, не о счастье, которое надмевает неразумных, не о пламенной силе красноречия, – этой великой славе твоей и твоего брата, не о том, как города управляются кормилом могучей вашей руки. Такие предметы пусть будут предоставлены словам суетным. А что до моих речей, в них не найдешь и малого угождения друзьям, но встретишь благочестивые советы, которые сделают тебя лучшим; имей только благопокорное ухо. Или, может быть, ты воздашь словам моим лучшую награду, оказав свое благоволение большему числу людей, а не десяти нуждающимся, о которых ты, добрый мой, вчера дал мне свое обещание и согласие, как человек не малый, оказывающий малому великую милость. Но прими во внимание те слова мои, которые изреку тебе из глубины сердца, заимствовав из небесных книг.

Иные золото и серебро, а иные тонкие шелковые ткани приносят в дар Богу, а иной сам себя вознес в непорочную жертву Христу, иной же возливает чистые капли слез. Но от тебя да будет Христу следующий дар. Есть Божии служители; им даруй полную свободу, им, которые, спокойным умом, совершенными душами, многих других возводят горе и делают таинниками небесного. Даруй свободу всем Христоносцам, которые стоят превыше земли, не связаны узами супружества, едва касаются мира, и день и ночь своими песнопениями славословят Царя, чуждаются земных стяжаний, какими князь мира обольщает жалких земнородных, издеваясь над ними тем, что отдает дары сии то тому, то другому. Даруй свободу тем, которые имеют одно высшее богатство – надежду получить

негибнущее и не переходящее из рук в руки. Они не имеют нужды в ребре, которое бы любило плоть свою, не опираются на юную руку, то есть на детей, не полагают надежды на единокровных и на товарищей, на кровь и на прах, который на утро погибнет; они в городах и обществах не гордятся самонадеянною крепостью, похожею на крепость бессильного ветра, не гоняются за быстролетною человеческою славой – этим услаждением сновидца: но к Богу возводят всецелый ум, к божественному твердому камню привязывают корабль свой. Они – таинники сокровенной жизни Христа Царя, и когда она явится, возблистают славой, созерцая чистое сияние Троицы, воедино сходящейся и открывающейся очам непорочным, созерцая и великую славу небесного воинства, не в темных обликах и не в немногих следах истины. Но сие будет впоследствии; по крайней мере все здешнее есть ничего не стоящий дым и прах для тех, которые предпочли небесную жизнь.

Одни из них услаждаются пустынными пещерами и везде готовыми на голой земле ложами, ненавидят же дома, бегают городского многолюдства, любят покой, сродный небесной мудрости; другие изнуряют себя железными веригами, и истончевая персть, истончивают вместе грех; а иные, заключаясь в тесных домах, подобно зверям, не встречали и лица человеческого. Часто, подражая в половину Христову терпению, по двадцати дней и ночей проводят они без пищи. Похваляюсь: в числе их была овца и моего стада – некто ушедший из сего малого города. А некто связал молчанием говорливый язык и уста, единым же умом возносил хвалу великому Уму.

Был и такой, что целые годы, стоя в священном храме, распростирали чистые руки; и веждей его не касался сон, но как одушевленный камень (невероятное самозабвение!) он водружен был во Христе. Другому сосед ворон уделял остатки скудной трапезы, и обоим доставало одного куска хлеба. А некто востек отсюда на божественную гору ко Христу, с которой он, по совершении страдания, оставил человеков, и там, не развлекаемый ни словом, ни умом, ни телом, стоял под снегом и ветром, и не уступал прошениям собравшихся вокруг него

благочестивых мужей, но, воспрянув умом своим от земли и став выше людей, крепко держался великого Христа Царя, пока не соградил нового дома себе бездыханному, когда для погребения не нашлось попечительной руки.

Ах! Дошло до меня страшное слово, будто бы у монахов верных по имени и по жизни, которых многие знают, не многие же унижают за горячность, превышающую требования благоразумного благочестия, – будто бы у таковых монахов установлен следующий закон. Если придет к ним кто-нибудь из мужей благоговейных, не знающий нашего устава; то радушно принимают его в своих обителях, оказывая ему все виды дружбы, и сердце его восторгают Божиим словом, которое начертал Дух, а между тем предлагают ему светлую трапезу. Потом выходит кто-нибудь на-среду, напоминает о суровом уставе и (скрытными выражениями вызывая на жестокое слово) предлагает такой вопрос: хорошо ли благочестивому приять смерть ради Бога? И если пришедший по неразумению похвалит такую кончину; он продолжает: свидетели истины охотно умирают многими родами смертей сами от своей руки, то не удовлетворяя нуждам чрева, то с гор низвергаясь в глубины и приемля удушение. Так с радостью преселяются они от здешней брани и многоплачевной жизни! – Царь мой Христос! умиلسердись над умами, которые верны, но безрассудны, как победоносный конь, далеко несущийся за цель, потому что он вверился быстроте своих ног, и не сдерживается уздою!

Всякому приятно стремление к одной какой-нибудь добродетели. По причине множества обителей много и способов приобретать их. Но к чему описывать мне подробно? Они шествуют тесным путем, которым идут здесь немногие из людей; они входят скорбными вратами, куда со многими трудами вступают добрые. Таково достояние Христово, такой плод Своих страданий Христос приносит от земли Отцу! Это опора слова, слава людей, основание мира, уподобляющееся небесным лепотам! Их род и для меня светоносен. Пусть зависть выплачет себе глаза! Тебя же прошу иметь к ним доброе расположение.

Во-первых, полюби кроткого Кледония, который живет для бедных и в дар Христу принес все, но прежде всего – самого себя, а потом уже и то, что приобрел, – принес, ничего не оставив для земной жизни. Это жемчужина между дорогими камнями; это утренняя звезда между звездами; это весна между временами года; это роза между растениями. Украшаясь некогда славою при дворе царя земного, он еще большую славу имеет в нашей ограде, потому что предстоит Царю Христу.

Полюби Евлалия, который многим превосходит сверстников своих. Его, как бы лишеного своей половины, оставил великий и могучий брат Елладий, отлетев в тот лик, в котором желал быть; сам же он остался здесь один, ничего уже не находя лучше своего Елладия, и имеет попечение о матери, которая удручена тяжкою болезнью и едва сохраняет в себе несколько росинок жизни. Но изобразить эту женщину – потребовалось бы обширное слово; довольно сказать коротко: она мать Елладия и Евлалия.

Не тебе дал Бог Картерия; но и его сделаешь своим друг, чрез благорасположение к товарищам, и этого, говорю, Картерия, которого ждет великая слава на небесах, потому что духом всегда он возвышен над плотью.

Будь снисходителен и к великому Никомиду, если только услышишь о нем. Он смертную жизнь посвятил небесной, поревновал о древней жертве великого Отца Авраама, освятив Богу двоих чад, добровольно поспешающих на священное жертвоприношение, и супружество сделал добрым, и постарался о венцах, как супружеской, так и безбрачной жизни, не земле предоставил перстные свои отрасли, но чтобы, отрешившись от сея жизни, всецело перейти в горную землю, свой класс (этот плод отличнейший в кругу мужей и жен, то есть любезного сына в кругу мужей, и дочь в кругу жен) вписал в наши лики. И я надеюсь, что сии зеленеющие ветви благовонного древа будут достойны небесных светил. А если они превзойдут и самых родителей; то и сим будут обязаны родителям же. Но предоставим сие руке державного Бога, Который великим надеждам полагает великий конец. Теперь же отец посреди своих чад подобен быстролетному орлу, который,

летая подле птенцов, управляет полетом недавно оперившихся, чтобы они на несмелых еще крыльях пускались за ним по воздушным зыбям. Так и он преподает детям многие уроки благочестия. Но не находит ничего полезнее своей добродетели. Он посвятил детей Божью слову и божественной жизни, с молодых ногтей назидая в них доброе, и приготовил им величайшее наследство – священную нищету, чтобы не иметь им недостатка и в этом орудии, способствующем успешному шествию. Таков Никомид – моя слава, слава моего стада, близкий мне по крови!

Не в числе последних и Феогний. Стоя на земле, касается он небесных престолов; он ласков, сладкоречив; на цветущем лице его всегда видно сияние благорасположенного духа. Он никогда не подражает женщинам и не налагает на себя ложных прикрас добродетели, которые уменьшают ее красоту, но внутрь сердца блюдет богоугодный страх, и он явен единому Всеведцу сокровенного. Хотя на поприще добродетели вступил он позднее других, но, по быстроте ног своих (что весьма чудно), много опередил вступивших прежде него. Как же скоро вкусил мудрости сам; указал и милым детям лучший жребий. И восходя по той лестнице, какую праотец наш Иаков, сын Исааков, видел утвержденною от земли на небо, восходя для того, чтобы увидеть самого Бога, высочайший источник небесных светов, одну из ступеней он уже прошел, на другой опирается своими стопами, а третьей касается рукою, взорами же простирается далее. Таков путь для людей, и так кровь свою возводит у меня ко Христу благородный родитель!

Много дорогих сокровищ сокрыто в душе у Евандра; его сердце убеленнее седовласой главы.

Кто же из здравомыслящих забудет об Астерии или о братьях его – этой священной троице? У них общая мудрость, их общая жизнь совокупила воедино, и, при единой надежде, разделяет их только плоть.

Умолчу о Филадельфе – моем сердце, об этой благородной крови Макровия, который, из всех овец моего стада, есть собственно моя овца; о моем друге, которого благосердый

Христос объемлет великими крылами, которого не надмевает гордость, овладевающая всеми.

Умолчу о высокошественном Ригине, о Леонтии, об Илиодоре, которые обладают высоким даром Христовой мудрости.

Умолчу о других – светлых звездах между мужами простого нрава, даже неизвестных многим из миролюбцев, о сих досточестных членах Христовых. Ибо кто исчислит сии печати Бессмертного, сии плотоносные красоты?

Все они – служители всемогущего Бога, и каждый из них совершен на особом пути благочестия. Легкими стопами попирают они землю; это прекрасные овцы, принадлежащие к десной стороне; это камни великого храма, и Христос связует их между собою вселюбезным согласием духа. С малыми искрами жизни в скудости проводят они настоящую жизнь, немного уступают виновнику зла – чреву, усмиряют в себе жестокий мятеж страстей – эти черные волны, воздвигаемые велиаром; полагают мерило слову и меру молчанию, держат в узде и смех, и слух, и неподвижные очи. Без обуви, с начесанными волосами, с слезами на глазах, имея у себя один хитон, эти земные мертвецы живут мыслию в горнем, непрестанно имеют пред взорами великую Божию славу и тамошнее ликостояние душ благочестивых.

Ты почтил и девственных жен, которые Женихом своим именуют Царя, вступающего в общение с сердцами чистейшими, и которые ожидают Христа недремленными очами, возжегши неиссыхающие светильники; ты почтил, говорю, их, когда узнал это мое украшение, это самое светлое око моего стада; почтил, если только почтил хотя одну из них. Ибо это общая милость для всех добрых, если кто-нибудь один из них видит оказанное себе добро; таков закон дружбы, по которому все делается для них общим достоянием!

Подлинно, и в этих женах великий ум; потому что они с мужественным духом изринули из сердца обольстительную Еву. Да, и у них вокруг тела безопасное ограждение – вретище, а ложем на земле – прах; и у них есть врачевства целомудрия, Молитвы, любезные воздыхания, бессонные ночи, источники

слез источаемых внутренне. Ожестели у них колена, забыта ими немощь; потому что они держатся за укрепляющие воскрилия Христовых риз. А нежность плоти и блестящие одежды, и эта весенняя, скоро увядающая красота, и естественная и та наружная, которую мужчины своими руками наводят на лица похотливые, – все это изгнано у них из сердца. И немного будет сказать, что жены сии, силою ума, и в теле и в мудрости сравнивались с мужами.

Ибо и Христа, Который с звездного неба явился на земле в человеческой плоти и стал сыном человеческим чрез непорочную Матерь-Деву, чтобы пречистым Своим рождением исполнить закон человечества, когда восстал он в третий день из гроба, жены первые увидели, по причине пламенного своего желания, и возвестили возлюбленным соученикам, вкусив Христова вкушения в уврачевание прежнего. И по всей земле, куда только проникло спасительное учение, найдешь многих жен, которые, или, составив из себя общества, питают в сердце общую любовь к небесной жизни и водятся одинаковыми правилами, или остаются при своих немощных родителях и братьях, и их имеют свидетелями своего целомудрия.

Немного таких жен у меня; однако же поспорю со многими, восхищаемый небесными красотами Христовыми. Баснословие усыпало дома лидийцев золотым песком и дало им реку, которая приносила дары счастья; а чернокожим индусам златоносные муравьи носили богатство, собирая его в песке. Нил, наводняя благовременно плодоносные равнины, делал могущественным Египет. Один любит птиц, другой деревья, а иные камнями приятно блестящими изнутри. Но мне Царь Христос даровал украшение, которое всех превосходнее, – это венец из многих благочестивых. Несомненно то, что Бог малым всегда дарует благодать, как уверяет древнее обетование. Вифлеем стал между первыми городами; и моему малому граду дано быть новым Вифлеемом. Тот славен был рождением Христовым; а мой славен Христовыми друзьями.

Такой в моей стране воссиявает пред тобою новый сонм, подобный тому, какой произвела Армения – ваше отечество,

страна, украшающаяся добрыми сынами, как многим превосходящая другие страны, так особенно славная тем, что в ней много не познавших уз супружества! Оказав милость им, окажешь, превосходнейший, и мне малую милость, гораздо же большую себе самому; приобретешь себе, детям и жене величайшее богатство – надежду светоноснейшей жизни. Если же ты, самый снисходительный из всех моих товарищей, памятуешь сколько-нибудь и о моей старинной дружбе (я никак не поставлю своего имени наряду с именами мужей благочестивых); то не обесчести меня (что не свойственно дружбе), но окажи милость и честь моим товарищам. И я имею некоторое значение для многих. А если бы и не для многих имел; то тебе, счастливцу, преимущественно пред всеми надлежит уважать нашу дружбу.

Этим сделаешь угождение всем друзьям, и их порадует честь, сделанная преподобным. Особенно угодишь Василию, которого по преимуществу почтил Христос, и который, как посредник, соединяет между собою отдаленных друзей, и гораздо крепче связывает их общею любовью. А угождать ему – требует от тебя самая справедливость, уважение к отечеству, к дружбе, к товариществу по учению, к чистым жертвам, к окрыляющей жизни. Ибо он, как второй по Аарону, стоя внутри скинии не для всех доступной и имея пред очами царяющего в горних Бога, своими Молитвами приводит в общение смертных с Бессмертным. Но что сделаешь для меня, то будет даром для Василия; а принесенное в дар ему принесется самому Христу; приносимое же Христу приносится Отцу.

Умоляю тебя о душах и о небесной жизни, умоляю о членах, истончаемых духом. Окажи милость к дневным трудам, к ночным песнопениям, к возлежанию на голой земле, к слезам, к ветхим рубищам, к истомленным очам, к чистому уму, к священным словам. Почтив добродетель, ты расширишь для многих путь к добродетели, и получишь большую мзду от Бога, посеешь здесь постоянное и соберешь нетленный, пренебесный плод, вместо скудного – богатый.

Уважь богоподобную седину моего отца, который тем и другим, и многочисленностью лет и честностью нравов,

наполнит для людей целую досточудную историю.

Скажу тебе, сын мой, по немощи сил моих, последнее слово. Пощади паству нашу, пощади паству, за которую я трепещу; потому что много понес за нее трудов, и Бог поручил мне ее пасти многие десятки лет. Тебе же дарует Бог все, что дает Он благочестивым, но сверх прочего и то, чтобы встретить тебе прекрасную старость, какова старость моего богомудрого отца.

Но изреку благое слово от нашего Писания. Меры Божии уравниваются с нашими мерами; какими здесь меряем друг другу, такими и великий Бог воздает людям. Но да возмерит Он тебе лучшим за лучшее, как ныне, так и в последний день! Ныне для всякого человека полагается или худое или доброе основание кратковременной жизни, и на малых весах колеблется, перевешиваемое на ту и на другую сторону, великое стяжание жизни небесной.

И Христос принял на Себя человечество при наложении подати, когда Кесарь делал перепись целой земли. Сам Бог дал смертному дань, чтобы даровать смертным облегчение от рабства. Почти благодать Христову, и пощади людей. Почти, и ведя добрую перепись, сам записан будешь в добрую небесную книгу. А если будешь вести не добрую перепись... но пусть выговорит сие другой, а я скажу по крайней мере то, что лучше вести перепись праведную.

Ужели не довольно того, что тяжкое иго наложено на смертных первым грехом прародителя, и человекоубийственным древом, и завистью змия, и преступлением жены, и гибельным вкушением противоборственного знания, которое соделало меня смертным, и тотчас, низложив меня в землю, из которой я сотворен, наполнило жизнь мою скорбями, заставило меня нести болезни и труды, оставаться нагбенным к широкому хребту земли под бременем напастей, – ужели не довольно сего, но брат – одна со мною персть, в одном со мною погруженный грехе, предаст меня еще большим скорбям? Нет, это не позволительно, это несвойственно; больным гораздо лучше давать лекарство, а не новый труд.

Вот дар, который тебе, добрый мой, посылает наше собратство, – это дар, неистребимый временем. А ты, украшение Армении, Геллений, которому поручено установить правильную меру податей в нашей стране, установи ее, при помощи непорочной руки великого Бога, установи непорочно, и не покоряй превратного ума неправедной корысти. Если всякому будешь отвешивать верно, трепеща великого Ока; то мы, хотя и малый город, пронесем имя твое, наилучший, не между одними обитателями Дио-Кесарии, и напишем на досках: «Вот человек добродетельный; в нем не найдет для себя пищи и насмешник!»

На безмолвие во время поста

Умолкни, любезный язык; и ты, перо мое, пиши слова безмолвия, рассказывай глазам вещания сердца!

Когда, принося таинственную жертву человеческим страданиям Бога, чтобы и самому мне умереть для жизни, связал я плоть на сорок дней, по законам Христа Царя, так как исцеление дается телам очищенным: тогда, во-первых, привел в неколебимость ум, живя один вдали от всех, обложившись облаком сетования, собравшись весь в себя и неразвлекаемый мыслями, и потом, следуя правилам святых мужей, приложил дверь к устам. Причина сему та, чтобы, воздерживаясь от всякого слова, научиться соблюдать меру в словах.

Кто против многих подымлет разящее копье, тот удобно усмиряет немногих. Кто издали бросает верно в цель крылатые стрелы, у того на близком расстоянии никогда не пролетит стрела мимо цели. И корабль мореходный, который переплывал обширные моря, смело можно посылать в плавание не дальше от пристани. Кто одержит верх в малом, о том еще сомнительно, преуспеет ли и в великом, хотя и сильно желает. Но кто производит великое, о том нет сомнения, что, если захочет, легко превзойдет других и в малом. Посему-то и я совершенно связал у себя силу слова, ибо надеялся, что после из уст моих уже не выльется лишнего слова.

Язык всего пагубнее для людей. – Это конь, всегда убегающий вперед, это – самое уготованное оружие. Иной все видит; но руки у него достают очень немногое, именно то, что под ногами, ноги же его не обходили целой земли. И убийце нужно бороться с трудом; прелюбодей трепещет своей бешеной страсти; ворами всего страшнее день. И богатство обременительно; одним обладаю, а другое уже потерял; столько удерживаю у себя в руках, сколько можно удержать жидкости горстью. Корабль, дальний путь, разбойники, насытый человек, который простирает жадные взоры на чужое достояние, – вот сколько противников у всякого златолюбца! И худым не без труда, не без труда и добрым. Но ничто не удерживало языка,

скорого на слово, – ни человек, ни снег, ни поток, ни каменный утес. Стрелок уже близко; немилосердная стрела вложена уже в лук, и на раздвоенном ее конце в дугу изогнулась тетива; мысль спустила стрелу; она понеслась, и все низлагает – небесных и земных, живых и еще не родившихся, остерегающихся и неосторожных, добрых и злых, неприятелей и друзей, дальних и близких. Для этой стрелы везде цель; и кто мечет ее, тому первое место между мудрецами.

Много срамного излагает язык похотливых. Достойный смеха, чтобы ему возбудить в людях неудержимый смех, позволяет в себя метать, и сам мечет словами, бесчестит образ Божий, и много сокровенного извергает в уши других, и часто по всем направлениям рассыпает клубящуюся пену бурного гнева; нередко же из злоумышляющего внутренне сердца выносит привет, и одно имеет в душе, а другое на устах, именно – ложь, ласковые слова и убийства. Кто исчислит все те огорчения, какие причиняет язык? Если захочет, без всякого труда, в одну минуту заставит враждовать дом с домом, город с городом, народ с властелином, царя с подданными, как искра, мгновенно воспламеняющая солому. Плывающих на одном корабле, сына, родителя, брата, друга, супругу, супруга, – всех удобно вооружает он одного против другого. Злого делает добрым, а доброго, напротив того, погубит, и все это опять переиначит. Кто переможет слово? Язык мал; но ничто не имеет такого могущества. О, если бы он тотчас омертвел у людей злых!

У всякого неразумного язык есть зло, но особенно может быть злом у таинников небесной жертвы. Я орган Божий, и в благозвучных песнопениях приношу славословие Царю, пред Которым все трепещет. Пою же не Трою, не счастливое плавание какого-нибудь корабля Арго, не свиную голову, не могучего Иракла, не обширный круг земли, как он опоясан морями, не блеск камней, не пути небесных светил. Пою не неистовство страстей, не красоту юношей, в честь которых бряцала изнеженная лира древних. Нет, я воспеваю царствующего в горних великого Бога, или же сияние пресветлой моей, во-едино сочетаваемой Троицы. Воспеваю высокие громогласные песни ангельских ликов, какие они,

предстоя Богу, возглашают попеременно. Воспеваю стройность мира, еще более совершенную, нежели какова настоящая, – стройность, которой я ожидаю, потому что все поспешает к единому. Воспеваю нетленную славу Христовых страданий, которыми Христос обожил меня, срастворив человеческий образ с небесным. Воспеваю смешение, усматриваемое во мне; ибо я не какое-либо легко изъяснимое произведение; я – произведение, в котором смертный сопряжен с небесными. Воспеваю закон Божий, данный человекам, и все дела мира, также намерения и конец того и другого, чтобы ты одно соблюдал в сердце своем, а от другого бежал дальше прочь и трепетал грядущего дня. Для всего этого язык мой должен быть как гусли.

Но остерегайтесь, иереи, чтобы он не прозвучал чего-нибудь нестройного. Буду хранить язык чистым и для чистых жертв, посредством которых великого Царя привожу в общение с земнородными. И не чуждым языком, не оскверненным умом буду воссылать Чистому животворящую жертву. Один источник не дает сладкой и горькой струи. Пурпуровой одежде всего неприличнее грязь. Необычайный огонь погубил древле сынов жреца, которые прикасались к жертве нечисто. О священном же кивоте великого Бога слышу, что он некогда и наклоненный к падению убил прикоснувшегося. Сего-то я сильно трепещу и боюсь, чтобы не потерпеть мне чего-нибудь, нечисто прикоснувшись к чистой Троице.

О если бы непотребный и непостоянный ум, который мечется туда и сюда во многих суетных порывах, мог я, хотя цепною уздою, привести ближе к цели и удержать в сердце совершенно свободным от обольщения! Лучше же сказать, если он ближе будет к великославному Христу, то озарится лучами великого Света. Да и теперь, будучи заключен внутрь, менее делает зла, хотя бы и стал несколько блуждать вдали от Бога. Когда пламень, или поток, огражден твердыми камнями; хотя клокочет внутри, но не губит частого кустарника или нивы, и скрываясь в камнях, живет полумертвый. Но слово, как скоро сорвется с многозвучного языка, неудержимо буйствует и не возвращается назад. Впрочем, если кривую ветвь, понемногу

разгибая руками, согнешь в противную сторону; то она, освободившись от насилия руки, делается прямою и не принимает на себя прежней кривизны. Так и я, приметив, что стремительность беглого слова не знает ни веса, ни меры (тогда только была для меня и жизнь, когда было слово), изобрел наилучшее врачевство, совершенно удержал слово в высокоумном сердце, чтобы язык мой научился наблюдать, что ему можно говорить, и чего нельзя. Усвоив себе совершенное молчание, он усвоит доброе слово. Я лишил его всего, и он не будет презирать меры. Да обратится сие во всегдашний закон для неумеренных!

И то великое приобретение, если сдерживаешь слово готовое разразиться, когда со вне ударяют в твое сердце. Укрощая слово, ты укрощаешь и волнение гнева; и хотя не без труда, однако укротишь его. Если не даешь свободы языку, когда он кичится и приходит в дикую ярость, но держишь его в узде, то отворишь обиду. С покорением вождя покорится царь страстей, и ты отдохнешь от мучительного тревожения.

Для всего этого нужно руководство великого Царя Христа, но потом нужно и кормило нашего ума. Если не Христос у тебя правителем; то ни к чему не полезны и молчание твое и даже еще большее терпение. Если узкий исток озера, зажав руками, откроем опять, оно тотчас потечет. Напротив того, пресветлое слово повелевает тебе, добрый мой, начав с сего, удерживать ток всех зол.

Таковы, любезнейший, поучения моего безмолвия; так говорит тебе моя рука, выражающая мысли. Это – мое плавание; а ты поспевай к другому плаванью. Всякий носится своим направлением ветра.

Но если кому, или из врагов моих, или из доброжелателей, угодно слышать другую причину моего молчания; вот она.

Было время, когда имел я очень много твердости в нравах. Христос Царь вел меня на противника, а в сердце у меня была вера тверже адаманта; отовсюду ограждался я крепкими стенами, не оскверненный ум свой назидал Божиим словом, извлекая дух из священной буквы; а с тем вместе извергал из себя соленую горечь книг, читанных мною и прежде, эту красоту,

блестящую накладными прикрасами, кипучую же плоть свою, пока цвела она юностью, изнурял многими и частыми трудами. Отнял у чрева наглость пресыщения и неразрывное с ним неистовство, утвердил око в веждах целомудрием, переселил гнев, связал члены, заградил смех. Все тогда покорилося Слову, все во мне умерло. Голая земля была у меня ложем; боль в боках, жесткие одежды служили пособием к бдению и извлекали у меня слезы; днем сгибал я свой хребет, и во всеобщих песнопениях стоял в прямом положении, не зная свойственной людям привязанности к удобствам жизни. Так было тогда; потому что кипела еще во мне плоть, которая обыкновенно усиливается остановить великий свет в небесном его восхождении. Сверг я с себя и тяжелое бремя земных стяжаний, чтобы, стряхнув всякую тяжесть, облегченному возноситься к Богу.

А теперь, когда постигла меня жестокая болезнь и изнурила старость, впал я в новое злострадание. У меня неукротимый и доблоречивый язык; он-то всегда предавал меня множеству напастей руками завистника. Я не делал нашествий ни на чьи престолы, никого не изгонял из отечественной страны, не строил козней, не поражал злоречием, ничего не делал противного закону наших жертв (сие известно Слову), не оскорблял ни Епископа, ни кого-либо другого; потому что негодую на всякого народного вождя, о котором идет подобная молва (а таких вождей, к сокрушению моего сердца, полны ныне море и широкие пределы земли). Но мне повредило недоброе слово. Я не думал сего прежде, однако ж оно повредило; ибо возбудило ко мне зависть во всех друзьях.

А для того, чтобы попользоваться чем-нибудь от меня и тебе, зависть, умолкни, любезный язык, умолкни ненадолго. Я не свяжу тебя навсегда; этого не получит от меня ненавистник слова.

Сказывают об одном Самосском царе, который во всем имел успех, что он, в угождение зависти, сам себе причинил огорчение, и любимое отцовское кольцо бросил в море. Но рыба, проглотившая его, попала в сеть; рыболов принес рыбу к царю, царь отдал служителю с кольцом, которое было в ее

внутренности; и рыбу приняло в себя чрево, а кольцо получила рука. Удивительное дело! Царь хотел огорчения, но не нашел его.

Так и со мною. Зависть всегда смотрит на мое слово дикими глазами; потому избрал я для себя глубину молчания, и доселе подражаю Самосцу. Но не знаю ясно, что будет завтра, худой или добрый встретит меня конец.

Ты, Врачевство человеков, останови зависть, и освободив меня от жестоких языков, введи во светлость Свою, где бы я, величая Тебя с присноживущими светами, мог возглашать устами стройную песнь.

Прими же сии безгласные вещания руки моей, чтобы был вещий памятник моего безмолвия.

Песнь Христу после безмолвия в Пасху

Царь мой, Христос! поскольку опять отдаю воздуху долго удерживаемое слово, то Тебя первого наименую устами. Пред Тобой изливаю из ума своего сие слово – сие (если позволено сказать так) непорочное приношение чистейшей жертвы.

Отчий свет, Слово великого Ума; превосходнейший всякого слова, вышний Свет всевышнего Света, Единородный, Образ бессмертного Отца и Печать Безначального, Озаряющий вместе с великим Духом, Конец необъятного века, великославный, Податель блаженства, превознесенный, небесный, всемогущее Дыхание Ума, Правитель мира, Жизнеподатель, Зиждитель всего, что есть и будет, – Тебе все принадлежит, Ты связал мановением основания земли и все, что Тебе было угодно, несешь неуклонной стезею. По Твоему манию, Царь, высокошественное солнце, востекши на огнистый круг, затмевает собою звезды, как Ты затмевашь умы. По Твоему манию то живет, то исчезает попеременно, и опять является в полном свете око ночи – луна. По Твоему манию зодиакальный круг и этот размеренно кружащийся хоровод определяют меру годовых времен, не приметно между собою растворяемых. И неподвижные и подвижные, возвращающиеся на прежний свой путь, звезды суть глагол Твоей Божественной мудрости. Твой свет – все те небесные умы, которые воспевают славу пренебесной Троицы. Твоя слава – человек, которого поставил Ты здесь ангелом, песнословцем сияния Твоего, о бессмертный Свет и вновь родившийся для смертного, бесплотная Высота, напоследок же, чтобы избавить от гибели смертных, Плотоносец! Для Тебя живу, для Тебя говорю; я одушевленная пред Тобою жертва – единственное приношение, оставшееся у меня от всех моих стяжаний. Для Тебя связывал я свой язык; для Тебя разрешаю слово. Но молюсь, соделай, чтобы то и другое было свято, чтобы я говорил, что прилично, а непозволительного и не помыслил; отринув грязь, источил маргарит, из песка извлек золото, из колючих тернов – розу, оставив солому, собрал с колосьев пшеницу.

Сии начатки ума моего принося Тебе, Христос, язык мой сложил первую песнь. В сей день великий Христос воззван от мертвецов, к которым приложился. В сей день отразил Он жало смерти, сокрушил мрачные затворы унылого ада, даровал свободу душам. В сей день, воспрянув из гроба, явился Он людям, для которых родился, умер и возбужден из мертвых, чтобы мы, возрожденные и избежавшие смерти, восхищены были с Тобою восходящим. В сей день светозарный и великий ангельский лик исполнился радости, воспевая победную песнь. В сей день и я, разрешив уста от молчания, вознес громкий глас, и вот стал я гуслими, чтобы славословить Тебя. Уму разверз я внутренность ума и Слову – слово; а потом, если угодно, разверзну и великому Духу.

Мысли, писанные двестишиями

Все с себя сбрось, и тогда рассекай житейское море; но не пускайся в плавание как грузный корабль, который готов тотчас потонуть.

Помни непрестанно страшную смерть, как будто она у тебя перед глазами; и встретишь ее менее грозною.

Непрестанно созидай ум свой в храм Богу, чтобы внутри своего сердца иметь невещественную опору – Царя.

Познай себя самого, из чего и каким сотворен ты, доблестный мой, – и чрез сие удобно достигнешь красоты Первообраза.

Тебя один день ведет к другому; и тот постоянно влается, кто сам в себе легок; но в сердце человека благоустроенного есть некончаемый день.

Кто полагается на преходящее и приходящее, тот вверяется потоку, который не стоит на одном месте.

Для меня равно худы – и негодная жизнь и негодное слово. Если имеешь одно, будешь иметь то и другое.

Нечистому приступать к жертвоприношению значит оскорблять Бога. Но еще более оскорбляет Его тот, кто чтит всякие останки мертвых.

На пути к совершенству никогда не останавливайся. Худо сходить непрестанно в глубину. И ты, который только выходишь из бездны греха, еще стоишь.

Тот зрячий слепец, кто не видит, сколько пагубен его грех. Уметь открывать следы зверя – признак острого зрения.

Если, имея нужду во врачех своих немощей, скрываешь болезнь; то не спасешься от неисцельной гнилости.

Твое слово, мое дело. Кто сделал не доброе дело, тому сомнительный помощник – красноречие.

Пресыщение делает наглым, а я тебе, доблестный мой, желаю позаботиться о том, что вечно питаемую душу удерживает в должных пределах.

Желаю также, чтобы ты богател одним Богом, а целый мир почитал всегда наравне с паутинными тканями.

Блага настоящей жизни весьма чужды для человека; человеческая добродетель – вот что одно составляет жизнь.

Приступите, всем вопиет слово нелживого Советодавца – Бога, приступите немедленно к познанию пренебесной Троицы!

Вы, на кого в сей жизни наложил свои узы честный брак, приложите ума, как бы вам больше плодов внести в небесные точила!

А вы, невесты девы, приявшие в объятия свои Слово великого Бога, старайтесь в дар Богу принести все!

Одинокая жизнь – всеозаряющий свет; но надобно устранить сердце от мира, и держать себя вдали от плотского.

Оскорбительно для веры – не в сердце ее иметь, но поставлять в каком-нибудь цвете. Краску не трудно смыть; а я люблю то, что проникло в глубину.

Не надобно иметь ни справедливости неумолимой, ни благоразумия, избирающего кривые пути. Лучше всего – во всем мера.

Умеряй свою смелость, иначе будет она дерзостью, а не мужеством. К признакам целомудрия принадлежит и некоторая веселость.

Прекрасно иметь ум, отверстый всегда для Божьего слова; чрез сие приобретается ведение небесных законов.

Спеши стать совершенным; не угождай тем, кому всего лучше не угождать; тешить грех – самая бесславная слава.

Добродетельному стыдно быть защитником порочных; это почти то же, что собственной ногою стать на стезю порока.

Золото испытывается в горниле, а добродетельный – в скорбях. Часто скорбь бывает легче состояния невредимости.

Легко отречется и великого Бога, кто отрекся отца. И наставника в благочестии уважай, как отца.

Моль все поедает; и на гроб не оставляй своего достоинства; лучшая погребальная почесть – доброе имя.

Щади своих ближних, особенно же мертвых, которые все оставили и не могут ничего тебе сделать.

Оставив весь мир и всякое здешнее бремя, направляй парус в небесную жизнь.

Непрестанно простирайся на дела более и более совершенные, умудряемый Богом; паче же всего предметом твоих попечений да будет Троица.

Двустишия

За хорошим началом следует и прекрасный конец; справедливость сего показывают самые последствия дел.

Вот начало, которое приносит людям хороший конец, – свято трудись над очищением жизни!

Окрыляемый учением, не летай без действительных крыльев; потому что без крыльев и птица не летает.

Человеку в жизни наибольшая слава – ведение; но и оно вредит употребляющему его во зло.

Смотри, чтобы не уловила тебя в обман суетная слава, – это западня для людей недалеких умом.

Делая хорошее, старайся и стоять в этом; потому что к худому переход скор.

Обуздывай смех, и гневу полагай предел, всеми же мерами гони от себя праздное слово.

Прежде всего бойся Бога, чтить родителей, об иереях говори с похвалою, и имей в уважении старцев.

Сыну никогда не входить в спор с отцом – повелевает закон, а прежде закона – природа.

Чего вовсе не хочешь терпеть от другого, того и сам не желай делать другому.

Для сделавшего тяжкий проступок, гнев не тяжек; потому что суд воздает только равным за равное.

Из мудрых уст каплют самые сладкие слова; а горькая гортань изрыгает брани.

Потоки сладости исходят с языка доброглаголивого, а в нескромных устах рождаются гнилые речи.

Друзья любят и любимое друзьями, а враги презирают и срамят друзей.

Для бедных друзей затворены двери богатых; богатым же всегда приятны блистательные чертоги.

Вода – прекрасный напиток; она не нарушает ясности мыслей; а выпитая чаша вина мутит ум.

Вино, по природе своей, незнакомо с целомудрием; тем и производит оно удовольствие, что раздражает.

Ум легок и не терпит обремененного чрева; потому что у противоположного с противоположным всегда борьба.

Лучше слегка принять пищи, нежели быть за богатым ужином, но только во сне.

Глупец во сне делается богаче и того, кто имеет у себя бездну денег.

Лучше быть бездетным, нежели иметь глупых детей; там один бездетен, а здесь многие худы.

Для всякого умершего человека целая земля есть гроб; потому что все, что из земли, на земле и в землю обращается.

Пастух, когда захочет, доит и козлов, но вместо молока выжимает у них потоки крови.

Свинья, когда видит, что готовят ей корм, умеет сдержаться и не хватается прежде времени.

И бесчинных людей принуждай не нарушать приличного и установленного законами порядка.

Соблюдая закон, изгонишь вон страх; потому что всякий исполнитель законов – вне страха.

Сведущий кормчий избежит девятого вала; а ум, обогащенный мудрыми мыслями, спасется от всякой беды.

Не замышляй ничего противного добродетельной жизни; потому что заблуждение порока очевидно.

Большая наковальня не боится стука; и мудрый ум отражает от себя все вредное.

Зайца приводит в страх шум листьев, а человека робкого пугает и одна тень.

Ненавижу бедняка, делающего подарки богатому, как человеку, который сладко говорит, но забывает накормить.

Злонамеренный оратор извращает законы; а благонравный оратор – самая стройная гармония.

Богатые смеются укоризнам сирот; они смеются даже и Божию наказанию.

На собственную пагубу хвалится законами, кто незаконно требует соблюдения законов.

Обычное дело бедняку не думать о себе высоко, потому что у одних богатых не бывает забот о средствах жизни.

Учи глупых, соображаясь, сколько можно, с их природой, тогда, может быть, сверх чаяния, сделаешь их благоразумными.

От удара железа воспаляются и камни; плотно свитый бич образует сердце.

Весьма худо и давать клятву, и требовать ее; в обоих случаях оскорбляешь правду.

Собирай сокровище для нескончаемого века, а настоящий век оскудевает даже прежде своего конца.

Не будь привязан к счастью, которое разрушается временем; а что время строит, время же и разрушает.

Неприлично женщинам выказывать в себе мужеский нрав; всякое другое правило кроме стыдливости чуждо благонравной женщине.

Удовольствие для наслаждающегося им кратковременно; едва наступит, как и улетает, подобно камню.

Для больного никакое богатство не предпочтительнее здоровья; и природа поступает премудро в том, что всегда желает здоровья.

Слова неразумного человека – шумный плеск моря, которое бьет в берега, но не напояет береговых растений.

Подарок заставляет и мудрецов видя не видеть; золото – такая же ловушка для людей, как сеть для птиц.

Скорби преждевременно рождают седины; чего лишил нас образ жизни, того не восстановит время.

Богатство – самый проворный приспешник в худом; потому что при могуществе всего сподручнее сделать зло.

Никакое приобретение не лучше друга; но никогда не приобретай себе в друзья худого человека.

Уважай порядок и предпочитай могуществу; потому что сам он есть могущество и всегдашний охранитель могущества.

Ум озабоченный – это моль, которая точит кости; тело цветет, когда избегает забот.

Никакое пресыщение не бывает целомудренно; потому что огню свойственно сжигать вещество.

Вино – это поджога остывшей страсти; а всякое подложенное в огонь вещество усиливает пламень.

Кто боится тяжёб, тот избежит и гнева; потому что тяжбы часто воспаляют сердце гневом.

Ужасно прибавлять трудов изнемогающему в трудах; однако же труд нередко прекращал труды.

Иной боится тех трудов, какие несут другие; а посмотри, и сам он завален трудами своего рода.

Забойся всегда о вечной славе; потому что настоящая слава ежедневно обманывает.

Гнев – небезопасный для всякого советник; что предпринято в гневе, то никогда не бывает благоразумно.

Змия зла, аспид хитер; в этих животных видна порознь злоба, соединенная в одной женщине.

Смотря на голые кости, убедишься, что все здешнее не принадлежит нам существенно.

Если молодой рак ходит не прямо, то берет для сего пример с матерней походки.

Делая принуждение природе, и от худых учителей, без сомнения, произведешь хороших учеников.

Украшай себя добрыми отличиями жизни и не презирай бедного сироту.

Когда даст Бог, ничего не сделает зависть; а когда не даст, не поможет никакой труд.

Рождаешь, ехидна? – Не избегай мук рождения; когда ты зачала, то испытаешь, что испытала твоя мать, рождая тебя

За явную робость никого не признают храбрым; одни победы приобретают похвалу.

Сонливый человек – изобретатель грез; потому что сон знаком только с призраками, а не с действительными вещами.

Принуждение убеждает и против воли; оно не редко связывает руки и исполинам.

Когда народная толпа в заблуждении, всякий начинает кричать, и все обращается в беспорядок.

Бездельного дела никогда не называй делом, ибо все бездельное достойно презрения.

И у собак, которые сбежались на падаль, уважается порядок.

Когда говорит золото, тогда все другие слова не действительны. Оно умеет убеждать, хотя и не имеет языка.

Могут и ныне наслаждаться миром преданные скоропреходящим благам этой жизни.

Песнь Богу

1. О Ты, Который превыше всего! ибо что иное позволено мне изречь о Тебе? как воспеснословить Тебя слово? ибо Ты неизрекаем никаким словом. Как воззрит на Тебя ум? Ибо Ты непостижим никаким умом. Ты един неизглаголан; потому что произвел все изрекаемое словом! Ты един неведом; потому что произвел все объемлемое мыслию. Тебе воздает честь все и одаренное и не одаренное разумом! К Тебе устремлены общие (всех) желания; о Тебе болезнуют все сердца; Тебе все воссылает моления; Тебе все, уразумевающее Твои манования, изрекает безмолвное песнословие. Тобою единым все пребывает. К Тебе все в совокупности стремится. Ты конец всего, Ты един и все; Ты ни един, ни единое, ни все. О Всеименуемый! Как наизменю Тебя, единого неизменного? Да и какой небесный ум проникнет сквозь заоблачные покровы? Будь милосерд, о Ты, Который превыше всего! ибо что иное позволено мне изречь о Тебе?

2. Дай воспеснословить, дай прославить Тебя, нетленного Единодержца, Царя, Владыку! Тобою песнь и хвала, и ангельские лики, и нескончаемые веки; Тобою сияет солнце, Тобою путь луны, и вся красота звезд; Тобою человек, отличенный честью, как животное разумное, получил в удел мысль о Божестве. Ты создал все, каждой вещи указываешь ее чин и все объемлешь Своим промыслом. Ты изрек слово, и совершилось дело. Ибо слово Твое есть Бог Сын, единосущный и равночестный Родившему. Он привел все в устройство, чтобы над всем царствовать. А всеобъемлющий Святой Дух Бог хранит все Своим промыслом.

Воспеваю Тебя, живая Троица, единая и единственно единоначальная, Божество неизменяемое, безначальное, Естество неизглаголанной сущности, Ум непостижимый в мудрости, небесная Держава, непогрешимая, неподначальная, беспредельная, Сияние неудобозримое, но все обзирающее, от земли и до бездны ни в чем не знающее для Себя глубины!

Будь милостив ко мне, Отец! даруй мне, чтобы всегда служил я сей святыне; а грехи мои отринь, очистив совесть от всякого худого помышления, чтобы я прославил Бога, воздевая преподобные руки; благословил Христа, и коленопреклонно испросил у Него – принять меня, раба Своего, когда придет Он во царствии!

Будь милостив ко мне, Отец! да обрету у Тебя милость и благодать; потому что Тебе слава и благодарение в безмерные веки!

Молитвы

Молитва ко Христу

1. О если бы и мне не забыть Тебя, и Ты не забыл меня, Царь, предмет искания мудрых, и Тройственный Свет! О если бы не похитил меня неприязненный и не скрыл в таинцах ада, за ненавистными затворами тьмы! Он страшен и злокозен для друзей Твоих. Но знаю, что избегну его, если Ты обо мне памятуешь, и непрестанно ограждаешь меня словом Своим и мыслию о Тебе.

2. Наставник! меня, ученика Твоего, объемлет страшная волна; пробудись, пока я не умер! Повели только, и буря умрет. Осмеливаюсь нечто сказать Тебе, Христос мой: не попусти, чтоб подавила и угасила меня тяжесть скорбей! Ибо многие у Тебя ниже меня, и Ты помиловал их; не суди же и меня по заслуженному мною; но сними с меня большую часть бремени! Кто понесет тяготу даже и одного только дня? К кому прибегну обремененный злостраданиями?

3. Если бы расстроился у меня телесный состав; то искал бы я врача. А если бы я был какой-нибудь бедняк, то пошел бы к богатому. Во время бури укрылся бы в пристанище. И если бы меня обидели; то прибегнул бы к законам и судилищам. Падающего с стремнины спасал иногда куст. Но если запинаят меня растлитель во мне Божия образа; то в ком найду я опору, кроме Тебя, Повелитель?

4. Новое, новое что-то, о Божие Слово! новое что-то происходит со мною! Глубина сердца моего опустела; не стало в ней ни мудрого слова, ни мудрой мысли. Правда, что лукавый дух стремительно бежит от меня; однако же его место не занято во мне ничем лучшим. Наполни меня Ты Своими благами, чтобы опять не пришла ко мне зависть, и не обратила меня в свою рабочую храмину, – что будет хуже прежнего!

5. Опять пришел змий; за Тебя емлюсь, Христе! Да предстанет Давид, и да бряцает в гусли! Отойди, отойди от меня, дух, который давишь зло (1Цар. 16, 15)!

6. Опять пришел ко мне змий. За тебя емлюсь, Боже; поддержи, поддержи меня, не предавай на поругание Своего

образа, да не похитит меня враг, как птицу из гнезда!

7. Увы! и суда боюсь, и желаю разрешения. Здесь я гоним, не имею минуты отдыха в жизни. А туда Ты меня зовешь, но не имею дерзновения. Твой я, Христе! спаси меня, как Сам благоизволишь!

Молитва утренняя

Утро! Даю десницу мою Богу – не делать и не одобрять дел темных, но Тебе преимущественно принести в жертву сей день, пребывая непоколебимым и самовластителем страстей. Если же проведу его худо; стыдно мне будет старости и этой Трапезы, которой предстою. Таково мое желание, Христе; успехом же увенчай его Ты!

Молитва вечерняя

Солгал я пред Тобою – Истиною, Слово, когда посвящал Тебе настоящий день. Не совершенно светлым застигла меня ночь, не каким обещался и надеялся быть. Но в ином преткнулись мои ноги; потому что наступил мрак, ненавистник спасения. Ты, Христе, воссияй свет Свой, и снова явись мне!

Молитва на другое утро

Погиб для меня вчерашний день, Христе! Нашел и мгновенно овладел мною гнев. О если бы нынешний день стал для меня днем света!

Молитва в болезни

1. Стражду от болезни и изнемогаю телом. Иные высокомерные, может быть, смеются над моим страданием. Расслабили мои члены, и ноги ходят не твердо. Не знаю, следствие ли это воздержания, или следствие грехов, или какая-нибудь борьба. Впрочем, благодарение моему Правителю! это, может быть, для меня же лучше. Но запрети болезни, запрети словом Своим; Твое слово – для меня спасение! А если не запретишь; дай мне терпение – все переносить. Пусть тля и достанется тле; соблюди образ: тогда будешь иметь во мне и совершенного раба.

2. Укрепи меня, Христе! Отчего расслаб я – Твой служитель? Бездействен язык, Тебе песнословящий; и Ты допускаешь сие? Восстанови меня, и не отринь Своего священника!

3. Снова желаю восстать, быть проповедником спасения и очищать народ. Умоляю Тебя, Крепость моя, не оставь меня! А если изменил я Тебе во время бури; то да обуреваюсь еще!

Молитва шествующего в пути

Царь мой, Христос! Ты, в Котором все блага для Твоих человеков; Ты, Который во всем для них путь прямой; Ты огнем и облаком вел воинство; Ты возлюбленным Своим открыл путь в рассеченном море, а Фараона в нем потопил; Ты посылал им с неба необычайный хлеб, из твердого камня источил реку; Ты (о великое чудо!) остановил в пустыне стремительность людей неприязненных, когда Моисей распростирали руки, прознаменуя крест – мою помощь; Ты остановил течение луны и солнца, соделал, что река отступила пред поспешающими, и открылся удобный путь в землю, которую сам Ты обещал и указал; Ты показал, напоследок, людям стезю в самое небо, и к древнему пути присоединил новый, когда пришел на нашу землю. Ты – вместе Бог и человек, и опять вознесся отсюда на небо, чтобы прийти к ожидающим светонеснее прежнего. Ты сам ходил по морям, Своими стопами попирали волны, обуреваемые сильными ветрами. Приди же ныне, Блаженный, сопутствовать и мне зовущему! Дай мне доброе шествие и благого Ангела, путеводителя, защитника, помощника, чтобы он, и ночью, и днем, как можно дальше, отводя меня от всякого зла, и после трудов доставив мне желанный конец пути, как из дома извел невредимым, так и возвратил меня опять домой – к родным и к друзьям, возлюбившим подобный путь жизни, и я, свободный и ничем не возмущаемый, мог день и ночь возносить к Тебе Молитвы, ведя жизнь, не оскверняемую грехами, и окрыленный ум непрестанно восторгая к Тебе, Свет моей жизни, пока не совершу последнего и общего всем пути, и пока не достигну единого с благочестивыми конца трудов! Для Тебя живу я, Царь мой Христос, для Тебя и говорю, для Тебя сижу на одном месте, для Тебя заносу стопу моей ноги; потому что Ты покрываешь меня Своею рукою. Но и теперь приведи меня к доброму пределу моего путешествия!

2. Без Тебя, Христе Царю, не возможно поднять и стопу ноги; в Тебе все блага для Твоих человеков; Ты во всем для них путь прямой; на Тебя уповаю, иду и по этой стезе. Препроводи

же меня невредимым, и даруй мне, чего надеется сердце! Приведи и обратно меня, Царь, в скудный мой дом, где бы я мог на свободе умиловать Тебя и день и ночь!

3. Ты, Который огнем и облаком вел воинство; Ты, Который открыл путь в море гонимым, и волны сделал для них твердыми, хлеб же необычайный с неба дождал нечающим, из утесистого камня источил поток! приди и ныне сопутствовать зовущему Тебя служителю, Христе, Свет человеков, Податель всякого успеха!

4. В Тебе, Божие Слово, упоковаемся мы, находясь дома; Тебе посвящаем свой досуг; Ты – мое сидение; Ты – мое пробуждение и мое стояние; Ты также – мое шествие. И теперь по Твоему мановению шествую прямою стезею. Но пошли мне какого-нибудь Ангела путевода, благоуспешного предстателя, который бы вел меня столпом огненным и облачным, рассек море, остановил реки словом, обильно препитал небесным и дольным хлебом, руками же изображая крест, обуздal дерзость врагов, не пожигал меня зноем в полудни, не причинял мне страха в ночи! А неровную и крутую стезю соделай для меня, служителя Твоего, гладкою и удобопроходимую, как и прежде неоднократно, покрывая Своею рукою, на суше и на море спасал Ты меня от опасностей, от жестоких болезней и от всего неприязненного, чтобы, совершив все благоуспешно и согласно с надеждами, потом получив счастливый конец пути, опять возвратился я к друзьям и сродникам, и с радостью встречен был дома радующимися, а по успокоении от труда, поклонился Тебе, моля о том, чтобы и окончательный путь мой был спокоен и легок!

Плач и моление ко Христу

1. Увы мне! Спешу к небу, к Божией обители; но меня держит эта плоть: нет мне выхода из многоскитальческой жизни, из ненавистного греха, который привязал меня к дольнему, отовсюду оглушая внезапными заботами, подающими красоту и дарования души. Но Ты, Царь, разреши, разреши меня от земных уз, и вчини в небесное ликостояние!

2. Мать моя, для чего ты родила меня, когда родила на труды? Для чего извела в эту жизнь, усеянную терниями? Если сама ты жила беспечно, как бесплотная; то это – великое чудо. А если и ты страдала; то не из любви ко мне родила меня. Всякий идет своею стезею жизни: иной – земледелец, а другой – мореплаватель; иной – какой-нибудь зверолов, а другой вооружил руку копьем; иной – искусный певец, другой – победитель на поприще. Но мой жребий – Бог; мой удел – терпеть множество скорбей, изнемогать здесь от мучительной болезни. Терзай, терзай меня, злодей, до времени! Скоро с радостью оставлю тебя, а с тобою и все тяжкие бедствия.

Мать моя, для чего ты родила меня, когда не могу ни мыслю постигнуть, ни изречь Бога, сколько желаю? Осияло, правда, очи ума моего малое какое-то озарение пренебесной, равносветлой Троицы; но большая часть (к скорби моей) ускользнула от меня, пролетев быстро, как молния, прежде нежели насытился я светом. А если бы здесь мог я постигнуть Тебя, возлюбленная Троица; то не стал бы жаловаться на родившую меня утробу матери: это значило бы, что я родился в добрый час. Но спаси, спаси меня, Божие Слово; и извлеки из горькой тины, води в иную жизнь, где чистый ум, не покрываемый более примрачным облаком, ликует пред Тобою, о Пресветлый!

3. О, я несчастный! Что будет со мною? Могу ли как избежать пороков, укрыв жизнь в глубинах, или в облаках? Говорят, что есть страна, где нет ни зверей, ни болезней; о если бы нашлось где место свободное от греха, чтобы мне туда убежать! На сушу укрылся иной от тревожного моря, другой

спасся под щитом от копья, и под крышею дома – от хладного снега. А грех всесторонен, – обширное и неизбежное царство. Илия на огненной колеснице взошел на небо. Моисей избежал некогда определения детоубийцы – мучителя. Невинный Иона спасся от безвестной смерти в китовом чреве. Даниил избавлен от зверей, а отроки – от племени. Но мне как избыть от греха? Ты спаси меня, Царь мой Христос!

4. Увы мне, Христос мой! опять пришел ко мне змий. Увы мне! пришел ко мне весьма уstraшенному. Увы мне! я вкусил с этого древа познания. Увы мне! зависть уверила меня, что мне завидуют. Богом не стал я, и изринут из места наслаждения. Угаси несколько, о меч, палящий твой пламень, и опять приими меня под сень райских дерев, как разбойника, который взошел туда со Христом с крестного древа!

5. Увы! тесно мне в этом мире; знаю, что большая часть жизни протекла, и от меня пахнет уже мертвецом; а пороки мои не хотят истребляться вместе с летами жизни. Или продли время мое, Дыхание человеков; или избавь меня от зол! Это – дело Твоей благодати. А если не угодно сие Тебе; то уже я мертв. Чего же еще больше? Разве ждет меня милосердный огонь?

6. Увы! тесно мне и в жизни, и при конце жизни. Здесь грех, а там наказание. Стою в середине, боюсь огненной реки. Надеюсь больше на Тебя, Христос, нежели на здешние подвиги. Если бы у меня была возможность, хотя несколько, очиститься; это было бы всего лучше. Но если непрестанно умножается во мне зло; то пора разрешиться, пока не постигла меня худшая участь.

7. Какое это принуждение! Вступил я в жизнь? – прекрасно! Но для чего же обуреваюсь треволнениями жизни? Скажу слово; оно смело, однако же скажу его. Если бы не твой был я, Христе; мне стало бы это обидой. Мы родимся на свет, утомляемся, насыщаемся, спим, бодрствуем, ходим и бываем больны и здоровы; есть у нас и удовольствия и труды. Но временами года и солнцем наслаждается и все, что есть на земле. А умирают и согнивают телом и скоты, которые, правда, презренны, но не подлежат и ответственности. В чем же мое

преимущество? Ни в чем, кроме Бога; и если бы не Твой был я, Христе, стало бы это обидой.

8. Обманулся я, Христе мой, и чрез меру понадеявшись на Тебя, занесся высоко, – и очень глубоко ниспал. Но опять подними меня вверх; ибо сознаю, что сам себя ввел я в обман. А если опять превознесусь; то пусть опять паду, и падение мое да будет сокрушительно! Если Ты меня примешь, я спасен; а если нет, то я погиб. Но ужели для меня одного исчерпана Твоя благодать?

Плачь Григория о себе самом

1. Увы, увy! какие страдания! В чем согрешил я? Или один касаюсь чистых жертв Твоих не преподобно? Меня ли Ты, Очиститель, пережигаете страданиями, или сокращаете кичливость других, или для того обнажаете меня, чтобы вывести в борьбу с противником? Все это распределяете Сам Ты, Царь мой – Слово. Но я едва перевожу на земле последнее дыхание; выплакал все слезы; одно у меня занятие – плакать. Долго ли же оставаться мне в руках нечестивых? Но ты, Блаженный, восставь меня; пусть я худ, однако же священник; – восставь, чтобы не соблазнился кто-нибудь моими бедствиями! Утратилась моя похвала; да исчезнут и телесные скорби! Утрачена для меня Анастасия; да прекратится и грех! Увы! увy! слезы мои не пересыхают, сердце цепенеет в груди. Удержи, Царь сугубую болезнь! Удержи болезнь, – я погибаю. Ужели милосердие заключено для одного, служителя Твоего, Григория? Многими бедствиями и телесными скорбями сокрушен я. А у Тебя, Христе, есть благодать, – у Тебя, Который пережигаете меня страданиями. Или останови бедствия, и умиласердись над рабом Твоим; или дай силу переносить все с твердым духом!

2. Христос, свет человеков, столп огненный душе Григориевой, блуждающей по пустыне горестной жизни, удержи зломысленного Фараона и бесстыдных приставников; избавь меня от невяжущегося брения и от тяжкого Египта, смилив позорными казнями моих неприятелей, и даруй мне гладкий путь! Если же преследующий враг настигнет меня, рассеки для меня Чермное море, чтобы перейти мне по отвердевшим водам, поспешая в чудную землю, в мое достояние, как обещал Ты; останови широкие реки, отклони стремительное и стелющееся копьё иноплеменников! Если же взойду в святую землю; буду славословить Тебя немолчными песнопениями.

Царь мой Христос, для чего Ты опутал меня этими сетями плоти? Для чего вверг в жизнь – в этот холодный и тенистый ров, если, как слышу, действительно я – бог и Твое достояние?

Утратилась во мне крепость членов, не слушаются колена; меня расслабило время, сокрушила болезнь, изнурили заботы и друзья, расположенные ко мне не дружелюбно. А грехи не хотят покориться; но еще сильнее наступают на меня, и изнемогшего, как робкого зайца или серну, окружают эти псы, желая насытить свой голод. Или останови бедствия, и умиლოსердись; или приими меня к Себе после долговременных подвигов, и положи меру скорбям; или благое облако забвения да покроет мои мысли!

3. Увы мне! изнемог я, Христе мой, Дыхание человеков! Какая у меня брань с супружницей – плотью! Сколько от нее бурь! Как долга жизнь, как долговременно пресельничество! Сколько борений и внутри и со вне, в которых может повредиться красота Божия образа! Какой дуб выдерживает такое насилие ветров? какой корабль сражается с столькими волнами? Меня сокрушают труд и стечение дел. Не по своей охоте принял я на себя попечение о родительском доме. Но когда вступил в него; нашел расхищенным. Меня привели в изнеможение друзья, изнурила болезнь. Других встречают с цветами; а меня встретили камнями. У меня отняли народ, над которым поставил меня Дух. Одних чад я оставил, с другими разлучен, а иные не воздали мне чести. Подлинно, жалкий я отец! Те, которые со мною приносили жертвы, стали ко мне неприязненнее самых врагов: они не уважили таинственной Трапезы, не уважили (не говорю о чем другом) понесенных мною дотоле трудов (а их обыкли нередко уважать и порочные); они нимало не думают заглушить молву о нанесенных мне оскорблениях, но домогаются одного – моего бесславия.

4. Весьма много потерпел я бедствий, и, что составляет верх бедствий, претерпел, от кого всего менее думал терпеть. Однако же я не потерпел ничего такого, что потерпят сделавшие мне зло. Мои страдания проходят, а их злые дела, сколько знаю, Правосудие записало в железные книги.

5. Друзья, сограждане, недруги, враги, начальники! много испытал я от вас тяжких ударов. Знаю, вы скажете: нет. Но это записано в книгах; не утаитесь от меня.

6. Моими страданиями и скорбями да не утешается порочный, и да не смущает слабого ума добрый! Кто без болезней соделал хорошего лучшим? А страждущий знает, что она или врачевство для оскверненных, или борьба и слава для очищенных. Другому, Царь, дай славу без трудов; а для меня вожденно – приобрести Тебя страданиями и скорбями.

К самому себе

1. Помни сам себя, чтобы не забыть тебе, взирая на Бога; ты дал клятву, помни о своем спасении! Увы! увy! обаятель обманывает тебя своими лжеумствованиями, обманывает тебя неприязненный. Обратись скорее к Слову, чтобы не пасть глубже. Обними крест, и остановишь вред.

2. Истощается во мне образ Божий; какое рассуждение поможет мне? Истощается образ – дар пречистого Бога, и предается поруганию. О зависть, зависть! меня воспаляют чуждые мне учения и умствования.

3. Не струись, источник зла, не источай суетного, мысль! О если бы язык не осквернялся нечистотою! О если бы рука не касалась худого! тогда бы образ Божий пребывал во мне нетленным.

4. Посредством настоящего приобретай мир великий, без труда презирая все здешнее, как одно подражание высшему зрелищу! Покорись Слову, Которое ради тебя стало плотью. Что ж говорит Слово? «Идем отсюда» (Иоан. 14, 31)! Для того пришел Я сюда, чтобы преселить в горнее тебя, низринутого грехом. – Так повелевает Бог; поспешим, как окрыленные. Уготовь себя, как можно скорее, для неба, окрылив Словом драгоценную душу. Не оставляй при себе ничего лишнего, но сбрось с себя всякую тяготу суетной жизни и здешних бедствий!

5. Я жив и мертв. Кто мудрец, тот согласи это. Душою я мертв, а плоть хочет быть у меня сильною. Пусть лучше живет душа, а плоть моя умрет!

К душе своей

1. Есть тебе дело, душа моя, и, если угодно, дело немаловажное. Исследуй сама себя, что ты такое, куда тебе стремиться, откуда ты произошла, и где должно остановиться; действительно ли то жизнь, какою теперь живешь, или есть и другая кроме ее?

Есть тебе дело, душа моя! очищай жизнь следующим способом: размышляй о Боге и о Божиих тайнах; размышляй, что было прежде вселенной, и что для тебя значит эта вселенная; откуда она произошла, и до чего дойдет?

Есть тебе дело, душа моя! очищай жизнь такими размышлениями: как Бог правит кормилом вселенной, и обращает ее; отчего иное постоянно, а иное скоротечно, особенно же наша жизнь подлежит изворотам?

Есть тебе дело, душа моя! обращай взор к единому Богу. Какую славу имел я прежде, и в каком поругании теперь? Что это за сопряжение во мне, и какой конец моей жизни? Размышляй о всем этом, и остановишь шатания ума.

Есть у тебя дело, душа моя! что ни терпишь, не изнемогай!

2. Душа, взирай горе, а земное все забудь, чтобы тело не покорило тебя греху! Коротка жизнь сия; счастливец наслаждается, как бы во сне. Всякому выпадает разная судьба. Одна чистая жизнь всегда постоянна и многолетна, и всего лучше – жить такою жизнью. Иные уважают или золото, или серебро, или продолжительную трапезу – эти детские забавы в настоящей жизни; а другим дороги или прекрасные шелковые ткани, или поля засеянные пшеницею, или стада четвероногих. Но для меня великое богатство – Христос. О если бы мне когда-нибудь увидеть Его чистым, неприкровенным умом! Прочим же пусть владеет мир!

3. Куда идешь, дух мой? Остановись! Куда рвешься, несчастный? Увы! увy! обаятель обманывает тебя своими лжеумствованиями. Подойдет он несколько, и опять отступит назад, и снова подойдет ближе, как волк к тельцу, ласкаясь,

заманивая дикими своими прыжками, пока не отвлечет тебя от Божиих законов, и не уловит в снедь губительным зубам.

Плачь о душе своей

1. Часто, юная новобрачная, сидя еще на девственном ложе, оплакивает смерть возлюбленного супруга, и в брачном уборе начинает свою жалобную песнь; а рабыни и подруги, стоя здесь и там, плачут попеременно в облегчение ее грусти. И мать оплакивает любезного сына, еще не достигшего юношеских лет, и после мук рождения терпит новые муки. А иной сетует о своем отечестве, которое опустошено стремительным Ареем. Иной скорбит о доме, который истреблен небесным огнем. Какой же плач приличен тебе, душа, которую умертвил губительный змий, Божий образ запечатлев горькою смертью? Плачь, плачь, окаянная, это одно для тебя полезно. Покину дружеские и веселые пиры; покину великую славу красноречия и благородство крови; покину дома с высокими кровлями и все земное счастье; покину даже сладостный солнечный свет, самое небо и блистательные звезды, которыми оно увенчано. Все это оставляю тем, которые будут после меня; а сам, с повязкой на голове, как мертвец и бездыханный, возлягу на одр, последним сетованием утешу сетующих, получу ненадолго похвалу и беспрекословную любовь, потом камень, и под ним неумирающее тление. Впрочем не от этого смущается мое сердце; трепещу единственно правдивых Божиих весов.

2. Как мог демон отдалить тебя на столько от Христа, уловить твой язык, и слух, и зрение, о несчастная душа? Где ты блуждаешь вне кроткого Света, волнуемая желаниями и беспокойными заботами, трепеща одной тени страха, служа обольщениям, иссыхая и истаивая в порывах кипящего гнева? Не предавайся, душа, кружениям парящего ума, но и не забывай своей жизни, когда приближаешься к плоти, к прикровенным и явным плотским недостаткам! Пусть в дольном мире возмущается все жестокими житейскими бурями; пусть здесь время, как шашками, играет всем: и красотой, и доброю славою, и богатством, и могуществом, и неверным счастьем! А я, крепко держась за Христа, никогда не покину надежды, что увижу сияние во едино сочетаваемой Троицы, когда достояние

великого Бога, теперь смесившееся с плотью, а прежде образ Божий, вступит в единение с небесным.

Упреки неразумным стремлениям души

Ночное привидение, менада – бедное сердце мое! Ночное привидение, менада, долго ли будешь ты гоняться за удовольствиями, заглядываясь на все тебя окружающее? Ужели не уцеломудришься? Ужели не угасишь огня, который воспламеняет в тебе незаконные пожелания? Ужели не возгнетешь в себе прирожденной тебе разумной силы, приняв в поборники раздражительную силу? Что случилось с тобою, душа моя? Для чего помышляешь о том, что не соответствует твоему достоинству? Или не знаешь, что тебе одной даны бразды, и что ты должна управлять как бы колесницей, в которую впряжены три коня несходных свойств? Один конь благороден, другой бесчинен, третий кроток. И если ослабишь бразды буйному, он встает на дыбы, упрямится, приводит тебя в затруднение во время пути, кидаясь, сам не зная, куда; он присоединяет к себе и среднего коня, убеждает его быть с ним заодно, а коня благородного, как пленника, порабощает и увлекает против воли, хотя он и скорбит о совращении с пути. Но буйный конь, бесчинно, с самым бессмысленным стремлением, неудержимо несясь вниз, как с крутизны, нимало не смотрит вперед, не останавливает своего бега, пока не вринется во врата адовы, погубив и себя, и тебя, несчастная душа! А если бы ты рассуждала сообразно с своею природою, то с радостью бы предоставила весь путь благородному коню, который хорошо знает стезю, ведущую в горнее; ты и среднему коню строго бы внушила, чтобы он показывал свою рьяность, где только должно, и бежал заодно с конем умным; а коня бесчинного стала бы усмирять сильными бодцами, ни на минуту не послабляя узды. Тогда путь твой был бы радостен, добропорядочен, спокоен, беспечален, исполнен надежды. Ибо рассудок, как благородный конь, которому от природы дана сила брать верх, препобеждает, и непрестанно простираясь вперед, бестрепетно устремляя взор горе, минуя все здешние затруднения, не убавляет скорости своего бега, пока не

достигает назначенного Богом жребия, спасая и себя, и тебя,
блаженная душа!

На плоть

1. Гибельная плоть – черная волна зломудренного Велиара! Гибельная плоть – корень многовидных страстей! Гибельная плоть – подруга дольного скоротечного мира! Гибельная плоть – противница небесной жизни! Плоть – мой враг и друг, приятная война, неверное благо, плоть, непрестанно вкушающая плод человекоубийственного древа, брение, грязная цепь, тяжелый свинец, неукротимый зверь, порождение воющего со мною вещества, негодная кипучесть, гроб и узы царя твоего – небесного образа, который получил я от Бога! Еще ли не положишь конца бесстыдным порокам, не покоришься духу и седине, о окаянная злоумышленница? Тебя одну Христос, когда неблагообразие вещества приводил в благолепие словом, тебя одну образовал собственными руками, и напоследок сочетал с Божеством, чтобы возлюбленную тварь, наследницу великой жизни, но которую одуряющий Велиар обременил страданиями, спасти и Своею смертью избавить от лютой смерти. Посему окажи мне уважение, перестань безумствовать и питать непримиримую вражду к душе моей!

Рукою бессмертного Бога и тем бедственным днем, который, наконец, соберет во едино все дела смертных, свидетельствуюсь тебе, что, изнузив и низложив тебя скорбями всякого рода, сделаю бессильнее самых мертвецов, если не остановишь в себе безумия и тока кровей, прикосновением к краю чистых риз Христовых.

Посетите ж меня, наконец, очистительный источник слез и многотрудное бдение тела и ума, чтобы устудился во мне пламень, омылась зловонная гнилость мучительных страстей! Откажись от пресыщения, чрево; иссохните, преклоненные к земле колена; пепел да будет мне хлебом, жесткое вретище да покрывает изнеженные члены, служба ограждением обуреваемой душе! Прийди ко мне, не смеющая возвести взоров забота, смирительница персти, и непрестанно напоминай мне о грядущих бичах!

Таковы мои врачевства от неразумия! Но Твой, Христе, дар – и чистая жизнь, и жизнь из мертвых. Кто милостиво принял прародителя нашего греха и нашей крови, когда он стал оплакивать свое вкушение и обольщение? Кто слезами очистил развращенного царя Манассию? Кто разрешил Давида от великого греха? Кто спас смиренную Ниневию, видя ее в слезах? Кто проливал слезы о сыне юнейшем? Кто, с радостью приемля чистых по жизни, не извергал вон и мытарей? Кто возложил на рамена свои заблудшую овцу? Кто очищал прокаженных, изгонял жестокие болезни, подавая блага телу и душе? Твои это дары, о Блаженный, о Свет человеков! Взойди же на волнующееся море нашей жизни, и буря тотчас утихнет!

2. Блажен, кто ведет жизнь бесплотную, и великого образа не обложил примесью тины! Не многое, и то по принуждению, следует за небесными помыслами, а гораздо большее им противится и служит омрачением ума. Я порождение скоротечного; для чего делаешь подобным меня бессмертным? Если во мне Божие дыхание; то для чего, Христе, связываешь меня брением? Наступила старость, ослабели члены. Но если восставшая плоть, явно или тайно, приходит еще в бешенство и, что всего прискорбнее, таинника небесных жертв делает нечистым; то заклинаю тебя, плоть, великою державою Бога, или черным для нечестивцев днем, удержишь от наглости!

На лукавого

1. Пришел ты, злодей (знаю твои замыслы!), пришел ты, неуступчивый, лишить меня вожделенного и вечного света, Как же, будучи тьмою, явился ты мне светом? Не обманешь такую лживостью. И за что ты всегда воздвигаешь на меня такую жестокую брань, и явно и тайно? В чем завидуешь благочестивым после того, как изверг ты из рая первого Адама – Божию тварь, грехом перехитрил мудрую заповедь, и сладостной жизни предложил горькую снедь? Как мне убежать от тебя? какое средство изобрести против страданий своих? Сперва неважными грехами, как ручей впадаешь ты в сердце, потом открываешь себе широкую дорогу, а там уже входишь большою и мутною рекою, пока не поглотит меня твоя пасть, или бездна.

Но отступи от меня дальше, и налагай свои руки на те народы и города, которые не уразумели Бога; я – Христово достояние; я стал храмом и жертвой, потом буду богом, когда душа вступит в единение с Божеством. Ты покорись Богу и Божией твари, убоявшись Божия гнева, сонма душ благочестивых, и гласа их немолчных песнопений!

2. Беги от моего сердца, злокозненный! беги скорее, беги от моих членов, беги от моей жизни, тать, змий, огонь, Велиар, грех, смерть, пучина, дракон, зверь, ночь, засада, бешенство, смешение, завистник, человекоубийца! Ты, губитель, и прародителям моим на пагубу наслал вкушение греха и смерти. Христос-Царь повелевает тебе бежать на широту морскую, или на утесы, или в стадо свиней, как прежде негодному легиону. Удались же; или низложу тебя крестом, пред которым все трепещет. Я ношу крест в своих членах. Крест в моем шествии; крест в моем сердце; крест – моя слава. Ужели не перестанешь, злотворный, строить мне козни? будешь устремлять взор не на стремнины, не на Содом, не на толпы безбожных, которые рассекли великое Божество, а на мою седину, на мое сердце? Непрестанно очерняешь ты меня мрачными мыслями, ни Бога, ни Жертвы не трепещущий враг! Этот ум был громким

проповедником Троицы; а теперь видит пред собою конец. Не оскверняй же меня ты, нечистота! чтобы мне чистому встретить чистые небесные Светы, когда озарения их падут на мою жизнь. К вам простираю руки, примите меня! Прощай мир, прощай, многотрудный, и пощади тех, которые будут после меня!

3. Беги, всякий, кто лукав: во мне пишется Христос; да не рассеивается же собранная мною во едино мысль! Отступите от меня все, кого Христос не отводит вдаль от земного!

4. И это – твоё приращение, злобный; это ты, хитрыми изворотами закравшись ко мне в ум, убеждаешь меня ловить негу удовольствий. Но нет, не убедишь меня. Не верить тебе внушил мне Адам. Пресмыкайся же по земле; я буду попирать твою голову. А если у тебя останется ещё сил угрызать мою ногу; то повешу тебя, изваяв из меди. чтобы, взирая, спастись от вреда.

5. К Богу взываю. Что это? Беги от меня скорее, беги, злобный зверь, человекоубийца! Для чего тревожишь меня, не потерпев никакой обиды? Иди в своих свиней и наполняй глубины; они готовы принять тебя, низринувшегося в бездну. Но не прикасайся ко мне, иначе низложу тебя крестом: перед его державой все ужасается и трепещет от страха.

6. Отойди, отойди от меня, неприязненный человекоубийца! отойди, страшное привидение, неистовая злоба! Отойди! У меня в сердце Христос; Ему принес я в дар свою душу. Откажись от меня, и беги скорее прочь! Ах! помогите мне, Ангелы предстатели! Ах! ко мне приступает мучитель и так; умоляю вас, друзья, избавьте меня от него!

7. Приходил, приходил ты ко мне, злобный; но остановлен. Как скоро заметил я дым, догадался, что будет и огонь. Сильное зловоние – явный признак змия. А я поднимаю крест. Он страж моей жизни; он связует собою весь мир и приносит его Богу. Убойся креста, отойди, не являйся вторично. Меня благодать именует нескверным предстоятелем.

8. Долго ли тебе, долго ли подавлять меня бедствиями? За меня умер Бог, и потом воскрес. Уважь купель, отойди, человекоубийца! Как прежде уловил ты меня горьким сластолюбием; так теперь хочешь злобно умертвить. Отойди,

отойди; я чувствую твое нападение. Пусть одолеешь мое тело,
но ничего не потерпит ум.

О брани от бесов

Если бы не связал я молчанием говорливого языка и уст, когда собирал воедино ум для общения с Богом, чтобы самыми чистыми помышлениями почтить чистого Царя (ибо одна умная жертва прекрасна); то никак не постиг бы ухищрений пресмыкающегося зверя, или, конечно, не огласил и не признал бы их ухищрениями. Часто и прежде приходил он ко мне, то уподобляясь ночи, то опять под обманчивую личиною света; ибо чем не захочет, всем делается измыслитель смерти, этот в похищении чужих образов настоящий Протей, только бы, тайно или явно, осилить человека; потому что грехопадения людей – для него наслаждение. Но доселе никогда еще не видал я его таким, каким пришел он ко мне ныне, во время моих подвигов. Видя больше благоговения в душе моей, он воспылал сильнейшим пламенем гнева. Как тайная болезнь, скрывающаяся внутри неисцельной плоти, остановленная на время не вполне благопотребными врачевствами, и питаемая в невидимых полостях тела, не прекратившись еще в одном месте, прорывается в другом, и снова угрожает больному опасностью, или как поток, в одном месте прегражденный твердыми плотинами, напирает и вдруг проторгается в другом месте: так жестока и брань завистника. Если не страдал у меня от него язык; то вред приливал к чему-нибудь другому. Однако же не овладел он мною; потому что пришел Христос – моя помощь, Который спасал учеников от бури; Который многих, даровав благодать их хотению, освобождал от страстей и от демонских уз. Между тем искушал меня завистник, как и прежде человекоубийственной хитростью уловил родоначальника нашего. Но ты, Блаженный, удержи брань, и повели мне, по утишении бури, всегда приносить Тебе бескровные жертвы!

Разговор с миром

Вопрос. Хочу судиться с тобою, мир. Отвечай мне прежде всего: кто и откуда ты, и куда стремишься? Как же ты водишь меня, кругом вертя, как муравья?

Ответ. Не знаю, откуда произошел я, но без сомнения от Бога. Стремлюсь же к лучшему. Не я тебя вожу; но сам ты беспорядочен, сам оскорбляешь меня.

Вопрос. И так отчего ты стоишь твердо, а я непостоянен?

Ответ. Я не от себя таков; и что же в этом за превосходство? А ты одарен волею; если хочешь, приобретешь еще больше.

Вопрос. Хорошо! А что во мне от вне, кто тем движет?

Ответ. Что же в этом худого? Совершенным доставляет это случай ко спасению.

Вопрос. Или лучше винить себя самого?

Ответ. Совершенная правда!

О бренности естества человеческого

1. Мир дружелюбный, но дружелюбный не во всем! для чего ты, как вертящийся кубарь, когда желал бы я идти противной дорогой, стремительно увлекаешь меня, как мелкого муравья, сколько ни жалуюсь на жестокое насилие, – увлекаешь ты, столько величественный, меня – существо не маловажное? Знаю, что ты от Бога и Божия слава; но и я сам создан Христовой рукою, и составлен из того и другого, из земного и небесного. Хотя тело у меня из земли, но душа есть дыхание великого Ума. Но каким множеством бедствий влаюсь я туда и сюда, бедствий, происшедших то от меня самого, то от неприязненного! Как привыкший к морю дельфин на суше от воздуха умираю я. Моя жизнь миновалась, о мир; веди невредимым народ!

2. Как птицы, или как на море корабли, перегоняем друг друга – и я и время, ничего не имея в себе постоянного. Но (в чем я согрешил, то не проходит, а пребывает; и это всего бедственнее в жизни. Не знаю, чего желать себе, продолжения ли жизни, или смерти; в обоих случаях объемлет меня страх. Рассуди об этом сам. Жизнь моя обременена грехами; а если умру, увы! увы! там нет уже врачевства от прежних немощей. Если же это обещает жизнь, в которой столько скорбей: то значит, что и смерть не избавляет от бедствий. С обеих сторон пропасть; что же будем делать? Не лучше ли – обратить взоры к Тебе единому и к Твоему милосердию?

Жизнь человеческая

1. Эта краткая и многообразная жизнь есть какое-то колесо, вертящееся на неподвижной оси: то идет вверх, то склоняется вниз, и хотя представляется чем-то неподвижным, однако же не стоит на месте; убегая, держится на одном месте, и держась, убегает; стремительно скачет, и не может сдвинуться с места; силится движением своим переменить положение, и от того же движения приходит в прежнее положение. Посему ни с чем лучше нельзя сравнить жизнь, как с дымом, или с сновидением, или с полевым цветком.

2. Персть, брение, кружащийся прах! земля опять соединяется с землею, повивается земными пеленами, и снова делается перстью, как прах, который сильным круговоротом ветров поднят на высоту, и потом брошен вниз. Ибо так и нашу кружащуюся жизнь бури лукавых духов поднимают в высоту – к лживой славе; но персть тотчас падает вниз и остается долу, пока слово Сотворившего не совокупит того, что было соединено, и разрушилось по нужде. А теперь сия персть, в которую вложен дух с Божиим образом, как бы изникнув из какой-то глубины, возглашает земные печальные песни, и оплакивает жизнь, по-видимому, улыбающуюся.

Покаянная песнь при конце жизни

1. Последний подвиг жизни близок; худое плавание кончено; уже вижу и казнь за ненавистный грех, вижу мрачный тартар, пламень огненный, глубокую ночь, и позор обличенных дел, которые теперь сокрыты. Но умиლოსердись, Блаженный, и даруй мне хотя вечер добрый, взирая милостиво на остаток моей жизни! Много страдал я, и мысль объемлется страхом, не начали ли уже преследовать меня страшные весы правосудия Твоего, Царь?

Пусть сам я понесу свой жребий, переселившись отсюда и охотно уступив снедающим сердце напастям; но вам, которые будете жить после меня, даю заповедь: нет пользы в настоящей жизни; потому что жизнь эта имеет конец.

2. Цвет опал, приблизилось время жатвы. Побелели у меня волосы; гумно призывает к себе колос; уже нет незрелости в ягоде; близко собирание гроздьев. Точило моих злостраданий уже истаптывается. О мой злой день! Как избегну его? Что со мною будет? Как страшен мне грех; как страшно оказаться полным терний и гроздьев гоморрских, когда Христос станет судить богов, чтобы каждому воздать по его достоинству, и назначить страну, сколько взор вынесет света! Одна мне надежда, что под Твоим руководством, Блаженный, в сии краткие дни обращусь еще к Тебе.

На болезни

Опять пришел ты ко мне, коварный; и сколько понятно, пришел для того, чтобы истерзать во мне глубину моего сердца. Тебе хочется, чтобы от сильных и многократных потрясений этой жизни пал во мне священный образ. Ты напал на крепкую плоть, и расслабил меня от головы до ног, разрешив узы тех соков, которыми Бог увлажил во мне сухое вещество, подобно тому, как, по Своей мирозидательной мудрости, срастворил теплоту с холодом, чтобы чрез равновесие сохранялась неразрывная связь тела, и я научился из этого убегать раздоров в жизни. Пришел ты с убийственными замыслами, и излил на меня бедного весь яд горькой своей злобы. Не довольно было того, что влачил я обременительную старость и скорби-эту тяжесть Тринакрских утесов. Меня изнуряет еще мучительная и пожирающая болезнь, которая год за год точит мои члены. Об этом я плачу и стою, как могучий лев, запутавшийся в сетях зверолова.

Не люблю я ни игривых речей, ни приятных для всякого бесед, даже самых веселых, ни городских торжищ, ни рощей, ни бань, ни всех цветов этой обманчивой жизни. Это не было для меня привлекательно и прежде, с тех пор, как удалился я от земного и объял Христа. Плачу же о том, что отвортилось от меня животворное око великого Христа, Который некогда взирал на меня заботливо, предназначал меня к славе еще в утробе непорочной родительницы, избавлял от холодного моря и от страстей. Плачу о том, что поверг я бразды богомудрого народа; не сам, правда, отверг их, однако же не держу в руках. А народ сей восхищался прежде моими речами, когда из уст моих озаряло его Тройственное Сияние. Как отучаемый от груди младенец, в объятиях родившей, жадными губами сжимает сухой сосец, и мать не удовлетворяет его желанию: так и этот народ прильнул теперь слухом к устам моим, и жаждет источника, который прежде струился для многих, а ныне не дает ему и малой капли. Хотя другие источают сладкие воды, однако слушатели скорбят; потому что умолкло для них слово их отца.

Где мои всенощные песнопения, при которых я, как одушевленный камень, незыблемо утверждал свои ноги, или один беседуя со Христом, или купно с народом услаждаясь священными, попеременно возглашаемыми, песнями? Где приятное утомление преклоненных колен, при котором проливал я горячие слезы и собирал воедино омраченные мысли? Где руки, кормившие бедных и служившие больным? До чего доходит истощение обессилевших членов! Уже не воздеваю рук пред чистыми жертвами, чтобы приобщаться великим Христовым страданиям; уже не составляю ликом угодных добропобедным мученикам, и драгоценную их кровь не чествую похвальными словами. Плесень лежит на моих книгах, не dokonчены мои речи; кто будет столько расположен ко мне, чтобы довести их до конца? Все умерло еще у живого; изнемогла моя жизнь, и стала слабее корабля, в котором нет связей.

Но впрочем, как ни преследуешь ты меня, докучливый демон, никогда не преклоню пред тобою колен моего сердца. Не уязвленный, не низложенный тобою отойду в мать мою – землю. Пусть червь точит добычу змия. Поражай кожу, человекоубийца, но душа не уязвима. Христу возвращу полученный мною от Него Божий образ. Ты наложил некогда узы свои на великого Иова: но сам был посрамлен, а его увенчал великий Подвигоположник, победу его соделал славною чрез Свое провозглашение, и в двойной мере возвратил ему все, что ты у него расхитил. Таков закон милосердия Христова!

Но повели мне, Христе, стать, наконец, здоровым! Твое слово – для меня врачество. Я новый Лазарь между мертвецами; но скажи: восстань! и по слову Твоему оживет мертвец. Я новый расслабленный, недвижимый на одре; но скажи: укрепись! и я пойду, и понесу на себе одр. Хочу из воскреслий Твоих похитить руками своими целебную силу; останови же в увядшей плоти быстрый поток крови! Я, достояние Твое, преклоняюсь пред Тобою, как согбенная телом хананеянка; восстанови же меня, Царь! Море волнуется, а Ты покоишься сладким сном; но пробудись немедленно, и по слову Твоему утихнет волнение.

Я сетую; болезнь обдержит мои члены. Ибо никто не изъят вовсе из общей участи смертных, и я так же, как всякий другой. Так повелевает Бог, чтобы никто из нас не поднимал бровей высоко и не считал себя небожителем, но, чтобы всякий, взирая на помощь великого Бога, чувствовал нужду в сильнейшем побуждении к благочестию. Впрочем не столько сетую по причине болезни: она и для духовной моей части служит некоторым очищением, а в очищении всякий имеет нужду, как бы ни был он крепок; потому что самые сии узы сообщают смертным какую-то черноту. Но гораздо более в скорбях моих озабочивают меня малодушные; боюсь, чтобы из них кто-нибудь не преткнулся, видя мои бедствия. Не многие из людей крепкодушны, с любовью приемлют всякое Божие посещение, приятно ли оно, или скорбно для них, и знают, что всему есть причина, хотя и сокрыта она во глубине Божией премудрости. Напротив того многие посмеиваются над благочестивыми, когда они изнемогают, и говорят, что их служение Богу остается без всякой награды; или даже укореняют в уме совершенно недостойную мысль, будто бы все в мире устроилось случайно, и не Бог, царствующий в горних, управляет человеческими делами; иначе, говорят они, у нас господствовал бы другой порядок.

Вспомни сие, Великий, и помоги Своему служителю; не доведи меня до позорного конца жизни! Твой я служитель, возлагаю руки на Твои Дары и на главы тех, которые сами подклоняются и именуют меня помощником в болезнях. Умилосердись, Христе! Если не угодно Тебе исцелить меня; дай силу к перенесению подвигов! Не лишай меня всей чести, Слово, но и не обременяй; не оставь без узды, но и не подвергай великим страданиям! Бодцами коли меня, Блаженный, а не копьем! Пусть корабль мой не вовсе без груза, но и не чрез меру нагруженный, несется по морю жизни. Пресыщение делает наглым, а скорби погружают в ночную тьму. Уравновесь наказание с невредимостью! Ты остановил меня возгордившегося; сжался же надо мною изнемогающим! Еще есть время помилованию, о Правосудный! Изнуренный

напастями, ниспосылаемыми свыше, уважаю свою седину, и самоумерщвленные члены, и жертвы.

Но к чему излишества? Могу ли предписывать законы Божеству? Веди меня, служителя Твоего, Христе, куда Тебе угодно!

О промысле

Прочь от меня те, которые отрицают Божество, которые этого невыразимого благоустройства во вселенной не приписывают никакой всезидущей и вседержавшей Сущности! Прочь от меня и те, которые признают целый рой богов, или владычество добрых и злых духов! Прочь от меня и те, которые отрицают Промысл, как будто боясь получить спасение от Бога; а напротив того, все в мире или приписывают непостоянному стремлению, или подчиняют движению звезд. Но как и кем приводятся в движение звезды? Если Бог их движет, то почему первоначально то, что вращает Бог? Кто связал что-нибудь, тот может и развязать. А если не Бог движет; как им установиться при безначалии, или при борьбе с Совершеннейшим? И как же не быть здесь борьбе? Ибо отрицание Промысла есть мятеж против Бога. Разве скажешь, что и Бог подчинен судьбе, и невольно несет на Себе насильственные узы! Так эти умствователи запутываются в собственных своих учениях.

Но у нас единый Бог правит этою вселенной, как Ему Угодно; Сам, по собственным Своим манованиям и законам, премудро приводит все в движение и взаимное сопряжение, хотя, по-видимому, и не все идет благопоспешно. Ибо, и в древности и ныне, многим из самых мудрых затруднительными казались примечаемые в здешней жизни несообразности. И нужно ли перечислять всех? Смотри, что испытывает в себе Давид (Псал. 72)! Видя, что злые действуют, по их мнению, благоуспешно, приходит он в сильное колебание, и боится, чтобы иной самого естества вещей не предоставил слепому стремлению, и не подумал, что нет над нами начальствующего. Впрочем Давиду известно и решение затруднения. Он говорит: посмотри на конец всякого человека, как он ответствен жизни. Ты посеял; увидишь и колос своего посева. А если ты не знаешь законов; это не значит, чтобы не знало их и Слово. Ибо, если ты не знаешь живописи; не следует, чтобы не знал ее и живописец. Или, если тебе неизвежны свойства линий; не следует, чтобы

они были так же неизвестны геометру, как и тебе. Иное сам ты постиг, а с иным согласишься благоразумно. И то уже признак разума, чтобы покоряться разуму. Ежели все ясно; то скажи: где место вере? Ибо вера есть непытливое согласие.

А я (и, может быть, разумно) рассуждаю так: тебе при вступлении твоём обещал я не это, не богатство, не беззаботность, не телесное здоровье, или благочадие, но блаженную жизнь и ожидаемые блага, чтобы ты, взамен настоящего, ожидал себе большего. Справедливо ли же будет, например, при покупке чего-нибудь, требовать купленную вещь, и удерживать у себя ее цену? Разве тебе одному нужно такое предпочтение пред всеми? Но это означало бы чрезмерную ненасытность и необыкновенную притязательность. Или отдай назад купленное, любезнейший, или заплати цену, если должно тебе устоять в своем слове, и ты не отступаешься от прекрасных условий.

Скажешь: почему же у древних были и эти блага? – Тогда не укоренилась еще вера; настоящее служило удостоверением в умопредставляемом: так и младенцев, пока не возрастут, питают молоком. А доказательством сему служит то, что тогда весьма важные преступления были некоторым образом извиняемы; и не очень высокие доблести уважались, так что достоинство с обеих сторон уравнивалось; наказания же, налагаемые мудрыми, превосходили меру. В этом убедят тебя Давид, Моисей и Елисей, которого имя произношу с трепетом. Один легко был наказан за свои грехопадения; другой за небольшие заслуги удостоен Божия лицезрения, принял от Бога закон, и спас великое воинство; третий же за малое оскорбление, и притом детям, сверх ожидания, воздал тяжким наказанием. Так прикровен был тогда закон! Так очищение совершалось кровью жертв, и очищение оскверненной плоти – не важным кроплением! Так почиталось совершенством – избегать худого, хотя бы не присовокуплялось ничего больше! И все это потому, что благочестие для живших тогда заключено было в тесные пределы.

А сказать ли тебе нечто поважнее доселе сказанного? И это скажу. У них не было такого дара, какой имеем мы в страданиях

Бога, в Агнце, закланном за мои грехи. Поэтому труд их был больше; а если больше, то согласишься, что им следовало и большее воздаяние за труды; а нам следует меньшее, потому что имеем больше средств.

Но вместо всего и прежде всего надобно еще сказать: Не очень хвали благополучие здешней жизни, как наученный помышлять о том, что важнее видимого. Смотри: не ведет ли меня трудный путь на высоту, а тебя – удобство пути к стремнине? По мне лучше – изможденная плоть, нежели твоя утучненная. Видал ли ты иногда в загоне волов? Один великоросл, свиреп, лоснится от жира, высоко держит голову; другой поник головою к земле, морщиноват, некрасив, носит на себе знаки земледелия: и первый сберегается на заклание; а второй кормит и себя и господина. Который же из них, по твоему мнению, имеет лучший жребий: не изможденный ли, не сокрушенный ли? Это само собою явно. Но ты любишь уширенное, хотя бы это и само по себе было худо, и вело к худому. Ужели же станешь хвалить толщину страждущего водяною болезнью? Ужели помешанный в уме покажется тебе человеком крепким? Ужели сладкое непременно должно быть спасительным врачевством? Многих нередко спасало горькое, а от сладкого, всего чаще, бывает хуже. Для умного сына не достоин ли уважения родительский жезл? а снисходительность для него не зло ли?

Кто не сын, тот не знает и ударов жезла. А что, если ты, как Иов, подвизаешься ради венцев? Повторяй это чаще сам себе, и тебе не трудно будет найти для себя утешение в трудах, а благодарностью своею приобрести надежду. Худому только рабу свойственно оказывать уважение господину, когда он улыбается, и почитать его злым, когда наносит удары. Надобно без ропота принимать, куда ни будет повернуто кормило, которым Бог изводит меня из борьбы и жизни, пока не взойду в тихую пристань, если только не напрасно построил Он этот корабль, но для доброго и благоуспешного конца.

О вочеловечении

1. Неразумен тот, кто Царю – присносущему Божию Слову не воздает равно Божеской чести с пренебесным Отцем; неразумен и тот, кто Царю-Слову, на земле явившемуся в образе человеческом, не воздает равно Божеской чести с небесным Словом, но отделяет или Слово от великого Отца, или от Слова человеческий образ и нашу дебелость. Отчего слово было Бог, но стало нашим человеком, чтобы, соединившись с земными, соединить с нами Бога. Оно обоюду – единый Бог; потолику человек, поколику меня делает из человека богом. Будь милостив ко мне, язвленный за меня Всевышний!

Только могу сказать тебе. Спросишь еще у меня об уме, о неизреченном единении? Но рассуждая о Боге, смертные, любите меру в слове! Если убедил я тебя, – хорошо! А если продолжаешь чернить бумагу многими тысячами стихов; то вот в немногих стихах начертаю сии письма, на твоих скрижалях, моим писалом, на котором нет ничего черного.

Против Аполлинария.

2. Знаем, что высочайший Ум все человеческое естество сложил из трех составных частей: из души, ума и дебелого тела. И сперва создал Он целого Адама, кроме греха. А когда человек не стал Богом, сам Бог, в честь мою, соделался совершенным человеком, чтобы посредством воспринятого воссоздав дарованное, уничтожит осуждение всецелого греха, и чрез Умершего умертвить умертвившего. Бог от начала прост; потом сопряжен с человечеством, а потом пригвожден богоубийственными руками; – таково тебе учение о Боге, вступившем в единение с нами! Божие Слово, равно как и Отец, от начала было Бог, Творец всяческих, превысший времени, и страданий, и тела. Когда же человек поражен древом познания, и зависть напала на все наше естество, как удобоуловимое и подвергшееся осуждению; тогда, чтобы низложить превозношение зависти и воссоздать поврежденный образ, Божие Слово рождается для нас; ибо зачинается в чистой Деве,

и происходит на свет Бог, всецелый Бог и человек, спасающий всецелого меня, Сын, и умосозерцаемый и видимый.

По твоему мнению, я человекопоклонник, потому что чту всецелое, таинственное соединившееся со мною, Слово, единого Богочеловека Спасителя. А ты (кстати обращаю против тебя твое же острословие), ты – поклонник плоти, потому что вводишь человека, не имеющего ума. Или согласишься в этом, любезный, или снизойди ко мне, если только желаешь быть справедливым судиею в слове!

Если худшее в человеке (потому что плоть гораздо хуже созданного по образу Божию) для тебя есть от Бога бог; то я признаю сим лучшее; потому что ум ближе к Богу. Сверх того, у тебя подвергается опасности одна половина человека; потому что не воспринятое Словом и не спасается. Что ты говоришь, премудрый защитник Слова, вооружающийся на рассекающих Божество? И ты сам не рассекаешь ли сложенное Богом? Одну из составных частей моих даешь Ему, а другую нет; сводишь в единение с Ним плоть, а отсекаешь ум, как будто боишься того, чтоб не составилась целый человек. Рассуждаешь: как одному вместить в себе двух совершенных? Ужели же есть опасность, что проторгнется мех? Какое неразумие! Одна душа вмещает в себе и ум и слово.

Опять спрашиваешь: почему так необходим и важен для тебя ум там, где сам Бог? – Но если в Нем плоть без ума; то я обманут. Кожа моя; но чья же душа? Что значит рождение Бога от Девы? Как сошлись воедино естества между собою далекие? – Это тайна; но как представляется мне, малым умом измеряющему превысшее ума, очистительный Дух снисшел на Деву, а Слово Само Себе создало в ней человека, всецелый замен целого умершего человека. поскольку же Бог несоединим с плотию, а душа и ум суть нечто посредствующее, потому что сожительствуют плоти, и потому что – образ Божий: то Божие естество, соединяясь с сродным Себе, чрез сие сродное вступило в общение и с дебелистью плоти. Таким образом и Обожившее и Обоженное – единый Бог. Посему, что же претерпело то и другое? Как я рассуждаю, Одно вступило в

общение с дебелим, а другое, как дебелое, приобщилось моих немощей, кроме немощи греха.

Спрашиваю: кому пролита кровь Божия? Если лукавому, то увы! Христова кровь отдана виновнику зол. А если Богу; то для чего сие было нужно, когда овладел нами другой, выкуп же всегда дается владеющему? Конечно, несомненно то, что Христос Сам Себя приносит Богу, чтобы Ему Самому исхитить нас у обладавшего нами, и чтобы взамен падшего принят был помазанный, потому что Помазующий неуловим. Так рассуждаем о сем. Но уважаем и образы. Я сказал свою мысль. Поклоняйся Троице!

О подлинных книгах богодухновенного писания

И язык и ум непрестанно упражняй в Божиих словесах! А Бог, в награду за труды дает или видеть сколько-нибудь сокровенный в них смысл, или, что еще лучше, приходит в сокрушение при чтении великих заповедей чистого Бога; или, в третьих, таковыми занятиями отводит Он мысль твою от земного.

Но чтобы ум твой не был обольщен чуждыми книгами (потому что много книг подложных, причисленных к Писанию несправедливо), прими от меня, любезный, следующее верное перечисление!

Всех исторических книг древнейшей еврейской мудрости – двенадцать: самая первая книга – Бытия, потом Исход и Левит, потом Числа, потом Второзаконие, потом Иисус и Судии. Восьмая книга – Руфь; а девятая и десятая книги – Деяния Царей, Паралипоменон, а последняя книга будет у тебя Ездра.

Книг, писанных стихами, пять; из них первая Иов, потом Давид, потом три Соломоновы книги: Екклесиаст, Песнь и Притчи.

Подобным образом пять книг и пророческого Духа. В одном составе заключается двенадцать пророков: Осия, Амос и третий Михей, потом Иоиль, потом Иона, Авдий, Наум, Аввакум, Софония, Аггей, потом Захарий и Малахия, – и это одна книга; а вторая – Исаия, потом с младенчества призванный Иеремия, потом Иезекииль и благодать Даниилова.

Предложил я тебе двадцать две ветхозаветные книги, они равночисленны еврейским буквам. А теперь перечислю книги и нового таинства.

Матфей описывал чудеса Христовы для евреев, Марк – для Италии, Лука – для Ахаии, а великий и небожественный проповедник Иоанн – для всех. Потом следуют Деяния мудрых Апостолов; четырнадцать посланий Павловых, и семь Соборных, в числе которых одно Иаковлево, два Петровы, три опять Иоанновы, а седьмое Иудино.

Теперь все имеешь книги; а какие есть кроме них, те не в числе подлинных.

Похвала девству

Увенчаем девственность нашими венцами, от чистого сердца воспев его в чистых песнях! Это – прекрасный дар нашей жизни, дар блистательнейший золота, илектра и слоновой кости, дар тем, в ком огонь любви к девству подверг долу плотскую жизнь, поднимая отсюда крылья их ума к высочайшему Богу.

Хранители чистоты да внимают с радостью песне моей, потому что она есть общая награда всем целомудренным; а завистливые да заградят двери слуха! Если же кто хочет открыть, то очисти сердце учением!

Приветствую тебя, великое, богодарованное девство, – подательница благ, мать безбедной жизни, Христов жребий, сожительница небесных красот, которым неизвестны супружеские узы! А не знают сих уз, во-первых, Бог, потом – лик присносущного Бога, – Бог, сей источник светов, свет неименуемый, непостижимый, который убегает от быстроты приближающегося к Нему ума, всегда предупреждает всякую мысль, чтобы мы в желаниях своих простирались непрестанно к новой высоте, и Божий лик, сии светы вторичные после Троицы, имеющей царственную славу.

Первая дева есть чистая Троица. От безначального Отца, не возбужденного кем-либо (потому что Сам Он для всех есть путь, корень и начало) и рождающего не что-либо подобное смертным чадам, как от света свет, исходит Сын-Царь. От Сына же нет другого возлюбленного сына, восхищающего подобную славу, так что Отец всецело пребывает Родителем, а Сын только Сыном, и единственным Сыном единственного Отца, имеющим то общее с великим Духом, что Оба одинаково суть от Отца. Един Бог, открывающийся в трех Светах; таково чистое естество Троицы!

После же Троицы – светозарные, невидимые ангелы. Они свободно ходят вокруг великого престола, потому что они быстродвижные, пламень и божественные духи, скоро переносящиеся по воздуху. Они усердно служат высоким

велениям. У них нет ни супружеств, ни скорбей, ни забот, ни страшного и преступного мятежа страстей. Их не разделяют друг от друга ни члены, ни обители. Все они единомысленны друг с другом, и каждый тождествен сам с собой. Одно естество, одна мысль, одна любовь вокруг великого Царя-Бога. Они не ищут увеселения ни в детях, ни в супругах, ни в том, чтобы для них нести сладостные труды; не вожделенно им богатство, не вожделенны и те помышления на злое, какие смертным приносит земля. Они не сеют, не плавают по морям в угождение необузданному чреву – этому источнику греха. У всех у них одна совершеннейшая пища – насыщать ум величием Божиим и в светлой Троице черпать безмерный свет. Одинокую жизнь проводят сии чистые служители чистого Бога. Они просты, духовны, проникнуты светом, не от плоти ведут начало (потому что всякая плоть, едва огустеет, как уже и разрушается) и не входят в плоти, но пребывают, какими созданы. Для них в девственности готов путь богоподобия, ведущий к Богу, согласный с намерениями Бессмертного, Который премудро правит кормилом великого мира, а также и крепкодушным смертным, вместе небесным и земным, – этим священным родом бедствующих человеков – сею славой Царя.

Но теперь возведу досточтимые тайны Божьи, как девственность просияла в последние времена.

Было некогда так, что все покрывала черная ночь, не просиял еще любезный свет зари, солнце не проложило с востока огнистой стези, не являлась рогоносная луна – это украшение ночи; но все, одно с другим смешанное и связанное мрачными узами первобытного хаоса, блуждало без цели. Ты, блаженный Христос, покорствуя мудрой мысли Великого Отца, прекрасно распределил каждую вещь на свое место в мире и прежде всего указал быть свету, чтобы все дела Твои, исполненные света, были восхитительны; а потом округлил величайшее из чудес – звездное небо, проникнутое светом солнца и луны, которым Ты говорил, чтобы одно с утренний зари потоками безмерного света озаряло людей и своим течением определяло часы, а другая освещала тьму и производила второй день. В подножие же небу положил мою

землю; потом горстями земли связал море, а морем землю, омываемую водами океана, так что все это: и земля, и небо, и море (небо, украшающееся небесными светилами, море – рыбами, пространная земля – животными земными) – составило мир.

Тогда, обзрев и потом нашедши все стройным, Отец увеселялся делами Сына-Царя, согласными с Его советами. Нужен был еще зритель Премудрости – мать всего и благоговейный царь земной. И Он сказал: «Пространное небо населяют уже чистые и присноживущие служители, непорочные умы, добрые ангелы, песнословцы, немолчно воспевающие Мою славу. Но земля украшается одними неразумными животными. Потому угодно Мне создать такой род тварей, в котором бы смешивалось то и другое, род тварей средних между смертными и бессмертными, разумного человека, который бы увеселялся Моими делами, был мудрым наперсником небесного, великим владыкой земли, новым ангелом из персти, песнословцем Моего могущества и Моего ума». Так сказал и, взяв часть новосозданной земли, бессмертными руками составил мой образ, выделил ему из Своей жизни; потому что послал в него дух, который есть струя невидимого Божества. Так из плоти и дыхания сотворен человек – образ Бессмертного, потому что в обоих царствует естество ума. Посему, как земля, привязан я к здешней жизни и, как частица Божественного, ношу в груди любовь к жизни будущей.

Но когда божественная тварь явилась на земле и на земных долинах вечноцветущего рая, однако же у человека не было еще помощника в жизни, подобного ему, тогда премудрое Слово совершило подлинно величайшее чудо – созданного быть зрителем мира, то есть, мой корень и семя многообразной жизни разделив на две части, могущественной и животворящею рукой изъяло из бока одно ребро, чтобы создать жену и, в недра обоих влив любовь, побудило их стремиться друг к другу. Но чтобы не всякая жена стремилась ко всякому мужу, положило предел вожделениям, который называется супружеством, – эту узду для незнающего меры вещества, чтобы при его стремительности и необузданных порывах, когда бы люди

кучами привлекались друг к другу, от незаконных сообщений не пресекался священный человеческий род и неудержимым безрассудством покрываемая похоть не возбудила во всех и войн, и огорчений.

Пока мать-земля не узрела на себе человека, дотоле она не имела высшего своего украшения, какое должна была получить. Но и самый первый из людей, по собственному неразумию и по зависти злобного змия изринутый из рая за преступное вкушение с человеко-убийственного древа, кожаными ризами стал тяготеть к земле. Впрочем тогда была лучшая чета у людей, и супружество, дав начало человеческому роду, послужило спасением от гибели, – так что, когда одни умирают, а вместо них вступают другие, изменяющееся поколение людей течет, как река, которая и не стоит на одном месте, по причине господствующей смерти, и всегда полна вследствие новых рождений.

Но как скоро и недра и широкие концы земли, восток и запад, и южная и северная страна наполнились сими однодневными существами, и грязная юдоль воскипела продерзостями; тварь смиряема была многими уроками: разделением языков, наводнениями, огненными дождями, постановлениями писанного закона, пророками. Поскольку же не хотела свергнуть с себя уз первородного греха, напротив, непрестанно опутывалась крепчайшими пленицами плоти, предаваясь сладострастию, пьянству и идолослужению; то напоследок, по мановению бессмертного Отца и действием Сына, возлюбленный род получил в удел следующую честь.

Христос, видя, как душепагубный грех поедает в смертном теле все, что Он вложил в него из небесной доли, и как хитрый змий господствует над людьми, – к восстановлению Своего достоинства не другим помощникам предоставил врачевать болезнь, потому что слабое врачевство недостаточно в великих страданиях, но истощил ту славу, какую имел Сам Он – небесный и неизменный Образ Небесного. Вместе по человеческим и нечеловеческим законам воплотившись в пречистой утробе целомудренной жены (о чудо, невероятное для наиболее немощных!), пришел Он к нам, будучи

одновременно Бог и смертный, сочетав воедино два естества (из которых одно сокровенно, а другое видимо для людей, одно – Бог, а другое родилось для нас напоследок времен, когда в человеческой утробе соединился с ним Бог), и в обоих естествах пребывая единым Богом; потому что человек, соединившийся с Божеством, и из Божества человек есть Царь и Христос. Произошло новое соединение; потому что не заботился я о первом. В первом же я был сподоблен Божьего дыхания, а в последнем Христос воспринял на Себя мою душу и все мои члены, воспринял того Адама, первоначально свободного, который не облекся еще грехом, пока не узнал змия и не вкушал плода и смерти, питал же душу простыми, небесными помыслами, был светлым наперсником Бога и божественного. Для сего-то воссоздания пришел в естество человеческое Бог, чтобы, преоборов и победив убийцу смертью, за вкушение приняв желчь, за невоздержность рук – гвозди, за древо – крест, за землю – возношение на крест, обратно возвести Адама к жизни и славе. И распростерши святое тело соответственно концам мира, от всех концов собрал Он человеческий род, совокупил в единого человека и заключил в лоне великого Божества, кровью Агнца очистив все нечистоты и отъяв скверну, которая смертным преграждала путь от земли к небу.

Но кто откроет ум и глубины его в Тебе, Царь? Ты знаешь число дождевых капель и морского песка; Тебе известны стези ветра. Кто познает также следы Твоего совета, Блаженный? Ты, царствуя в высших мирах, все видишь и всем управляешь, что ни скрывает в себе беспредельный век. Человеческий же ум, простираясь к Тебе, видит только малое сияние и как бы мимолетную молнию, пробегающую по воздуху. Но впрочем то несомненно, что Ты своими страданиями взял человека отсюда, поставил в новую жизнь – вместо греховной в свободную. Прежде многоскорбна была жизнь на земле и многоболезнен мир; земного царя окружил многочисленный народ, коварно похищенный у великого Царя. Но теперь Христос, освободив из-под власти ужасного греха, опять возводит нас к великому Царю в лучший мир. И первое было для людей плодом супружества,

а другое – богоподобная девственность. Супружество послужило украшением земли, а девственность – Божия неба.

Как живописец, изображая на картине бездушные подобию вещей, сперва легкими и неясными чертами оттеняет образ, а потом выводит полное изображение разными красками; так и девственность, достояние присносущного Христа, являлась прежде в малом числе людей, и пока царствовал Закон, оттеняемая слабыми красками, в немногих чертах сияла сокровенным светом. Но когда Христос пришел через чистую, девственную, не познавшую супружества, богобоязненную, нескверную Матерь без брака и без отца, и поскольку Ему надлежало родиться, очистил женское естество, отринул горькую Еву и отверг плотские законы, по великим же уставам буква уступила духу, и явилась нам благодать; тогда воссияла для людей светлая девственность, отрешенная от мира и отрешающая от себя немощный мир, столько предпочитаемая супружеству и житейским узам, сколько душа предпочтительнее плоти и широкое небо земле, сколько неизменяемая жизнь блаженных лучше жизни скоротечной, сколько Бог совершеннее человека. И вокруг светозарного Царя предстоит непорочный, небесный сонм – это те, которые поспешают с земли, чтобы стать богами, это Христоносцы, служители креста, презрители мира, умершие для земного, пекущиеся о небесном, светила мира, ясные зеркала света. Они видят Бога, Бог – их, и они Божии.

Приступите же теперь вы, которые пребываете в единомушии со своим ребром, посвятили себя в тайны супружества, высоко поднимаете голову и смело возвращаете взоры, украшаетесь в золото, перемешанное с драгоценными камнями, и нежные члены облекаете в пышные одежды, приступите и покажите нам, какие выгоды доставляются смертным брачными узами и супружеством! Потом призовем мы и тех, которые не знают брачных уз.

И первые не замедлят сказать величаво: «Любезные чада супружества, этого царя земли! послушайте нас, для которых святы супружество и жизненные узы! Какой закон для человеческого рода и для нашей крови постановил Сын

бессмертного Отца в то самое время, когда сотворял первого Адама с ребром, чтобы плодом человека был человек и чтобы тот, кто сам по себе смертен, продолжал род свой как классы, произрастая детей, почитая тот же самый закон и то же любезное иго супружества и мы живем совокупно и, как происшедшие из плоти, следуем древнейшему закону персти или самого Бога. Правда, что не знают супружества, выше страстей и тяжких забот те природы, которым в удел дано широкое небо; то нам однодневным тварям полезны супружество и узы; это корень милых ветвей и любезных плодов, это добрая опора сладостной жизни. Во-первых, Бог – родитель всего; и прости мне, Христос! Первоначально или прежде всего место Твоим чистым законам; а потом – узы любви; потому что и земля, и эфир, и море цветут чадородием – дарами супружества. Если же правда, что и для высокорастущих пальм есть закон любви, мужская и женская ветвь, соединенные руками садовника в весеннее время, приносят обильные плоды; если, как говорят испытывавшие природу камней, из четы двух камней, сошедшихся вместе, рождается новый камень: то и у неодушевленных тварей есть супружество и узы любви.

«Но что мне до любви других, до неизвестных мне рассказов и привязанностей! Смотри, что доставило людям благоразумное супружество. Кто научил вожделенной мудрости? Кто открыл глубины, какие замыкали в себе и земля, и море, и небо? Кто дал законы городам, и еще прежде сего, кто воздвиг города и изобрел искусства? Кто наполнил базары, дома и площади? Кто на войнах строит воинство и на пирах столы? Кто в благоухающем храме собрал песнословящий лик? Кто истребил зверонравную жизнь, научил возделывать землю и насаждать деревья? Кто пустил по морям гонимый ветрами черный корабль? Кто одной стезею связал и сушу, и влажный понт?. Кто, как не супружество? Кто кроме него совокупил между собой самое отдаленное?»

«Таковы дары супружества в этом отношении; но они еще превосходнее, если возьмем выше. Связанные узами супружества, заменяем мы друг другу и руки, и слух, и ноги.

Супружество и малосильного делает вдвое сильным, доставляет великую радость благожелателям и печаль недоброжелателям. Общие заботы супругов облегчают для них скорби; и общие радости для обоих восхитительнее. Для единокровных супругов и богатство делается приятнее; а в бедности самое единокровие приятнее богатства. Для них супружеские узы служат ключом целомудрия и пожеланий, печатью необходимой привязанности. Одно «жребия... любви» (Притч. 5,19) согревает дух скаканиями; у них одно питье из домашнего источника, которого не вкушают посторонние, которое не вытекает никуда и ниоткуда не притекает».

«Составляя одну плоть, они имеют и одну душу, и взаимной любовью одинаково возбуждают друг в друге усердие к благочестию. Ибо супружество не удаляет от Бога, а напротив, более привязывает, потому что больше имеет побуждений. Как малый корабль и при слабом ветре движется вперед, быстро носимый по водам распростертыми парусами, даже и руки без труда принуждают его к бегу ударами весел; большого же корабля не сдвинет легкое дыхание, напротив, когда он с грузом выходит на море, только крепкий и попутный ветер может придать ему хода: так и не вступившие в супружество, как не обремененные житейскими заботами, имеют нужду в меньшей помощи великого Бога; а кто обязан быть попечителем милой супруги, именина и чад, кто рассекает обширнейшее море жизни, тому нужна большая помощь Божия, тот взаимно и сам более любит Бога».

«Вот плоды супружества! А жизнь без любви неполна, сурова, невидна, бездомовна и любит скитаться по горам; она не спасает от страданий, не вручает дряхлой старости, не делает, чтобы родители оживали в своих детях, она не скрепляет жизни приятными связями. Не обязавшиеся супружеством не находят себе утешения ни в народных собраниях, ни на пиршествах, но угрюмы, чужды для мира; родившись для жизни, не любят самого корня жизни, и в сердце у них нет единокровия с людьми».

«Если же кто из усердия к добродетели презирает супружескую любовь; то пусть знает, что добродетель не

чуждается сей любви. В древности не только всем благочестивым любезно было супружество; но даже плодом нежной супружеской любви были тайнозрители Христовых страданий или пророки, патриархи, иереи, победоносные цари, украшенные всякими добродетелями; потому что добрых не земля из себя породила, как это говорят о чудовищном племени исполинов, но все они – и порождение, и слава супружества».

«Кто Вседержителя Бога указал людям, которые удалились от Него? Кто наполнил ум божественной любовью и возвел нас отсюда в жизнь иную? Кто очистил душу во всех светоносных мужах? Вера переместила Еноха. Великий Ной в малом числе душ и в плавающих семенах спас от потопления целый мир. Авраам был отцом городов и народов и в жертву Христу вознес на алтарь связанного сына. Моисей с великими чудесами извел народ из тяжкого Египта, принял свыше закон на каменных скрижалях и видел Бога лицом к лицу. Аарон был верный священник у древних. Мужественный Иисус продлил течение луны и солнца, чтобы поразить и погребсти врагов. И ты, блаженный, непорочный Самуил, «возносящий рог помазанных» (1Цар.2,10)! Давид, препрославленный из всех царей! Соломон – первая слава мудрости! Не забуду и пророков. Илию забрала колесница на небо. Кто же не дивился среде Закона и Духа, велегласному Предтече Вышнего Света – Иоанну! Кто не дивился потом дванадесяти славным ученикам! Кто не дивился ревности высокого духом, небожителя Павла! Говорить ли о других превосходных мужах, какие были и каких имеем ныне, – об этой опоре слова, славе мира, о сем утверждении людей? Все они дарованы людям Христом и супружеством. Да и жены, которые прославились благочестием и которых великое число видим в богодухновенных книгах, не вне супружества и плотских уз достигли своей славы. Представляю сильнейшее свое доказательство в пользу супружеской любви. И Христос воплотился, хотя в чистой, однако же в человеческой утробе, и родился от жены обреченной, половину человеческого супружества приняв в единение с Божеством. Но главнейшее мое преимущество перед всеми в том, что, если и девственники берут верх, то и они также, как и все, мой род; потому что же от

не посягающих посягающее, но от супругов происходят девственники. И я советую детям прекратить спор. Если вы не отцы, то от отцов получили жизнь».

Так сказало супружество; потом предстает девственность с печальным видом, в худой власянице, с изможденными членами, без обуви, иссохшая, с потупленными в землю глазами; едва отверзает уста со стыдливостью, между тем как ланиты багровеют от прилива честной крови; сдвигая с головы покрывало, оно закутывается им, молча. И я обращаюсь к нему с такими просительными словами:

Дочь неба, исполненная внутренней славы, предстоящая уже в великом лике песнословящих горного Царя, хотя плоть и земля удерживают тебя здесь, – приди и изреки слово! Я сам буду твоим защитником. Ибо ты, богоданная царица, приходила уже ко мне, приходила; и о если бы посещала меня чаще, и была ко мне благосклонной!

«Кто возводит меня против воли на сие место? Кто вовлекает в пустое состязание и словопрение, когда сгораю желанием служить в безмолвии Богу моему делами своими, посвящая Ему дневные труды, ночные песнопения, источники слез и святые очищения? Не в кругу людей мое могущество; я не оборотлива на словах, не хожу в народные собрания, не восхищаюсь приговорами благосклонных судей, которые мало и для немногих соблюдают правосудие, а всего чаще туда и сюда наклоняют весы справедливости. Предоставляю другим выгоды здешней жизни; а у меня один закон, одно помышление – проникнувшись любовью, преселяться отсюда к светодавцу Богу, царствующему в высших мирах. Желание же прочих благ, о которых высоко думают люди пустые, надмевающиеся суетным, которые скоро приобретаются и еще скорее гибнут, столько же занимает мое сердце, как и дым, или пар, или текущий воздух, или песок, воздымаемый и повсюду носимый ветрами, или след корабля на море. Не видит себе чести у людей, но имеет, хотя малую, вечно пребывающую славу на небесах, для меня желательнее, нежели всем обладать, но быть в удалении от Бога. Однако же прихожу в трепет и страх, чтобы кто из воспаривших и носящихся по эфирным пространствам на

новооперившихся крылах девства, услышав эти рассуждения, не ринулся тотчас на землю. Потому и выступаю на среду подать помощь чадам своим при содействии Божьем, защитив правое слово. Прежде же всего скажу матери моей, что только прилично мне сказать».

«Справедливо сказанное тобой в пользу супружеской жизни, и я соглашаюсь; начну с того, чем у тебя недавно окончено было слово, что супружество есть корень девственников. Действительно, оно корень и начало. Ибо кто из здравомыслящих будет отрекаться от своих родителей? Впрочем, не все же из сказанного тобой верно. Хотя ты и мать, однако ж прими мудрое и разумное слово и касательно рождения выслушай тайны высокой мудрости, открытые мне в таинствах великого Бога».

«Человек бывает отцом не целого человека, как говорят это, но только плоти и крови, – того, что есть в человеке гибнущего; душа же – дыхание Вседержителя Бога, приходя извне, образует плоть, как знает сие Соединивший их, Который вдохнул душу первоначально и соединил образ Свой с землей. Подтверждением слов моих [конец стр.171] служит собственная любовь твоя, которая неполна, потому что ты любишь в детях не душу, а одно тело, сокрушаешься, когда тело изнемогает, и радуешься, когда оно цветет. Отец и досточтимая мать больше болезнуют сердцем о неважных телесных недостатках в детях, чем о важных пороках и великих недостатках душевных. Ибо телу они родители, а душе – нет. Если я и называю тебя матерью, то относительно к худшей части. Почему же ты завидуешь детям в том, что они имеют лучшего Отца? Итак уступи добровольно великому Родителю людей, почтив девственность, которая дана тебе от Отца Бога. Так говорю тебе, как матери, и достаточно доселе мной сказанного».

«А я, любезные чада всех Царя-Бога, вступаю как бы в общение с Богом и оставляю любовь к плоти из уважения к тому закону вожденного согласия, который в древности, Сын бессмертного Отца, родившийся от несвязанного брачными узами, нетленный от неподлежащего разрушению Родителя, постановлял в то время, когда вводил в рай первого Адама,

необязанного супружеством, потом, давая Закон, предписывал очищение народу, рождаемых очищал законом и храм почтил тем, что совершавшие в нем череду иереи соблюдали телесную чистоту. Свидетелем мне в этом великий отец Иоаннов, который не прежде, как в чистоте совершив Божие тайны, зачал возлюбленного сына, полученного им внутри храма, – этого предвестника Христова. Конец же Закона – Христос для того в общение с человечеством вступил в девическом чреве, чтобы супружество преклонило к земле главу и чтобы оно уступило свое место, а явилось лучшее украшение. И смерть, через удоборазрушаемую плоть первородного вошедшая в рождаемых от влажного семени и подлежащих разрушению, приразилась к девственности и погибла, как огромная волна у прибрежного камня или налитый водой пламень».

«Сверх того, кто восхищается городами и бессильными законами, народными собраниями и волнениями? Кто восхищается борьбой, которую установило баснословие в память преждевременно умерших юношей? Кто хвалит воинство в битвах и обилие яств на пирах? Кто превозносит тщеславную мудрость, которая состоит в ловкости рук или в паутинах словах и тканях, сплетенных из рвущихся нитей и распадающихся в воздухе? Кто восхищается трудами садовника или бегом быстрого корабля под скорым ветром? Всеу этому не супружество научило, но это малая часть первоначального наказания, какое постигло Адама, в этом прокрадывается злобный змий, стерегущий мою пятую. Но если и дары это супружества, то прочь от меня с ними. Они не спутники мне, потому что поспешаю отсюда в другую жизнь, а все эти здешние выгоды погибнут или ныне же, или вместе с непостоянным течением мира. И сама ты составляешь что-то текучее, переплываешь поток текучей жизни, едва ее касаясь и пробегая по чему-то бегущему».

«Если восхищаешься мудрыми, потому что они от тебя родились, то представь и пороки негодных, для которых ты также составляешь корень. В тебе корень Каина, Содомы и тех безрассудных, которых Христос рассеял при столпотворении, а также и тех, гордыню которых угасил небесный дождь,

очистивший всю землю и все на ней дышащее. Кто вскормил ничем не вразумляющегося Фараона, дерзость Ахаава и самых тяжких царей ассирийских? Кто вскормил губителя и детоубийцу Ирода, в питье сладострастным движениям дочери давшего праведную кровь, или убийц Всецаря Христа, а также всех гонителей, какие были прежде, и после, и в настоящие времена, из последних же первое зло – этот ров Велиаров, ужасное могущество губителя душ Юлиана, который поражен свыше за то, что поклялся ратоборствовать против Христа, и Которого прах доселе еще не остыл, внушая великий ужас нечестивцам? Кто же перечислит всех лжецов, человекоубийц, коварных, клятвопреступников, похитителей собственности ближнего, осквернителей чуждого ложа, которых производило или произведет еще на свет супружество? Ибо всякому известно, что в какой мере больше праха, нежели золота, в такой же и порочные многочисленнее добродетельных, потому что те и другие идут неравными путями: путь порочных и низок, и скоропроходим, а добрые пробираются трудной стезею; и потому злые гораздо превосходят числом добрых».

«Но если перестанешь восхищаться детьми и жизнь проводимую в общении с Божеством называть недостаточной, то заключим этим слово. Пользуйся сомнительной славой. Я нимало, нимало не завидую земной родительнице. Если же ты, получив в удел от Бога второстепенное место, простираешь взоры на первенство, то выговорю тебе справедливое, хотя и прискорбное для тебя слово».

«Кто из людей прилагал свое попечение о том, чтобы зачать наилучшего сына? И что за искусство дать начало негодному сыну? Живописец с картины пишет другую не хуже подлинника; ваятель режет изваяния, подобные образцу; искусство выделяет из золота, что ни замыслит ум; земледелец от доброго семени пожинает добрый колос, и желание не остается не достигнувшим чаемого конца. А смертный, ни худой, ни добрый, не знает свойств своего порождения, что из него выйдет. И добрый не поручится в том, что произведет лучшего. Иной, будучи Павлом, произведет на свет сына-христоубийцу – беззаконного Анну, или Каиафу или даже какого-нибудь Иуду. А

иной, сам весь в грехе, как Иуда, но назовется родителем божественного Павла или Петра – несокрушимого камня, которому поверяются ключи. И того не знает отец, родит ли он любезного сына или дочь; но только восстание плоти угадает на супружеском ложе. От одного первородного произошли и завистливый Каин, и добродетельный Авель, приносящий благоугодную жертву. И злонравный Исав, и благонравный Иаков – Исааковы дети; и что всего замечательнее, близнецы и дети одного отца ни в чем не походят один на другого. А Соломон – сперва мудрец, потом стал самым порочным, последовав нравам злочестивых жен. Сила же Павлова велика в обоих случаях: и когда уничижал он Христа, и когда, свою пламенную ревность изменив в добрую любовь, стал всем Христа проповедовать. Что ж из всего этого припишем супружеству? По крайней мере я не припишу ничего, потому что у сопрягающихся не тот удается образ, который был им желателен. Кто забавляется игрой, от того зависит только бросить кости, а чтобы вышел чет или нечет, это делают не руки играющего, а случайные превращения костей; так и супружество, зачиная детей, не зарождает их благоразумными или худыми, но природа или наука наставляют их этому».

«А если хочешь знать еще истинную причину, то совершеннейшие бывают совершенными потому, что образует их Дух или Слово. Ибо в человеке скрыта искра благочестия, как в некоторых камнях сила огня. Ударами железа извлекается свет из камней; так и Слово изводит из смертных сокровенное в них благочестие. Но худшие по большей части заимствуют это свойство от супружества, ибо оно в большем числе производит худых. И в этом преходящем мире у всех одинаковый гвоздь пригвозждает плоть к земле и одинокий свинцовый груз гнетет душу к земле, одинаковое наследство достается всем рождающимся на земле».

«Но перестанем говорить о детях; и ты не выставляй мне добрых, и я не буду указывать на худых. И по другим причинам сколько лучше жизнь чистая! Узнаешь это, если рассмотришь любовь к Богу и любовь к тяжелой плоти, также природу и двоякий предел мира. Ибо если хотя бы несколько очистишь

глаза свои от гноя, которым покрываются они при сиянии света или от омрачения и в состоянии будешь открытым оком взирать на светлость нашего солнца, разрешать все чистым умом, то найдешь, что девственность, взятая во всей ее целости, есть такое приношение Богу, которое светлее золота и слоновой кости, что оно благоразумно, ясно как день, легкокрыло, высокошественно, легко, пресветло, превыше персти, не в земных юдолях, обитает в просторном небесном граде и вдали от плоти, одной рукой держится за нестареющуюся жизнь, а другой приемлет богатство и славу непрестающую, не уподобляется черепахе, которая под бременем своего костяного дома медленными шагами едва влачит свое влажное тело, не делится между Христом и владычествующею плотью, по закону земноводных, которые то держатся суши, то день и ночь остаются в водах, но устремляет к Богу всецелый ум, цветет же рожденьями свыше, которые лучше земных чад, надеждой и чистыми помыслами, посылаемыми от Чистого. Напротив того, супружество или вовсе удаляется от Христа, по причине гибельных воспламенений плоти и всякого рода мирских забот, или слегка касается божественного. Как тот, кто смотрит вдруг на две головы, или на два лица, или видит на страницах вдвойне написанные буквы, не улавливает верно целого образа, хотя и желает, но одну часть объемлет, а другая убегает от слабого, рассеявшегося зрения: так слаба и любовь, если разделена между миром и Христом; а напротив, тверда, если устремлена к Единому. Человек, или обладая всецело Христом, не заботится о жене, или, дав в себе место любви земной, забывает о Христе. Случалось видеть, как каменотесец или выделяющий что-нибудь из дерева, если он человек умный и рассудительный, когда надобно обсесть по прямой черте, закрывает один глаз ресницами, а другим напрягает все зрение, сокупленное воедино, и верно определяет, где погрешило орудие. Так и любовь, сосредоточенная гораздо ближе, поставляет нас ко Христу, Который любит любящего, видит обращающего к Нему взоры, видит и выходит навстречу приближающемуся. Чем более кто любит, тем постояннее

смотрит на любимого, и чем постоянное смотрит, тем крепче любит. Так образуется прекрасный круг».

«И я, возлюбив Христа, оставила здешнюю жизнь, не могу обращать взоров на иные предметы. Меня удерживают сладостные узы, пленяя красотой, которая приводит в изумление всякую взирающую мысль, а во мне возникает пресветлый пламенный и всю меня делает прекрасной и светозарной. Ибо только любящий Христа в самой любви к возлюбленному черпает для себя красоту; и блажен, кто приемлет. Напротив, ты и в груди питаешь иную любовь и думаешь о себе много, будто бы более приближаешься к небу по причине, как говоришь, забот о детях, об имуществе или же о родителях, потому что сие легко. Но мудрая любовь не то имеет в виду, что легко».

«Корабль мал, путь недалек, и неважно приобретение чего-либо тленного. Но для тебя это – бесконечное плавание; и ежели переедешь залив, то, собрав паруса, хвалишься мореходством по водам ионийским. Здесь всем движет дыхание ветра, и чем благопоспешнее ветер, тем плавание лучше. А если ветер и противен, небольшая беда – умереть в водах. Но плавание души отдаленно; для него нужен добрый ветер. А потому прихожу я в трепет и еще крепче держусь за Христа, и не только в бурю, но и во время тишины, ищу Его – мое чистое желание, ибо Христос – твердое прибежище любящим Его. Кто в нужде только обращает взоры к Божьей деснице, тот оставляет свою временную любовь, как скоро почтет себя ненуждающимся. Но если Христос свыше уязвит твое сердце и насквозь пронзит спасительной стрелой, то, рассмотрев каждую любовь порознь, узнаешь, насколько сладостнее быть уязвленным от Царя».

«Что еще говоришь? Родители живут новой жизнью, видя вокруг себя попечительных о них сыновей; цветет супруга при попечительном муже и муж при заботливости супруги. У них общие радости, а скорби и заботы легче. Хромому же большая опора тот, у кого здоровые ноги».

«Но для меня – те родители, которые научили добру, и те дети, которые мной обучены. Супругом же имею у себя единого

Христа, Который преимущественно любит девственников, хотя и за всех стал человеком, за всех принял крест. С весельем взираю на Него, даже когда посылает мне скорби; радуюсь, что через печали делает меня легче, как золото, которое было смешано с прахом и потом очищено. И если целомудрие ограждается у тебя супружеством и брачными узами, то я хранителем его поставила не плоть, но Слово и любовь, которая, владея мной, отогнала всякую постороннюю привязанность, как лев отгоняет от себя слабейших зверей. У плоти с плотью одинаковые страсти; а потому и умеют они в ином угождать друг другу. У тебя стол обременен яствами; а меня насыщает небольшой кусок хлеба, каким великий Христос питал и тысячи в пустынях. У тебя искусством приготовленное питье; а мой напиток всегда обильно источают родники, реки и глубокие колодцы. У тебя лицо полное и одежды светлые; а мое убранство – нечесанные волосы и темная риза. Зато имею одежду, у которой бряцают золотые рясы, – это Христос, лучшее внутреннее украшение души моей. У тебя мягкое ложе; а мне постелью служит трава, древесные ветви и земля, смоченная слезами. Ты высоко ценишь золото; а для меня вожделеннее плоть. Ты неукротимее тельца; я потупляю в землю стыдливый взор. Ты надрываешься от смеха; у меня и улыбка никогда не появлялась на щеках. Ты жаждешь славы; а моя слава не на земле».

«Но рассмотрев и увидев все это, посмотри еще, сколько в супружестве трудностей для служащих плоти. Жена покупает себе мужа, а что всего хуже, часто и недоброго. И у мужа жена купленная, и нередко ненавистная; это – такое зло, которое сам он на себя наложил и которого сложить не может. Ибо, если супруги добры, то и единоклубны, потому что все у них общее; а если худы, то у них домашняя беда, непрекращаемая ссора. Положим, что они не худы и единоклубны; но тяжкая доля постигала нередко и новобрачных. Ныне жених, а завтра мертвец; ныне брачное ложе, а завтра гроб; скорби перемешаны с радостями; веселая песнь незадолго бывает до сетования. Одним зажжен семейный очаг, а другим уже погашен. Одного малютка стал кликать отцом, а другой

обесчадел внезапно, как ветвь, сбита ветром. Сперва дева, потом супруга, а потом и вдова; и все это иногда в одну ночь и в один день. Срывает с себя кудри, отбрасывает далеко невестин наряд, слабыми руками терзает щеки, в горьких страданиях забывает девический стыд, зовет несчастного супруга; оплакивает опустевший дом, и жребий вдовства, и безвременное горе. Умолчу о болезнях деторождения, о ношении во чреве мертвого бремени, о жалком и не имеющем матери плоде, когда рождающая делается для него сперва гробом, а потом рождает; о смерти младенцев до их рождения, о чревоношении бесплодным; умолчу о произведении на свет недоношенных, скудоумных и уродов – об этом искажении человеческого рода, об этой игре плоти. Если кто взвесит это и посмотрит, куда потянут весы, то всякому благоразумному ясно откроется, что моя жизнь сильно тянет вверх, к царствующему в высших мирах Богу».

«О постыдном же для нас не станем и говорить, потому что честные уста девственности обвыкли избегать, укоризн. Если же ты в укор богоподобной девственности укажешь на того, кто осрамил мой путь и нескверный Христов хитон покрыл позором, в греховном обольщении избрал первое из твоих благ и, бежав чистой, высокой жизни, вступил в поздний брак; то и я напояну о гнусных изменах брачному ложу, когда незаконно нарушают супружескую верность, поправ Божие угрозы. Ибо это – одно из губительнейших зол для смертных и поедает внутренность сильнее всепожирающего огня, тогда злоухищренный прелюбодей, приближаясь к чужому ложу, делает сомнительными и род, и узы любви. Но тебя не удерживают от брачных уз прелюбодеи и беззаконники. Вступает в брак и тот, кто не смыл еще с себя человеческой крови, вонзив в сердце врагу отмщающий за прелюбодеяние меч, и тот, кто едва избежал кинжала».

«Меня же отвлечет ли от Христа какая-нибудь безумная страсть? Ужели малый камень преградит широкую реку? Это было бы и неприлично, и несправедливо. Гораздо лучше, если из многих воспаривших вверх некоторые и упадут (если позволено сказать такое, с трудом выговариваемое слово),

нежели когда все останутся на земле из опасения, что крылья могут растаять и низринуть вниз. Ибо добрые – слава Христова; а порочные... да примет грех и стыд на свою безрассудную голову тот, кто бросил камень на небо! Дьявол прежде был ангелом; но после его падения не лишились своей славы небожители. И Иуда своим падением не нанес укоризны ученикам; напротив, он изринут из числа избранных, а одиннадцать апостолов пребыли совершенными. Одного погубило море, а другой, распустив белые ветрила, плывет, где видит перед собой гроб погибшего мореходца, или от одной гробницы отрешает корабль, чтоб у другой привязать корму».

«Повелишь ли мне, мать моя, оставить жизнь, стремящуюся горе, или положим конец слову, потому что верх на стороне дочери? Если чем могут похвалиться родившие меня, то это – моя похвала. Восхищаешься тем, что ты мать девственности; какова же моя слава? Разве не знаешь, что все совершеннейшие, тобой перечисленные, хотя произошли от родителей, но праведнее и лучше родителей? И Христос, хотя Мариин Сын, но гораздо выше Марии, и не одной Марии, но всех обложенных плотью, а даже превышает и тех умов, которых покрывает в себе пространное небо. И из молодого семени вырос колос; а из песчинок образовался кусок драгоценного золота».

«Но чтобы положить венец речи, пусть слово для обоих родов жизни, и безбрачной, и супружеской, приобретет какое-нибудь подобие, в котором бы ты увидела конец моего слова!»

«Снег приличен зиме, а цветы – весенней поре, седина – морщинам, а сила – юношеским летам. Однако же и цветы бывают зимой, и снег показывается в весенние дни, и юность производит седины; а случалось видать и бодрую старость, и старика гораздо с большими силами, нежели едва расцветающего юношу. Так, хотя супружество имеет земное начало, а безбрачная жизнь уневещивает Всецарю Христу; однако же бывает, что и девственность низлагает на тяжелую землю, и супружеская жизнь приводит к небу. А потому, если бы стали винить: один супружество, а другой девственность, то оба сказали бы неправду».

Но, друзья мои, и вы, родители, и вы, безбрачные юноши и девы, долго ли вам, уподобляясь презренной черепахе, или восьминогую раку, который ходит не прямо, или длинной змее, которая пресмыкается на чреве,, долго ли вам влачить жизнь, обремененную ужасной тяготой плоти? Послушаем, наконец, Христовых советов, отринув красоту, славу, богатство, род, счастье и все обольстительные порождения губительного греха, уйдем отсюда, взойдем в легкую жизнь, очистимся, будем единомысленны с небесными чистыми Силами, чтобы, вступив в сонм предстоящих великому Богу, с весельем воспеть праздничную песнь Царю! Как изринутые из светлого рая получили мы в удел супружество, и многотрудную землю, и все, что сопутствует погибшим; так через жизнь, не знающую житейских уз, взойдем опять в славу, к тому доброму райскому дереву, которого лишились за безрассудство».

Так говорило богоподобное девство. Судии, хотя и привязаны были более к супружеской жизни, однако же венчают главу девства. А Христос, воздающий награду обоим, поставит их подле Себя, одну по правую, другую – по левую руку. Но и то – великая слава!

Советы девственникам

Твоя победа! Даже и тот, кто великий друг плоти, произнесет такой же суд. Впрочем, достославная дева, настолько рассудительная и благоразумная, приклони несколько слух к моим внушениям, позволь и мое слово вложить тебе в сердце! Самый лучший совет, который подает седина.

Не уязвлялся мыслью, уносясь в порывах своих за облака. Часто падение поднимало с земли на высоту, а возвышение низлагало на землю. У Бога положен такой закон: благоволить к плачущим и обсекать крылья высокомерным.

Не малыми мерами измеряй путь своей жизни. Ежели ты опередил возвращающегося назад или самого порочного, то не думай, что достиг уже предела добродетели. Превзойти не многим – еще не верх совершенства. Для тебя мерой должны быть заповедь и Бог. А ты далеко еще от Бога, хотя идешь и быстрее других. Имей в виду не то, сколь многих стал ты выше, но то, сколь многих остаешься еще ниже, и желай быть всех совершеннее. Выше тебя широкое небо; а ты высок между низкими.

Слышал я, что рыбам и луна, и солнце, и звезды представляются под водой, не потому, что они действительно там, но потому что рыбы, видя слабые отражения действительности, сими неясными изображениями услаждаются, как самими светилами; а настоящих небесных светил, никогда не выходя на поверхность седого моря, рыбы и не видывали; в противном случае и они, может быть, отличили бы, что такое свет и что такое игра света в воде. Так некоторые, поскольку не видали истинной высоты Царя, едва поднимутся несколько, уже думают, что стоят на самой высоте. Но ты, хотя иное приобрел, а иное надеешься приобрести, однако же непрестанно простирай взор вперед, восходи и к прочему по многим ступеням. Всего хуже – останавливаться. Спешి приобретать одно за другим, пока Христос не возведет тебя на последнюю ступень.

Остерегайся, чтобы не поразили тебя нечаянно осмеяние и злой язык, который на совершенства твои изрыгает змеиный яд. Два пути у человека, и поругание бывает двоякое. Один путь худ; он приводит и к концу худому. Другой путь хорош; и конец его, как и естественно, вожделенный. Но осмеяние преследует человека на обоях путях. А если бы язык нападал только на тех, которые худы, что тогда было бы превосходнее его? Теперь же с одинаковой яростью нападает он на всех, на добрых и на злых. И ты будь осторожен и осмотрителен в обоих случаях. Страшись языка, который преследует беззаконников, чтобы избегать и самого порока, поражаемого языком; а языка, который у злого врага вооружен на добрых, столько же бойся, сколько вдавшийся в море утес боится ветра и разбивающейся о него волны.

Никогда не делай ничего постыдного, хотя оно нравится многим, и не оставляй доброго дела, хотя оно и ненавистно порочным. Старайся поступать так, чтобы заслужить славу. А если она удаляется от тебя, не огорчайся ложной молвой, но благоразумно иди своим путем. Пусть другие лают понапрасну; они не сделают никакого вреда божественной любви, и зависть выплачет себе глаза.

Убежав из Содома, спасшись от пепла сей жизни и от страшных угроз Божия огня, не озирайся на Содом; иначе отвердеешь вдруг в камень и останешься памятником греха и ужасной смерти. Ноги твои не на содомской уже земле; не медли же и на соседних равнинах, близких к огню, но как можно скорее спасайся в гору, чтобы не настиг тебя огненный дождь!

Не робей слишком перед плотью, как будто она по природе своей неукротима. Не от Бога тот страх, который делает человека связанным. Не предавайся слишком и плотской неге, чтобы пресыщение, сверх чаяния твоего, не низринуло тебя со стремнины! Охотно иди по негладкой стезе. А если восходишь вверх, смотри, не скользок ли путь, чтобы, не падая, достигнуть тебе цели и пройти сквозь узкие врата. Там свет, и слава, и успокоение от всех бедствий.

Если боишься того, что и малая искра зажигает солому, то ободрись надеждой: великий пламень прохладится дождем

свыше. Молитвы, воздыхания, в слезах проводимые дни, и ночи без отдыха, и всецелая любовь к Царю – вот прекрасные врачевства целомудрия! При них никогда, превосходный мой, не поставишь ты в сердце своем кумира худшей любви, но будешь иметь непорочный ум, как храм великого Бога и лучезарности Духа.

Дева, будь девственной и слухом, и очами, и языком, потому что через все вторгается грех. Слух напрягай для одних добрых вещаний, а для речей срамных и бесстыдных заграждай его дверь. Очи храни целомудренными в брачных чертогах, т.е. в веках твоих, и не уязвляй сердца похотливыми движениями. Уста держи заключенными, подобно нераскрывшимся чашечкам цветка, чтобы слово твое оставалось предметом желаний.

Ноги, идущие быстро, ненадежные свидетели девства; и в самой походке бывает нечто блудническое.

Уважай ветхий хитон, а не чело, сияющее от удовольствия, не прекрасные шелковые ткани. Пусть других украшает жемчуг, пусть у других блистают золотом члены; предоставь сие тем, у которых расцвечены лица, этим созданиям земных рук, чуждым небесного образа, этим гнусным изображениям, вывескам сладострастия, безмолвным обличителям, движущимся картинам, обнаруживающим тайны благоприятствующей ночи, этому блистательному безобразию, этим гробам, скрывающим в себе смрад! Но дальше отходи от них ты, невеста Царя Христа, которая славишься внутреннею красотой.

Слей очи с очами и слово со словом, но только чистое – с чистыми; никогда же не сливай смеха со смехом и дерзости с дерзостью, ибо это доводит людей до губительного поползновения.

Избегай всякого мужчины, особенно ни одного не принимай в сотрудники домашней жизни. Поверь мне, чистая дева, что, хотя бы он был чище золота и тверже адаманта, но все – горькая вода из Мерры. Ибо опасность с двух сторон. Хотя ты полагаешься на собственную плоть; впрочем, кто поручится за члены живущих под одной кровлей? И у тебя не совсем чисты и нескверны глаз и ум, и мысль другого может скрывать в себе

что-нибудь плотское и изгнать духа. Воспарив от земли, ты переселилась уже от плотского к духовному; для чего же, одобряя опять сожителство с плотью, бесчестишь священного Жениха, Который заботится о твоём образе? Смотри, чтобы Он не лишил тебя Своей любви за двоедушие, за то, что хромаешь на оба колена. Твой возлюбленный – Христос; посему удаляйся от всякого мужчины. Для чего находить нужным иметь помощником того, кто сам имеет нужду в помощнице?

Коню любовен конь, оленю – олень, скворцу – скворец; чистому же дорог чистый. Но, впрочем, ты избегай злонамеренного советника, чтобы он, при всем твоём благоразумии, не обманул тебя. Он более всего враждует против мудрых; часто и доброе обращает во зло даже добрым. Ныне он свет, а после окажется тьмой. Внутри смерть, а сверху снедь. Привлекает сладостью и губит скрытым ядом. Нередко сводит он между собой людей близких по духу; приходит к нам в светлом образе, прикрывается честным наименованием христианской любви; а потом в сблизившихся изменяет сердечную любовь в плотскую и возжигает пламень или оставляет жалкие следы пламени. А если не останется в тебе и следов пламени, то всего скорее нанесешь удар тем, которые смотрят со стороны. Но и все мы готовы на грех; поток сам льётся по скату.

Но дом, одежда, стол, немощи довели тебя до этого позора, заставили избрать помощника дряхлой старости. Ты променяла золото на медь, если вместо светлой жизни приобрела малое и неприличное утешение. Если дашь мне кучи золота и янтаря, зеленеющие поля, тучные стада, великолепный дом и Алкиноеву трапезу, если вместо настоящей жизни дашь другую нестареющуюся; и тогда не соглашусь жить гнусно и через это лишиться Христа.

Пусть у меня хлеб в скудость и вода в редкий напиток; пусть меня, как древле Адама и Еву, покрывают смоковые листья и домом мне служит расселина в камне или дупло в буке; жизнь моя проста и не лучше звериной; или, ходя по земле, как нищий и новый Лазарь, брошенный у ворот горделивца, влачу жалкую жизнь и болезненное тело; все это

ныне, а там – пропасть и грозное воздаяние за все здешние наслаждения. У тебя пресыщение, а у меня скорбь – кратковременны; и потом все забыто. За гробом все станем одно, все – один прах. Там одно место рабам и царям; никому нет преимущества в преисподней. Поэтому и благами настоящими не пленяйся и скорбями здешней жизни не слишком занимай мысли. Вместе с наслаждениями оставишь и все скорби, и притом в скором времени. Ибо что продолжительно в однодневной жизни?

Ты здесь странник и пришлец, пресмыкающийся по чуждой тебе земле. Отсюда восставит тебя Бог в отечество твое. Подвиги твои не долговременны; а награда выше трудов.

И ты, мудрый советник Ионадав, убеждая любезных детей насладиться высочайшим для людей счастьем, предложил им такой закон и такое слово: «Вот, дети мои, получите от отца богатство, какого и мне не дал любезный отец, какого и всякому другому сыну не доставалось от отца; получите богатство, всегда постоянно сохраняющееся. Не стройте для членов своих описуемого местом дома, не возделывайте земли. Что вам пользы от винограда? Живите в шатрах; а уповающего и сладкого питья никогда, дети, никогда не вливайте в свою гортань. Живите для Бога и богатство свое полагайте в едином присноживущем Боге, Который всегда Сам Себе равен и ничем не возмущаем». Так говорил отец, и дети исполнили его заповедь (Иер. 35:6–7).

А я знаю народ, вводимый в землю обетования. Впереди шел столп огненный облачный и влек его за собой по неведомой пустыне. Море расступалось перед ним, небо давало ему пищу, камень извел из себя воду, широко текущая река отступила назад, солнце замедлило бег своей колесницы; некто, простертыми руками знаменуя крест, воздвиг победный памятник, а вера связала острия мечей.

А Илия питался воронами и престарелую сидонскую вдовицу накормил немногими каплями жизни; потому что в малом чванце не оскудевала мука, и глиняный сосуд всегда источал влажный елей в таком же количестве, в каком черпали руки страннолюбивой вдовицы.

Еврейские юноши, желая свойственной им пищи, чтобы не оскверниться трапезой царя, с радостью взошли в ассирийский пламень и, прохладившись в нем, возвратились в свои дома.

Даниил, брошенный на съедение ярим львам, когда распростер свои руки, не львов накормил, но сам от пророка принял в руки богопосланную пищу (Дан. 14,37).

Божественного Иону из внутренностей своих изbleвал морской зверь, три дня (какое великое чудо!) держав его в утробе; потому что пророка даже и в китову утробу сопровождала вера.

Иоанну служили пищею акриды и дикие соты, одеждой – волосы высокошейных верблюдов, кровом – широкое небо и пустынным ложем – земля.

Кто спас Феклу среди огня? Кто связал неукротимую силу кровожадных зверей? Какое великое чудо! Девственность усыпила зверей, и они не дерзнули своими зубами осквернить чистое девственное тело.

Нет, не позабуду (это было бы и несправедливо) упомянуть о непорочной Сусанне, которая, хотя носила на себе супружеское иго, однако же имела столько любви к целомудрию, что, когда избегла незаконнейших рук, но по несправедливому приговору судей обречена была на смерть, спасли ее от гибели мудрые рассуждения судьи, который, будучи юн духом, но сед разумом, связал словом своим развратных и незаконных вавилонских старейшин.

Сам выслушай Павла, с какой боролся он злобой, сколько понес трудов и мучительных беспокойств от друзей и от врагов, на море и на суше, как восходил до третьего неба, и весь мир заключил в вожделенные мрежи. Он скорбями своими восхищался более, нежели другой благоденствием.

Добродетель всегда окружена бедствиями, как роза ненавистными и колючими шипами. Помня сие, и ты с лучшими надеждами блюди свою жизнь для Царя Христа в совершенной непорочности, и не позволяй вводить в обман нужде, которая всего скорее покоряет даже мудрых мужей. Почему и злокозненный враг, искушавший Христа-Царя, как скоро увидел Богочеловека алчущим, понадеялся, что чувствующего нужду

уловит в свои сети, и повелевал превратить камни в снесь. Но он не уловил Бога, а тебе, человеку смертному, льстит, как богу. Ты же стремись к Богу и дальше гони от себя врага, всецело пребывая в Боге и выше плоти.

Нехорошо, если, как в сомкнутом в кружок хороводе, одного держатся правой, а другого левой рукой, так и ты, вместе касаясь Божества и отделяясь от Него, половиной принадлежишь Христу, а половиной – плоти. Не хорошо, если, пускаясь в море на быстром и благоустроенном корабле, как скоро восстанет ветер и возмутит спокойные воды, задерживаешь скорое плавание якорем или прельщаешься пребыванием на суше и совершаешь свой путь по водам, уподобляясь одновременно и мореходцу и пешеходу. Нехорошо, если на жизнь твою кидается плоть – эта рыба прильпуша, останавливающая корабль на всем ходу. Но как поток воды, проходящий по узкой трубке, как скоро во внутренности округленного свинца скопится столько влаги, сколько может вместиться, начинает бить вверх, не удерживаясь в заключении, потому что он сильно нагнетает сзади; так советую и тебе, запечатлев в груди своей любовь, нестись в высоту на сретение Христу или орошать какую-нибудь добрую и тучную ниву. Если же ты разливаешься и здесь и там, по глубоким пескам, или по камням, или по лугу, или по бороздам, то добрый твой поток, ничем не удерживаемый, погибнет без всякой пользы.

Если жив у тебя любезный отец, произведший тебя на свет, или если жива у тебя милая мать, то не укоризненна твоя любовь. Если ты полагаешься на благорасположенных к тебе братьев и на родителей, когда они живы, помогающих тебе или требующих от тебя помощи, то никто не упрекнет тебя, что живешь вместе с ними; зато не обратит на тебя злого и неумолимого взора осмеяние, хотя оно замечает часто и скрип твоей обуви. Впрочем, для меня полезно и то, что злой обращает на меня взоры. Пусть он смотрит, а мое сердце пребудет твердо. Но прошу избегать любви к другим, даже не только любви, но опасного пребывания в одном доме, или самонадеянности обманчивой и ненадежной в людях цветущих

лет, избегать в той же мере, в какой должна предаться Христу твердо прилепившегося к Нему любовью присноживущую.

Тебе, которая хвалится целомудрием, имея любовь в вожденной девственности, не нужно открывать всего сердца другим страстям. Это всего хуже, если по ухищрению завистника зло рождается из добра. Не думаю, что обязательно нужно избегать супружества и супружеских обязанностей; посредством супружества Бог непрестанно умножает род человеческий; но избираю девственность, как врачевство и пособие против моих страстей. И если увижу свободный от них день, то есть мне за что благодарить одинокую жизнь! Но когда, оградив дорогую ниву стеной, отворю двери зверям или одну ее часть обнесу плотной оградой, на другой же оставляю тропинки мимоходящим путникам; тогда не то же ли выйдет, как если бы дана была возможность врагу отовсюду врываться и губить мою ниву? Но и тебе враг во всем строит козни, чтобы явно и тайно нападать извне и уловлять внутри. Никто не избежит его злобы, если не имеет всегдашним помощником Христа. Иногда маловажного не вменяй во грех; но и маловажному не противься слабо, чтобы не встретиться, как ни есть, с худшим.

Хорошее и слушай, и говори. Но что говоришь, то тщательно осматривай. Зрение должно побуждать тебя и к делу, и все помогать одно другому – цель и слово, зрение и слух.

Избегай худого семени, чтобы собрать тебе хорошие колосья. Не таи в себе прелюбодейной любви к миру; а таит ее тот, кто дал в себе место хотя тонкому корню порока; от этого корня раскинется туда и сюда множество ветвистых стеблей.

От нескольких капель кровавой влаги сседается молоко в большом сосуде. Один камень, упав на поверхность стоячей воды, мутит вдруг прекрасный источник; множество кругов, непрестанно образуясь в одной точке, рассеиваются по воде и исчезают на окружности. От удара в одном месте все тело вокруг пухнет и чувствует боль. Не много вкушено, и стал я мертв, потому что за вкушением последовали грехи, как за одним храбрецом через неприятельскую стену идет все воинство. Не велика рана, наносимая аспидом, но она мгновенно погружает в предсмертный сон, и сама гибель бывает

приятна для умирающих. Посему старайся, чтобы сердце твое не осквернялось даже и малостью.

Если чрево у тебя на замке, то, может быть, спасешься от греха. А если двери у него отворены, то боюсь, чтобы плоть не сделалась наглой. Когда тело усмирено, тогда усмирятся вместе и бесстыдная похоть. Вино – эта желчь для девственников, приносит им много бесславия; а гневливость доводит до неистовства; все же это – путь к смерти.

Дева, не пленяйся своим выношенным хитоном; и малоценностью увеселять взоры – худо.

Не возбуждай врага, надрывая щеки смехом; пусть они безобразно искривляются у тех, которые разливаются от радости и держат дом не на замке. А у тебя пусть промелькнет на лице тихая улыбка и как можно скорее появится румянец и закроет собой веселие. А румянец внушает уважение смотрящим.

Женщинам прилично немного говорить о Боге, именно, сколько можно им знать о досточтимом естестве Троицы, о тройственной, единой в Божестве благодати; ибо слова благочестия нехорошо предавать молчанию. Должны же они больше слушать. Но то и другое, и говорить, и слушать, обязаны с трепетным умом и благоговейно, на все налагая покров стыдливости. В словах же прекословных пусть упражняются люди мудрые, низлагающие неверных.

Да не похищают у тебя Бога ненавистные заботы, которые и высокошественного низлагали мгновенно на землю. Ум твой да стремится к цели, не носясь туда и сюда, подобно искателю побед, неукротимому коню, и не убегая вдаль от великой славы Христовой. Если же увлек тебя злой Велиар, и ум твой блуждает, то как можно скорее перемени направление и иди к цели прямым путем.

Пусть занимают тебя ткацкий челнок, пряжа, поучение в Божием слове, премудрость, божественные песни, внятные, но не громкие, не терзающие душу звуки, которых больше остается в груди, нежели сколько слышно на устах. Враг часто врывался через слух даже в глухих.

Ты, целомудреннейшая дева, которая, вкусив божественного питания, избегла супружеских уз и всякого бремени, носимого женщинами, не входи в чужие ложницы и в супружеские дела, чтобы тебя вместо девы не стали называть женой-рабыней; не проводи времени в чужих домах, за чужой трапезой, не имей обращения со слугами, не принимай участия в домашних смутах, не бросай льстивого слова за кусок хлеба.

Люби меру в страннолюбии. Кто украшен добродетелями, тому радушно отворяй свой тесный дом. А кто не выше других, тому оказывай милость издали. Обитель твоя да будет ограждена от молвы. Деве лучше быть негостеприимной, чем отворять дом для всех странных, потому что на многолюдстве теряется стыд. И чем может быть опозорено светлое девство, на то не собирай доказательств со всех концов земли.

Уважай седину и подражай честным нравам. Благоразумная седина принесет тебе больше пользы, нежели юность.

И с благочестивым намерением не переходи с места на место. Нога твоя, поспешая в святые места, как бы ни были они отдалены, да не соплетется, часто вопреки приличию, с ногой легкомысленных мужей. Царь Христос у всякого в доме; он близок к любящему – в сердце у него.

Первое место дай Богу, а следующее затем – иерею, земному Христу, руководителю твоей жизни. Спеша за ним на крыльях, покоряйся ему безмолвно; с ним радуйся, когда простираешься вверх, и ему подчиняйся, когда падаешь, чтобы, в страхе, опять вознестись высоко.

Умри для всех прочих – это для девы лучше, нежели вести жизнь открытую и выставленную напоказ всякому. Хвалю тех женщин, которых даже не знают мужчины, которые живут вдали от мира, но втайне видимы Богу.

Будь очень благочестива, но не смотри очень надменно. Погнавшись за людской славой, легко потеряешь добрую славу. Женская слава гибнет, как скоро делается видной для мужчин.

Ревнуй к добродетельному и отвращайся от порочного. Равно худо и завидовать добрым, и любить порочных.

Не останавливайся в своем пути, видя, что злые ведут покойную жизнь, и не терзайся сердцем, видя, что добрые

изнемогают. Это игра жизни; а ты смотри единственно на конец.

Наслаждаясь хорошей погодой, ты радуешься; но не знаешь еще ясно, что будет. Бойся, чтобы с какой-нибудь стороны не подул смертоносный ветер. Поэтому всю жизнь свою или страшишься, или готовься к страху.

Когда падает человек порочный, тогда тем паче утверждай свою ногу. А когда падает благоуспешный; крепись еще больше. Ибо если совершенные падают, то очень нелегко провести жизнь не поскользнувшись. Вся жизнь для тебя – угли под ногами, и угли горячие. Всегда идешь ты по скрытым сетям.

Боюсь, чтобы мне, положив основание жизни своей на песке, не разрушиться от дождя, рек и ветров; боюсь, чтобы подобно семени, которое пало на сухую и бесплодную землю, и мне, прозябнув скоро, еще скорее не засохнуть, когда ударят в меня солнечные лучи и легкие напасти; боюсь, чтобы во время моего сна сеятель негодных плевел и завистливый враг не подмешал худого семени. Когда же десять чистых дев, бодрствуя с зажженными светильниками и с недремлющими очами ожидают вождя жениха – Царя-Бога, чтобы им светлыми выйти навстречу приходящему с веселием; тогда не поставь меня в числе бедных умом и юродивых дев, чтобы мне уже в самое пришествие Христово, отягченными от сна очами, заметив едва мерцающий блеск светильников, слишком поздно не пожелать для себя капель елея светлой жизни, и чтобы запертые двери не преградили мне входа в союз церкви с Господом, где Слово, по великим уставам любви, сопрягаясь с душами чистыми, дарует им сияние и славу. Вот в брачный пир, который учреждает добрый Отец, веселясь о наилучшем Сыне; о, если бы на этой вечери было место и мне, и мне было место, и всякому, кто со мной единомыслен! Но вне пира останется тот, кто брачному веселию предпочитает или село, или пару новокупленных волов, или жену. Боюсь и того, чтобы среди пирующих, которые все одеты по-брачному, одного меня, у которого осквернены одежды, не связали по рукам и по ногам и не изринули из брачного чертога далеко от друзей и от брачного пира. Когда же Царь мой, возвращаясь с брака, придет внезапно к ожидающим и к неожиданным; о, если бы мне тогда оказаться

в числе ожидающих и заслужить похвалу, как доброму служителю, имевшему страх, снисходительному к подначальным и правдивому раздаятелю твердого слова!

Сие заповедую девственности, как кротко советующий и сердечно любящий отец; а вы, чада, и дочери, и сыны, послушайте любимого отца. И если, как надеялся, имею какую-нибудь благодать у Бога, то не презрите заповедь отца, подобно сынам Илиевым. Не делайте этого, чада, чтобы и вас не постигло одинаковое с ними наказание. А прочим следующее слово; и я не безбоязненно, держа весы ровно (свидетель в том Бог), произнесу равный суд над теми и другими – над девственниками, и над живущими в супружестве.

Насколько девственность предпочтительнее супружества, настолько непорочный брак предпочтительнее сомнительной девственности. Посему и ты, ревнитель совершенства, или полнее возлюби чистую девственность, если имеешь к тому и силу, и расположение, или избери супружество, как говорят, после первого второе, также доброе плавание. Но избегай тех, которые хотят совместить ту и другую жизнь, и безбрачную, и брачную, то есть примешивать к меду желчь, к вину грязь, к священному Солиму злочестивую Самарию. Напрасен труд – по совершении пути идти вдруг назад; не в безопасности стрелок, если пущенная им стрела падает почти у ног его, а не долетает, куда нужно, и не попадает в высокую цель. И тому, кто в дар Царю-Христу принес девственность – эту словесную жертву, это бескровное заклание, вступить опять в супружество не только есть потеря, но и величайшее падение, близкое к смерти; а сверх того и нескончаемый стыд. Это значит, вдруг поскользнувшись, обратиться вниз на землю с обрывистой горы, на которую всходил ты с великим трудом, в намерении открыть там золото или провести время в приятном занятии, преследуя зверя. Кто же, слыша о злочестивом Анании и Сапфире, которые за собственную прибыль подверглись злой смерти, не побоится убавить в своем обете даже и малость? А некто из древних, когда тайно, без ведома вождя, присвоил себе златый язык, одежду и несколько денег, нанес тем вред целому народу (Иис. Нав. 7,21). В какой же степени выше жребий

одушевленной твари, в такой, или еще в большей, худо для девы возвращение назад.

Да погибнет такой супружеский союз, которого не скрепил брачный закон! Всегда берегись жала того, кто непрестанно влечет назад души, простирающиеся вперед, чтобы ему царствовать над большим числом униженных, кто первый низложен из небесной славы на землю и влачит здесь иго позора, налагаемое на горделивых.

Теперь изреку добрый совет родителям, родственникам и целомудренным попечительницам, в руках у которых жизнь, позор и добрая слава дев. Непозволительно и неприлично поступать насильственно с тварью великого Бога. Все мы род Единого; и властвует ли кто или соприсчислен к подвластным, богат ли кто или беден, восседает ли кто на великом престоле или преклонен до земли, покрыт ли кто сединой или цветет юностью – все от Единого, у всех одно дыхание, всё стремимся к одному концу; Бог для всех родился человеком, и умер, и воскрес; Он всем даровал широкое небо. Посему никто в угождение неразумной плоти не должен против воли вести деву к брачному ложу, когда она держится за Христа и живет лучшею любовью, как не нужно полип отрывать от его каменного ложа или певчую птицу выгонять из устроенного ею гнёзда. Напротив того, если у тебя христолюбивое сердце, если Бог связал тебя божественными узами и взял из мира, то со всею готовностью представь Христу прекрасную невесту или юного сына, как некогда чадолубивая Анна представила Самуила – священный плод своих чистых ложесн, одушевленную жертву, которая священнее всякого первородного, а также колоса или грозди, срезанной добрым земледельцем в начаток Богу. А если ты идешь в середине между Христом и миром, то на одинаковых весах взвесь и супружескую, и одинокую жизнь, хорошо и разумно собрав в уме все выгоды невыгоды той и другой, и, предначертав двоякую цель, избери путь, на который влечет горячая любовь, и вспомоществуй, в одном случае порабощению, а в другом небесным стремлениям. Когда дева достигла совершенных лет, чтобы вступить в брак или исполнить целомудренное намерение; хотя, как супруге служит

узами муж, так дочери – родители, а той и другой – Божий страх, не вступившей же в супружество – Христова любовь; однако же ты не удаляй от замужества деву, желающую иметь мужа, и не вводи насильно в дом к мужу стремящуюся к Богу. Пока же не уверишься несомненно, не препятствую делать некоторые испытания. Но если ты всю мысль свою и руку отдаешь супружеской жизни или радостно устроил уже и брачный чертог, и пляски, и пиршества, в веселии сердца забыл свою старость; а между тем изгоняемая тобой девственность приступит ко Христу (как некогда правосудие восходило на небо с жалобой за умерщвление вола земледельца), то боюсь, чтобы вдвойне несправедливое решение не прогневался Бог, перед Которым всякая плотская природа смиряется так же, как тучный воск перед огнем; боюсь, чтобы страх Божий не связал тебя по плоти. И здесь бывает служение подобное небесному, и в смертных есть ум, приближающийся к Божеству.

Погрешил тот, кто бесплотное смешал с природами плоскими, от ангельского производил сильных исполинов и грехами небожителей думал очистить землю. Предоставим сие эллинам, потому что они в защиту своих страстей умыслили представлять богов непотребными, ворами, андрогинами, прелюбодеями, развратителями людей, человекоубийцами, губителями родителей или детей своих, и, не довольствуясь сим, приносили жертвы самим страстям. Посмотри на первейшего из их богов, чем не делало его сладострастие: волом, лебедем, змеей, золотом, мужем, птицей, – всем, чем только повелевал ему делаться резвый Эрот – этот слабый ребенок. Они-то уничижали любезное девство, налагающее узы на плоть. Для них невероятна была светозарность плоти. Они всех меряют своим непотребством. Но чистому оку несвойственно видеть звезды омраченными. Земля и твердо стоит, но сему не доверяет, у кого кружится голова. А нам неприлично говорить о девственности укоризненно.

Почему же невероятно, что любовь к Христу-Царю может усыплять человеческие вожделения и плотскую любовь, как и прежде остановила кровавый ток у прикоснувшейся кровоточивой жены? Бог позволил похитить у Него благодать, и

сухой песок сделался текущим источником, как скоро иссяк. Разве мужество в христианах не было выше огня, и мечей, и воды, и свирепых зверей, которые немилосердными зубами терзали их члены? Когда теснил их гонитель, воздвигая брань за веру в Бога, тогда что видим у них? Не жизнь ли, проводимую без сна и без крова? Не Молитвы ли и непрестанные воздыхания? Не истекают ли они слезами? Не возносятся ли от земли в ночных и дневных песнопениях, оставив мир и плоть? Не малыми ли крохами пищи поддерживается в них дыхание? Не служат ли им жилищем пещеры, а ложем камни или мягкая трава и сухие ветви? Не живут ли они под одним кровом со свирепыми зверями, чтобы только избежать злых внушений и уз плоти? Есть сказание о птице фениксе, что она, умирая, юнеет, по истечении многих лет, возрождаясь в огне, и из устаревшего праха является дивный самородный плод. Так и они, умирая, делаются вечноживущими, сжигаемые пламенной любовью к Царю Христу. В самой немощи открывается сила благочестивых. Кто видит все это, тот неохотно вступит в союз с юной плотью, потому что воспламенен лучшею любовью.

Общая всем мать, природа! Возвещу не свои, но твои чудеса, какие ты расточила на суше и в морях. Слышу, что пернатая горлица, по смерти своего милого горлика, из целомудренной любви к разделявшему ее ложе, не принимает к себе в гнездо другого супруга. Мудрая птица! Но для человека сколько еще лучше чистая жизнь. Болтлива сероперая ворона, но и она верна юношеской любви и когда потеряет милого супруга, ненавидит всякого мужа. И у морских рыб есть свой закон; немногие не знают никаких уставов касательно брака, многие же заботятся о целомудрии и брачного ложа, и своей супруги. И здесь имеют силу права. Иные не домогаются иметь более одного плода. Иные же (и таковых большая часть) предаются наслаждениям любви только в весеннее время. Сама природа положила меру вожделениям. А время нежной любви определено. Для всех живых тварей: и воздушных, и водяных, и тех, которые ходят по суше. Далее срока не питали они в себе вожделений, в самом безумии страсти связаны благовременностью, когда возбуждает их к тому весна. И одни

сбегают кучами для исполнения супружеских дел; у других же соблюдается постоянная привязанность к милым супругам, и хранится закон любви, а некоторым достаточно один раз в жизнь рожать детей, как свидетельствуют об этом те, которые описали рождения животных и все, что их касается.

А если и у неразумных есть некоторая заботливость о целомудрии, то ужели ты, Божие создание, не свяжешь всех законов плоти, если захочешь? Человек так же уступчив разуму, как и медь огню. Если разум не царь плоти, тогда как образ Божий обожил меня; то в чем преимущество наше, если и мы уступаем таким же движениям? Хотя природа неудержима в большем числе людей; однако же знаем и то, что заповедь часто превозмогает и общую природу. И у меня есть подобное тело, но меня связал воздвигший меня крест, к которому пригвоздил я тяжелую плоть. Ибо желаю с Христом умереть, чтобы с Ним и восстать, имея все Христово: и ум, и тело, и гвозди, и воскресение.

Иной самовольно связал плоть не из любви божественной. Такие узы не называют и целомудрием. Однако же есть и Божий дар на то, чтобы жить нерастленно, иметь невозмущаемый и непоколебимый ум. Иной отвращается от приятного упоения, а иной – от пищи; иной же не терпит запаха, любимого другими. Некоторые имеют ненавистное расположение к подобным себе, живут в пустынях и охотно бегут вдаль от людей. Но твой ум не верит отрекшимся от супружеских уз, даже думаю, он не верит; но ты бежишь из страха, между тем как забываешь о невыгодах супружеской жизни.

Небольшая саламандра не бежит прочь от истребительного огня, но на низких ногах своих скачет в нем, как по земле. Есть огневидная рыба; представляясь воспламененной, она не умирает от этого дивного огня, но, горя, блещет среди воды. Камень магнит не притягивает ли к себе железной гири? И адамант не сокрушим ли? Есть камень, который, от удара железом, не издает сияния; а другой сияет от капель воды, но, издавая сияние в воде, перестает сиять от масла.

Но сколько есть еще более удивительных чудес? Кто исчислит их, хотя перескажет многое? Высокий Ум,

перемешивая многообразные образы вещей, так и иначе перестраивает целый мир, как ему угодно. Но из многих упомяну не о многом, что видел я сам или в чем уверяют меня книги и слух.

Не во всех ли реках одно течение – вниз? Не один ли закон морям, чтобы их связывали берега? Не один ли путь у пылающего огня – частыми порывами подниматься кверху? Однако же есть река, которая пересекает горькое море и остается рекой, одна вода не смешивается с другой, и мореходцы, приближая корабль к течению, спешащему к суше, черпают из моря сладкое питье. Видел я Эвбейский быстрый пролив – этот узкий проход и незамкнутый ключ моря, видел, как он неистовствует в своих возвратных течениях. Море прибывает и течет обратно назад. Океан то удаляется от земли, то опять поспешными волнами вторгается на сушу, и на киммерийских берегах то поле, то море. Но есть и другой поток – пламень огненный, если справедливо, что из утесов Этны извергается эта невероятная водотечь – огненная река, и несоединимое соединено по воле Христовой.

Могу и в малом указать подобные чудеса. В числе плодов есть, так называемый, *воловий рог*. Он один пуще всего выращиваемого плодоносной нивой имеет тело, не размягчаемое влагой, не разрушается в земле, не тучнеет от дождей, но совершенно окреп и навсегда остается тверже рогов; этого рога не раздробляет и рог вола, когда рука земледельца рассыпает плоды по ниве; посему от рогов получил он и имя, и свойство. Но если мудрецы знают на сие другую какую причину, то она неведома мне.

Сие производит природа; выслушай же, чего домогалось искусство. Скворцы говорят подобно человеку, подражая чужому голосу, который они переняли, видя в зеркале изображение из дерева выточенного скворца и слыша человеческий голос промышленника, спрятавшегося за зеркалом. И ворон также крадет звуки у человека. А когда нарядный и кривоносый попугай в своем решетчатом доме заговорит по-человечески, тогда он обманывает даже слух самого человека; коням вешают канаты, и поверх их ходят кони. Степенный медведь ходит на

задних ногах и, как умный судья, заседаю на судейском месте, держит в лапах (как можно подумать) весы правосудия, и зверь представляется одаренным умом. Человек научил его тому, чему не научила природа. Видел я также укротителя зверей, который сидит на хребте у могучего льва и рукой укрощает силу зверя. Он держит бразды, а бегущий лев, забыв свою ярость, повинуется господину и ласкается к нему. Видел я также тяжелого и великорослого зверя с большими зубами, мальчик Инд сидит на нем и небольшой шпорой заставляет его идти, как корабль, поворачивая туда и сюда тело сильного слона. Бесстрашен был тот, кто первый замыслил укротить зверя, наложил ему на шею ярмо и повез огромную колесницу.

Но ты зверям приписываешь больше, нежели человеку, если соглашаешься, что принуждение победило природу в зверях, а люди не могут быть обучены добру, имея даже у себя помощником слово. Как же ты, невежда, до такой степени оскорбляешь творение великого Бога? Кто бывал таким ненавистником собственного своего рода? Но не такова мысль у меня, который рассуждаю здраво. Напротив того, знаю мужей и жен, которые и помыслами небесны, и телом непорочны. Все различие между ними в членах, а добродетели у тех и у других общие, и общий путь к славной жизни. Все преимущество в усердии, и то дает труд. Но твой ум не верит отрекшимся от супружеских уз; даже, думаю, он не верит, но ты бежишь из страха, и между тем забываешь о стольких невыгодах супружеской жизни.

Сие заповедую тем, которые близки только к небожественным; а ты, девственность, заботься о том, чтобы оградиться тебе отовсюду и хорошо утвердиться в Боге, стать совершенной жемчужиной между камнями, правой рукой между звездами, голубицей между пернатыми, маслиной между деревьями, лилией в полях, благодатишем в море. Ты, дева, презрев весь мир и все приятности жизни, стань подле светозарного Христа и, взявшись рука за руку, введи Его в свой брачный чертог, исполненный утех, веющий сладостями и благоухающий; к небесным благовониям примешай свое собственное благовоние; к излиянным здесь невысказанным

желаниям любви присоедини и свою любовь, к красоте присовокупи красоту; к сокровенной – сокровенную, к светозарной – светоносную, чтобы Христос стал благим любителем славного твоего образа, чтобы Христос стал твоим женихом, чтобы Христос, открыв покрывало, с радостью увидел достойную по красоте невесту, которая украшена добрыми жемчужинами, сидит на богато убранном седалище, высоко держит голову, чтобы столько прекрасную сделал Он еще более привлекательной, чтобы Христос тебя, исполненную радости, ввел в Свои обители, предложил тебе брачную вечерю среди великих нескверных ликов, при небесных песнопениях, увенчал главу твою вечно цветущими приятностями, поставил перед тобой чашу благоухающего питья, показал тебе тайны премудрости, подобно которой видим мы здесь в зеркале, и открыл истинный свет твоему непокровенному уму; когда грубые тела уступят место духу, а тела воздушные получат нестареющуюся жизнь.

Мы же, любезные юноши и девы, питающие в себе непорочную любовь к Царю, воспоем брак небесного Бога, возжегши светильники – сии подобия Божественного света, светильники неугасимые, духовные, которые делаются непрестанно более и более светлыми от чистых дел и помыслов высоких, даже небесных.

Приди же к нам, милосердная, и милосердна будь к нам, чистая Троица, из Единого сочетающаяся в Единое, Ты, Которая и ныне озаряешь светлые очи, а впоследствии еще светлее будешь озарять просветленных Тобой, Ты единый Бог – из Родителя через Сына в великом Духе совершенное Божество, покоящееся в Совершенных.

К девам

Дева, невеста Христова, прославляй своего Жениха; непрестанно очищай себя словом и мудростью, чтобы ты, чистая, вечно могла сожителемствовать с Чистым. Этот союз гораздо выше тленного сочетания. Живя в теле, подражая духовным Силам, проходи на земле ангельскую жизнь. Здесь заключаются и расторгаются союзы; здесь тела рождаются от тел, а в горней жизни каждая Сила живет одиноко, и она неразрушима. Первые Силы приемлют в себе луч чистой Сущности; это духи и огонь – служители Божьих велений. А плотское сочетание изобретено веществом, этой непрестанно текущею природой. Впрочем, Бог и сему положил меру, узаконив брак. Но ты, которая бежала от дел вещества, подружись с высшим, как ум дружит с умом, сливаясь в божественную гармонию, и, ведя брань с плотью, помоги Божьему образу. Ибо ты – Божье дыхание, для того сопряженное с худшим, чтобы после борьбы и победы получить венец, возведя в высшее и плоть, прекрасно подчинившуюся.

Положим, что похвально для тебя и супружество; но выше супружества нерастленность. Супружество – уступка немощи; а чистота – светлость жизни. Супружество – корень святых, а чистота – их служение. Ее и раньше уважали в установленные тому времена, например Адам в раю, Моисей на горе Синае, отец Предтечи – Захария, служба во храме. Супружество – корень и богоугодного девства; однако же оно – закон плоти и раболепство плотскому похотению. Когда имели силу Закон, и сени, и временные служения, тогда и супружество, как нечто детское, удерживало за собой первенство; когда же буква уступила, и заменил ее дух, когда Христос, родившись от девы, пострадал плотью, тогда воссияла чистота, и она отсекает мир, из которого с восшедшим Христом должно нам переселиться в высший мир.

Доблестно шествуй, дева, на гору, спасайся в высшем, не озирайся на Содом, чтобы не отвердеть в соленый столп. Естество плоти не должно слишком тебя утрашивать; но не будь

и отважна чрезмерно, чтобы не сбиться тебе с дороги. Искра зажигает солому, а вода утишает пламя. У тебя много врачевств чистого девства. Водружай себя Божьим страхом, истощай постом, бдением, молитвой, слезами, сном на голой земле и всецелою любовью к Богу, которая при истинном направлении усыпляет всякое желание, чуждое высшему. Падшего восставь, претерпевшему кораблекрушение окажи милость; а сама совершай благополучное плавание, распростерши паруса надежды. Упадут не те, которые смотрят под ноги, но которые несутся ввысь. У немногих расправляются от жара крылья; полет же многих безуспешен. Пал Денница; но небо населено ангелами; предателем стал Иуда, но одиннадцать учеников сделались светилами.

Только всецело храни себя чистой, дева; не оскверняй пречистого Христова хитона. Пусть око твое будет целомудренно, язык девствен, ни ум, ни смех не блудодействуют, ноги не ходят бесчинно. Невымытую свою одежду и непричесанные волосы цени выше жемчужных и шелковых уборов. Прекрасный цвет – румянец стыдливости; великое убранство – бледность; прекрасная ткань – увенчаться всеми добродетелями. Пусть другая обезображивает образ Божий притираниями, делается одушевленной картиной, безмолвным обвинителем внутренних пороков; а ты умертви в себе, насколько возможно, и то благообразие, какое имеешь, сияй же красотой души, которая находит для себя украшения в Боге. Избегай взора мужчин, когда только можно, даже и целомудренных, чтобы не уязвить другого и самой не быть уязвленной от насмешливого велиара. Не порабощай очей очам, не привлекай слова словом, и ланиты твои да не дадут смелости ланитам другого. Не вкушай плодов осужденного древа, чтобы змий не удалил тебя от древа жизни. Послушайся меня, дева; не живи вместе со своим попечителем, имея женихом Христа, Который заботится о твоей чистоте. Для чего тебе, избежав плоти, опять возвращаться к плоти? Не всякому мужчине вместительна твоя простота. Как роза окружена шипами, так ты окружаешь себя многолюдством и ходишь поверх лукавых сетей.

Кто наряжает брачное ложе, а кто предает погребению жениха; один стал отцом, а другой внезапно обесчадел. Как тяжелы муки рождения, иногда неразрешимые! Как мучительна ревность супруга, который боится, чтобы не похитил кто-нибудь любовь супруги! Легко ли воспитывать, учить детей, потом видеть к себе неуважение, получить за труды горькое возмездие! Но у тебя одна забота – взирать непрестанно к Богу. Тебе нужны небольшой кусок хлеба и тесный кров. А искуситель и через это вводил в искушение Христа, когда Христос взалкал, а он просил обратить камни в хлебы. Не подвергнись же ради этого чему-нибудь постыдному. Не будь хуже птиц, которые везде находят себе готовую пищу. По вере твоей не оскудеет у тебя елей в сосуде, и ворон пропитает тебя, как Илию в пустыне. Смотри, как Фекла спаслась от огня и зверей, как великий Павел охотно терпел голод и стужу, чтобы ты, дева, научилась взирать к единому Богу. Бог умел и тысячи людей накормить в пустыне. Красота увядает, слава скоротечна, богатство – неверный поток, владычествовать дается немногими. А ты избежала утех обманчивого мира, с радостью вступила в Святая Святых и вечно будешь ликовать с ангелами, заняв лучшее место между сынами и дочерями.

Но бодрственно ожидайте, девы, Христа, с немеркнущими светильниками встретьте Жениха, чтобы, взойдя с Ним в чертог, узреть Женихову красоту и приобщиться к высшим таинствам.

К монахам

(В этих стихотворениях св. Григорий восстает против обычая, по которому посвятившие себя созерцательной жизни мужчина или женщина избирали для попечения о делах домашних особу другого пола, под именем синизакта и синизакты, или также агапита (возлюбленного) и агапиты (возлюбленной))

1. Если мужи или жены станут хвалить совокупную для многих жизнь, чтобы под узами единомыслия заботиться о ликостоянии вокруг милосердного Царя, и по обету под одним кровом стремиться к одной цели и одной стезею – то сие весьма хорошо. Ибо ничто прекрасное не любит показываться одиноким; и то еще несовершенно, что не преуспевает даже и перед хорошим. И дружба, назначающая себе тесные пределы, мало доставляет приятного, равно как неразборчивая бывает грязна. Но советую и здесь утвердить великую пропасть, чтобы мужи или жены, посвятивши себя благочестию, жили отдельно и имели одну только общую славу. Зависть преследует не одних живущих в совокупности; им большая предстоит брань. А если хочешь жить один в общении с единым Христом, и это любезно. Впрочем, всем тот же страх, как и мне, а именно: борьбы с неприязненным и гибельного падения.

2. У меня уже седины; изнуряю свою плоть, смиряю око; дневными и всенощными трудами истомил я злосчастную душу, только бы избавиться мне от огня, но при всем этом не без труда сдерживаю в повиновении тело. Как же ты, хотя еще молод и плоть у тебя шире, чем у слона, при всем этом покоишь себя, как человек, достигший чистоты и духовно возлюбивший свою возлюбленную? Нет! Избегать нужно любви, которая не думает о Христе.

3. Попечителем у тебя, дева, присноживущий Христос, твой возлюбленный Жених, ревнующий о твоём небесном образе. Поэтому в попечители своей бедной плоти не принимай опять плоть, но избегай пересуда злых людей. Нескверного Христова хитона не покрывай позором, навлекши укоризну на всех дев.

4. Не безопасен огонь подле соломы. Не безопасно и тебе, монах, под одним с собой кровом держать женщину-девственницу. Положим, что надежда лучших благ разлучила между собой мужчину и женщину; но природа внутри себя скрывает еще тайный недуг. Пока ты держишь себя вдали, в тебе одна искра. Но как скоро сходишься вместе, при дуновении малого ветра воспламенишь пожар.

5. Из смеси белого и черного образуется сероватый цвет. Жизнь и смерть не имеют между собой ничего среднего. А этих, как их называют, синизактов, не знаю, куда причислить? Признать ли, что они сопряжены браком, или назвать безбрачными, или оставить для них какую-то средину? Но я (пусть говорят обо мне худо) не похвалю сего. На свете больше невоздержных, и всякий, по собственной немощи, скор в подозрении других. Ты носишь на себе плоть и живешь вместе со своей возлюбленной, которая также имеет плоть. Что же, думаешь, заключат о тебе живущие нечисто? Пусть ничего не скажут целомудренные, но кто равнодушно будет слушать насмешки, разглашаемые чернью? Брак – дело законное и честное. Но еще лучше плоти (и немало лучше) свобода от плоти. А если, возлюбленные, есть кроме этого безбрачный брак, то вы будете жить в сомнительном супружестве.

6. Старайтесь, во-первых, действительно быть целомудренными, а во-вторых, не подавать даже и подозрения о чем-либо гнусном. Ты чист; ты чище золота; однако же мне больно видеть, что телом и очами предан ты своей возлюбленной. Ты называешь ее возлюбленной; это еще честное имя. Но увы, увы, чтобы не было тут и нечистой любви! Ты говоришь: «Ничего нет нечистого». Так, верю тебе. Но другим укажет это дорогу жить несвято с женщинами. Когда и целомудренный мужчина живет с целомудренной женщиной, он для нее тинная яма; говорю это мужчинам и женщинам, живущим вместе без брака. Хотя и совесть чиста, однако же нужно избегать злоречия. А язык всего готовее злоречить. Кто приставит пламенеющий меч к моему раю? Кто даст стража великой девственности? Кто воспрепятствует, чтобы в мой рай

не взошел какой возлюбленный, чтоб не прокрался туда язык завистливых? Насмешка не щадит и святых.

7. Небесная, великосердая, светозарная, высокошественная дева! Ты, которая сопрестольна с не знающими супружеских уз и ведущими одинокую жизнь ангелами, памятуй о Боге, избегай же стрел плоти и не посрамляй своей жизни, вводя к себе в дом попечителя-мужчину!

8. Как трудно при плотском сближении избежать плотских восстаний! Поэтому, монахи, держите себя дальше от женщин, потому что много и таких тайн брака, которыми привлекаемый взор оскверняет душу.

9. Дева, будь девой и для посторонних взоров, и в тайне, и не вводи к себе попечителя-мужчину. Твой возлюбленный – Христос. С презрением смотри на всякого мужа. На что тебе нужно внутри своего жилища иметь смертоносный яд? Слей очи с очами; слово со словом, но чистое с чистым; после этого украсим тебя венцами целомудрия. Чистому свойственно не терпеть при себе кумира неразумной плоти; а при общежитии мужчин и женщин болезнь недалеко.

10. И мужам, и женам, которые сближаются под именем возлюбленных, скажу вот что: исчезните вы – язва для христиан, исчезните вы, старающиеся прикрыть неистовое влечение естества! И в глазах есть нечто любодейное.

11. Дева, все блюди в чистоте, а всего наиболее очи! Не позволяй жить с тобой в доме помощнику-мужчине, даже и самому мудрому. Ты непорочна, но я очень боюсь зависти, боюсь, чтоб она, уязвив тебя злоречием, не истребила в тебе чистой ревности к той жизни, какую ты возлюбила. Прочь от меня тот, кто, хотя и чтит непорочность, однако же берет к себе в дом для жительства деву – собеседницу бесплотных ангелов! На что тебе нужен огонь? Ужели ты крепче огня? Как избежишь дыма, очерняя себя недугом суетной говорливости? Дева, ты взята отсюда, и живешь в высшем мире. Забота о скудном пропитании и об одежде для тебя – бремя. Но ради них не подвергай себя позору и вместо попечителя не принимай к себе

сообщника в сраме и в жизни, хотя ты и непорочна, чтоб Христос не изгнал тебя вон, как двоедушную.

12. Избегай всякого мужчины, особенно же синизакта – это горькая вода Мерры; поверь мне в этом, дева. Хвалю целомудрие и целомудренных. А эти возлюбленные и к меду примешивают (о зависть!) какую-то желчь. Больше хвалю двоеженца, нежели возлюбленного, потому что брак не позор; а синизактов не щадит от укоризны и камень.

13. Монахи! Ведите монашескую жизнь. Если же живете с возлюбленными, вы не монахи. Вам не свойственно жить четой. Образ ангельской славы – одиночество. А если утешаетесь возлюбленными, то вы – любители смертной четы. Верю, что ты чистый живешь с чистой. Но если ныне и целомудрен ты с женщиной, то боюсь за завтрашний день, чтоб живущим для Христа и утешающимся возлюбленными не нанес какой ветер великих беспокойств. В возлюбленных есть или огонь, или признаки огня. Избегайте только наружного целомудрия.

На целомудрие

Хорошо обязаться супружеством, только целомудренно, уделяя большую часть Богу, а не плотскому союзу. Лучше остаться свободным от уз, все отдать Богу и высшим мирам. Бог не сопряжен, ангелы бесплотны; а вещество сопряжено и исполнено тления. Вступивший в супружество печется о супруге и о милых детях; а у девственников все попечение о Христе. Если жена может тебе дать то же, что и Бог, то супружеская жизнь равна безбрачной. А если не может, то и между сими родами жизни нет равенства. Поэтому не укоряйте меня, родители, предпочитающие супружество, а не чистоту; не унижаю супружества, но для себя избираю чистоту.

Но иные пали... Прочь от меня ты, который берешь в пример немощных, а не совершенных! Немощные делают стыд сами себе, а совершенные – наша слава. Неужели, боясь града, не возделывать земли, не насаждать виноградной лозы? Море вводит в пристань всякого, кто отдается ему? Для чего мне брать примеры издалека? Сонмы ангелов не увлеклись за падшим Денницей. Иуда стал убийцею Владыки, а прочие апостолы – Его слава. Ты не смотришь же на неучастия своего супружества, на обольщения любодеев, которые и предмет твоей любви, и род твой делают для тебя чуждыми.

Иди вверх, а зависть пусть остается внизу. Соблюдай во всем чистоту, дева, оставленная в невесты единому Христу храни красоту запечатленной. Христос милостив, но и ревнив, не терпит ничего безобразного, ничего неблагоприличного. В одежде лучшее убранство – неукрашенность. Избегай изнеженности, будь скромна в своих движениях, не привлекай к себе своими взорами моих взоров; соблюдай целомудрие в поступи; проводи время в уединении; замкни слух свой ключом; не позволяй любодействовать смеху; весьма много, если дозволишь себе и признак смеха. Гнев, пьянство и бес – равно опасны девам; а всего хуже пресыщение чрева. Красота пусть уступит Молитвам и бдениям.

И брату не позволяй, без крайней нужды, жить вместе с тобой. Для чего иметь перед глазами, что воспламеняет болезнь? Ничто так негнусно, как памятование только о плотском. Надежны для тебя, юная, только отец и Бог; а прочие да бегут от тебя, как некогда звери от Синая, когда на скрижалях начертан был Закон. Принесенное в дар Богу и дева должны быть неприкосновенны не для одних оскверненных, но и для взора всех.

И телесные нужды да не порабощают тебя совершенно. Если потребуется для тебя что-нибудь, Бог источит из «сосуда», и "водонос" заменит тебе возделанную ниву (3Цар. 17, 12). Многочисленный народ насыщается пятью хлебами, тем паче насытишься ты, предстоящая Богу.

Посему, имея пречистого Жениха, красота Которого бесплотна, не сопрягайся с другим. Он будет тебе не муж, а прелюбодей, восхищающий любимое у живого Супруга. Неужели, посвятив сосуд Богу, присвоишь его себе? Неужели, избегнув содомского огня, опять в него возвратишься? Не отвердевай в соленый камень. Ты более, нежели вдова. Но и брак вдовицы не безвинен, если преступает пределы чистоты. Что маловажнее золотого языка и одной дидрахмы? Но они, будучи похищены, погубили воинство (Нав. 7, 21). Взирай на сие, дева, и повинуйся Богу.

2. Всякая добродетель возводит праведника на одну степень выше. Кто не знает брачного ложа, тот равен ангелам. Кто подвизается в воздержании, тот старается сравниться с девами. Кто соблюдает супружескую верность, тот станет равен воздержному. Только подвизайтесь в целомудрии, чтобы достигнуть высших степеней.

На любомудрую нищету

1. Ты и в болезни весел, роскошествуешь, если только богата; чувствуешь, правда, зло, однако же есть у тебя и врачевство от болезни. А другой беден, но воздержен. И он втрое блажен, потому что нет у него ни зла, ни врачевства от зла. И я богатого, но раболепствующего страстям, тогда разве предпочту нищему и мудрому, когда человека крепкого силами, но помешанного в уме, соглашусь предпочесть здоровому умом, хотя и худосильному.

Пусть один, имея у себя много врачевства против страданий, тяжело болен; а другой, не имея ни одного врачевства, весьма здоров: которого из них станешь ты ублажать? Очевидно, здорового; а знаю, что то же скажет и всякий. Так и человека, который имеет нужду в немногом, хотя он и очень беден, предпочти богатому и деньгами и страстями.

На терпение

1. Поскольку ты нападаешь на меня, страждущего болезнью, то выслушай несколько слов и прими от меня урок. Мне лучше изнемогать, нежели тебе быть в силе. Я, который поставлен очищать злонравных, знаю, что болезнь для меня очистительный огонь, хотя есть и высшая тайна страданий. Лучше так думать, нежели, оставаясь оскверненным, в суетной надменности сделать себе какой-нибудь вред. Но ты весьма худ и не сознаешь болезни. Чтоб истребилась в тебе эта болезнь, пока ты не умер, она должна извлечь у тебя много слез перед Богом. Ибо если свет таков, то какова будет тьма?

2. Когда встречаешь человека, который худ и благоденствует, знай, что он блюдетсся для конца. А когда видишь доброго в несчастий, разумеи, что скорбь служит очищением. Если и немного привлек он на себя нечистоты, то потребны труды стереть ее так, чтобы не осталось ничего годного к сожжению. Или неучастия бывают также, по Божию попущению, искушением и бранию от неприязненного. В этом да уверит тебя победоносный Иов.

3. Если, будучи несчастным порождением греха, процветаешь, то знай, что блюдешься для конечных мучений. А если, будучи добродетельным, получишь в удел скорбную жизнь, то знай, что очищаешься, как золото в горниле. Или если, как новый Иов, изнемогаешь телом в борьбе с завистником, то для того, чтобы после подвига получить тебе победный венец. Посему, и, благоденствуя, не услаждай тем мысли, и в горестях не падай духом, все принимая с Христоносным сердцем.

Счастье и благоразумие

Один златолюбец где-то сказал: «Желаю тебе лучше каплю счастья, нежели бочку ума». Но мудрец возразил ему: «Для меня лучше капля ума, нежели море счастья».

Пристрастие

Всякое пристрастие опасно. Пристрастие к любимому – двойная опасность. Пристрастие к молодой девице – тройное жало. Если же она прекрасна, то это еще большее зло. И если представляется возможность супружества, то сама внутренность сердца стала пищею огня.

Смерть любезных

Всякий гроб возбуждает горесть. Гроб сына – двойное горе; сына с добрыми качествами – такое бедствие, которое палит как огонь. А если сын едва лишь сочетался браком, то сердце родителей рвется на части.

Недобрые друзья

1. Тяжело страдать, а еще тяжелее страдать от друзей. Если же друзья угрызают тайно, то сие нестерпимо; и если они верующие, – еще нестерпимее; а если Божии служители, то куда обратиться тогда? как избежать стремления зол?

2. Тяжело сносить огорчение. А если оскорбляет друг, – это низко. Если он угрызает тайно, – это зверско. И если это болтливая жена; то живешь в одном доме с бесом. И если это судья, то нужны гром и молния. А ежели священнослужитель; тогда Ты, о Христе, выслушай и «вступишь в тяжбу» (Псал. 42, 1).

О смиреномудрии, целомудрии и воздержании

От многих слышу, и желал бы сказать, что слышу не напрасно; но дело должно служить оправданием слову, – слышу, что и те, которые тщательно наблюдают каждый шаг молодых людей, почитают тебя юношею боголюбивым, подающим добрые признаки благонравия; потому что, по пословице, лев виден и по когтям; – слышу, что они от удовольствия сообщают это друг другу за чудо. Хорошо, если Промысел, все устрояющий во благое и желающий твоего преуспевания, такую молвою пролагает тебе путь к делам, чтобы, предупрежденный добрым о себе мнением, в этой славе имел ты для себя как бы некоторый залог призвания к благочестию! Но пусть, кто хочет, тот и делает о сем догадки; а я, что слышу, с того и начну речь, именно же, что ты употребляешь старание прозреть душою в горнюю высоту, и расторгнув мглу, какая покрывает нашу здешнюю совершенно земную жизнь, устремив взоры выше, оставив за собою персть, свергнув с себя узы этого сложного мучителя, восстающего на образ Божий, хочешь посвятить себя Богу.

Сие одно и надобно почитать предметом изучения, первым и величайшим благом для людей. Ибо найдешь ли что подобное в вещах вдающихся долу, и в других игрушках, которыми надмеваются люди, в этих, как говорят, дарах времени и счастья, хотя бы собрались вместе все и всем принадлежащие блага, какие действительно есть, или почитаются благами в скорбной жизни? найдешь ли столько выгод, хотя, по-видимому, преступишь пределы? Положим, что имеешь ты у себя, чем обладал, осыпанный золотом, Гигес, и, безмолвно властвуя, одним обращением перстня приводишь все в движение. Положим, что рекою потечет к тебе золото, что загордишься ты, как лидийский царь, и что сам персидский Кир, величающийся могуществом престолов, сядет ниже тебя. Положим, что пресловутыми ополчениями возьмешь ты Трою, что народы и города изваяют твой лик из меди, что одним мановением

будешь приводить в движение народные собрания, что речи твои удостоятся венцев, что покажешь в судах Демосфенов дух, что Ликург и Солон уступят тебе в законодательстве. Пусть в груди твоей живет Омирова Муза; пусть у тебя Платонов язык, который у людей почитается медоточивым, да и действительно таков! Положим, что ты опутываешь всех сильными возражениями, как неизбежными и хитро закинутыми сетями. Положим, что ты все поставишь вверх дном, с Аристотелем или с какими-нибудь новыми Пирронами, соплетая понятия в неисходные лабиринты. Положим, что тебя, окрыленного, понесут вверх эти баснословные (что бы они ни значили) Пегас или стрела Скифа Авариса. Все это, о чем я сказал, а также блистательное супружество, сибаритский стол, и все прочее, чем превозносится наша мысль, доставит ли тебе столько выгоды, сколько полезно поставит все сие ниже себя, а иметь в виду достоинство души, знать: откуда она произошла, к кому и куда должна возвратиться, и какое стремление сообразно в ней с разумом?

Поелику, как гадаю сам и как слышу от мудрых, душа есть Божественная некая струя, и приходит к нам свыше или вся, или властитель и правитель ее – ум: то у ней одно дело единственное естественное ей – парить горе, вступать в общение с Богом, непрестанно устремлять взор к сродному, как можно менее поработываясь немощам тела; ибо тело и само стремится к земле, и душу влечет долу, вводить в это приятное скитание по предметам видимым, в это омрачение чувств, в котором душа, не управляемая разумом, постепенно погружаясь, падает ниже и ниже. Но если владеет ею ум, и часто, как уздою, сдерживает словом; то, возвышаемая им, может быть, вскоре достигнет она священного горнего града, а наконец получит и желаемое ею издавна, то есть, пройдя все завесы, все нынешние тени, все здешние гадания, все отражения красоты в зеркалах, непокровенным умом узрит непокровенное благо, каково оно само в себе, и прекратит свое скитание, насыщенная светом, которого желала сподобиться, и возобладав там высочайшею красотой. Ибо Сотворивши все премудрым Словом, чрез срастворение противоположностей

Составивший неизреченную гармонию вселенной, и Приведши мир сей из неустройства в устройство, еще большее чудо показал в природе живого существа.

Но я полюбомудрствую с тобою, начав слово несколько выше.

Бог есть или ум, или другая совершеннейшая сущность, постигаемая напряжениями единого ума. Богу известно, совершенно ли постижим Он для горних умов; но не ясно постигается нами, над которыми распростерто облако грубой плоти – этот неприязненный покров. Столько знаем мы о Боге, но больше узнаем впоследствии.

Поелику же начатки слова воздали мы Богу; то посмотрим теперь, каково и то, что от Бога.

Две здесь крайности, и две противоположные природы. Одна близка к Богу и досточестна: ее именуют словесною и исполненною ума; наименование же это производится от Слова; и таков, сколько известно, чин существ предстоящих к Богу, верховных и второстепенных Ангелов, который выше всего чувственного и телесного, и первый озаряется начальственной Троицею. Другая природа весьма далека от Бога и Слова; ее называют бессловесною; потому что лишена слова, и скрывающегося в звуке, и изрекаемого. Но Бог-Слово, как совершеннейший Художник, разлучив сии природы, и премудро сопрягая тварь, созидает и меня – живое существо, сложенное из обеих природ, сочетав воедино и слово и бессловесное, то есть, невидимую душу, в которой ношу я образ всевышнего Бога, и видимое (τόηρον) тело. Таково смешение этой досточестной твари, которую можно назвать новым миром, в мире малом – миром великим! И как Сам Он преисполнен света и добра, то и мне даровал несколько добра; восхотел же, чтоб оно было моим делом. А для сего показал мне тогда же границы той и другой жизни, и определил их словом, придал в помощь твари закон, поставил меня самопроизвольным делателем добра, чтобы борьбою и подвигом приобрел я венец; потому что для меня это лучшее, чем жить свободным от ограничений.

Таков закон в устройстве моего состава. Но он непрестанно возмущается многочисленными переворотами здешней жизни,

порываемый туда и сюда, окруженный предметами, то зловредными, то благотворными, которыми он бедный разжигается и искушается, как золото на очистительных углях. А плоды посеянного нами будут собраны впоследствии, на праведном суде Божиим; там готовы точила – принять в себя плодоношение жизни.

И посему-то, кто соблюдает закон, чтит частицу Божества, какую имеет в себе, во всяком деле, слове и движении сколько можно более, чист от всего попираемого, и не оскверняется ничем преходящим, а напротив того самую персть влечет с собою к небу; тот в награду за труды (подлинно, самое великое и премудрое таинство!) станет богом, и хотя богом по усыновлению, однако же исполненным высшего света, начатки которого пожинал он в некоторой мере еще здесь.

А кто, преклонившись к худшему в своем союзе и сочетании, оказавшись сообщником дольного, рабом плоти и другом скоротечного, оскорбляет жизнью своею Божественное благородство; для того, сколько бы ни был он благоуспешен в непостоянном, гордясь ничтожными сновидениями и тенями, обогащаясь, роскошествуя, превозносясь чинами, увь! – для того тяжки тамошние бичи, где первое из бедствий – быть отринутым от Бога.

И ты, слыша это и уверившись в сказанном, шествуй правым путем, оставь же путь недобрый, если только слушаешься искреннего советника (а я знаю, что лучше тебе послушаться), и примешь мое слово. Доброму советнику, как говорят древние, должно вооружиться тремя доспехами: опытностью, дружбою и смелостью; а у меня, как найдешь, нет недостатка ни в чем этом. Опытность простер я до такой степени, какая прилична человеку, который долго трудился, немало времени беседовал с писаниями мудрых и с письменами богодухновенных учений – этим сладким источником, доступным только для целомудренных, в котором иное исчерпал я едва не до глубины. А что касается до сказанного мною во-вторых, то есть, до благорасположения; в этом есть самое сильное удостоверение; ибо тебе, любезнейший, желаю того же, что прежде присоветовал себе,

когда стеклись вместе и размышления и опасности бурного моря, соединившего меня с Богом; так как страх нередко бывает началом спасения. Опытов же смелости лучше не видеть тебе ни от меня, ни от людей, для тебя сторонних. Да ты и не увидишь их, если послушаешься моих слов; потому что будешь достоин похвал, а не укоризн. А по всему этому предай себя мне, предай, говорю, а я передам тебя Богу, предавшийся Которому сам будет в приобретении; потому что сам Бог делается достоянием предающегося Ему. Достигнешь же истины, рассуждая так.

И у Еллинов есть мудрецы, впрочем, не мудрые. Ибо можно ли назвать мудрыми тех, которые не познали высочайшего естества-Бога, первой вины всех благ; тогда как разумных приводит к Богу и природа и порядок всего видимого и умосозерцаемого? Можно ли назвать мудрыми тех, которые или вовсе изгнали из мысли Божество, или отринули Промысл, или положили Ему меру, чтобы Бог, спасая, не утрудился? Одни из них, взяв в наставники зрение, вручили державу звездам, которые нам сослужебны, и такими вождями всего весьма худо были водимы сами. Другие, ниспав еще глубже, стали поклоняться гнусным животным. Иные же в тенях демонов и в баснях нашли защитников своим страстям, воздвигли памятники, достойные своего безумия, и капища – произведения вещества и рук человеческих. Кто ж будет столь не мудр, чтобы признать их мудрыми?

Впрочем, если угодно, они были и мудры. Найдешь, что они были несогласны и далеки один от другого в иных учениях, а именно: в понятиях об умосозерцаемом и видимом, о Божием промысле, об идеях, о судьбе, о бесконечном веществе, об устройстве тал, о душе, об уме, об обманчивости чувств. От сего произошли Стоики, – эти надутые лица, Академии, хитросплетенья Нирронистов, недоумения и остановки над словами пустыми и произвольно составленными. Но не согласные в этом, все они равно и единодушно хвалят доброе, и ничего не ставят выше добродетели; хотя приобретается она множеством усилий, бесчисленными трудами и продолжительным временем. Упомяну для примера о

некоторых, чтобы ты и отсюда мог научиться добродетели, и с терний, как говорят, собирая розы, и у неверных учась совершенству.

Кто не слышал о синопском псе (Диогене)? Он (не говорю о других его делах) вел такую дешевую и умеренную жизнь (и в этом сам себе был законодателем, а не Божий хранил закон, и не какими-нибудь водился надеждами), что имел у себя одну собственность – палку, и домом служила ему под открытым небом катающаяся среди города бочка, укрывавшая его от нападения ветров; и ее предпочитал он златоверхим чертогам. Пищу же составляло для него то, что без труда можно было взять и не готовя. Подобно и Кратесу, преодолев в себе привязанность к деньгам, и все свои владенья, как способствующие пороку и плотоугодию, оставив в запустении, взошел на ступени жертвенника, и поскольку служение любостяжательности признавал рабством, как бы среди Олимпии, громогласно произнес сии удивительные и всеми повторяемые слова: „Кратес дает свободу Фивянину Кратесу». О нем же (впрочем некоторые приписывают сие другому философу подобного образа мыслей) рассказывают, что во время плаванья, когда свирепела буря, а корабль обременен был грузом, охотно побросал он в глубину свое имущество, сказав притом сии достопамятные слова: „Благодарю тебя, случай, наставник мой в совершенстве; как удобно сокращаюсь я до плаща!»! Один уступил имение свое родным; а другой, превзойдя и это, как нечто человеческое, и в один кусок золота обратив все, что у него было, пускается в море, и там отдает глубине это обольщение тщеславия, рассуждая, что других не должно ссужать тем, что не хорошо для себя. Я хвалю и за сие. Один из старинных псов (Циников), пришедши к царю, просил у него пищи, или действительно имея в ней нужду, или желая испытать царя; и когда царь, или в знак чести, или тоже для испытанья, охотно велел дать ему талант золота, он не отрекся взять, но получив, тут же в глазах давшего, на весь талант купил один хлеб, и сказал: „вот в чем имел я нужду, а не в гордости, которой не укусишь!» Это почти сходно и с моими законами, которые окрыляют меня подражать жизни и природе

птиц, довольствуясь однодневною и не сеяною пищею, и вместе с лилиями, пышно облеченными красотою, обещают мне покров из безыскусственных тканей, если буду устремлять взор к единому великому Богу.

Но если мне должно точнее испытать дела сих мудрецов, чтобы рассказы мои не оказались напрасными; то скажу, что сии читатели нестяжательности и жизни свободной, отрешенной от всех уз, во-первых, неверными путями стремились к совершенству. В них больше было хвастовства, нежели любви к добру; а иначе для чего были бы нужны алтари и провозглашения? Во-вторых, они отказывались от чревоугодия, потому что избегали не пресыщения богатством, а забот и трудов приобретать его; между тем иногда и скудость обращали в повод к сластолюбию. Это доказывают ячменные хлебы, брошенные ради пирога с кунжутами, и стихи из трагедии, особливо один сказанный при сем весьма кстати: „чужестранец, уступи место господам». То же доказывает и цикорий – пища бедных, обильный дар земли, скрывающийся из среды сладостей. Но у нас сделанное на показ – даже и не в числе добродетелей; у нас первое правило, чтобы левая рука не знала ясно движений правой.

Если воздержание свидетельствует о божественной жизни; прекрасен Клеанфов колодезь, прекрасна Сократова скудная жизнь. Но как и гнусно многое! Например эти Хармиды и покров из плащей, под которым сей доблестный муж (подлинно это божественно!) беседовал с юношами; потому что одни красивые даровиты! Никто не уловляй добродетели чрез плотскую любовь – да погибнут такая рассужденья! Не сходятся пределы Мидян и Лидян. Похвалит ли кто поступок Алкмеона? Один из первых между знаменитыми Афинянами, отличный и родом и могуществом, столько предался он жадности к деньгам, сколько надлежало бы ему быть выше этой страсти. Крез много раз принимал его у себя радушно; и однажды показывая ему все свои золотые сокровища, и как владетель их, гордясь своим счастьем, велел взять себе золотой пыли, сколько может захватить. Тогда Алкмеон (подивись его неумеренности!) наполнил золотом и пазуху и рот, даже волосы покрыв золотою

пылью, вышел к Лидянам достойным смеха богачем. А что такое Платон, этот мудрейший из людей! Что такое Аристипп, разумею этого пресладкого Аристиппа. Что этот, как думаю, обворожительный Спевзипп? Один вел жизнь неудачного торговца, и для прибыли переносил морские труды, возя масло. Может быть, за это не назовешь еще его ненасытным, но припишешь иное и бедности. Но Платону пресмыкаться у царских столов – где тут ученость и честные труды? Не стану говорить о том, как продавали его с торга, и не сбыли бы с рук, если бы не нашелся один Ливиянин, который оказался лучше Платоновой Еллады, и за малую цену купил себе славу и ученость Платонову. А у этого Киринейца много было открытости; однако же к свободе примешивал он сластолюбие и вредил добродетели горьким своим учением. Умощенный благовоньями, задушал ими своих сопиршественников; а любезностью нрава и говорливостью пользовался он как средством к получению подарков. Так мудрый Архелай, не знаю для чего и за что подарил ему однажды женскую одежду. Платон не принял такого подарка, сказав на этот случай стих из Еврипида: „мне не надеть на себя женской одежды». Но Аристипп, как скоро подарок принесен был к нему и достался в его руки, с охотой берет его и сказанный Платоном стих остроумно отражает другим стихом, произнеся: „целомудренная и на вакханалиях не утратит своего целомудрия». Этот же самый Архелай, как рассказывают, когда Софоклу хотелось получить от него какую-то вещь, отдал ее мудрейшему Еврипиду, и при этом сказал: „ты мне кажешься достойным того, чтоб у меня просить; а Еврипид достоин получить», – чем и дал разуместь, сколько превосходен нрав благородный.

Но Лизимахов сын, который дал Еллинам законы о податях, и притом был из первых, как в народных собраниях, так и в военных делах, до того оказался нестяжательным, что город, на свои деньги выдав замуж его дочерей, почтил тем прекрасную нищету, и самого похоронит также на общественные деньги; потому что у него не нашлось, чем похорониться; не говорю уже о том, что по делам своим имел он и имя, один из всех и был, и наименован правдивым. А чтоб утверждаться не на древних

только примерах, не умолчу и о добродетелях Римлян. Фабриций, одержав над Пирром победу в битве (а это был один из вождей весьма знаменитых), еще более восторжествовал над ним в следующем. поскольку надежда Пирра рушилась; то он пытался подкупить римского военачальника несколькими талантами золота. Фабриций не принял золота; однако же заключил перемирие. Когда же Пирр, как оказывают, во время дружеского с ним разговора, показал ему во всем вооружении одного самого огромного и великорослого слона; Фабриций, который дотоле не знал даже слонов и по виду, не испугался явившегося нечаянно слоновьего хобота, но спокойно сказал: „меня не пленило золото, не возьмет и зверь». Сего довольно; и то превзошло бы меру, что мог бы еще сказать иной презритель любостязания.

Поэтому не одобряй недобрых правил в старых книгах, которыми ты, добрый мой, вскормлен. Например: «Пусть называют меня худым за то, что получаю прибыль; это лучше, нежели, чтя законы богов, жить нищим, домогаясь тем славы». „Не трудись отыскивать род: мое благородство – кусок». «Деньги у людей всего почтеннее. Никто так не жалок, как нищий». „Без меди и Феб не прорицает». „Ни один человек не бывает во всех отношениях счастлив; но или хорошего рода, да есть ему нечего; или и низкого рода, да возделывает богатое поле». Но ты назовешь ли несчастным того, кто, хотя и беден, однако же добрыми нравами богаче многих? Подлинно несчастен человек, который рассуждает так худо. Поэтому бегай этих правил и тех, которые изрекли их; а равно бегай и всего, что найдешь подобного в книгах.

Но одобряй следующие мудрые изречения: „Если от худого дела получаешь прибыль, считай это залогом несчастья». „Не во всем ищи выгод». „Не стыди сам себя». „Неправедными мерами добиваться успеха – дело не без страха» „Не говори мне о Плутусе; не уважаю такого бога, которого и самый порочный легко привлекал на свою сторону». „Этот человек беден; но богат добрыми нравами». „Для меня лучше мудрец-нищий, нежели Мидас-порочный». По моему мнению, Феогнид говорит совершенный вздор, а когда стремнины и пропасти

предпочитает скудной жизни, и предписывает Кирну худые правила о приобретения имущества. Как и ты, Омир, столько приписываешь непостоянной вещи, что в одном месте своих стихотворений говоришь: „добродетель идет следом за богатством?» Разве скажешь: я не то выразил, что думаю сам, но сказал сие в насмешку имеющим такую жалкую мысль. Ибо в этом Одиссее, который, претерпев многочисленный бедствия, спасся из моря, нагим скитальцем предстал царице, и словом своим внушил к себе уважение дев, самым Феакиянам показался достойным внимания, в этом, говорю, Одиссее не видим ли явной похвалы добродетели? Хвалю и фригийскую баснь; как она прекрасна! Мидасу, который просил, чтобы все у него было полно золотом, Бог в наказание за неумеренность, дает исполнение желаемого. Но золота есть нельзя; и для кого стало все золотом, тот умер с голода.

Но что мне до чужих басней и нравоучений? Посмотри теперь и на мои законы. От первого блага веду я свой род. От него произошел, и к нему окрыляю жизнь, стараясь разрешиться от уз. А так называемое у дольних людей благородство, которое ведет начало от тела и тления, от блистательных и давно сгнивших мертвецов, ничем не благороднее текущей грязи. И отечество телесное не свободно; оно обременено податями, беспорядочно пересечено морскими заливами, окружено лесами, непрестанно меняет жалких своих обитателей, попеременно бывает и матерью и гробом своих порождений, сокрушает тех, которые раздирали его недра, – какое наказание, подлинно наказание за вкушение и обольщение прародителя! Но в том отечестве, которого, вместо земного, ищут себе мудрые, на которое взирая, и здесь уже не вдаемся, подобно былинке, носимой по водам, – в этом отечестве обширны пределы, величественны обители; оно составляет вечное достояние своих обитателей, оно мать живых, оно свободно от трудов, – это лик немолчно песнославящих великого Христа, торжество первородных написанных на Небесах и в вечных книгах. Превозношу также и славу, отложенную мне в горних, сии праведные весы, это нелживейшее благо! А здешняя слава – ветер, ничтожная милость ничтожных. Если она и

справедлива, то ничего не прибавляет. А если не истинна, обращается даже во вред; ибо то самое, что стал я видимым, многое отняло у того, чем я сам в себе. А богатство здешнее скоротечно и упоительно; оно слепо, переходит от одного к другому, многих надмевает, и напрасно старается черпать счастье, – это то же, что – надмение чрева в водяной болезни; оно другим сообщает болезнетворный яд. Но у меня есть богатство, которое неистощимо и постоянно, твердо и неколебимо, выше всех утрат; и это богатство – ничем не обладать кроме Бога и горнего. Никто не приобретет и не приобретал еще доселе всего, хотя бы и желал; но можно все вдруг презреть и таким образом стать выше всего. Пусть иные строят полки вооруженных, и больше терпят, нежели причиняют, зол, то низлагая других, то оплакивая неизвестность решительных минут, то сражаясь без потерь и успеха, то кровью покупая какое-нибудь бремя богатства или могущество самовластья; пусть иные несчастные искатели прибытка измеряют недра земли и неукротимого моря, пусть иные за малые дары намеренно извращают суд и дают обоюдные законы! А я обменял все на единого Христа, и бедный крест несу богато, отринув, что служит добычею моли и зависит от игры счастья.

Хотя первым законом Христовым для человека было первоначальное наслаждение; однако же Эдем, и рай, цветущий древами, и источник разделенный на четыре начала – не золото, не илектр, не серебро, не приятность доброцветных и прозрачных камней, какие дает земля преклонившимся долу; напротив того Эдем одними плодами питал обильно того, кто был делателем Бога и божественного наслаждения. И здесь положен был предел удовольствию, приведенному в меру. Закон удалял от древа познания противоположностей, и не соблюденный лишил меня всего, предал бедствиям матери моей земли. Одно же из сих бедствий – иметь у себя более необходимого, не знать никакой меры в приобретении, врачевством от худого избирая худшее, и разгорячая себя питьем, тем больше чувствовать жажды. А от сего, смотри, какая бывает несообразность! Всегда считаем себя бедными,

стараясь приобрести, чего еще не достает у нас; а в приобретенном не можем найти для себя утешенья, потому что сердце мучится о том, чего нет.

Посему первый закон – жить умеренно; но есть и второй. Авраама патриарха, боговидца, великого мужа, домостроителя высочайших таинств, отвлекши от дома, от рода, от отечества, легко перевел в землю чуждую странником, пресельником, бездомным, скитающимся; – его влекла вера в исполнение больших надежд. А Иаков, когда идет в Месопотамию, просит себе, как говорит Писание, только хлеба и покровы (Быт. 28, 20); (...) впоследствии возвращается с многочисленными стадами, приобретая их в справедливую награду за труды. К сказанному мною хорошо будет присовокупить и сие. Моисей, который наедине беседовал с Богом внутри облака, приял на скрижалях двоякий закон, и по оному правил великим народом, при разделе данной уже Богом земли, иным коленам отмерил тот или другой участок в земле еще чуждой, одним только сынам Левии не уделил жребия; потому что их наследием был сам державный Бог (Числ. 18, 20). А Ионадав, который умел, точно умел любу мудрствовать, хотя нищета и не считалась еще тогда в числе чудес, преподавая однажды детям урок нестяжательности и высокой жизни, произнес следующее слово, приличное самому доброму отцу: «Оставляю вам, дети, самое великое наследие, какого не давал еще детям ни один отец, даже и самый богатый. Убегайте всякого наследия, ведите свободную жизнь, не связывая себя никакими узами, живите в кущах, то есть в подвижных домах. Пусть иной рассекает недра земли, а иной, кого веселит вино, насаждает виноград; но вы не пейте вина, храните воздержную жизнь. Такую ведя жизнь, будете жить безопасно» (Иер. 35, 6–7). Таков был Ионадав! где же дадим место Ильи, которого великий Кармил питал чрез вранов и из потока в земле жаждущей? Он был нищ и последний из нищих, но пред царями останавливает дожди и глубины потоков, низводит с неба огонь на врагов и на жертвы, капли скудной пищи обращает для вдовиц в неиссякаемый поток, будучи скуден, богато питает питающих, воскрешает мертвецов в награду за гостеприимный кров, и вземлется на

небо на огненной колеснице. А Елисеево наследие – Ильина благодать и с высоты ниспадшая милоть! И освященный до чревоношения – какое чудо! Без сомненья, знаешь великого Самуила. Его матерняя Молитва привела к Богу, и (если не слишком смело будет сказать о нем так) он обладал уже Богом, будучи посвящен Ему с младенчества. Кто между ветхим и новым Божьим заветом, как между тенью и действительным телом, составлял среду, замыкая собою один и отверзая вход другому? Кто сей великий светильник, предтекший горнему Свету? Кто первый между рожденными, чему свидетель-Бог? Кто жиль в пустыне, имел необычайную пищу, и одежду из верблюжьих волос подпоясывал кожаным ремнем? Мое слово изобразило Иоанна, который не позволял иметь у себя и двух рубищ. А что сказал бы иной о Павле, который ремеслом своим доставил себе пропитание, или о Петре, который питался одними лупинами? Что сказать о сих великих Апостолах, которые вовлекли весь мир в Божьи мрежи, чьи руки изливали бедным обильное богатство щедрых даров? А другие Апостолы, когда призваны были Богом к лучшей ловитве, оставили родным своим рыболовные корабли; потому что привлекло их совершеннейшее учение Христа, Который есть высочайший ум и первое естество ума, но обнищал до грубости плоти, и поставляя нищих провозвестниками слова, единую веру дал в спутники не имеющим у себя ни одежды, ни меди, ни сумы, ни обуви, но во всем нуждающимся, поверяя им тайну целой новой вселенной, не дозволил иметь даже жезла в руках, чтобы вера составляла могущество слова. Но выслушай важнейшее. Юноше, который желал знать, как можно достигнуть совершенства, Христос поставляет верх совершенства, не в ином чем, но в том, чтобы расточить все бедным, всегда нести на раменах велики крест, и умерши для дольного, за Христом следовать тому, кто хочет вознестись с Богом. Так Своим пришествием усовершенствует Христос и мытарей, которые охотно приносят все в дар Богу; в чем да убедит тебя Закхей, который, худо обогатившись, чрез милосердие к бедным и обиженным от него обогащается нищетою, и очищается от скверны. Довольно сего об имуществвах.

А примеров воздержанья немало у древних мудрецов и еллинских и варварских; ибо и у варваров добродетель была в уважении. Какие же примеры есть у них, и в каком числе, нужно ли о сем писать, когда это всем открыто и известно? Выслушай следующие места из мудрой трагедии. „Учись держать чрево в крепкой узде; оно одно не воздает благодарности за оказанные ему благоденья». „В пресыщении Киприда; а в голодных ее нет». „Одебелевшее чрево не родит тонкой мысли». „Наполни мешок твой сотами, или ячменной мукой; ничем не будет это разниться во внутренностях чрева». „Что за приятность черпать дырявою бочкой»? „Ненасытное чрево открыло пути для кораблей; оно научило людей с неистовством вооружаться друг против друга». А о том, что все дорогие снеди у сластолюбцев тонут, как в бездне, и делаются уже не снедями, но чем-то приготовленным в самом негодном помойном сосуде, справедливо говорит в одном месте превосходный Керкид, который, сам питаясь солью, с презреньем смотрит на кончину роскошных и на горечь самой роскоши. Кто же не похвалит сказавшего сластолюбивому юноше: „перестань налагать на себя новые цепи, и не раздражай хищного зверя»? Каков и этот обычай почтенных Стоиков, как бы к кому-то постороннему, обращаться к своему телу с такими речами: „Чем я тебе должен, жалкий мешок? Дать ли тебе есть? много с тебя, если дам и хлеба в скудость. Дать ли пить? – дадим тебе воды и уксусу. Но ты не этого у меня просишь, а сладких и сытных снедей, дорогих напитков из кристальных сосудов? Со всей охотой дадим тебе, но только удавку». И это не лучше ли известной у древних изнеженности Сарданапала, Нинова сына, который, обилуя богатством и расстроив себя сластолюбием, для продолжительности наслажденья желал себе горла длиннее журавлиного?

О божественный Давид! когда тебе хотелось утолить жажду из колодезя в земле иноплеменников, и питье было добыто; поскольку некоторые послужили твоему желанию, пожертвовав кровью и чрез ратоборство, ты, взяв воду в руки, вылил ее, и не согласился насытить своего желания злостраданиями других (2Цар. 23, 15–17). А если словесная пища есть хлеб ангельский,

потому что не тело питает бестелесную природу; то сколько у нас таких, которые живут ангельскою жизнью, соблюдая в себе (и то не охотно, ради Божия только повеленья) едва малые искры жизни земной? Ибо должно оставаться в узах, пока не разрешит Бог. Не стану представлять примеров из книг и притом ветхозаветных, как иные, чрез телесные очищения обожившись, и как бы освободившись от тел, целые, и даже многие дни не вкушали пищи, не боялись огненного крещения и львиных челюстей, только бы в земле чуждой не прикасаться к пище, оскверненной по повелению варваров.

Но после того, как враг, приразившись ко Христу, отступил от мужественной плоти, побежденный сорокодневным невкушением пищи; к большому посрамлению преткнувшегося в сем опыте, дан закон о возделенном истощении в подвигах. Какое мудрое противоборство! Какие бескровные и божественные жертвы! Целый мир священнодействует Владыке; не тельцов и овнов заклает, как предписывалось ветхим законом, не какое либо внешнее совершают приношение несовершенного (потому что все бессловесное недостаточно), но каждый изнуряет сам себя воздержным вкушением пищи, наслаждаясь – подлинно новый способ наслажденья! – наслаждаясь тем, что не знает наслаждений. Всякий старается очистить самого себя в храме Богу всенощными бденьями и псалмопеньями, преселениями ума к великому Уму. В той только мере живут в тенях и призраках, в какой и в видимом могут уловлять сокровенное. От сего одни, наложив железный узы на грубую плоть, смирили ее продерзость; другие, заключившись во мрак, тесные жилища, или в расселины диких утесов, остановили вредоносность блуждающих чувств; иные, чтобы избежать зверского греха, отдали себя пустыням и дебрям, жилищам зверей, отказавшись от общения с людьми, и зная тот один мир, который у них пред глазами. А иной привлекает к себе Божие милосердие вretiщем, пеплом, слезами, возлежанием на голой земле, стоянием в продолжение многих дней и ночей, даже целых месяцев (а сказал бы я), и лет, но сие покажется невероятным; впрочем, весьма вероятно это для меня и для тех, которые бывали

самовидцами чуда; ибо вера и страх Божий, заранее восхитив ум из тела, соделывали их неколебимыми столпами. Ты услышишь и о необыкновенной приправе пищи и питья – о пепле, смешанном со слезами. А иных ревность привела к путям, никем еще дотоле не проложенным: они живут вовсе без хлеба и воды, что, кажется мне, препобеждает и законы естества.

Каково это? Ужели станешь еще дивиться девам, дочерям Льва, которые с радостью отдали себя на погибель за Афины? Или усердному пожертвованию Менекея, умирающего для спасения города Фив? Или славному скачку с высоты мудреца Клеомврата для разлучения с телом; ибо, убедившись учением Платона о душе, воспламенился он желанием разрешиться от тела? Или укажешь на Епиктетову голень, которую скорее могли у него переломить, нежели исторгнуть насилием рабское слово? Ибо этот муж имел, точно имел, как говорят, рабское тело, но свободный нрав. Или представишь, как у Анаксарха толкли руки в ступе, а он, будто да находясь при этом, приказывал сильнее выколачивать его мешок; потому что сам он, то есть невидимый Анаксарх, был несокрушим? Или упомянешь о Сократовой чаше с цикутой – этом необыкновенном напитке, выпитом с такою приятностью? Ты хвалишь все сие; хвалю также и я. Но в какой мере? В неизбежных бедствиях были они мужественны; ибо не вижу, каким бы образом спаслись от них, хотя бы и захотели.

Перейдя же отсюда, к божественной борьбе моих подвижников; и ты, услышав или припомнив о них, придешь в ужас. С какими бесчисленными опасностями возрастили досточтимое и новое таинство Христова мы, удостоившиеся именоваться от Христова имени! Зависть многократно воспламеняла против нас многих врагов и гонителей слова – этих дышащих яростью, свирепых зверей. Но мы никогда не уступали господствующей силе времени. Напротив того, если и оказывалось сколько-нибудь беспечности во время мира, если и оказывался кто худым в чем другом, то в этом все были укреплены Богом, горя пламенной ревностью, выдерживали дерзость врагов, побеждаемые со славою. Никто не ищет спасенья с таким удовольствием, с каким шли мы на сии

прекрасный опасности. Иной, как забаву, встречал огонь, меч, земные пропасти, голод, удушение, кровожадных зверей, растягиванье и вывертыванье составов, избодение очей, жжение, расторжение, терзание членов, холод, погружение в глубину или во мрак, свержение с высоты, продолжительное зрение разнообразных мучений; а последнее (говорю это знающим) хуже всех злостраданий; потому что, когда страдание доведено до крайней его степени, тогда прекращается уже страх; непрестанно же ожидать – значит непрестанно страдать и вместо одной смерти умирать многими мучительными смертями. Не стану говорить об изгнаниях, об отнятии имущества, о том, что надобно терпеть сие в глазах мужей, жен, товарищей, детей, друзей, что самого мужественного делаете малодушным. И за что терпеть? Может быть, за один слог. Что говорю: за слог? За одно мановенье, которое, послужив знаком отречения, могло бы спасти, хотя ко вреду. Короче сказать: мы стояли за Бога; а предавший Бога не может уже найти другого. Но к чему распространяться? Возведи очи свои окрест, обозри целую вселенную, которую объяло теперь спасительное Слово, привязавшее нас к Богу, и соединившееся с нами чрез страдания, – соединение дивное и превысшее в Божьих законах! Сию-то вселенную, всю почти, осиявают, как звезды, открытыми алтарями, высоковерхими престолами, учениями, собраниями, стечениями целых семейств, песнопеньями достойными подвигов, осиявают сии достославные победоносцы Закланного. И так велико благоговение к истине, что малая часть праха, какой либо останок давних костей, небольшая часть волос, отрывки одежды, один признак капель крови иногда достаточны к чествованью целого мученика; даже месту мощей дается наименование: святые мощи, и оно получает равную силу, как бы находился в нем целый мученик. Чудное дело! Думаю, что одно воспоминание спасает. Что еще сказать о невероятном избавлении от болезней и от демонов при гробницах, которые удостоились некогда вмещать в себе драгоценные мощи? И они отражают нападения духов. Таковы чудеса моих подвижников!

Хвали же ты мне Пису и делфийский прах, Немею и истмийскую сосну, у которых несчастные юноши находили свою славу, полагая малые награды и за подвиги малые, за кулачный бой, за борьбу, за скорость бега и скачки, в чем не важно и победит и остаться побежденным, потому что наградой не Бог, и не спасенье, как по моим законам и за мои борьбы приобретаются горняя слава и горние венцы.

Ты видел примеры мужества, которым всего лучше и спасительнее подражать в ежедневной борьбе с гонителем, который из глубины и тайно низлагает нас посредством обольщенных чувств; теперь посмотри и на примеры особенно похваляемого у нас целомудрия.

Есть действительно и у Еллинов любители целомудрия; они бывали в древности, а найдутся и ныне; не отказываюсь верить тому, что разглашают о них; у меня нет зависти, что и чуждые нам целомудренны. О Ксенократе рассказывают, что однажды, искушая его, подсунули ночью к сонному блудницу; почувствовав это, не был он поражен необычайностью оскорбления, но также не встал и не подумал бежать; то и другое было низко для Ксенократа. Напротив того он остался недвижим и неуязвим, так что женщина бросившись бежать, закричала: «для чего насмеялись надо мной, положив рядом с мертвецом?» – Епикур, хотя усиливался доказать, что удовольствие есть награда за подвиги добродетели, и что наслаждение есть конец всех благ для человека, однако же, чтобы не подать мысли, будто для какого-то удовольствия хвалить удовольствие, вел он себя благопристойно и целомудренно, чтоб подкрепить ученье свое добрыми нравами. Не умолчу и о Полемоне; так как очень много говорят об этом чуде. Прежде был он не из целомудренных, а даже из гнусных служителей сластолюбия; но когда объят стал любовью к добродетели, нашел доброго советника (не знаю, кто это был, мудрец ли какой, или сам он), вдруг оказался великим победителем страстей. И я представляю одно только доказательство чудной его жизни. Один невоздержный юноша приглашал к себе свою приятельницу. Она, как рассказывают, подошла уже к дверям; но на дверях изображен был Полемон; и

его образ имел такой почтенный вид, что развратница, увидев его, тотчас ушла назад, пораженная сим виденьем, и устыдившись написанного, как будто живого. И это происшествие, сколько знаю, пересказывают многие. У Диона (разумею того Диона, который был в большой славе) не очень приятно, говорят, пахло изо рта, и один из городских жителей посмеялся этому. Дион, как скоро свиделся с женой своей, говорит ей: „что же не сказала ты мне о болезни моей?» Но жена с клятвою отвечала: „я думала, что это недостаток всякого мужчины, а не твой только». Так далеко держала она себя от всех мужчин и приятельниц; потому что ответ сей – ясное доказательство честных нравов. Кто не хвалит и Александра за то, что, имея у себя во власти дочерей побежденного им Дария и слыша, что они прекрасны, не захотел их видеть из спасенья, потому что стыдно было бы победителю мужей уступить над собою победу девам. Хотя это не близко еще к моим образцам; однако же хвалю. А почему? Потому что весьма приятно видеть белое лице между Эфиопами, или сладкую струю среди моря; а равно весьма удивительно при худых и зловерных правилах найти нечто целомудренное.

Где самые божества преданы страстям, там покорствовать страсти, без сомненья, почитается делом честным. Ибо кто поставляет своим богом страсть, пользуясь худым помощником в худом деле? У кого, скажи мне, видим примеры неестественной любви? Надобно же было, чтобы ваши боги имели какое-нибудь преимущество. У кого фригийские юноши и участвуют в пиршестве, и в развратном виде подают сладкий нектар? Но стыжусь обнаруживать Диевы тайны. Чьи любодеяния, чьи нарушения супружеской верности составляют для созванных срамное зрелище, возбуждающее смех? Как женщины делают из Дия все, и быка и молению, и лебедя, и человека, и зверя, и золото, и змея? – Таковы любовные превращения Дия – этого начинщика и советника всех худых дел! Кто царицу сластолюбия почитает богиней? Кто воздвигает жертвенники и храмы страстям? У кого ночи, подлинно достойные ночи, набожно чувствуются символами бесчестных дел? У кого Ифифалы и Фалы со смехом присовокупляют к

кумирам нового бога, о котором стыдно и говорить? У кого Гермафродиты, Паны – это срамное поколение, эти боги с козлиными ногами, а по нравам козлы? У них и девы на свадьбах пляшут; им надобно, чтобы к браку присоединялось нечто противное браку. У них пригожие выдают замуж непригожих, принося в приданое за ними приобретенное блудно; и сии неблагопристойности совершаются в честь одного из демонов, чтобы человеколюбивое дело не оставалось вовсе бесстыдным делом. От того позорные дела пользуются свободой; блудилища, цена блуда, поруганье чести у них законны. А мудрецы их изображают Афродиту в виде своих любовниц, чтобы такую выдумкою доставить последним божеские почести. И Фидии на персте богини девы, в память своего бесстыдства, пишет: у прекрасного всего достаточно. От сего наравне с мужественными и воинскими подвигами удостаивается у них блистательных живописных изображений, рукоплесканий и описаний и эта студодейная красота. Смотри, сколько блудниц почтены у них храмами и признаны богинями. Евфро, Фрина, Лезна – в образе зверя; потому что и ее имя было чтимо среди храмов. А эту пресловутую повелительницу Эллады, родившуюся в Иккарах, срамную развратницу Лаису, и многих других не удостою и слова.

Посему ты, добрый мой, как умеющий узнавать доброту серебра, заимствуй у них, что хорошо, и отбрасывай, что не сделает тебя лучшим: но следуй всем нашим наставленьям, следуй примерам мужей и жен целомудренных, у которых учитель – упование и Бог, которые своею жизнью пишат лучшие законы, нежели какие пишет рука. Когда другие именуют прелюбодеяние пороком и наказывают по законам; мы требуем еще большего, запрещая и смотреть бесстыдно и похотливо, почитая за одно и содеянный грех и причину греха, как например: и убийство, и гнев, от которого бывает убийство, клятвопреступление и готовность к клятве. Не дозволяя всего того, без чего не может быть грех, мы избегаем и самого худшего.

Так у меня безопасно целомудрие. Оттого у меня многочислен лик дев, подражающих жизни бесплотных Ангелов

и самому Богу, Который один сожительствует с ними. К чему же это ведет? К тому, что всякий стремится к будущей жизни, желает преселиться отсюда, освободившись от уз и законов супружеских. С тех пор, как пришел ко мне Христос – Сын Матери-Девы, творит Он меня девственником по новым законам. поскольку вступил я в жизнь, и связанный скоротечностью и тленьем принужден знать скоротечное и подлежащее тленью, чтобы из видимого и блуждающего научиться лучшему; то с радостью возвожу образ к Богу посредством свободной и несвязанной жизни, не оставив здесь и следа своей кожи, но презрев ее, как иные презирают какой-нибудь другой надутый мех, всецело стремлюсь к всецелому Богу, имея искренними спутниками многих других, которые, взирая на единую чаемую жизнь, принесли в дар подателю всяческих Богу не власы и не именье, но первое из всего принадлежащего нам – чистоту и бесплотность. Это сонмы новых назореев, исполненные и сияющие теми внутренними лепотами, какие чтут девственники до крови. Что мог бы я сказать тебе о какой-нибудь Фекле, или о всех тех, который, чтобы соблюсти красоту свою запечатленную для Бога, смело шли на опасности? Не то ли одно, что всегда и всякому было очень известно? Видишь неусыпные псалмопения Богу мужей и жен, забывших свою природу, столь многочисленных, столь высоких по жизни и обожившихся? Видишь два лика Ангелов, то согласно, то противогласно, и горе и долу, песнословящие Божье величие и естество? Так должен ты чтить чистоту, имея столько побуждений и образцов; взирая на них, очисти себя самого, чтобы принять тебе от Бога законы.

Хотя все изображенное в слове требует своего благоразумья (ибо без благоразумья возможно ли что похвальное?); однако же первое и важнейшее для тебя – познать Бога и искренно чтить Его словом и делом; потому что для всех один и тот же источник, одно спасенье. Бог умосозерцаем для иных, хотя несколько однако же никто не изречет, и ни от кого нельзя услышать, что Он такое, хотя иной и был уверен, что знаете сие. Ибо к каждой мысли о Боге всегда, как мгла, примешивается нечто мое и видимое. Каким же

образом проникну эту мглу и вступлю в общение с Богом, что бы, не трудясь уже более, обладать и быть уверенным, что обладаю тем, что давно желал приобрести? Самое пагубное дело – не чтить Бога и не знать, что Он – первая вина всяческих, от которой все произошло и пребывает соблюдаемое по неизреченному чину и закону; но представлять себя знающим, что такое Бог, есть повреждение ума; это то же, что, увидев в воде солнечную тень, думать, будто бы видишь самое солнце, или поразившись красотой преддверья, воображать, будто бы видел самого владыку внутренних чертогов. Хотя один и премудрее несколько другого, поколику привлек к себе более лучей света, потому что больше всматривался; однако же все мы ниже Божья величья; потому что Бога, покрывает свет, и закров Его – тьма. Кто рассечет мрак, тот осиявается второю преградою высшего света. Но проникнуть двойной покров весьма нелегко. Того, кто все наполняет и Сам выше всего, Кто умудряет ум и избегает порывов ума, увлекая меня на новую высоту тем самым, что непрестанно от меня ускользает, – сего Бога особенно содержи в уме и чествуй, доказывая любовь свою ревностью к заповедям. Но не везде и не всегда должно изыскивать, что Он такое, и не перед всяким удобно изрекать о сем слово. Иное скажи о Боге, впрочем со страхом; а иное пусть остается внутри, и безмолвно чтимое чествуется втайне одним умом; для иного же отвержай только слух, если преподается слово; ибо лучше подвергать опасности слух, нежели язык. О прочем же будем молить, чтобы узнать сие ясно, отрешившись от дебелости плоти; а теперь, сколько можно, будем очищать себя и обновляться светлою жизнью. Так примешь в себя умосозерцаемого Бога; ибо несомненно то, что Бог Сам приходит к чистому; потому что обителю чистого бывает только чистый. Умозаключенья же мало ведут к ведению Бога; ибо всякому понятию есть другое противоположное; а мое ученье не терпит на все удобопреклонной веры. Весьма можно держаться сказанного: кто возлюбил, тот будет возлюблен, а кто возлюблен, в том обитает Бог (Иоан 14, 21–23). А в ком Бог, тому невозможно не сподобиться света; первое же преимущество света – познавать самый свет, Так любовь

доставляет, ведение. Такой путь к истине лучше уважаемого многими пути: ума и его тонкостей.

А что может быть изречено, откроем сие. Безначальный, Начало, Дух – досточтимая Троица. Безвиновный, Рожденный, Исходящей, и первый – Отец, второй – Сын и Слово, третий не Сын, но Дух единые сущности – единый в трех Бог и общее поклонение. Ими разрешаюсь от смертного состава. И ты будь поклонником Их, соблюдай Их в себе, отринув всякую нечистоту жизни дольней, честною жизнью, истинным ученьем и ненавистью к вымыслам; и вчиняйся в горняя. И я желал бы, чтобы ты стал богаче меня и сподобился большего дерзновенья.

На гневливость

Сержусь на домашнего беса, на гневливость, и мне кажется, что этот один гнев справедлив, если уже надобно потерпеть что-нибудь из обычного людям. И как, принося плод достойный слова – молчанье, положил уже я словом преграды клятве, и совершенно знаю, что из многих корней, от которых прозябает это зло – клятва, самый дикий и черный есть гнев; то, при помощи Божьей, постараюсь истребить и его, подрезав, сколько можно, острием слова. Но прежде всего прошу не гневаться на слово; ибо эта болезнь столько неудержима, что часто одна тень ожесточает нас против самых искренних наших советников. А мне, вероятно, когда берусь говорить о таком сильном зле, надобно будет употребить не мягкие слова. Когда огонь клокочет, клубясь ярим пламенем, перекидывается с места на место, после многократных приражений зажигает, течет вверх с живым стремленьем, и что ни встречает на пути, все с жадностью себе присвоит; тогда надобно угашать его силою, бросая в него воду и пыль. Или когда нужно истребить зверя – страшилище темных лесов, который ревет, мечет огонь из глаз, обливается пеной, любит битвы, убийства, поражения; тогда окружают его псарями, поражают копьями и из пращей. Так может быть, и я, при помощи Божьей, одолею этот недуг, или по крайней мере, сделаю его менее жестоким. А для меня не маловажно и это, то есть, и малое ослабление великого зла; как не маловажно это и для всякого, обремененного тяжкою болезнью.

Вникнем же в недуг сей несколько глубже: что он такое? от чего бывает? и как от него оберегаться? Заглянем в рассужденья древних мужей, которые углублялись в природу вещей.

Иные называют исступленье воскипеньем крови около сердца. Это те, которые болезнь сию приписывают телу, как от тела же производят другие и большую часть страстей. А иные называли гневливость желаньем мщенья, приписывая порок сей душе, а не телу; и желанье это, если устремляется наружу, есть

гнев, а если остается внутри и строит зло, есть злопамятство. Признававшее же болезнь сию чем-то сложным, и потому слагавшие и самое понятие оной, говорили, что она есть воскипение крови, но имеет причину в пожелании. Теперь не место входить в рассуждение, справедливо ли сие; впрочем очень известно, что ум – во всем властелин. Его и Господь дал нам поборником против страстей. Как дом укрывает от града, как в стенах находят убежище спасающиеся с битвы, и кустарник служит опорой на крутизнах и над пропастями, так рассудок спасает нас во время раздражения.

Как скоро покажется только дым того, что разжигает твои мысли, то, прежде чем возгорится огонь и раздуется пламень, едва почувствуешь в себе движение духа, привергнись немедленно к Богу и, помыслив, что Он – твой Покровитель и Свидетель твоих движений, стыдом и страхом сдерживай стремительность недуга, пока болезнь внимает еще увещаниям. Воззови тотчас словами учеников: *Наставник, меня окружает страшное волнение, потряси сон!* (Лк.8, 23, 24). И ты отразишь от себя раздражительность, пока владеешь еще рассудком и мыслями (ибо их прежде всего подавит в тебе эта болезнь), пока она, как не терпящий узды конь, не перегрызла удила и не помчалась быстро, оставляя за собою дорогу, холмы и овраги, и, гневливостью омрачив путеводные очи. Такой, разгорячая сам себя, не остановится, пока не низринет всадника с высоты рассудка.

После сего рассмотри, в какой стыд приводит гнев жестоко им поражаемого. Болезни другого рода тайны; таковы: любовь, зависть, скорбь, злая ненависть. Некоторые из этих недугов или вовсе не обнаруживаются, или обнаруживаются мало, и болезнь остается скрытой внутри. Иногда сама скорее изноет в глубине сердца, нежели сделается заметною для посторонних. А и то уже выгода, если беда сокрыта в тайне. Но гневливость – явное и совершенно обнаженное зло, это вывеска, которая, против воли тела, сама себя показывает. Если видал ты уловленных этою страстью; то вполне знаешь, что говорю, и что хочет изобразить мое слово. Перед рассерженными надлежало бы ставить зеркало, чтобы, смотря в него и смиряясь мыслью

перед безмолвным обвинителем их страсти, сколько-нибудь сокращали чрез это свою наглость. Или пусть будет для тебя этим зеркалом сам оскорбитель твой. В нем, если достанет охоты посмотреть, увидишь ты сам себя; ибо у страждущих одною болезнью и припадки одинаковы. Глаза налиты кровью и искошены, волосы ошетинились, борода мокра, щеки у одного бледны, как у мертвого, у другого багровы, а у иного как свинцовые (и это, думаю, от того, что так бывает угодно расписать человека этому неистовому и злому живописцу), шея напряжена, жилы напряжены, речь прерывистая и вместе скорая, дыхание, как у беснующегося, скрежет зубов отвратителен, нос расширен и выражает совершенное презорство, всплескивания рук, топот ног, наклоны головы, быстрые повороты тела, смех, пот, утомление (кто ж утомляет? никто кроме беса), киванья вверх и вниз не сопровождаются словом, скулы раздуты и издают какой-то звук, как гумно; рука стуча пальцами, грозит. И это только начало тревоги. Какое же слово изобразит, что бывает после того? Оскорбления, толчки, неблагоприличия, лживые клятвы, щедрые излияния языка kloкочущего, подобно морю, когда оно покрывает пеною утесы. Одно называет худым, другого желает, иным обременяется, и все это тотчас забывает. Негодует на присутствующих, если они спокойны; требует, чтобы все с ним было в волнении. Просит себе громов, бросает молнии, недоволен самым небом за то, что оно неподвижно. Одно злое дело приводит уже в исполнение, другим насыщает свои мысли; потому что представляет все то сделанным, чего хочется. Мысленно убивает, преследует, предаёт сожжению, но что из этого сделает? Так слепа и суетна его горячность! У него – безгласен, бессилен, погонщик волов, кто у нас недавно был витией, Милоном, царем. Сам ты безроден и нищий, а того, кто благодарен и богат, называешь не имеющим рода и бедняком. Сам ты – поругание человечества, а тому, кто цвет красоты, приписываешь рабский вид. Сам о себе не можешь сказать: кто ты, и откуда, а человека прославленного именуешь бесславным.

Не знаю, плакать или смеяться над тем, что делается. Гнев все, даже и небывалое, обращает себе в оружие. Это – обезьяна, и делается Тифеем, вертит рукою, ломает пальцы, ищет холма или вершины Этны, чтоб силою руки своей издали ввергнуть в неприятеля вместе и стрелу и гроб. Какой огонь, или какой град остановит продерзость? Если пращи слов истожились; то приводятся в действие руки, начинаются рукопашный бой, драки, насилие. Тот одерживает верх над противником, кто наиболее несчастен и препобежден; потому что одержать верх в худом называю пораженьем. Не бес ли это? Даже и больше беса, если исключить одно паденье; но случалось видеть и паденья возмущенных гневом, когда они увлекаются порывом духа. Не явное ли это отчуждение от Бога? Да и что же иное? Потому что Бог кроток и снисходителен; не хорошо предавать поруганию Божий образ, а на место его ставить неизвестный кумир!

Не так страшно для нас расстройство ума; не так страшны телесные болезни. Эти недуги, хотя жестоки, и мучат меня, пока продолжаются, потому что всякая настоящая болезнь страждущему кажется тягостнее всех других болезней, но делают нас несчастными не по собственному нашему изволенью; они более достойны сожаленья, нежели проклятья. Из зол явное зло менее опасно; вреднее же то, которого не признают злом. Пьянство есть зло. И кто будет спорить, чтобы оно не было злом? Даже зло произвольное. Предающиеся пьянству знают, чему оно бывает причиною; и однако же предаются ему, очевидно, сами делаясь виновниками зла. Но там самое тяжкое последствие зла, что сделаешься смешным; и один сон вскоре прекратить сие зло. Но скажи какое другое зло хуже преступившей меру гневливости? И есть ли от этого какое врачество?

В иных болезнях прекрасное врачество – мысль о Боге. А гневливость, как скоро однажды преступила меру, прежде всего заграждает двери Богу. Самое воспоминанье о Боге увеличивает зло; потому что разгневанный готов оскорбить и Бога. Видал я иногда, и камни, и прах, и укоризненное слово (какое ужасное умоисступленье!), были бросаемы и в Того, Которого нигде,

никто и никак не может уловить; законы отлагались в сторону; друг не признан; и враг, и отец, и жена, и сродники – все уравнено одним стремлением и одного потока. А если кто станет напротив; то на себя привлечет гнев, как зверя, выманиваемого шумом. И защитник других сам имеет уже нужду в защитниках.

Таковыми рассуждениями всего более преодолевай свой гнев; и если ты благоразумен, то не потребуется для тебя большего. А если для умягчения твоего сердца нужна продолжительнейшая песнь; то посмотри на жизнь тех, которые, и в древние и в последние времена, своими добрыми нравами приобрели дерзновение пред Богом. В чем первоначально, или преимущественно упражнялись наиболее угодившие Богу? Этот Моисей и Аарон, возлюбленнейшие Богом, Давид, Самуил, а гораздо после них и Петр? Моисей с Аароном, хотя Египет, поражаемый многими казнями, не вразумлялся, щадили однако же Фараонову дерзость, пока оскорбители, не умевшие уважить долготерпенья, в научение всем уважать его, не были погружены в воды; потому что справедливее было презреть дерзкого, а не кроткого. Хвалю Самуила! Ему трудно было однажды перенести обиду, когда Саул разодрал у него ризу; однако же, умоляемый о прощении, немедленно простил он вину (1Цар. 15, 27–31). Что же может быть снисходительнее этого? Припомни о Давиде и о тех бряцаньях, которыми избавлял он Саула от лукавого духа. Когда же нашел царя неблагодарным, спасаясь бегством и скитаясь для сохранения жизни; пощадил он Саула, который предан был в его руки, хотя (как знаете вы это) едва спасся сам. А знаком того, что Саул был в его власти, служили отрезанная часть ризы (1Цар. 24, 5) и похищенный сосуд от шлема (1Цар. 26, 12). Что сказать о том, как Давид терпел отцеубийцу сына, незаконно домогавшегося власти? Он оплакивает его умершего и взывает к нему со слезами и воплем; возвестившего же о несчастьи гонит, приняв как врага, а не доброго вестника; потому что природа вопияла громче обвинений и бралась защитить виновного, так что Давид, опротивев чрез это войску, едва не лишился державы (2Цар. 19, 7). И что еще? Не терпел ли он и оскорбителя Семея, который желал ему зла вместо славного возвращенья (2Цар.

16, 5–13)? Но дивлюсь и мудрому Петру, когда великодушно и весьма мужественно перенес прекрасное дерзновение Павлово, в таком городе и при таком множестве читателей и учеников Слова обличаемый в том, что не открыто разделял трапезу с язычниками (Гал.2, 11–13), хотя Петр думал доставить тем пользу учению; потому что единственным его побуждением были страх Божий и просвещение словом проповеди. Не умолчу и о прекрасной добродетели Стефана, в котором вижу начаток мучеников и жертв. Он был замечат камнями; но и во время побоев (не чудно ли это?) слышан был глас его, изрекавший прощение убийцам, и как о благодетелях возносивший о них молитву к Богу (Деян. 7, 60). Не явное ли это уподобление Богу? Не впечатление ли в себе страданий и учения Того, Кто, будучи Бог и Владыка молний, как агнец безгласный веден был на заклание, терпел столько заплеваний и заушений, когда милосердие Его испытал Малхв даже на своем язвленном ухе, – и не возопиял, чтобы показать и привести в исполнение Свою власть, не воспрекословил ни в чем, не сокрушил сокрушенного грехом; но хотя грозит угасить легкий пламень мысли, однако же щадит как милосердый, чтобы кротостью покорить Себе сродное? Столько имеешь высоких примеров в твоём Владыке! Сравни же с Его страданиями, что терпишь ты. Хотя бы ты все перенес; и тогда не достанет еще многого, если будешь судить о страданиях, приняв во внимание достоинство страждущего.

Для нас достаточно и сих благородных уроков, то есть, законов, начертанных на скрижалях, и нравов, предписанных на горе. Должно ли же к этому присовокуплять что-нибудь нечистое? Нимало не будет худо и из худого собрать что-нибудь хорошее и любезное. Иных и много опередить не очень похвально; за то как худо, если они опередят тебя многим! Поэтому упомяну и об язычниках, впрочем кратко.

Стагирский философ хотел ударить одною человека, которого он застал в постыдном и худом деле; но как скоро почувствовал, что в него самого вступил гнев, борясь со страстью как со врагом, остановился, и помолчав не долго, сказал (подлинно мудрое слово!): «Необыкновенное твоё счастье, что защищает тебя мой гнев. А если бы не он; ты

пошел бы от меня битым. Теперь же стыдно было бы мне худому ударить худого и, когда сам я побежден страстью, взять верх над рабом». Так рассудил он. Об Александре же рассказывают, что, при осаде одного эллинского города, когда неоднократно рассуждал он, что делать с этим городом, Парменион однажды сказал ему: «если бы я был Александром, то не пощадил бы сего города». Но Александр отвечал: «И я не пощадил бы, если бы я был Парменионом. Тебе прилична жестокость; а мне кротость». И город избег опасности. Но не достойно ли похвалы и это? Один человек, не из числа почтенных граждан, злословил великого Перикла, и до самого вечера преследовал его многими и злыми укоризнами. Но Перикл молчал, принимая это оскорбление, как почесть; воцара же ругатель устал и пошел домой, велел проводить его с светильником, и тем угасил его гнев. А другой когда оскорбитель ко множеству оскорблений присоединил такую угрозу: «чтоб самому мне несчастно погибнуть, если тебя негодного при первом удобном случае не предаю злой смерти!» – заставил его переменить свое расположение такими, подлинно человеколюбивыми словами: «чтоб и мне погибнуть, если не сделаю тебя своим другом!»

Но чтобы не одно древнее вошло в наше слово, и не осталось без внимания то, чему сами мы свидетели, справедливо будет упомянуть о Констанции, который, как рассказывают, произнес однажды достопамятное слово. Какое же это? Один сановник хотел раздражить его против нас (православных), потому что не терпел многих преимуществ, какие были даны нам. Ибо Констанций, сколько известно, был благочестивейший государь. Сановник, между прочим сказал и такое слово: «какое животное так кротко, как пчела? но и она не щадит тех, которые обирают ее соты». Царь выслушал это и отвечал: «Ужели же не знаешь, превосходный мой, что жало не безвредно и для самой пчелы? Она жалит, но в то же время и сама погибает».

Столько имеешь у себя врачебных средств от сего недуга, но всех важнее, как сказано, заповедь, которая не позволяет тебе отвечать обидой даже и тому, кто ударил тебя. Ибо

ветхозаветным предписано: не убий; но тебе повелено даже и не гневаться, а не только не бить и не отваживаться на убийство. Кто запрещает первое, тот не дозволяет и последнего. Кто истребил семя, тот воспрепятствовал прозябнуть ему в колос. И не смотреть с худым пожеланием – значит отсечь любодеянье. Не клясться – вот предохранительное средство от ложной клятвы. Так и не гневаться – значит поставить себя в безопасность от покушенья на убийство. Ибо рассуди так: гневливость доводит до слова, слово – до удара, от удара бывают раны, а за ранами, как знаем, следует и убийство; и таким образом гневливость делается матерью жестокого убийства.

Кто получил когда-нибудь награду за то, что он не убил? Но не гневаться – есть одно из похваляемых дел. Воздаянием за первое служит то, что избегаешь опасности; а вознаграждением за последнее обещан тебе участок земли драгоценной. Послушай, чего желает кротким Христос, когда перечисляет блаженства и определяет меру будущих надежд (Матф. 5, 5). На сей конец дает Он тебе и сообразные с Ним законы. Тебя ударили в ланиту? Для чего же допускаешь, чтоб другая твоя ланита оставалась без приобретения? Если первая потерпела сие произвольно не велика ее заслуга, и тебе, если хочешь, остается сделать нечто большее, а именно, произвольно подставить другую ланиту, чтобы сделаться достойным награды. С тебя сняли хитон? отдай и другую одежду, если она есть у тебя; пусть снимут даже и третью: ты не останешься без приобретения, если предоставишь дело сие Богу. Нас злословят? будем благословлять злых. Мы оплеваны? поспешим приобрести почесть у Бога. Мы гонимы? но никто не разлучит нас с Богом; Он – единственное неотъемлемое наше сокровище. Проклинает тебя кто-нибудь? молись за клянущего. Грозит сделать тебе зло? и ты угрожай, что будешь терпеть. Приступает к исполнению угроз? твой долг – делать добро. Таким образом приобретешь две важные выгоды: сам будешь совершенным хранителем закона; да и оскорбителя твоего кротость твоя обратит к кротости же, и из врага сделает учеником, преодолев тем самым, что он взял над тобою верх.

Итак, видишь ли? Всего более желай, чтобы тебе вовсе не гневаться, потому что это всего безопаснее, а если не так, старайся, чтобы исступление твое прекращалось прежде вечера, и не давай во гневе твоём заходить солнцу (Ефес. 4, 26), как тому, которое от вне твоим очам посылает лучи свои, так и тому, которое сияет внутри мудрых; а последнее солнце заходит для тех, у кого ум уязвлен, озаряет же совершенных и добрых, и видящим дает большую силу озарять.

Скажешь: что ж? не сама ли природа дала нам гнев? – но она дала также и силу владеть гневом. Кто дал нам слово, зрение, руки и ноги, способные ходить? Все это даровали Бог и природа, но даровали на добро; и не похваляю тебя, который употребляешь их во зло. То же надобно сказать и о других душевных движениях. Это Божии дары – под руководством и управлением разума. Раздражительность, когда не преступает меры, служит оружием соревнованию. Без сильного желанья неудобопостижим Бог, но знаю и наставника в добре; это – рассудок. Если же все это обращено будет на худшее: то раздражительность произведет оскорбления и злодеяния, пожелает распалить нас к гнусному сластолюбию, а рассудок не только не подавит сего, но еще поможет своими ухищрениями. Так добрые дарования отдаются во власть нашему растлителю! но не хорошо – Божий дар мешать со злом.

Если в Писании слышишь, что Бог гневается, и уподобляется или рыси, или медведице, которая от любви приходит в ярость, или воспламененному от вина и упоения, или мечу сверкающему на злых: то не принимай сего за совет предаваться страсти. Иначе будет значит, что ты изобретаешь для себя зло, а не освобожденья от него ищешь. Слушай Писание с добрым, а не с худым намереньем. Бог не терпит ничего подобного тому, что терплю я. Никто не говори этого! Он никогда не выходит Сам из Себя; это свойственно существам сложным и тем, которые большею частью в борьбе сами с собою. Но Бог, как очевидно, есть естество неизменяемое. Почему же Он таким изображается? По законам иносказания. Для чего? Чтобы устрашить умы людей простых, – какую цель имеет и многое из выраженного словом. Разумей, что речь здесь

не прямая, и тогда найдешь смысл. поскольку сами мы бьем, когда приходим в гнев; то поражение злых представили в виде гнева. Таким же образом изобрели мы зрение, слух, руки; и поскольку имеем в них нужду для приведения чего-либо в исполнение, то приписываем их и Богу, когда Он совершает, по нашему представлению, то же. Притом слышишь, что от гнева Божья терпят злые, а не добрые, и терпят по законам правосудия. Но твой гнев не полагает себе меры и всех делает равными. Поэтому не говори, что твоя страсть дана тебе от Бога и свойственна самому Богу. Или, если думаешь о себе, что и ты подражатель Богу, то подражай; но прежде пусть ветры развеют болезнь твою.

А если ты читал что-нибудь о гневе мужей благочестивых; то найдешь, что гнев их всегда был справедлив. И я думаю даже, что это был не гнев, а наказание, справедливо положенное на злых. И это наказание не было для них злом; напротив того, удары были весьма полезны: для требовавших многого очищения в жизни, потому что иглистая ветвь сама призывает на себя острие железа, – полезны, говорю, были как до Закона, так и при Законе, пока он не приобрел надлежащей силы, как несовершенно еще укоренившийся в людях.

Так угасишь ты в себе эту болезнь, утоляя ее предложенными тебе рассуждениями, подобно тому, как иные заговаривать аспидов. Но вот вторая забота: как удерживаться, чтобы не воспламенялся в тебе гнев от чужого гнева, как огонь от огня? Ибо равно худо, как самому первоначально предаваться злу, так и прийти в одинаковое расположение с предававшимся худому стремлению.

Во-первых, прибегни немедленно к Богу, и проси, чтобы Он нещадно сокрушил разящий тебя град, но вместе пощадил нас, которые не обижали других.

А в то же время положи на себя знамение креста, которого все ужасается и трепещет, и ограждением которого пользуюсь я во всяком случае и против всякого. Потом изготвься к борьбе с тем, кто подал причину к сему гневу, а не кто предался ему, чтобы тебе, хорошо вооружившись, удобнее было победить страсть. Ибо неготовый не выдерживает нападения. А кто

хорошо приготовился, тот найдет и силы победить. И что значит победить? Равнодушно перенести над собою победу.

В-третьих, зная, из чего ты произошел и во что обратишься, не думай о себе очень много, чтобы не смущало тебя высокое и не по достоинству составленное о себе мнение. Ибо смиренный равнодушно переносит над собою победу, а слишком надменный ничему не уступает. Но те, которые, чтобы сколько-нибудь остановить свое превозношение, сами себя называют землею и пеплом, как от них же мне известно, суть Божьи друзья. А ты, как будто совершенный, отказываешься терпеть оскорбления. Смотри, чтобы не понести тебе наказания за самомнение. Где же тебе согласиться потерпеть что-нибудь неприятное на самом деле, когда не можешь снести благодушно и слова?

В-четвертых, знай, добрый мой, что и жизнь наша ничто, и мы все не безгрешные судьи о добрых и худых делах, но большею частью и всего чаще носимся туда и сюда, и непрестанно блуждаем. Что гнусно для нас, то не гнусно еще для Слова; а что не таково для меня, то можете быть, такими окажется для Слова. Одно без всякого сомненья гнусно; это – злонравье. А здешняя слава, земное богатство и благородство – одни детские игрушки. Поэтому, о чем сокрушаюсь, тем, можете быть, надлежало бы мне увеселяться; а при чем поднимаю вверх брови, от того – более смиряться, нежели сколько теперь превозношусь, надмеваясь неблагоприятно.

В-пятых, будем иметь больше рассудительности. Если нет ни малой правды в том, что говорит воспламененный и ослепленный гневом; то слова его ни мало нас не касаются. А если он говорит правду; то значит, что сам я нанес себе какую-нибудь обиду. За что же жалуясь на того, кто объявил оставшееся доселе скрытым? Гнев не умеет сохранять верности. Ибо, если прибегает он часто и к неправде; то удержит ли в себе тайну?

После сего уцеломудришь себя в гневе, рассуждая так: Если эта вспышка не есть зло, то несправедливо и обвинять ее. А если зло, что и действительно, в чем и сам ты сознаешься: то не стыдно ли терпеть в себе то, что осуждаешь в других, когда

терпишь от них сам, и не вразумляться примером своего врага? Притом, если и прежде не пользовался добрым о себе отзывом тот человек, который горячится и дышит дерзостью: то и теперь порицание падет, очевидно, на него, а не на тебя. А если он человек превосходный, то не почтут тебя здравомыслящим за ответ, потому что мнение большинства всегда склоняется в пользу лучшего. Но ты делал ему добро? Тем более его осудят. Но он обидел тебя? Ты не делай ему зла. Но его надобно остановить? Что ж, если в большее придет неистовство? Он первый начал? Пусть вразумленный и словом и благонаравьем твоим, как можно скорее, сокрушит свою ярость, как волна вскоре рассыпающаяся на суше, или как буря не встречающая никакого сопротивления. Это обидно! – Точно, обидно, если и ты падешь с ним вместе. Ужели и на укоризны больных станем отвечать укоризнами. Не равнодушно ли переносишь ты иступление беснующихся, разумею таких, которые невольно изрыгают злословье? Почему же не перенести сего от безумного и пришедшего в сильную ярость? Конечно, должно перенести, если сам ты в здравом уме. Что сказать о пьяных, у которых рассудок потемнен вином? Что, если мимо тебя пробежит бешеная собака? Что, если верблюд, по естественной своей наглости, закричит во все горло, и протянет к тебе шею? Пойдешь ли с ними в драку; или, по благоразумью, побежишь прочь? Что, если непотребная женщина будет стыдить тебя своими срамными делами? А у непотребных женщин это обыкновенное дело; им всего кажется стыднее знать стыд; и они знают одно искусство – вовсе ничего не стыдиться. О Синописце рассказывают, что, приходя к живущим в непотребных домах, старался их раздражать. С каким же намереньем? С тем, чтобы их оскорблениями приучить себя без труда переносить оскорбления. И ты, если размыслишь об этом, – станешь презирать оскорбления.

Скажу тебе один искусственный способ. Хотя он и не достоин внимания тех, которые предпочитают кротость: однако же скажу; потому что может погашать неприятность. Смотрел ты иногда на кулачных бойцов? Прежде всего оспаривают они друг у друга выгодное место, того и помогают, чтобы одному стать

выше другого; потому что это немало содействует одержанию победы. Так и ты старайся занять выгоднейшее положение; а это значит, пришедшего в ярость старайся низложить шутками. Смех – самое сильное оружие к препобеждению гнева. Как в кулачных боях, кто в сильной стремительности и ярости по пустому сыплет удары, тот скорее утомляется, нежели принимающий на себя эти удары, истощение же сил – неискусный в бою прием; так и тому, кто оскорбляет человека, который не сердится на его нападение, но смеется над ним, всего более бывает это огорчительно; напротив того, если встречает, он себе сопротивление, это приносит ему некоторое удовольствие; потому что доставляется новая пища гневу, а гнев ему весьма приятен и ненасытим.

Заключением моих тебе советов пусть будет следующее. Какое существо по преимуществу кротко? – Бог. А у кого природа самая раздражительная? – У человекоубийцы, который (да будет тебе известно!), сверх других наименований, выражающих его лукавство, называется и гневом. Какую же часть намерен ты избрать? А избрать ту и другую невозможно. Рассуди и то, кто будет осмеян, и кто похвален. Ибо и это не маловажно для рассудительного. Что еще сказать? Заклинаю тебя, гнев – друг пороков, неприязненный мой защитник и покровитель, надмевающий меня и предающий во врата адовы, покорись ныне Богу и слову. Покорись, гневливость, – это воскипение, эта полнота человекоубийцы, это очевидное безобразие лица, это обуревание мыслей, это упоение, эти бодцы, понуждающие низринуться в тартар, этот легион бесов, это многосложное зло, расторгающее узы и путы на ногах, покорись; ибо Христос, Которого не вмещает вселенная, и Который Своим кормилом непогрешительно движет целую вселенную, уделяя жизнь и человекам и Ангелам, а призывающим Его усердно дарует разрешение и от лукавых духов и от страстей, Христос хочет, чтобы ты немедленно бежала отсюда и, войдя в свиней, скрылась в бездну! Готово принять тебя это стадо, низвергающееся в глубину. Но не касайся нас, о которых имеет попечение сам Бог!

Вот слово моего безмолвия! А вы, разрешившее слово, если изречете что-нибудь достойное вещания, вещайте и мне. А если слово ваше достойно молчанья; то не произносите и для меня. Тогда и слух свяжу для слова, как связал слово.

На тех, которые часто клянутся

Разговор:

Что хуже клятвы? Я рассуждаю, что ничего нет хуже. Скажи же, чем это доказываешь? Самыми очевидными и ясными доводами.

Открой, какими?

Следующими; отвечай мне, и увидим.

Говори, любезнейший, что только можешь сказать.

Знаешь ли, что выше всего тебе известного?

О каком роде вещей спрашиваешь?

О всем, что ни есть видимого и мысленного.

Я ничего не представляю себе выше Бога.

Ты отвечаешь правильно, но я спросил неправильно.

Как же надлежало?

Бог не есть что либо высшее, потому что Он несравним. Не ясно ли это?

По мне, весьма ясно.

Посему надлежало, может быть, спросить так: что самое высочайшее?

Думаю, что так.

Но и это не сравнительно ли будет сказано? Не полагаю.

Как же скажешь? Высочайшим бывает что-нибудь не иначе, как в отношении к сродному с ним. А с Богом что сродно?

Ничто.

Посему о Боге надлежит выразиться иначе. Как ты скажешь, так и я готов принять. Что же? Не должно ли сказать, что Бог несравним ни с чем из всего известного? Кажется, что так.

А не досточтим ли, и не единственно ли досточтим Он для всякого естества?

Единственно досточтим; это хорошо сказано.

А будучи досточтим, может ли быть вместе и оскорбляем?

Как соединить несоединимое?

Рассмотрим же: к чести ли Божьей служит клятва?

Но по крайней мере не к оскорблению.

Так; если бы не было опасности от ложной клятвы. Тогда клятва была бы делом богочестия. Но теперь смотри, в чем дело, и к чему оно клонится?

Почти понимаю; однако ж прошу объяснить речь очевидным подобьем.

Каким бы это? Видал ты большой камень, падающий с горы?

Очень часто.

И он катился вниз с великим шумом?

Даже наводил большой страх.

А видал также, что его удобно останавливали?

Разве кто другой видал, а я нет; потому что камень сам себя понуждает к паденью, и сильнее, всякой руки.

Правда твоя. То же бывает и со мною; стремительность увлекает меня в насильственный поступок. Но в начале и мне, так же как и камню, очень не трудно было бы удержаться в покое?

Очень не трудно, и почему бы не удержаться? Этому камню подобен и всякий порок, особенно же, как думаю, худой навик клясться. А почему же так?

Слушай: этот порок имеет не малую привлекательность. А если человек получает к нему пристрастие; что тогда бывает? Он уже не удерживается, пока не низринется в стремнистую бездну.

Что разумеешь под стремниною?

Самая большая из стремнин есть ложная клятва.

Приятно было бы слышать, почему это.

А многие и не знают, сколько это худо.

Сколько же именно?

Не часто ли случается, что иной клянется своим спасеньем? Очень не редко.

Что же это? Боится, чтобы, поступив худо, не терпеть за сие зла, и сам полагает на среду пред Богом собственное свое спасенье, решаясь погибнуть, если каким ни есть образом солжет своему слову.

Так мне кажется.

Такое же сделай рассуждение, если когда клянешься и Богом.

Какое же? Желательно видеть.

Ты полагаешь на среду Бога своей веры.

Да, не иначе.

И для клянущегося в правду Бог соблюден; а если клянемся ложно, то в отношении к нам Он утрачен. Справедливо говоришь.

Но скажи, что значит, по твоему мнению, не соблюсти для себя Бога?

Думаю, что это значит отречься от Бога.

Итак, ложная клятва, как давно уже это доказано, есть отречение от Бога.

Как же избежать клятвы?

Приобретем такие нравы, которые бы внушали доверие. Великое дело сказал ты.

Благонравным менее нужды в клятве; что говорю: менее? Им вовсе не нужна клятва. За них порукою добрые нравы. Действительно так.

Скажи же, что приобретают те, которые много клянутся?

Осмеянье.

А к этому что еще присовокупить? Разве то, что им не верят, когда говорят и правду. Согласен на это.

Итак, послушайся меня, и, воспользовавшись врачевствами рассудка, особенно положи в себе преграды этому недугу. Многие же из известных мне одерживали верх над недугами и этого сильнейшими.

Какие разумеешь сильнейшие недуга?

Гнев, зависть, неводержность и тому подобное.

Почему же они сильнее?

Потому что пожелание больше. А к чему пожелание стремительно, к тому и привязанность сильнее.

Совершенно основательно. Но если болезнь в тебе неудержима, что тогда делать?

По крайней мере остерегайся непрестанно, при всяком случае, умножать тяжкие клятвы.

Когда же, какие и при каких случаях дозволишь ты клятвы? Например: дозволишь ли, когда настает нужда?

Пусть так.

Но присовокупи: какая именно нужда. Не та ли, чтобы иных избавить от опасности?

Тогда по крайней мере полезна клятва.

Или и себя избавить от обвинения в гнусном преступлении.

Да! Но клятва никогда не должна служить мне к приобретению имущества, потому что сие представляется крайне гнусным и весьма легко может вовлечь в ложную клятву. Да и что, кроме корысти, чаще приводит к ложным клятвам? Как скоро касается дело до денег, весьма многие оказываются злонравными.

Кто не согласится с этим? И Софисты утверждали то же.

Важно ли же это для нас?

Ни мало. Но если станем подражать, и окажемся худшими; то сие будет нам стыдно.

И очень. Каких же клятв особенно избегать должно? Само собою видно.

Однако же безопаснее услышать от тебя. Я утверждаю, что должно избегать клятв наиболее ужасных.

Разве боишься выговорить?

Короче сказать, тех, в которых упоминается Божье имя.

А в которых упоминаются Писание, Христовы страдания, и приношения Богу?

И это равно таинственно.

А у нас всего более в употреблении сим клясться.

О том и проливаю слезы. Ибо что утверждено обычаем, то обращается в закон. Однако же, чего не может преодолеть разум?

Какую же дозволишь клятву?

Желал бы никакой не дозволять; а в противном случае пусть будет какая-нибудь другая клятва.

Уже ли не должно клясться женою, детьми, спасением, жизнью и будущим беспечальным веком?

Это суть проклятья; хотя почитаются также и клятвою.

Пусть почитаются; только бы мы, поражаемые сею клятвою, не погибали. В таком случае нет опасности для души, которую погубить есть уже конечная смерть.

Справедливо говоришь. Но у тебя, как скоро закипело сердце, при всяком случае готовы на языке: Бог, святая трапеза, что для тебя всего любезнее, крест, жена, Божья кровь, своя собственная кровь, земля и море, словом, что ни представит тебе прежде всего твоя негодная опрометчивость, при содействии твоего губителя, который производит даже и то, что самая болезнь кажется тебе приятною, и ты (странное неразумие!) остаешься уверенным, что с твоего гнилого языка льется золото.

Точно так бывает, как говоришь ты. Одна волна воздвигает другую, когда в тебе дышат, может быть, гнев, а может быть, и страсть к деньгам. Ибо много сетей; и человек не почитает страшным делом расточаемых им клятв.

Да, не почитает страшным.

Но его бедного душит клятва, если задерживает ее в себе

Ты как живописец изображаешь эту страсть.

Он думает уверить тем самым, чрез что делается более недостойным вероятия. Не понятное ли это дело? На что тебе много слов, если имеет силу одно?

Конечно, напрасный труд.

На что же тебе и многие клятвы, если бы имела силу одна?

Конечно, напрасный труд.

Думаю, что тогда не было бы нужды во многих.

Посему множество клятв есть уже признак, что нет к тебе доверенности.

Не иначе; правду ты говоришь.

Поэтому или вовсе не клянись, или клянись как можно реже. Это всего лучше.

Если одна клятва нарушается, то и все будут нарушены. Прекрасное заключение.

Разве иной скажет: множеству клятв лучше поверять.

Так обыкновенно думают.

Но разве, сложив вместе несколько пылинок, сделаешь из этого золото?

Кто ж это сделает? в природе ли это вещей?

А на каком же основании из многого невероятного составится вероятное?

Мне кажется, что никакого нет к тому основания.

Перестанешь ли, наконец, предпочитать всему самое негодное богатство, то есть, всегда и при всяком деле, ешь ли, играешь ли в зерне, плывешь ли, путешествуешь ли, в счастии ли ты или в несчастьи, продаешь или покупаешь, радуешься или печалишься находишься в кругу друзей и пирующих, изрыгать клятвы, подобно пресытившемуся пищею или питьем?

Весьма бедственное дело поступать так.

Не клянешься ли также ради всего, как будто ты уже сам не свой, как скоро другие взяли над тобою верх, словом ли, делом ли, прикровенно ли, или насильственно?

По большей части так бывает на деле.

Этим оскорбляешь ты всех, и Бога и тварей.

Каким образом всех?

Таким, что все смешаешь во едино, даже и то, что не равно между собою. А это – вервь от узды.

Что же скажешь на это? не находим ли, что и Бог иногда клянется?

Так говорит Писанье.

Но что совершеннее Бога?

Конечно, не найдешь ничего совершеннее.

А если ничего нет совершеннее; то значит, что Бог и клясться не может. Как же Писание говорит, что Бог клянется?

Как скоро Бог говорит что-нибудь, это уже есть клятва Божия.

Как же в Писании говорится, что Бог клянется Самим Собою?

Как? Он перестал бы совершенно быть Богом, если бы сказал ложь.

Ты говоришь нечто страшное.

И это в естестве Божьем, чтобы не лгать. Против сего никто не будет спорить.

А что? Ветхий Завет не запрещает клятвы, но требует только истинной.

Но тогда и убивать было законно; ныне же не позволено даже ударить.

Почему так?

Тогда подвергалось осуждению совершение худого поступка: ныне же осуждается самое первое движение ко греху.

Так мне кажется; потому что мы простираемся к большему совершенству.

А потому целомудренный и не клянется.

Что же? Им, как младенцам, даешь одни начатки пищи, чтобы впоследствии могли принимать совершенную пищу?

И справедливо, и весьма умно.

Говорят, что и Павел клянется.

Кто это сказал тебе? Верно, какой-нибудь пустослов? Павел сам говорит: «свидетель ми есть Бог» (Рим. 1, 9), и: видите Бог.

Это не клятва. А что же?

Непререкаемое подтверждение важности сказанного.

Дозволь и мне то же.

О, если бы ты и во всем, по мере силе, стал Павлом! Это – верное для тебя мерило.

Не уступишь ли чего-нибудь гневу? Хорошо.

А в гневе, конечно, всякому случается клясться.

Ужели по твоему мнению одинакое зло хуже зла двойного?

Возможно ли это?

Каково тебе покажется, если ничем не раздраженный вдруг начинаете клясться?

Это весьма худо.

А если я раздражен, и сделаю еще новое зло?

И это также худо. Впрочем меньше худо, если сделано по незнанию.

Но я подлежу ответственности за всякое свое произвольное движение.

Но если клянусь, хотя произвольно, однако же для того, чтобы избавить от опасности?

Пусть дозволяет кто-нибудь другой!

А если кто напишет клятву не произнося ее словом?

Что же значит письмо? Рукописание связывает крепче узе.

Если же по нужде?

Для чего не умер? Надлежало прежде принять смерть.

А если дана клятва, когда не лежало пред клянущимся Писание?

Что делает клятву священной: страница, или Бог?

Очевидно, что Бог.

Ты боишься пергамена; а я больше боюсь Бога. Многие подвержены этой болезни. Со многими бывает то же, что и с человеком, который бьет и бесчестит господина, а дает свободу, или даже готов оказать честь, его рабу.

Какое поругание!

Или который бережет царское изображение, а самого царя свергает с престола.

И это бывает. Но если осталось еще что сказать, присовокупи и то.

Многие говорят: язык произнес клятву, а ум не давал ее. Но легче во всем другом найти себе извиненье, нежели в клятве. Никто и нисколько да не обманывает сам себя. Во всяком случае клятва дана, а двоедушием сколько еще увеличивается грех!

Вижу и сам.

Что такое клятва? Решительная мысль.

В ужас прихожу, слыша слова твои.

Так говоришь; но пока не увижу на опыте, не знаю, верно ли это. Ибо верны дела. И свинья приходит тотчас в ужас, когда слышит крик другой свиньи.

Да.

Но это еще не великое дело. Если же слово коснулось сердца; за сие хвалю.

Но что же? разве нет у меня очистительной купели?

Есть. Но рассуди.

О чем же должно рассудить?

Она очищает грехопадения, но не всегда очищает и нравы. Когда же может очищать и нравы?

В том одном случае, если предпочистишь их несколько.

Понимаю.

Нужен страх, чтоб не грешить вперед; а то, что многое прощено, еще не достоинство.

Почему же это? Объясни мне.

Опасно, чтобы не потребовалось вторичное очищение.

Что же это за очищение? растолкуй.

Очищение посредством долговременных слез и измождения плоти.

Не желал бы я иметь в нем нужды. Да! страшно потерять дар более удобный. Это – Божии скрижали.

Точно, Божии; но ты напиши на скрижалях своего сердца. Хочешь ли знать, что и в этом видна брань завистника, который завидует твоим успехам?

Очень одолжишь, сказав о сем. Ибо много терплю браней от врага.

Слушай.

Говори.

Не без слез выслушивал я, когда ты говорил.

Что такое? Не отопрись, если говорил.

Ты говаривал: если вымолвлю какое-нибудь слово, но не подтверждаю его клятвою; то стыжусь своих речей, как чего-то неполного.

Никакого нет сомнения, что говаривал так.

И чего не достаёт, сам ты дополнишь к речи. Это есть клятва – худое дополнение. Подлинно страшный пламень!

Но Платон делает вот что. Чтобы не поклясться каким-нибудь богом, из благоговения...

Очень знаю, что скажешь. Был какой-то явор; им одним он клялся; но и тем не прямо. Хотя знал, чем клянётся; однако же не присовокуплял: клянусь таким-то явором. Что же это такое? Какая-то тень клятвы, безыменное указание, клятва, и вместе не клятва. Так мудрецы клялись ещё чужим гением. А это не что иное значит, как чем-нибудь да поклясться. Но вот чем покончим наш разговор.

Так скоро грозишь оставить меня, не удовлетворив моей жаждой.

Если клятва кажется тебе ещё чем-то маловажным; не хвалю сего. А если считаешь её такою, какова она действительно, т. е. делом весьма ужасным; то отважусь на

острое слово, и буду заклинать тебя самою клятвою, бегать клятвы.

Победа на твоей стороне.

О, если это действительно так; прослаблю за сие Тебя, Христе мой, чудодействующего и ныне, как чудодействовал Ты прежде! Тогда все мы единогласно воскликнем: аминь, да будет!

Разные мысли

Сравнение жизни духовной и жизни мирской

Жизнь духовная. Жизнь мирская. Судья.

Ж. Д. и М. Не рассудишь ли нас, чужеземец?

С. О чем дело?

Ж. Д. и М. Две жизни спорят между собою.

С. Какие же это жизни? и о чем у них спор?

Ж. Д. и М. Жизнь мирская и жизнь духовная. А спорим о том, которая из нас лучше и должна быть избрана мудрым.

С. Нелегко, правда, дать суд; однако же выслушать должно.

Ж. М. Родившись от мира, я знаю и люблю мирское. А в том и благочестие, чтобы уважать отеческий закон.

Ж. Д. Родившись от Бога, я знаю и чту Бога. А то и благочестиво, чтобы знать совершенное богопочтение. И если для тебя всего дороже худое; то не справедливее ли будет почитать мне драгоценным лучшее?

Ж. М. У меня мать – плоть; я тесно сопряжена с телом, и желаю одного – восполнения отторженной плоти.

Ж. Д. У меня отец – Бог; я сопряглась с Богом, и желаю одного – подражания Образу, от Которого проистекла.

Ж. М. Но скажи: как существовал бы человеческий род, если бы не пришло на помощь плотское супружество, удерживаемое в должных пределах и Божиим законом и природой?

Ж. Д. Хотя закон и таков, однако же мне должно теперь, отрешившись, поспешать к другой жизни, которая лучше настоящей и свободна от уз и тления.

Ж. М. Почему же жизнь девственная появилась так не давно?

Ж. Д. Она была и в древности, но под покровом; просияла же ныне после того, как Божиею Матерью явилась Дева. Ибо ныне и ветхий закон уступит место новому; буква потеряла силу, господствует же Дух

Ж. М. Но без супружеской жизни мог ли быть какой постриженник, или какой праведник?

Ж. Д. Ты очень забавна, когда хочешь уверить, что плоти вступают в союз для произведения на свете добрых. Добрыми, или худыми, образует время. А кто свет, тот не иное что делает, как уступает только наглým требованиям плоти. Но смешно думать о себе в страсти, что содействуешь Божьей воле.

Ж. М. Что же ты даровала жизни?

Ж. Д. Желаеть знать? – Ветви.

Ж. М. Чтобы они засохли, или чтобы развеял их ветер. Уступи мне корень, а потом владей ветвями.

Ж. Д. Довольно родиться. Пусть другой трудится для тленья, воспитывает, обучает, и потом вдруг оплакивает, и кого не стало уже на свете, того изображает на стенах, и смотрит на эту бездыханную красоту, на этого недвижимого сына.

Ж. М. И я имею свое благородство.

Ж. Д. А какого ты рода? Кто твой родоначальник? Не знаешь разве, что все из той же персти? Одно только благородство – подражанье Богу. А ты владеешь гробами и новыми указами; они вписывают тебя в число благородных, но не делают благородной.

Ж. М. У меня на это есть богатство; оно низлагает врагов, снѣдает завистью злых, приобретает мне друзей, дает престолы и право величаться в обществе.

Ж. Д. А у меня есть нищета; она доставляет мне то, что не имею врагов. Безопаснее же возбуждает состраданье, нежели зависть. И престолы шатки, и друзья по большей части бывают только при времени. Но если они и постоянны; то лучше покориться Богу, нежели иметь первенство во всем видимом, или стоять выше всего видимого. Прославляюсь же я в мысленном граде.

Ж. М. Но чем нищему обезопасить жизнь? Где у него стены, двери, боевые орудья, оруженосцы?

Ж. Д. Нужные мне для того, чтобы не украли тела! Оно одно и небольшое рубище составляет все мое имущество. Разбойник, или притеснитель, пусть идет к другим. Вор опасен для имеющих что-нибудь. У меня одно богатство – Бог. Если он приобретен мною, никто Его не похитит, хотя возьмет все прочее. Да и кому только угодно, пусть всякая рука расхищает

мои пожитки! Никто не живет в такой безопасности, как человек бедный. Богач приносит жертвы «своей мрежи» (Аввак. 1 16), сам у себя «лобзает руку» (Иов. 31, 27), как друга, а не славословит Бога – подателя благ. И наконец, собранное им перейдет в руки чужому, кому бы он не хотел; что говорю: чужому? – даже, можете быть, и врагу, а от врага еще к иному, куда повернется колесо. Но у меня, если умру, со мною пойдет все мною нажитое, ничего не останется ни зависти, ни превратному счастью.

Ж. М. Как хорошо не смотреть в руки соседям, тогда как другие, может быть, и благочестивые, смотрят мне в руки!

Ж. Д. Как хорошо смотреть в руки одному Богу, дает ли Он, или отъемлет отечески; не делать ничего постыдного из желанья приобрести, не подражать кровожадной пиявке, чтобы, одним владея, устремлять мысль на другое, на иное же взирать недобрыми очами, а иное, по крайней мере, воображать в мечтательных надеждах и всегда нищенствовать, желая большего и большего!

Ж. М. Как же перенести удары трудного времени тому, кто не имеет никакого подкрепленья в горести?

Ж. Д. Спроси у меня: как человеку избежать меткой стрелы? Волос и изблизи пересечь стрелой нелегко. Положим, что будешь в трудных обстоятельствах, но избежишь стремленья зол. Трость выдерживает ветры, а дубы не выдерживают; потому что первая уступает им, а последние сокрушаются собственной тяжестью.

Ж. М. Мне можно позволить себе и наслаждения.

Ж. Д. А мое наслажденье – не искать удовольствия в пресыщении и в удовлетворении чреву, не тучнеть и не страдать болезнью богачей, не издавать из гортани запаха приятной для вкуса грязи, и не подавлять в себе мысли скоплением грубых нечистот.

Ж. М. У меня самые лакомые снеди.

Ж. Д. А мое лакомство – хлеб; для меня самая вкусная приправа – соль. Имея их, презираю затеи роскошных, как горечь.

Ж. М. Мое наслаждение – благовонье мазей, песни, рукоплескания, мирные перегибы ног под лад стройных и благозвучных органов.

Ж. Д. Ужели ты одобряешь это? а по мне, за сие-то самое и худо богатство, как учитель пороков. для нас лучше твоих органов псалмопение, которое настраивает душу для мысленного мира. всякого же мира благоуханнее Христос, который за нас истощил себя, чтобы истребить злосмрадие, каким наполнила меня мертвенность греха. я рукоплещу, когда вижу падение моего убийцы, внушившего мне какое-нибудь худое слово, или дело. У меня есть и пляска; это – восторжение к Богу.

Ж. М. Ты, может быть, скажешь еще, что нищета помогает в болезнях, служить лучшим врачевством для тела?

Ж. Д. Этого не скажу; потому что неправда. Лучше пусть будет сказано, что справедливо. Бедный гораздо крепче силами, нежели достаточный. И Бог, уравнивая дары свои, бедным дал крепость сил, а богатым – лекарства. Трудится ли, проливает ли пот бедный? – Этим истощает он в себе излишние вещества. Он терпит голод и стужу, в полдень опалается солнцем, утомляется ходьбою, обременяется ношами, мокнет на дожде, временем принимает простую, а не многосложную пищу, даже и не знает тех обольстительных снедей, какие повара и служители роскоши добывают из земли и моря, чтобы предложить мужчинам женскую трапезу. Опухоли, простуды, боль в ногах и в суставах, отяжеление, бледность, расслабление, – вот достояние богатых, вот плоды пресыщенья. Богатые не находят удовольствия и в том, чем обладают; часто ищут, кому бы оставить свое бремя, завидуют здоровым, которые беднее их. Эти злополучные счастливыцы ничем не пользуются. Золото, дорогие камни, всякие украшения, разноцветные одежды, блистающие пурпуром живописные изображения на стенах, на потолках и на камнях, которыми выстланы полы; серебро частью скрытое в недрах земли – справедливо заключенное в тех же гробах, откуда оно взято, а частью выставленное напоказ и блистающее на пирах; кони, ковры, колесницы, колесничники, псы, ловчие отыскиватели

звериных следов; все наслажденья для злато господина-чрева, все удобное для гортани, со всего собирающей дань; постельники, придверники, докладчики, усыпители, цветоносны, окропляющие благовоньями, вытирающие тарелки, отведывающие кушанье, производящие тень, наблюдающее мановения; банщики, пробующие горячую воду концами перстов, стриженные по-женски – эта услада глаз, – вот принадлежности богатого гроба, писанной персти! А бедный стоит твердо; он, если и падет, не вдруг, изнуренный болезнью или множеством лет, то не причинит никаких хлопот своим друзьям. Он умрет, как лев, рыкая, и мертвый по большей части бывает благолепнее великих богачей. Что еще сказать о презорстве, о гневе, об исступлении, о дерзости, о пьянстве, о необузданном смехе, о срамных речах о пренебрежении Бога, родства, дружбы? Все это не в такой мере бывает в бедных, как в богатых; потому что богатство приносит с собою презорство, а за презорством следует гибель. Но бедный, как всего чаще видим, не поднимает вверх головы, потому что живет в угнетении; особливо, если приходит на помощь страх Божий – этот сильный наставник всякому добру. Сделай же теперь краткий обзор, сличи одно с другим, и назначь той и другой жизни правдивую цену; если не покажется тебе обидою то, что на ряду с тобою становятся бедные, дышать одним воздухом, носят одно имя, думают жить под одной кровлей, плыть на одном корабле. Ты завидуешь добродетельным, а я сожалею о порочных; потому что всего бедственнее быть порочным, хотя и благоуспешен путь текущих к гибельному концу. Ты презираешь нищих, как будто у них другой Бог; но я знаю одну тварь, знаю, что все явимся на один суд. А второе творенье – это добрая нравственность. Ты превозносишься удобствами жизни; а меня уцеломудривает страх. Тебя приводят в изнеможение трудности, а меня облегчает надежда; потому что ничего нет постоянного, но все утекает с продолженьем времени. Ночь полагает конец дню, а день – ночи. Радость сменяется скорбью, а бедствие оканчивается чем-нибудь приятным. А потому и не должно останавливать на сем вниманья, как на чем-то непременно. Ничто не кажется тебе страшным; ты не боишься и самых

великих пороков: потому что роскошная жизнь препятствует тебе судить здраво. А мне и малые проступки кажутся достойными слез; потому что грех есть отчуждение от Бога. Как же могу стерпеть, когда утрачиваю Бога? У тебя спокойный сон, удобно лежит ребро с ребром; для тебя приятные сновиденья, – повторения того же, что делалось днем; ты пьешь, играешь в зернь, принимаешь дары, шутишь, смеешься. А у меня большая часть жизни проходит без сна; потому что уснувшего будят труды. Если же и похищу несколько сна; то со слезами. Меня пугают виденья жестокой ночи: суд, Судья неподкупный, трепетное предстояние судилищу, с одной стороны река, клокощущая неугасимым огнем, с другой – червь, гложущий вечно, а по середине совесть – этот обвинитель, не нуждающийся в письменных уликах. И Бог тебе в Бога, когда только подает во всем успех: а для меня Он досточтим, хотя посылает и противное. Ибо борьба с несчастьями – для меня спасительное врачевство. Чем сильнее меня угнетают, тем более приближаюсь к Богу; страдания теснее соединяют меня с Богом; это для меня – преследующее воинство врагов, которое заставляет укрыться в стены. У тебя утешителями – дети, жена, друзья, и лишиться их – величайшее для тебя бедствие. А мне и в голод, и в холод, и в скорби, опора и отрада – Бог. Обижай меня, бей, укоряй в подлости рода и нищете, попирай, притесняй; ты не долго будешь наносить мне обиды, а я все терплю для Бога, и к Нему обращаю взоры, простираюсь мыслью в жизнь последующую, там упокоеваюсь, но не знаю ничего дольного, и таким образом удобно избавляюсь от всякой скорби. Что же еще сказать? Для тебя, как мне кажется, несносное будет не получить теперь одобрительного голоса. Кто привык всегда одерживать верх, тот не терпит, чтобы брали над ним верх другие. Но мне совершенно равно – и получить и не получить одобрение. Для меня достаточно Бога, хотя бы все прочее присвоит себе другой. Такая высота славы – моя величайшая победа.

Ж. М. А что, если падут иные и высокие?

Ж. Д. А что, если падут и со второй степени? Для тех и для других возможно и преуспевать, и падать. Одно равно другому.

Но я гораздо худшими почитаю тех, которые падают в превосходнейшей жизни. Столько не терплю пороков. В ком достойнее уважения превосходство, когда одерживает он верх, для того бедственнее падение, когда подвергается оному. Но прошу не ставить в вину самой жизни, если кто очень худ; ибо он уже враг этой жизни. Рассматривай и изведывай в отдельности нравы с одной стороны добрых, а с другой порочных, и нисколько не наклоняй весов ни в ту, ни в другую сторону, что было бы не справедливо; но пусть перевешивает, что само по себе имеет более веса. Тогда только узнаешь, какое различие между одною и другою жизнью. Но не сличай лучшего осла с худым конем, и превосходнейшего человека в жизни мирской с самым худым из моих. В таком случае, не спору, твои окажутся совершеннейшими. Но если высокого сравнишь с высоким, и худого с худым; то узнаешь, как велико мое превосходство. Заметь и то, что равно во всякое время есть у нас претыкающиеся, но есть также у нас и одерживающие победу. Говорить же, что одна ласточка не приносит прекрасной весны, и один седой волос старости. Итак, что скажешь? Даешь голос в мою пользу, или мне проститься с тобой?

С. Даю; и почему же не дать? Тогда разве подумаю предпочесть дольную жизнь твоей жизни, когда, потеряв ум, кого-нибудь из смертных сравню с Богом. Но пока не погублю ума, дотоле и этого не сделаю. Идите же. Впрочем лучше жить вам в мире, и между собою, и с великим Богом. И ты, жизнь мирская, должна уступать первенство жизни первенствующей; и ты, жизнь духовная, должна принимать жизнь второстепенную, как сестру. Если не имеешь первенства; ничто не препятствует тебе стоять на втором месте, что также не бесчестно. А чрез это жизнь наша делается безопасною.

К душе своей

Чего тебе хочется? Спрашиваю душу свою. Что для тебя важно и что маловажно из высоко ценимого смертными? Проси только чего-либо славного и охотно дам тебе. Хочешь ли иметь, что было у лидийца Гигеса, и царствовать с помощью перстня, обращая его печать; делаться невидимой, как скоро печать закрыта, и видимой, как скоро она открыта? Хочешь ли участи богато умершего Мидаса, у которого все обращалось в золото, и который, в наказание за неумеренное желание, терпел золотой голод? Хочешь ли прозрачных камней, тучных полей, множества стад, волов и верблюдов? Этого не дам тебе; и тебе получить это не полезно, и мне дать нелегко, потому что я оставил о сем попечение с тех пор, как пришел к Богу. Или ты хочешь престолов и начальства – этого кратковременного кичения, чтобы завтра же быть низринутой и смиренно смотреть в землю, между тем, как поднимет вверх голову другой, который был у тебя служителем, и даже, может быть, одним из негодных служителей? Не хочешь ли связать себя браком, предаться нецеломудренным и кратковременным восторгам? Не желаешь ли этой сладостной болезни – заботы о благочадии? Но если твое благочадие назову злочадием, что тогда скажешь? Не хочешь ли греметь словом и собирать вокруг себя зрителей? Или есть у тебя желание торговать законами, толковать их вопреки справедливости, влечь других и самой быть влекомой в незаконные судилища? Или хочешь потрясать копьем, дышать браннолюбием, домогаться венца за подвиги, испытывать свое мужество в борьбе со зверями? Или желательно тебе заслужить рукоплескание в городе и изваяния из меди? Хочешь ли уловить тень сновидений, мимолетный ветерок, шум стрелы, не оставляющей после себя следа, звук плещущей руки? Для человека умного важно ли то, что ныне есть и чего завтра не будет, чем пользуются и злые, что не сопровождает отходящих из этой жизни? Итак что же? Если не этого желаешь, то чего тебе хочется? Не хочешь ли стать богом – богом, т. е. светоносно служить всевышнему Богу и ликовать с ангелами?

Расширь же свои крыла, взвивайся в быстролетном парении, несись в высоту; я очищу тебе крыла, дам тебе такое учение, которое поднимет тебя вверх, вознесу тебя в эфир, как легкокрылую птицу.

Скажи и ты, негодная, зловонная плоть! Поскольку я – владычица сопряжена с тобой – пищеваром, то скажи: чего ты хочешь себе, чтобы удержать в себе дыхание? Я должна тебе немногим, хотя стараешься вынудить у меня многое. Хочешь ли иметь стол, благоухающий от мира и излишних поварских ухищрений, слышать восторгающие звуки музыкальных орудий и рукоплесканий, видеть пляски юных отроков, не свойственные мужам, и круженья дев, неблагочинно обнаженных, так как все это учреждают на пиршествах любители студодеяния, чтобы еще более разгорячить вино, омрачающее ум? Если этого хочешь ты от меня, то скорее получишь удавку. Я ненасытным друзьям предлагаю следующее! Пусть сокроет тебя какой-нибудь приют, или сам собой образовавшийся в каменной горе, или, если надобно тебе и потрудиться, дело нескольких часов. Одеждой пусть будет у тебя или верблюжий волос, по уставу праведников, или даже кожа – покров древней наготы. Для ложа бери, что случилось; а трава и древесные ветви да будут у тебя пурпуровой скатертью, неопасной для сопиршественников. И приятно благоухающая трапеза да предлагается у тебя без дальних приготовлений из тех безыскусственных даров, какие дружелюбная земля расточает всякому. А устроив твоё помещение, и накормим тебя охотно. Хочешь ты есть? Бери себе хлеб, если случится, даже и житный. А для варенья без меры даем тебе соль и дикий лук – не купленный овощ; другой лучшею приправой пусть будет голод. Хочешь ли ты пить? Перед тобой струится вода – всегда через край льющаяся чаша, питье, не производящее опьянения, наслаждение, заимствуемое не у виноградной лозы. А если хочешь и пороскошничать, то не пожалеем уксуса. Но тебе и этого будет недостаточно. Ты неутомимо и ненасытно хочешь черпать удовольствие дырявой бочкой. Ищи же себе другого попечителя; а у меня нет досужего времени лелеять своего домашнего врага, который бы уязвил меня, как окостеневшая от стужи и

потом в недрах моем отогретая змея. Ты хочешь огромных домов, позолоченных потолков, искусных произведений живописи и мозаики, едва не живых изображений, стен, блестящих разными и искусно подобранными цветами? Хочешь пышной одежды, к которой нельзя и притронуться, хочешь богатых перстней и этого убранства, смешного для тех, которые учатся целомудрию, а еще более смешного для меня, который знаю одну внутреннюю красоту?

Так говорю вам смертным, которые пресмыкаетесь, ищете одного скоропреходящего и ни на что больше не обращаете внимания! А живущим благородно и достойно этой доли, которая во мне от Бога и соединена с брэнной моею дебелистью (заметь величавость нищего), предложу вот какую пищу: «Богомудрый! пройди мимо пламенеющего меча, будь делателем божественных растений, цветших разумом, которых лишил меня враг, уловив сластолюбием. Приступи опять к древу вечно пребывающей жизни, а она, как нашел я, есть ведение всевышнего Бога, единого Трисиянного Света, к Которому стремится все». Так скажет сам себе всякий, если он мудр. А кто не захочет сказать, тот напрасно провел жизнь. О если бы еще только напрасно, а не в величайшем зле!

Мысли, написанные четверостишиями

Я – труд Григориев, и в духовных изречениях сохраняю четверостишный памятник мудрости.

1. Чему отдашь предпочтение – деятельной или созерцательной жизни? В созерцании могут упражняться совершенные, а в деятельности – многие. Правда, что то и другое и хорошо и вождено; но ты к чему способен, к тому и простирайся особенно.

2. Некто просил у меня решения на вопрос о чем-то духовном. Готов, отвечал я, если ты смыл с себя скверну. Но ты уже имеешь целомудренный ум. – Если смыл с себя прежнюю скверну; нужно и теперь очищение. В смрадный сосуд не кладут на сбережение благовонной масти.

3. Не всякому слову противься, не всякому и следуй; но знай, какому и когда противиться или следовать. Более будь привязан к Богу, чем стой за учение о Боге. Всякое слово можно оспаривать словом; но жизнь чем оспоришь?

4. Или вовсе не учи, или учи доброю жизнью. Иначе будешь одною рукою притягивать, а другою отталкивать. Меньше потребуется слов, если делаешь, что должно. Живописец больше учит своими картинами.

5. Особенно вам, служители алтаря, советую не быть оком, исполненным тьмы, чтобы не оказаться первыми в порочной жизни. Ибо если свет темен; чем будет самая тьма?

6. Безгласное дело лучше неисполнимого слова. Никто никогда не стал высоким без добрых дел, а многие прославились без красного слова. Благодать дается не тому, кто говорит, но тому, кто хорошо живет.

7. Наилучший дар Богу – добрые нравы. Хотя бы ты все принес Ему; однако не принесешь ничего достойного. Приноси то, что дает и бедный. Чистый не берет себе доли из цены блудницы.

8. Ничего не обещавай Богу, даже и малости; потому что все Божие, прежде нежели принято от тебя. И что еще скажу? Не отдав обещанного, ты крадешь это сам у себя. Какой же

необычайный примешь на себя долг? Да уверят тебя в этом Анания и Сапфира.

9. Настоящую жизнь почитай торжищем. Еслипустишься в торговлю; то останешься с прибылью: потому что за малое получишь в обмен великое и за скоропреходящее – вечное. А если пропустишь случай; другого времени для такого обмена уже не будет.

10. Тебе предлежит длинный путь, но еще большая награда. Представляя себе вдруг весь труд, не откажись от всего. И море переплывешь не все вдруг. А и это нередко бывает искушением неприяженного.

11. Не слишком себя обнадеживай и не вовсе теряя надежду. Одно ослабляет, другое низлагает. В чем-нибудь преуспевай, другого держись сколько ни есть, а к иному не будь завистлив; недовершенное не сделает бесполезным труд совершенного тобою пути.

12. Не берись за все горячо, но держись того, что избрал. Лучше прибавлять доброго, нежели убавлять у него что-нибудь. Не тех называем худыми, которые стоят низко, но тех, которые, поднявшись высоко, низко падают.

13. И от малой искры возгорается великий пламень; и семя ехидны бывало нередко пагубным. Видя сие, уклоняйся и того, что производит малый вред. Теперь вред невелик, но со временем сделается он большим.

14. Разбирай больше сам себя, нежели дела ближних: одно доставляет пользу тебе, другое – ближним. Лучше вести счет делам своим, нежели деньгам; последние текут, а первые постоянны.

15. Пусть непрестанно трудится твой ум, напечатлевая в себе божественные мысли и глаголы жизни. А на язык будь скуп; потому что он весьма способен делать вред, и чем скорее двинется, тем меньше приносит пользы.

16. Меня обольщало зрение, однако же я удержался, не поставил в себе кумира греху. И кумир был поставлен; но мы избежали искушения. Все это степени борения с неприяженным врагом.

17. Залепляй воском уши от гнилого слова и от неблагоприличных извитий усладительного пения, но отвержай слух для всего доброго и прекрасного. Между словом, слышанием и делом расстояния невелики.

18. Не обольщайся чрез меру приятностями запахов, мягкостью осязания и вкусом. Уступив им над собою верх, произведешь ли что мужественное? Различны между собою услаждения, приличные женам и мужам.

19 Чрево говорит: дай. Охотно дам, если, получив просимое, сохранишь целомудрие. А если жертвуешь сим долънему; то получи от меня грязь, да и ту не в избытке. Когда же сделаешься воздержным; тогда дам и в избытке.

20. Для людей здравомыслящих достоин смеха как вообще всякий смех, так еще более смех блуднический. Неумеренный смех бывает и до слез. Лучше быть угрюмым, нежели рассеянным.

21. Красотою почитай благолепие души; не то, что могут написать руки, а время разрушить, но то, что усматривается взором целомудренного ума. А подобно сему и безобразием признавай душевную гнусность.

22. Тебе предстоят скорби, удовольствия, надежды, опасения, богатство, нищета, слава, бесславие, престолы; пусть течет все это, как хочет. До человека, утвердившегося на добром основании, не касается ничто непостоянное.

23. Возвышайся более жизнью, нежели мыслию. Жизнь может сделать тебя богоподобным, а мысль доведет до великого падения. И жизнь устрой не по малой мерке. Как бы ни высоко взошел ты, все будешь еще стоять ниже заповеди.

24. Не за всякою славою гонись и гонись не слишком; лучше быть, нежели считаться добрым. А если не можешь себя умерить; лови славу, но не суетную и не новую. Что пользы обезьяне, если примут ее за льва?

25. Хвали другого, но не думай высоко о себе, когда тебя хвалят; ибо опасно, чтобы не оказаться тебе ниже похвал. И другого хвали не торопясь, но прежде дознай опытно, чтобы не понести тебе стыда, когда окажется он худым.

26. Лучше о себе слышать худое, нежели говорить худо о другом. Ежели кто, желая позабавить тебя, выставляет ближнего на посмешище; то воображай себе, что предметом смеха служишь ты сам; в таком случае слова его всего более огорчат тебя.

27. Не хвались добрым плаванием, пока корабль твой не привязан к берегу. У многих счастливо плывшая ладья разбивалась у пристани. Многих уносил девятый вал. Одно безопасно – не слагать вины на счастье.

28. Тому лучше возыметь некоторое дерзновение пред Владыкою, кто живет хорошо и потрудился, нежели тому вызывать Его на суд, кто не отличается добрыми делами, хотя и все у него идет с рассуждением.

29. Откажись от всего и стяжи единого Бога, потому что ты раздаятель чужого имущества. А если не хочешь оставить все, то отдай большую часть. Если же и того не хочешь; по крайней мере, излишки употребляй благочестно.

30. Хорошо уберечь что-нибудь от моли и от зависти. Лучше иметь должником Христа, нежели всем обладать. Христос за один кусок хлеба дарует Царство; а питая нищего, ты питаешь и одеваешь Христа.

31. Приходил нищий и ушел, ничего не получив. Боюсь, Христе, чтобы и мне, который имею нужду в Твоей помощи, по моим же законам, не отойти от Тебя, ничего не получившим. Ибо кто не дал, тот и получить не надейся.

32. Всего безопаснее человек неимущий. Он обращен к Богу и на Него одного взирает. Укрой же его в своих объятиях. И мощный орел, как говорят, согревает в гнезде своем мелкую птицу.

33. Нищета лучше несправедливого приобретения, равно как и болезнь лучше худого здоровья. Человек не вдруг умирает с голода; но для порочных худая жизнь есть смерть.

34. Что значат слова «господин» и «слуга»? Какое дурное деление! У всех один Творец, для всех один закон, один суд. Принимая услугу, смотри на служащего, как на сослуживца; и сподобишься большей чести, когда разрешишься от тела.

35. Что же должны делать рабы, особливо рабы Божий? Да не отказываются они угождать господам. И в свободные, и в рабы вписывает жизнь. Христос пришел в образе раба, но Он освободил нас.

36. Стыдись наименования порочным, а не низким по происхождению. Знатность рода есть давнишняя гнилость. Лучше начать, нежели заключить собою род, равно как лучше самому быть пригожим, нежели родиться от пригожих.

37. В рассуждении одного Бога и божественного не знай меры в насыщении. Бог еще в большей мере дарует Себя тем, которые приемлют Его, Он Сам жаждет жаждущих Его, непрестанно и преизобильно источая Себя им. А если кто богаче тебя в другом чем, терпи сие равнодушно.

38. Не заботься во всем и всегда одерживать верх. Лучше уступить над собою победу с пользою, нежели победить со вредом. И у борцов почитается побежденным не всегда тот, кто лежит внизу, но часто и тот, кто остается вверху.

39. В ином понеси и ущерб: это часто бывает выгодно; как и растение подрезывают, чтобы больше принесло плодов. А если к тому, что имеешь теперь, присовокупишь что-нибудь недобрым способом; будет значить, что подкладываешь огонь под дрова, или здоровому телу сообщаемь болезнь.

40. Если ты ни в чем не виновен пред Богом и ни чем не заслужил наказания; то не имей сострадания и к тем, которые виновны пред тобою. А если сознаешь себя виновным пред Богом; то оказывай снисходительность и сам; потому что у Бога милость взвешивается милостью.

41. Как скоро обида разжигает твое сердце; вспомни о Христе и о Его язвах, рассуди, что претерпеваемое тобою весьма маловажно в сравнении со страданиями Владыки: и, как водою, угасишь свою скорбь.

42. Плотская любовь, пьянство, ревность и бес – равны между собою. К кому пришли они, у того погублен ум. Умерщвление плоти, молитва, слезы – вот целебные пособия! Это составляет врачевство и для моих недугов.

43. Избегай всякой клятвы. Но чем же уверить других? – Словом и жизнью, удостоверяющею в слове. Ложная клятва

есть отречение от Бога. К чему тебе призывать в посредники Бога? Сделай, чтобы посредником твоим были твои добрые нравы.

44. Что короче сего повеления о милости: таков будь к друзьям и ближним, какими желаешь иметь их к себе? Но есть другое и сего короче – это Христовы страдания.

45. Ничего не жалея для верного друга, который показал себя не за чашей, но в бурное время, который ничего не делает тебе в угождение, кроме полезного. Знай пределы вражде, а не благорасположению.

46. Глаз другое видит, а себя не видит; даже и другого не видит, если очень слеп. Посему надобно во всяком деле иметь советника. И руке нужна рука, и ноге – нога.

47. Ежели следуешь советам добродетельных; то не стыдись, когда станут осмеивать тебя порочные. А как скоро приходит тебе на мысль что-нибудь гнусное, представь, что многие на тебя смотрят, и устыдись сам себя.

48. Доброго всегда предпочитай недоброму. Обращаясь с порочными, и сам непременно сделаешься порочным. От худого человека никогда не принимай милости; потому что он старается чрез это найти у тебя извинение своим делам.

49. Хочу, чтобы попользовались чем-нибудь и от неприязненного. Ибо тому, кто избежал его нападений, советую вперед быть осторожнее. И горького лекарства боюсь, и сладкого не одобряю.

50. Награждай добрых, презирай злых. Но и последним оказывай одну милость, нимало не оскорбляйся их поступками, чтобы великодушием и их со временем сделать добрыми. Прекрасный дар – милость.

51. Будь милостив ко всем, если это возможно; а еще милостивее – к ближним. Для чего говорю сие? – Кто поверит, что ты добр к чужим, если несправедлив к тем, кому одолжен?

52. Для чего слагаем во всем вину на бедного врага, когда сами своею жизнью даем ему над собою власть? Укоряя себя самого во всем или в большей части проступков. Огонь зажигаем мы сами, а злой дух раздувает пламень.

53. Не слишком поддавайся игривым снам. Они не должны как пугать всем твой ум, так окрылять его неприятными мечтами. Все это бывает часто сетью неприязненного врага.

54. Всякому правому намерению пусть предшествует надежда. Она помогает иногда и в худом; и потому не справедливо ли, чтобы еще более содействовала в добре? Несносно для меня, что преодолеваюсь злым.

55. Верь, что благоразумие надежнее счастья. Одно есть быстрое течение обстоятельств, а другое – кормило. Ничего не предпочитай учености; она одна составляет собственность приобретших ее.

56. Если хочешь быть богом; показывай свою деятельность не в том, чтобы делать зло, но в том, чтобы делать добро. Последнее свойственно человеку, который знает, что ему сродно. А убить без труда могут и тригон (рыба) и скорпион.

57. Стыдно юноше быть немощее старца, а старцу – безрассуднее юноши. Впрочем, будь мудр хотя по летам; а совершеннейшие бывают целомудренны и не по летам.

58. Непрестанно устраивай свое спасение, особливо же, когда приближается конец жизни. Наступила старость – эта провозвестница, которая извещает об исходе. Всякий готовься; потому что близок суд.

59. Конец слова: отречение от Бога бывает двоякое: одно – словом, другое – делом. Смотри, чтобы не уловил тебя враг; он непрестанно угрожает тебе тайными падениями. Бойся, чтобы не сделалось для тебя нужным конечное очищение.

Мысли, написанные одностишиями

Бога имей началом и концом всякого дела.
Самая лучшая польза от жизни – умирать ежедневно.
Старайся узнавать все поступки добродетельных.
Тяжело жить в бедности, но еще хуже разбогатеть несправедливо.
Делая благотворения, думай, что подражаешь Богу.
Милости Божией ищи себе милостями к ближним.
Владей плотью и смирять ее как можно лучше.
Обуздывай гнев, чтобы не выступать из ума.
Удерживай око, и язык пусть знает меру.
Уши пусть будут замкнуты ключом и да не любодействует смех.
Светильником всей своей жизни признавай разум.
Смотри, чтобы из-за видимости не ускользнула у тебя действительность.
Все разумеешь, но делай, что позволительно делать.
Знай, что сам ты странник, и уважай странников.
Во время благополучного плавания наипаче помни о буре.
Что дается от Бога, все то должно принимать с благодарением.
Лучше наказание от праведника, нежели честь от порочного.
При дверях у мудрых стой неотступно, а у богатых не стой никогда.
Маловажное не маловажно, когда производит великое.
Обуздывай наглость, и будешь великий мудрец.
Береги сам себя, а над падением другого не смейся.
Приятно возбуждать к себе зависть, но весьма постыдно самому завидовать.
В жертву Богу преимущественно пред всем прочим приноси душу.
О, если бы кто соблюл сие! он спасется.

На человека высокого родом и худого по нравственности

1. Некий человек, крайне худой, но происшедший от добрых родителей, хвалился своими предками перед другим, который не знатен был родом, но внушал удивление делами. Этот, с большой приятностью улыбнувшись, дал следующий замечательный ответ: «Мне укоризна – род, а ты – укоризна роду».

Соблюдай это в памяти, и ничего иного не будешь предпочитать добродетели. Если кто укорит тебя за то, что ты дурен лицом или что имеешь неприятный запах; ужели скажешь на сие: у меня отец был пригож или всегда умащался благовониями? Если кто назовет тебя трусом и не имеющим мужества; неужели возразишь: у меня предки приобретали много победных венцов в Олимпии? Подобным образом, если уличают тебя в том, что ты порочен и неразумен; не говори мне о своих родителях и не указывай на мертвых. У иного гусли позолочены, а он играет на них нестройно; другой же берет какие ни попадутся ему гусли и играет на них благозвучную песнь. Кого же из них, дорогой мой, признаешь ты гуслистом? Конечно, того, кто в искусственных своих бряцаниях соблюдает гармонию? Но ты родился, говоришь, от золотых родителей, а сам нехорош. Ужели же поэтому думаешь о себе высоко? И знаменитость рода находишь в этом одном – в давних мертвецах, в рассказах старух? Верно ты шутишь! Я смотрю на тебя одного: добродетелен ли или порочен ты? А что до происхождения, все мы – то же брение, у всех одинаковая кожа, хотя кичимся и превозносимся богатством, славой, величием отечества, как будто отец и род придают мне что-то лишнее. Меня не восхищают ни сказки, ни гробы; но смотрю на тебя одного, добрый мой. Все мы одна плоть; все мы происходим от одного Творца. Не природой, а насилием разделены смертные на два разряда. По-моему, тот и раб, кто негоден, тот и свободен, кто совершен. А если в тебе есть гордость; какое тут отношение к роду? По отцу ли славен ишак, и укоришь ли его за

то, что произошел от осла? Нимало. Но какая слава и ослам от ишаков? Орлы рожают и кидают своих птенцов. Для чего же ты, умалчивая о себе, говоришь мне о своих предках? Лучше быть добродетельным, исходя от худого рода, нежели благородному быть человеком самым порочным. И роза выросла на грубом растении, хотя она и роза. Если же ты на нежной земле пошел терном, то годишься только в огонь. Как же, будучи порочным, столько величаешься предками? Ты – ходящий в колесе осел, а думаешь носить голову наравне с конем.

2. Если бы привел я к тебе обезьяну, постаравшись нарядить ее львом; пришел ли бы ты в страх при виде ее? Как это возможно? А что, не смешнее ли еще был бы для тебя ворон, эта самая некрасивая из птиц, если бы он, окрасившись чем-нибудь белым, стал представлять из себя лебедя? Для меня он очень смешон. А если человек низкий по нравам величается благородством, уважать ли мне его? Как ни блистателен лик, написанный на картине, я не предпочту его живому человеку. Пусть напишут себя другие; для меня нравы заменяют род. Да и подлинно, что с вами сделалось, смертные люди? Нет коня, который бы не родился конем; нет птицы, которая бы не летала на крыльях. Смотря на быка, кто скажет, что это дельфин? Каждая вещь за то и признается, что она есть в действительности. Но вот два забавных явления на поприще нашей жизни – живая тварь, пресмыкающаяся по земле, превозносится до звезд, и грамота делает худонравного благородным! Какого покупаешь себе коня, доброго ли и скорого или ни к чему негодного, а только известного породой? Конечно, доброго. Не проворных ли выбираешь и псов? Да. Что ж? Не то же ли наблюдаешь и во всем? Конечно, то же. А себя, когда ты всех порочнее, называешь благородным? Напрасно так шутишь. Пусть отвес покажет твою прямизну, тогда поверю. Ты укоряешь меня низостью рода, хотя я человек свободный. Я смеюсь над твоим недугом, если ты, будучи всех порочнее, думаешь знатностью рода прикрыть свою худую нравственность. Тех, от кого приходишь, признали благородными, может быть, за богатство, а не за нравы. А ты присовокупи и добрую

нравственность. Что тебе за польза происходить от знатного рода и быть человеком самым порочным? Кто благороден по отцу, а низок по нравам, того почитаю для добрых дел смердящим мертвецом. Одно благородство – иметь добрые нравы.

На богатолюбцев

Увы! увy! Каких зол исполнены злые! Но они бедные и не знают даже этого, не знают, чтобы к своему спасенью воспользоваться чем-нибудь, или словом каким, или советником, или памятованием о Боге; а все это – врачевства для недужных. Но вот жалкая болезнь! Они почитают себя совершенно здоровыми. Так помешанные в уме и исступленные самое расстройство ума признают его крепостью, и без крыльев летают, без волов пашут землю, не имея вблизи себя воинской дружины подают другим помощь, не пlying плавают, одни без противника вступают в борьбу, обогащаются, царствуют, выигрывают тяжбы; и все это – дело болезни. А посоветуй что-нибудь, скорее сам потерпишь зло, нежели убедишь словом, чтоб попользовались каким-нибудь врачевством от недуга. Ибо кто станет лечиться и искать спасенья, когда уверен, что он не болен, но здоров? Больному свойственно заботиться о врачевании, но больному не до крайности. А кто праведника почитает больным, тот примет ли его советником в страдании?

Ты богат и употребляешь все меры, чтоб никто не был тебе соседом. Хочется тебе завладеть полем; но оно принадлежит ближнему, а не тебе, – и это беда! Надобно, чтоб на тебя одного все смотрели. Если телу твоему нанесен удар, это ужасно. Что ни есть у ближнего, все – гвоздь тебе в глазу. И хорошо, если бы это было так действительно! Тогда, может быть, перестал бы ты пожирать непрестанно все больше и больше, как пламень, как горный поток, как заразительная болезнь, не останавливаемая никакою преградой. По моему мнению, тебе нет никакой пользы в том, что имеешь уже у себя, пока не будет приобретено тобою что-нибудь из желаемого. На помощь рукам готова у тебя и клевета. Понес я потерю? – Ты мой заимодавец, а вскоре потом и мой истязатель. Грозят пытки, оковы; бедному жаль своего тела; все отдает, только бы избавиться, и нехотя щедр на все что ни есть у него. Что ж, разве не обязан ты отчетностью по службе в городе, или на корабле? Еще не друг ли ты морскому разбойнику? И называют тебя по имени, какого, не бывало на

свете только бы устранив попользоваться от тебя чем-нибудь. Да и вол твой сделал когда-то обиду моим волам. – Что ж это за обида? скажи мне. – Вол такого бедняка, а мычал громче, и еще как будто вызывал на драку, или уже и одолел. И тень от твоих деревьев, падая на мои деревья, причиняет им вред. И мальчик твой ходил по моему полю. Терпи, или представлены будут на это свидетели; и тогда пропали у тебя и вол, и мальчик, и сад. Это – открытое насилие. А если злой человек по случаю и умен; то его выдумка еще правдоподобнее. Приняв на себя вид заступника других, не допускает сделать какое-нибудь зло, но покровительствует людям, чтоб поработить их, и потом пожирает, как лев, который, отогнав зверей от бедного животного, не оказывает ему милости, но сам прибираете к себе как легкую добычу.

Для чего изнурять себя? Простое дело – довольствоваться тем, что имеешь. А при неумеренном приобретении велик и труд: ссоры, тяжбы, обманы, ложные клятвы, кроме же всего прочего заботы, как мгла, всегда приносят им что-нибудь чуждое. Если ты, сидя за столом с людьми, которые не ниже тебя чином, не наблюдаешь меры и огорчаешь тем, что полными горстями хватаешь всего; то не похвалят тебя. То же надобно сказать и о приобретении; потому что жадность везде отвратительна. Но не так представляется тебе, у которого разум подавлен. Одним уже владеешь, другого желаешь, третьего надеешься; а для иного есть у тебя сводчики и подговорщики вроде тех, которые услуживают растлителям плоти. Ты чишь золото; снесь моли – одежды похоронены у тебя в сундуках; всегда окружен ты скупщиками хлеба, торгуешь самым безвременьем. Одни плачут, другие питаются надеждой; потому что надежда есть легкая греза наяву. А ты на одни житницы кладешь печать, а другие предусмотрительно открываешь, соображаясь, как думаю, с течением обстоятельств. Увы! увy! Ты берешь подать с несчастья бедных, собираешь плоды с чужого невзгодья; затруднительное положение других для тебя своего рода жатва.

Кто же ты, отваживающийся на такие дела? Почему так наступаешь? И на что надеешься? Может быть, настоящая ночь

застигнет тебя уже мертвым, похитив из среды всего тобою вожделеваемого. Как это ужасно! Другие все, и тело, и имущество приносят в дар Богу, от Которого все; а ты всего домогаешься, все тебе надобно иметь. Что же приобретаешь? Какие страшные сокровища? У тебя на столе груды снедей; это отрада узкой гортани, о которой все твои заботы; у тебя надмение чрева, болезнь пресыщенья; ибо таковы плоды неумеренности в пище; у тебя огромные дома, в которых большая часть стоит пустою, с золотыми потолками, и блещущие картинами; у тебя слуги, наряженные на подобие женщин; у тебя тенистые и прохладные убежища; у тебя пьянство, лжи поющих, дружные рукоплесканья, при которых растлевается красота образа Божья. Ты надмеваешься своим блеском, перед всеми в городе высоко носишь свою голову, хвастаешься высотой своего чина; а чины – это борьба зависти и самовластья. Ибо никто не позволяет другому думать о себе высоко, но сам себя ставит выше всех, и заносится пред другими больше, чем у змеи один ряд чешуи надвинуть на другой. Но пусть так! Что же еще у тебя драгоценного? Роскошь женщин в убранстве дорогими камнями и золотом, которые то сплочены вместе, то блестят отдельно; цепи на руках и ногах – это приятное бремя, не для доброй цели помогающее красоте, которая домогается того, чтоб нравиться многим мужчинам.

Что же еще? Может быть, хочешь оставить детей богатыми и владетелями приобретенного отцовою наглостью. Это значило бы еще что-нибудь если бы сбылись твои надежды. А теперь никто не знает, где сотлеет твой прах, и до чего прострется вред приобретения. Ты трудишься, и по долгу, может быть, не спишь, и ночи наравне с днями проходят у тебя в заботах; от того больше имеешь горестей, нежели наслаждений; берешь грабительски рост, из одного роста выращиваешь другой, и сколько с чего взять, высчитано у тебя по пальцам. Но это сберегается не для тебя, и не для кого ты надеешься, а достанется кому-нибудь, может быть, человеку для тебя стороннему, и то еще хорошо! Случится, что достанется и твоему неприятелю, – одному из тех, которые худо говорят о тебе и о твоём добре, которых ты не удостаивал даже своим

кусом. Может быть, один из потерпевших от тебя зло, тот, кто тебя и дом твой со слезами и воплем орошал соленым питьем, будет питаться чужими трудами, как жирный и по верхам смотрящий петух, не одобряя многого в том, что теперь изображаешь на стенах дома, а с наследником твоим, если и встретится, не разломить и хлеба. Так суетны мечты человеческие! Для этого, если можешь что выдумать, присовокупляй к приобретенному, мучь себя, делай насилья, не оставляй без испытанья никаких худых мер, обыщи глубины земли и моря стриги, как говорится, и с мертвых волосы, «пожри мрежи» (Авв. 1, 16), поклоняйся руке своей, которая столько собрала тебе золота, для прибыли, ни во что поставь все, и врагов, и друзей, и родных, и благодетелей.

Это ничем не разнится от морского отлива, или от Харибды, поглощающей пловцов. Еще немного, и богатство будет изbleвано, потечет, как излишнее бремя из пресыщенного чрева. Еще немного подождать, и наступит суд, или еще здесь, что гораздо лучше, или если не здесь, то в будущей жизни. Прекрасная нищета предпочтительнее худо приобретенного богатства. Лучше быть смиренным, нежели надменным и болезнь почитать здоровьем.

Надобно бы, чтоб все у тебя, как рассказывают о Мидасе, обращалось в золото, чтоб и тебе потерпеть одинокую с Мидасом участь, и за худое желанье справедливо мучиться голодом. Между породами ехидн, какие водятся в египетской пустыне, есть так называемая дипсада. Каково ее угрызение, показывает самое наименование. Оно дано гаду по той неутомимой жажде, какою страдая умирает угрызенный. Кому сообщился этот яд, тот, встретит реку, с отверстым ртом весь погружается в нее, и пьет, пока не расторгнется его внутренность от принятого внутрь бремени, и только вместе с жизнью прекращается жажда. Не знаю, слышал ли ты, любезный, что некогда небо дождило хлеб народу, когда шел он по пустыне, в которой, как и естественно, не было средств к пропитанию? Этот дар, как Божий, подаваем был щедро и неоскудеваемо. Но неумеренных постигло и наказание; всякий излишек тотчас делается смрадным, а мерою служила

потребность дара. Справедливо было бы, чтоб то же самое случалось всегда со всяким несправедливым человеком, то есть, чтоб он, или расседлся от сильного своего желанья, или вместе с своим несправедливым приобретеньем делался смердящим. Это одно, можете быть, остановило бы таких людей!

Что же? Почему не пустишь в прибыльный обороте и собственного своего тела? Почему не изберешь жизни начальника разбойников, не подламываешь стен, не тревожишь гробов, если у тебя одна забота – разбогатеть, а как и откуда, о том вовсе нет слова? Есть мера красоте, есть и зрению, и бегу, и силе, и пенью, и пляске, и речам: все что дело труда, а не хищничества. А приобретению нет никакой меры. Но чужой овладевает имуществом трудившегося, и приобретающего честно, или законно получившего отеческое наследство, овладевает тот, в ком немного остается дыханья жизни, кто, может быть, не успеть и узнать всего, что поступило в его собственность.

Не отдать ли тебе одному целую землю? Но если отдадим это, не останется ли еще чего? Что будешь ты делать? Не употребишь ли усилий пробрести и то? Непрестанно будешь трудиться; потому что ты нищий, пока не получишь остального? Но ты на чем-нибудь остановишься! Подумай же об этом теперь. Можешь пользоваться своею собственностью; а если не знаешь меры, то знай, что подливаешь яд во все, что ни имеешь теперь у себя. Все, что приходит к тебе несправедливо, – огонь для тебя; оно губит с собою и то, к чему присовокуплено. Как не утоляет жажды морская вода, и любви – продолжительное зренье на любимый предмет, напротив того любовь воспламеняется вдвое: так для ненасытных приобретаемое ими делается отравой, которая непрестанно возбуждает в них пожеланье еще большего.

Любителям спокойной жизни, или и бедным дал бы я совет – пожертвовать чем-нибудь людям злонравным, как зверям бросают пищу, или как бесам суеверные люди делают возлиянья, если бы только таким средством можно было пробрести спокойствие, и стало наконец возможным иметь у

себя нечто даже бедным, которые непрестанно трепещут и одной тени злых людей. Но теперь исключая одних злых, от всего знаю врачевство, например: от голода – пищу, от невоздержанья – скудость, от водяной болезни – выпуск воды, от чужого глаза – тьму, от слез – рассудительность или друга, от скорби – время; и пловцам в затруднении спасительны показавшиеся на берегу огонь или пристань, и утомившемуся – умщение членов. Но для порочных нее другого врачевства, кроме Божия суда и ран. Но и того не чувствуют злочестивые, в пресыщении презирают они и суд. Содейственник их покрываете им умы мраком, а хребет – медью, чтобы, подобно железной наковальне, не умягчался и среди бедствий.

Они тотчас прибегают к примерам. Что сие значит, Христе мой? Для чего Ты людям порочным даешь видеть преткновения добродетельных, чтоб в них находили они убежище своему злонравию? На доброе дело, хотя оно и велико, никто не обращает вниманья; а худое дело, как оно ни мало, для людей безрассудных и злонравных делается какою-то вывескою. Для добрых дел они – железо, а для худых – воск, и легко отпечатлевают на себе все худое. Я не целомудрен, говорит порочный. Что ж, разве не найдутся мне подобные? И увы! Он наименует кого-нибудь из мудрых. Я убийца? Что ж, разве и в этом не найдутся мне подобные и из древних, и из новых? Я обогащаюсь несправедливо? А иной захватывает во власть свою целые народы и города. Кто же не знает, сколько хуже клятвы отречение? И потому выставляет на вид чье-нибудь отречение, чтоб прикрыть тем свои меньшие раны.

На это хочу сказать тебе одну баснь (если только и среди бедствий можно шутить), баснь очень приличную твоим лжеумствованиям. Смеялся некто над совою. И сова от каждой насмешки увертывалась ловким ответом. Какая у тебя голова! говорили ей. А какова у Дия? отвечала она. – Какие светлые глаза! – Точно как у светлоокой. – Голос не благозвучен! – А у сороки еще не благозвучнее. – И ноги тонки! – А каковы тебе кажутся у скворца? – Но без труда отразив все это, как ни была умна сова, уступает в одном. Ей говорят: ты такая умная, посуди же: у каждого есть что-нибудь одно; а у тебя все вместе,

и все через меру, и глаза светлы, и голос груб, и ноги тонки, и голова велика. И дорогая сова, выслушав это, пошла со стыдом.

А от тебя не дождешься и сего, напротив того птица в басне гораздо умнее тебя. Все есть в одном; – в том и беда твоя. Раз или два увлечься и пасть, и притом в чем-нибудь неважном, – это еще извинительно. Уступим нечто и омрачению плоти. Ни в чем не претываться свойственно единому Богу. Но падать намеренно, хвалиться худым делом, падать многократно, падать в пороки важные, и не стыдиться сего, но смяться над этим, не хотеть уцеломудриться и наказаниями, какими вразумляются люди самые жалкие, но с открытой головою кидаются в опасность, – это самая ужасная и злокачественная болезнь. Рассмотрю свои дела, рассмотрю и то, что тебе предписано делать и не делать. А в тех делах обрати внимание на время и на то, чему они служат образом. Тогда вера едва начиналась; люди, как младенцы, имели нужду в поддержке и в нежной пище; потому и падающие находили себе извиненье. Но тебе не простительно падать; потому что ты принял совершенное слово, и Христос много пострадал за твои грехи. Напротив того, тебя за прежние грехопаденья ожидает казнь. Что говорю: за прежние? И за те, в которые ввергаешься ныне.

Не упоминаю еще о тамошних надеждах; правосудие находит многое, чем наказать и здесь. У тебя есть дом, жена, дети, есть еще что-нибудь особенно любезное (ибо при всем своем самолюбии привязан ты к этому), а также самое именье, роскошь, свобода, и в заключение всего собственное тело твое, а посему, имея у себя это, то есть, такое бремя жизни, плыви осторожно.

„Но что же? Разве и у тебя нет болезней и бедствий? Не скудна ли и не бездомовна ли и твоя жизнь?» Опять ты хватаешься за чужие бедствия. Что тебе до этого? Это мои несчастья; потому что сам ты называешь их несчастьями. Ужели ты, страдая, менее чувствуешь болезнь, если страдает в одно с тобою время и ближний? Но послушай еще: у нас с тобою и страданья неравны. Из этого иное сам я избрал для себя, а не поневоле стражду. Добровольно хочу быть нищим и скитальцем,

чтоб освободиться от уз и не на земле иметь свое постоянное жилище. Для тебя все это дорого, а для меня напротив. Не ставь же льву в образец долгохвостую обезьяну. Ты считаешь это бедствием? Оно и действительно для тебя бедствие. а для меня, хотя и болезненно, потому что и я, как человек (не отрекусь от этого), имею перстный состав, ношу в себе следы древа и доставленного им удовольствия, однако же я переношу это, и даже терплю с любовью. Мое страдание лучше твоей крепости. Посмотрим еще на сие и так. Оба мы терпим зло. Но твое страдание есть наказание за твое злонравье. Твой обвинитель – твоя нравственность, это горькое, внутреннее и ясное доказательство. А для меня бедствие есть некоторое очищение даже и от случайного очернения. Не говорю еще о том, что огорчительное бывает иногда испытанием и борьбою, в которой за победу можно получить венец.

Как выслушаешь это? Как воспользуешься моими словами? Ни один человек, если он в здравом уме, не обманывает врача; иначе болезнь неприметно погубит его. И то и другое – недуг, и презреть Бога, и подавленному бременем пороков потерять надежду на милость. Но прими мое слово, и не подвергнешься ни которому из сих недугов. И презрение, и отчаяние в надежде – равно худы. Бог – Судья, но и Отец. Ты боишься Его, как судьи, но смело надейся на Него, как на милосердного. Открой свою болезнь, проси спасенья, пролей слезы на раны свои. Подавай и нищим, прекрасным твоим заступникам; они богато отдают нас тем именно, в чем имеем мы нужду, то есть, Божьим милосердьем и упованьем на Бога. Но если подаешь им, то подавай из своего, а чужим не покрывай ни Святой трапезы, ни нищего. Нищий есть творенье Божьей руки, а потому не должен быть презираем; и Святая трапеза – досточтима. Не обманывай Бога, как недальновидного Судью, чтоб Он еще больше на тебя не прогневался. Ты учишь красть искоренителя кражи.

Если убедительно это для тебя; тем лучше. А если не убедительно, то перестань, по крайней мере, хотя уже и поздно, делать насилья. Во всем, и в добром и в худом, есть своя

сытость. Я похваляю в тебе и это; потому что для порочного весьма важно – остановиться в пороке.

Примешь ли это или не примешь; но напомню тебе гроб. Это – предел всех худых дел; и у тебя будет такой же конец, как и у всякого, хотя пройдешь за Иракловы столпы, или за каспийские ворота, присвоив себе достоянье и ближних, и соседей. И твою могилу, как думаю, раскопает кто-нибудь подобный тебе нравом, с твоей походки перенявши ходить криво, еще худший ученик такого мудрого учителя.

Помни также неотвратимый и грозный день, за которым и мрак, и пламень, и тартар – эти истязанья здешних худых дел для отыскания в нас образа Божья, который завален сетями змея и хитреца, обольщающего нас зловредным сластолюбием.

А я домогаюсь, как мне избежать бедствия, на каких спастись крыльях, в каких глубинах земли и моря, или какими ухищрениями, и в каком конце вселенной, каким обложить себя мраком, или облаком вместо покрова, какими молитвами умиловить Бога? Везде для меня три эти бедствия – и время, и место, и удобный случай ко греху. Поставлю перед собою Божий закон. Какой же именно? Переходите из города в городе; ибо предадутся некоторые бегству, – говорил Апостолам, когда гоним был, Вседержитель Бог. Обойду все города до последнего огнища, избегая жестокого нападения лукавых. А там и не желающих постигнет казнь. В горних обителях не будут они беспокоить, и не изринут оттуда нищих, как делают ныне, а разве сами, в прохлаждение пламени, попросят нескольких капель сожаленья. Да убедят тебя в этом богатый и Лазарь, из которых один наказан единственно за то, что вел роскошную жизнь, когда другой страдал и от недостатка пищи и от ран, потому что богач, подобно тебе, отгонял от себя Лазаря; а другой почтен, потому что претерпел все сие.

Конец слову; но выслушай его с трепетом. Многое именуется грехом и действительно грех; но идолослужителем (а это есть самый тяжкий грех в мире) называется тот, кто ничего не знает и не ставит выше денег (Ефес. 5, 5), потому что и идолослужению, по болезни своей, всего скорее подвергнется он, если наступит время – получить чрез это прибыль, или

потому что кланяется богатству – этой Хамосовой мерзости. Итак, отринем, отринем идольские кумиры, и будем чтить единого Бога, Которого знаем.

На женщин, которые любят наряды

Не стройте, женщины, на головах у себя башен из накладных волос, неставляйте напоказ нежной шеи; не покрывайте Божия лика гнусными красками, и вместо лица не носите личины. Женщине не прилично показывать мужчинам открытую голову, хотя бы золото вплетено было в кудри, или несвязанные волосы, как у скачущей менады, развевались туда и сюда нескромными ветерками. Ей неприлично носить наверху гребень, наподобие шлема, или видную издали мужчинам и блестящую башню. Не прилично и то, чтобы сквозь тонкий лен просвечивали твои волосы, вместе покрытые и открытые, и сияя как золото, где сбежало покрывало, выказывали мастерство твоей трудившейся руки, когда, поставив перед собою слепого наставника – бездушное изображение своего лица, с его помощью писала ты свою красоту.

Если природа дала вам красоту, не закрывайте ее притираниями, но чистую храните для одних своих супругов, и не обращайтесь к постороннему жадных очей; потому что вслед за очами неблагочinnie ходит и сердце. А если при рождении не получили вы в дар красоты, то избегайте второго безобразия, то есть, не заимствуйте красоты у рук, – красоты, которую доставляет земля, которую распутные женщины покупают, и покупают за несколько оводов, красоты, – которая стирается и стекает на землю, не может удержаться на тебе во время смеха, когда веселие приводит в трепет ланиту, – красоты, которую изобличают в подлоге ручьи слез, увлажняющий ланиты страх, и уничтожает капля росы. Теперь блестят и полны прелестей твои ланиты; но вдруг (к великому смеху) являются они двухцветными, где темными, а где беломраморными. Ибо тебе, подсурмившаяся и подрумянившаяся, возможно ли удержать на себе обличаемую в подлоге красоту? Она была бы прилична на неподвижных статуях; но у тебя накладная личина разрушается от многих причин. Одно тело дано тебе Богом, а другое есть произведение твоей руки; одно ветхо, другое ново. Это луг, на котором растут попеременно цветы двух родов, и приятные, и

неприятные. Это двухцветная одежда, по которой идут многие полосы. Поэтому, или не расписывай своего тела, или, расписав, постарайся сберечь; не прибегай к постыдным пособиям прикрашивать свой вид. Не трудись над Пенелопиной тканью, в которой надобно ночью распускать, что соткано днем: будучи внутри Гекубой, не будь снаружи Еленой.

Если и достанет у тебя хитрости сокрыть что-нибудь от супруга, хотя и неудобно Божий образ закрыть смертной личиной; то смотри, чтобы прогневанный Бог не сказал тебе так: «Отвечай, чуждая Мне тварь! Кто и откуда этот творец? Я не пса живописал, но создал собственный Мой образ. Как же вместо любезного Мне образа вижу кумир?»

Но уступим нечто твоей болезни. Впрочем, если явно, что ты живописная картина, в которой один лик наложен на другой; то знай, что ты ставишь позорный столп, издали видный людям, когда пишешь одушевленный образ Алкиноя. Твои прелести – бесплодный Адонисов сад, цвет полипа, письма на песке. Но походя на галку, описанную в басне, и зная, что эта птица, гордившаяся чужими перьями, вскоре ощипана и предана осмеянию, как и ты не подумаешь о последнем позоре, о пагубной красоте? Или надеешься, что твоя блистательная наружность не изменится? Но в скором времени увидишь, сколько приносит горестей чужая красота.

Спрашиваю, что пользы в накладной красоте, когда старость покроем морщинами лице, дотоле цветущее, когда дряхлых членов нельзя закрыть никакими прикрасами, и остаток плоти походит на что-то обожженное огнем и вынутое из пепла? Тогда уже поздно оплакивать обманчивую красоту, когда оставшееся, по множеству морщин, не дает места обезьяне. Такова прелесть подкрашенных членов! Но поставьте теперь, превосходная, изображение своего лица, каким было оно прежде. Я не почту его верным, да и тебе прежде всего надобно пожелать, чтоб не было глаз ни у одного из тех мужчин, которые прославляли тебя некогда и не могли отвести от тебя очей, когда ты с гордою поступью расхаживала перед ними.

Смеха достойно и то, что стараясь утаиться от мужчин, мужчин же вводишь в тайны своей красоты. Ибо те составы,

которыми ты восхищаешься, приготавливали мужчины – грабители собственных своих домов, строители безумной своей страсти. Это изобретения не целомудрия, но распутства; и распутство видно во всем том, на что ты ухищряешься для мужчин. Рассказывают о гордом павлине, что, когда, изогнув шею в виде круга, поднимает свои золотистые и звездами усеянные перья, тогда начинает приветливо скликать своих жен: удивительно будет для меня, если и ты подкрашиваешь свое лицо не для похотливых очей.

Если ты к супругу своему питаешь такую же любовь, какую и он к тебе с тех пор, как цветущею девой ввел тебя в брачный чертог; то сие приятно ему. Но если стараешься понравиться взорам других, то сие ненавистно твоему супругу. Лучше тебе внутри дома своего скрывать прелести, данные природой, нежели не благочинно выставлять на показ прелести поддельные. Ибо для супруга довольно и природной твоей красоты. А если красота выставлена для многих, как сеть для стада пернатых; то сперва станешь любоваться тем, кто тобою любит, и меняться взорами, потом начнутся усмешки и обмен словами, сначала украдкой, впоследствии же с большею смелостью. Но остановись, говорливый язык, и не произноси того, что последует за этим. Впрочем, скажу за несомненное, что всякая шутка женщины с молодым мужчиною уязвляет как острое жало. Здесь все неразрывно идет одно за другим, подобно тому, как железо, притянутое магнитом, само притягивает другое железо.

О как бы хорошо натирать белилами и румянами (и еще в избытке) не женщин, но тех безрассудных мужчин, которые, ежедневно имея пред собою этот срам, сами себе застилают глаза туманом и услаждаются грехом! Они поражают злословием прекрасных женщин, сами же своими срамными делами уподобляются свиньям: а может быть, и действительно попали бы в темные свиные хлевы, если бы Цирцея помазала их тем составом, которым она людей превращала в зверей; ибо они не гнушаются прикрасами, и сами подкладывают в огонь сухие дрова, когда надлежало бы их убавлять, а не прибавлять. И есть мужья, которые стараются превзойти друг друга в

нарядах жен, чтобы одному перед другим иметь преимущество в неразумии. Часто и при недостаточном состоянии употребляют они все усилия, чтобы возбудит наглость своих жен. Но ты, верно, никогда не давал меча своего врагу и горному потоку не открывал пути на свои нивы.

Говорят, что, по похищении небесного огня, пришла к людям Пандора наказать за один огонь другим, за благодетельный – губительным. А чтобы она как можно более воспламенила людей, демоны украсили ее разнообразными красотами, и каждый из них приложил что-нибудь от себя; все же это совокупив воедино, пустили они к людям это многосложное обольщение, это любящее пиры, увлекательное, бесстыдное, сладкоречивое услаждение, эту никогда не потухающую головню. Не верю я басням, однако же скажу, с твоего позволения: не будь и ты многоличной Пандорой. Пандорин род – бесстыдные женщины. Но ты – Христов образ, и сияй целомудрием и благоразумием.

Но вот уже не баснь; послушай моих советов, какие изреку тебе из пребожественного слова. Или не знаешь, как и древле твоего праотца обольстило своею доброцветностию человекоубийственное древо, и как хитрость врага и убеждение супруги и обольстили и немедленно изринули его из зеленеющего рая? С сего – то времени, дочь моя, такой отеческий закон – никогда не полагаться на доброзрачность. Ибо всякая красота – для меня кратковременная прелесть; ее приносит весна, и тотчас губит холодная зима, или преждевременно истощает болезнь, или истребляет немилосердное время, ведя за собою круг всепоядающих лет.

Очень смешно, когда женщина, имея некрасивую наружность, знает это, и гордясь своим безобразием, презирает Данаю. Но еще гнуснее (так говорят знающие, я неспособен к такому злоречию), когда все имеют общий недостаток, однако же желают скрывать его одна от другой. Что опаснее такой болезни? Плотник разумеет работу плотника; искусный певец узнает искусного в пении, и вор видит вора. А женщины не хотят, чтобы другие понимали в них то, что сами понимают в других. Так справедливо то, что порок ослепляет глаза. Но

смешны мужчины, когда, любуясь доброцветностью движущихся картин, оказывают уважение лицам, над которыми сами смеются. Думаю же, что они любят не столько картинами, сколько прихотливостью мужчин; чему доказательством служат краски.

Рассказывают, что один скитался по утесам, влюбившись в пустой и не имеющий вида отголосок, называемый эхом. А другой воспылал Любовью к собственному своему изображению, и бросился в источник, чтобы обнять подобие гибельной своей красоты. И еще одна уязвилась любовью к прекрасным струям реки, в безумной страсти не могла отойти от милых берегов, лобзала воду, черпала ее руками, и ловила пену; но и водами не могла угасить в себе пламенеющей любви. Так слепа и непреклонна любовь!

Ни мало не удивительно, если и ты расцвеченная, розоперстая, одетая в роскошные ткани и носящая высоко голову, сведешь с ума молодого человека, и даже не одного, но всякого, для кого расписываешь себе лице. Верю, что один мудрый муж своим искусством ввел в обман тельца, изобразив красками на доске телицу. Необычайна такая любовь – живые звери стремятся к бездушным изображениям! Но и ты иногда ухищряешься возбудить то же в молодых людях. Орфей увлекал за собою зверей; а ты влечешь мужчин, у которых зверонравен ум и женонеистова жизнь.

Если ты и не покоряешься плотской похоти, а служишь только похоти очей; то и эта воздушная любовь есть уже болезнь. Но совершенно ли ты не уязвима? Готов я этому верить; но и то уже не хорошо, если молва приписывает мне и не сделанный мною грех. В таком случае, хотя сама ты и благоразумна, но многим другим дашь урок неблагочиния. Порок течет быстро. Другие употребляют искусство, чтобы прикрыть и скверную свою жизнь; а у тебя и на целомудрии лежит какая-то чернота. Если и целомудренные станут любить наружную блистательность; то других женщин не убедишь иметь целомудренное сердце.

По учению нашего закона не должно с похотливым желанием и очей устремлять на чужую жену: потому что

бесстыдный взор – начало бесстыдной любви, и только избегающий такого взгляда избежит и греха. Как же ты, открывающая перед мужчинами пояс любви, сохранишь себя вдалеке от греха прелюбодеяния?

Но (старость говорлива) расскажу тебе баснь, которая очень идет к вашему позору. По одному древнему преданию, в роде человеческом не различалось прежде, кто хорош и кто худ; но многие, хотя были добродетельны, почитались беззаконниками, и на оборот многие, хотя были безрассудны, слыли добрыми; самых бесчестных людей сопровождала слава, и совершенных преследовало бесславие, но ни тем, ни другим не было правосудия. Но не сокрылся от Царя Бога царствующий в мире грех, и восскорбев о сем, провещал Он наконец такое слово: «Несправедливо, чтобы слава Моя была и на добрых и на злых; от сего грех еще более усилится. Посему дам им верный отличительный признак, по которому легко узнать, кто порочен». Сказав сие, ланиты у добрых покрыл он румянцем, так, что при виде чего-либо постыдного тотчас разливается под кожей кровь; особливо женщин наделил Он румянцем в большей мере; потому что и кожа у них прозрачней, и сердце нежнее. Но у злых Бог сгустил кровь и сделал неподвижною во внутренности, так что и от стыда ни мало не приходит она в обращение.

Куда же причислю тебя, изукрасившая свои ланиты? Для меня не важен твой румянец, хотя и до чрезмерности покрывает он твою наружность; ибо это румянец бесстыдства, отрождение того румянца, который в древности потоплен содомским огнем. Не расписывай себе лица, распутная женщина, не подделывай своего цвета; я признаю ту одну красоту, которую дала природа; потому что богатство, оставленное мне отцом, лучше того, которое собрала рука моя беззаконно; пусть оно мало, но обильнее последнего. Так и законную жену предпочитаю любодейце. Родные дети, хотя и не красивы лицом, милее красивых, но усыновленных. Помня это, сохраняй тело свое таким, каково оно по природе, и не желай, чтобы тебя почитали инаковою, нежели какова ты в действительности.

Кельты испытывают в струях Рейна, законно рождены ли их дети. И часто золото пробуются на углях. Так о целомудрии твоего сердца заключаю по неукрашенной красоте твоего лица. Да не кладет на тебя своей печати темный велиар! Он или совершенно обратит тебя в пепел, или очернит своим дымом, и за краткое наслаждение покроет позором. Не для благородных дорого золото, перемешанное с драгоценными камнями и сквозящим своим блеском поражающее взоры, в виде цепи разложенное по персям, жемчужным бременем отягчающее и обезображивающее уши, или увенчивающее голову. Не для благородных дороги эти золотые одежды, эти хитрые произведения из тонких нитей, то багряные, то золотистые, то прозрачные, то блестящие. Не губительные для ланит составы, не подрумяненные уста украшают женщину. Ее красота не в том, чтобы поверх расписанных веждей носить черную бровь, заворачивать внутрь увлажненные зрачки, изнеженным голосом привлекать к себе благосклонный слух, руки и ноги стянув золотыми, вожделенными и приятными для тебя узами, представлять из себя что-то рабское, тело и голову умащать роскошными благовониями (на трупы слетаются вороны), жевать во рту что-нибудь неупотребляемое в пищу, держать в непрерывном движении подбородок, и как бы из презрения к целомудренным, из зубов и из увлажненных уст точить пену. Не восхищайся блистательностью седалищ, не старайся выказывать себя сквозь искусно сделанные и сквозящие створки, высматривая тех, которые на тебя смотрят. Не гордись ни множеством слуг, ни служанками – этими подобиями твоего сердца. Вестники весны – ласточки, плодов – цветы; по служанкам можно заключать о госпоже. Размысли обо всем этом. Хотя неважно неприличие чего-нибудь одного; однако же все вместе и одно при другом – несомненная пагуба.

Один цвет любезен в женщинах – это добрый румянец стыдливости. Его живописует наш Живописец. Если хочешь, уступлю тебе и другой цвет; придай своей красоте бледность, изнуряя себя подвигами для Христа, молитвами, воздыханиями, бдениями днем и ночью. Вот притирания годные и незамужним и замужним! А красильные вещества побережем для стен и для

таких женщин, в которых производит бешенство и помет молодых людей. Они пусть и скачут, и смеются бесстыдно; а нам не позволено даже и смотреть на распутных женщин.

Лучшая драгоценность для женщин – добрые нравы, то есть, сидеть больше дома, беседовать о Божием слове, заниматься тканьем и пряжей (это обязанность женщин), распределять работы служанкам, и избегать с ними разговоров, на устах, на глазах и на ланитах носить узы, не часто переступать за порог своего дома, искать себе увеселений только в обществе целомудренных женщин и в одном своем муже, для которого ты, с Божьего благословения, разрешила девственный пояс. Да и вольностям мужа полагай меру, чтобы тем самым уверить его, как далеко ты держишь себя от чужих мужчин.

Да погибнет тот, кто первый начал раскрашивать Божию тварь; потому что он первый примешал к краскам бесстыдство. Как иногда бесстыдные скоморохи, недостойные имени мужей, выставляют наружу изображение сокрытого внутри безобразия; и за сим, естественным образом, следуют у них пляски, гнусное кривлянье благообразных членов, нравящееся людям безрассудным: так и сии женщины, надев на себя снаружи чужой образ – этот смехотворный, а не священный покров стыдливости, предаются потом движениям достойным своего испещренного лика. У них нет покоя ни дверям, ни ключам, ни зеркалам, ни притираниям, ни уборщикам; весь дом приходит в содрогание. И все это от тщеславного желания расписать себе лице. Но целомудренная красота, которая не знает убранств, не требует и таких беспокойств. Если же ты столько гордишься накладною красотой; то не можешь иметь и здравого понятия о красоте неподдельной. Привлекательна была наружность у Есфири; но что было плодом ее чрезвычайной красоты? Спасение целого народа. Расписывала себе некогда очи зверонравная блудница Иезавель, и блудническою кровью омыла свои студодеяния. Но от тебя не требуют утолять гнев царя; тебе нет доли и с блудницами: береги же свое целомудрие.

Как не приходишь ты в трепет, когда преклоняешь пред иереями свою главу – это позорище, на котором появляются разные личины? Как не содрогнутся эти руки, которыми ты расписывала свою достойную слез красоту, и которые потом простираешь к таинственной Снеди? Даже и к мученикам, в память которых усердный народ, чья драгоценную кровь, составляет хвалебные лики, являешься ты с лицом, обольщающим многих, подобно торжищному шуту, который влечет за собою по городу толпу, или подобно укротителю зверей, который из темных нор вытаскивает змей? Послушайся моих советов, женщина, и не поддавайся мысли – накладывать руку на лицо свое. С такими женщинами, дочь моя, не плавай на одном корабле, не ходи на общий совет, не живи под одной кровлей. Другим предоставь излишества; а ты бойся и похвалу выслушать из уст мужчин, – в этом слава женщин.

Если жизнь твоя совершенно свободна от уз; живи для одного Христа, отказавшись от всего, будь светлою, мудрою, рассудительною девою, и чистым женихом своего сердца имей Слово. А если овладела тобою любовь к тому ребру, от которого ты отделена; то и заботься об этом одном милом ребре, питая к нему добрую, благородную, а не порочную, любовь; с другими же страстями не будь знакома и во сне. И ты предстоишь великому Богу, и не скроешься, если что-нибудь изнеженное примешаешь к низкому. Много свидетелей на то, что и при грязных одеждах возможна не благоприличная роскошь, а при пышных – благопристойность. Знай, что для тебя важнее один рубец, нежели самые глубокие раны для миролюбцев. Уважай бисер. Капля не так заметна на замаранной, как на чистой и одноцветной одежде.

Если убедил тебя этим; то доставил тебе пользу. А если ты решилась устоять в своем; то вдвое еще блистай, когда хочешь, и золотом, и янтарем, и серебром, и слоновою костью. Дозволяю это новописанным красотам. А у меня приготовлен столп, и я сделаю на нем надпись; приходи сюда всякий, кому угодно, и любуйся этой красотой.

Советы Олимпиаде

Посылаю тебе, дочь моя, этот добрый подарок; посылаю я, Григорий; а совет отеческий есть самый лучший.

Не золото, перемешанное с драгоценными камнями, служит украшением женщинам, Олимпиада. Царского лика не покрывая румянами – этим нравящимся срамом, на образ свой не наводи другого погибельного образа. Багряные, золотые, блестящие, испещренные одежды предоставь другим, которые не украшены светлою жизнью. А ты заботься о целомудрии, о красоте достойной удивления для очей внутренних. Добрые нравы – самый лучший цвет в женщине, которая имеет прочную, неизменяемую и достойную прославления красоту.

Во-первых, почитай Бога, а потом супруга – глаз твоей жизни, руководителя твоих намерений. Его одного люби, ему одному весели сердце, и тем больше, чем нежнейшую к тебе питает любовь; под узами единодушия сохраняй неразрывную привязанность. Дозволяй себе не такую вольность, на какую вызывает тебя любовь мужа, но какая прилична; потому что во всем возможно пресыщение. Но хотя и во всем бывает пресыщение; однако же лучше такая любовь, которая не знает оного.

Родившись женщиною, не присвояй себе важности, свойственной мужчине; и не величайся родом, не надмевайся ни одеждой, ни мудростью. Твоя мудрость – покоряться законам супружества; потому что узел брака все делает общим у жены с мужем.

Когда муж раздражен, уступи ему; а когда утомлен, помоги нежными словами и добрыми советами. И укротитель львов не силою усмиряет разъяренного зверя, у которого в бешенстве прерывается дыхание, но укрощает его, глядя рукою и приговаривая ласковые слова.

Сколько бы ни была ты раздражена, никогда не укоряй супруга в понесенном ущербе; потому что сам он лучшее для тебя приобретение. Не укоряй и за то, что конец дела противен его предприятию. Сие было бы не справедливо; потому что, по

ухищрению демона, часто и благоразумные предприятия не достигают своей цели. Не укоряй его также в недостатке сил; потому что в мече всегда есть сила.

Кого не любит муж твой, того не хвали с хитрым намерением неприметно уязвить мужа словом. Благородным мужам и женам, а особливо женам, и во всяком другом случае, прилична простота сердца.

Радости и все скорби мужа для себя почитай общими. Пусть и заботы будут у вас общие; потому что через это возрастает дом.

И твой совет может иметь место; но верх должен быть мужнин.

Когда муж скорбит, поскорби с ним и ты несколько (сетование друзей служит приятным врачевством в печали), но вскоре потом, приняв светлое лице, рассеяй грустные его мысли; потому что сетующему мужу самая надежная пристань – жена.

Твоим занятием пусть будут прялка, шерсть и поучение в Божием слове, попечение же о внешних делах предоставь мужу.

Не выходи часто за двери дома, в места народных увеселений и неприличных собраний; там и у стыдливых похищается стыд, там взоры смешиваются с взорами; а потеря стыда – начало всех пороков.

И в добрые собрания приказываю тебе ходить с благоразумными, чтобы в уме твоём напечатлелось какое-нибудь доброе слово, которое бы или искоренило в тебе порок, или крепче привязало тебя к добродетели.

Дом твой – для тебя и город и рощи. Не позволяй себя видеть посторонним, кроме целомудренных родственников, или иерея и седины, которая для тебя лучше юности. Не кажись и женщинам, которые высоко носят голову и ведут себя открыто. Не кажись и благочестивым мужам, даже много уважаемым тобою, как скоро супруг твой не хочет иметь их в своем доме. Ибо кто доставит тебе столько пользы, как добрый супруг, если ты его одного любишь?

Будь высокоумна, но не высокоумна.

Хвалю женщин, которых даже не знают мужчины.

Не спеши на брачный или именинный пир, где пьянство, пляски, смех и необаятельное обаяние. Это приводит в расслабление и целомудренных, как солнечный луч топит воск.

И у себя, в присутствии ли благосклонного супруга, или в отсутствие его, не делай домашних попоек. Если чреву положена мера; то, может быть, возобладаешь над страстями. Невоздержного же чрева и я боюсь, боится и супруг твой.

На щеках твоих не должно быть ни похотливых движений, ни гневных трепетаний. Это постыдно для всякого человека, особенно же для женщины, и делает лице безобразным.

Уши свои укрась не жемчугом, но привычкой внимать добрым речам, а для худых речей закрывать их ключом ума. И отверстые и замкнутые уши твои да будут целомудренными слушателями.

Пусть девственная стыдливость в присутствии супруга разливает у тебя под веждами чистый румянец. Покрывайся румянцем, когда смотрят на тебя другие; а сама старайся ни на кого не смотреть, и к земле опускай брови.

Если у тебя не обуздан язык; всегда будешь ненавистна мужу. Продерзливый язык причинял часто зло и невинным. Лучше молчать, когда и самое дело вызывает на слово, нежели говорить, когда и время не дает места нескромному слову. Твое слово да остается предметом желаний.

Ноги, идущие борзо, ненадежные свидетели целомудрия, и в самой походке бывает нечто наглое.

Выслушай и сие: не предавайся неукротимой плотской любви, не во всякое время ищи удовольствий супружеского ложа; убеди супруга оказывать уважение к святым дням; потому что образу великого Бога свойственно покорствовать законам, хотя сам бесплотный Сын дал нашему роду брачный закон, созданию руки Своей оказав ту помощь, что, когда одни отходят, а другие приходят, длится поколение, и изменяющийся человеческий род уподобляется реке, которая и не стоит на месте, по причине господствующей смерти, и всегда полна вследствие новых рождений.

Но для чего мне говорить подробно о всем? Могу дать тебе, дорогая моя, совет, но и его гораздо лучше есть у тебя

Феодосия – этот Хирон между замужними женщинами. Она для тебя – живой образец всякого слова и дела; она приняла тебя от отца и образовала в тебе добрые нравы. Это единоутробная сестра неукоризненного архиерея, Амфилохия, громозвучного вестника истины, моего украшения, которого вместе с непорочною Феклою препроводил я к Богу.

А если от моей седины приняла ты какое-нибудь высокоумное слово; то повелеваю соблюдать его в сокровенностях сердца. Сим приобретешь благоволение у супруга, доброго градоправителя; и если бы стал он превозноситься, превзойдешь его славою.

Вот мой тебе дар! А если нужен дар лучший; то желаю тебе стать многоплодною нивою чадам чад, чтоб большим числом людей песнословим был великий Бог, для Которого родимся на свет, и к Которому шествовать отселе – положен нам закон.

На лицемерных монахов

Один неразумный человек, живущий роскошно, богатый и высокомерный, вздумал недавно утверждать, что я роскошествую. Сверх всего прочего говорил он и то, что я богат; потому что свободен от дел, имею у себя сад и небольшой источник. За то, отвечал я ему, умалчиваешь ты, несчастный, о слезах, об узде, наложенной на чрево, о язвах на коленях, о бдении. Ибо всем этим умерщвляют плоть свою монахи, именно же монахи истинные (а неискусных кинем мы воронам). Но сколько, думаешь ты, дела душе, которая воюет с телом и ополчается против мира?

Послушайте, миролюбцы, которые так много и так не нанадолго кичитесь, послушайте, что говорят монахи! «Вы приобретаете, богатеете, вам предоставлено супружество, дети и все удовольствия, какие только приносят суша и море. А у нас есть, может быть, источник, или малый сад, или прохладный ветерок, или древесная тень, – самые малоценные достояния. Если и это называете роскошью; то христианам не должно уже и дышать». – Пусть жалуются на это одно! Один закон, один Бог, одно звание; Христу угодно, чтобы все, совлекшись плоти., одинаково спаслись. Но вы нудите нас к совершенству, как будто необязавшихся служить чем-либо людям. А если обязались мы служить только Богу, сам Он знает это. Ты же недостойн судить меня, хотя я и худ; потому что раны твои хуже моих.

Как мрачен и бледен ты, юноша! Ходишь без обуви с распущенными волосами; едва можешь выговорить слово; хитон свис у тебя с пояса, или черная хламида чинно влачится по пятам. Если все это ради веры, то о сем должна свидетельствовать целая жизнь. А если только одна картина: то пусть хвалить сие другие! После этого «никто, по-твоему, не берись за плуг, или за заступ, никто не плати податей, никто не заботься о пропитании родителей; но были бы у тебя густая борода и волосная одежда, которая бы натирала шею, и тогда предлагай новые догматы! А если говоришь против правил

языка, и мечешь во всякого камнями; ты – Ангел, у тебя и волосы имеют не малую силу. Ведет ли кто теперь нечистую жизнь, или предан любостяжательности, или имеет обгаренные кровью руки, или дал в себе место многочисленному легиону; не измождай своих членов, не изнуряй себя ни слезами, ни трудами (все это баснь); но переворочай книги, и, собрав все речения, стань ересеначальником; этим загладишь все грехи».

Всего лучше утруждать дебелую плоть возможными способами: молитвою, постом, заботами, бдениями. Ибо чистому свойственно делаться еще более чистым, а порочному должно истреблять в себе хотя часть греха. Если же кто лицемерит: мне приятно в нем то, что утруждает свою плоть, и в этом несет наказание за обман. Утучненная плоть и расширившее чрево не могут пройти сквозь узкие врата.

Не должно клеветать на живущих чисто потому, что иные падают

1. Что говоришь? Многие чисты и целомудренны, не таят в себе никакой скверны и никакого порока: но один худ между честными, и многим служит укоризной; поэтому для чего не вступившим в брак девам жить вместе с мужчинами? Пощадите язык свой, о завистливый род! Не все слишком худы, не все и добровольны. Надобно уступить нечто и природе. Если когда и погибал кто из ревнителей чистоты; ужели сие перенесете на всех? У каждого свое тело.

2. Лукавый Денница был Ангел: но с его паденьем ничто не умалилось в Ангельской благодати. И Иуда – не укор ученикам потому, что пал. А ты за немногих оскорбляешь всех чистых. Справедливо ли это?

3. К совершившим благополучное плаванье не присоединяй претерпевших кораблекрушение, и с жившими хорошо не ставь в один ряд поползнувшихся в жизни. У добрых и у худых не совпадают между собою пределы. Замечаю одно то, что падшие погибали. Ты, ни мало не упоминая о тех, которые совершили течение успешно, именуешь одних падших. А я именую преуспевших. Тыставляешь на виде самых порочных: потому что сам худ; а яставляю добродетельных. Отдельно ставь ведущего жизнь непристойно и целомудренного. Из-за одного худого не почитай всех скверными. Лучше тебе уважать чистого, нежели питать ненависть к порочному.

Увещание к духовной жизни

Скажи мне, друге, ужели тебе служанка кажется чем-то превосходнейшим, нежели супруга? По крайней мере, не такова моя мысль. Ибо подлинно все мы узники плоти, и Божественная частица примешена в нас к худшему. Что же лучше? Отвлечь ли несчастную душу от плоти, или привязать к ней еще тягчайшими узами?

И в шутке должна быть степенность

Шутит и седина; но ее шутки – степенные шутки. Она ко Христу примешивает детскую невинность. И смеясь с какою-то важностью, услаждаю тем сердце. Но прочь от меня Геликоны и Дафны, и неистовства треножников.

На тех, которые при гробах мученических предаются роскоши

1. Ежели искусным в пляске приятны борьбы: то и победителям в борьбах будут приятны забавы – потому что одно другому противоположно. А если ни любителям плясок не нравятся борьбы, ни борцам – забавы: то как же в дар мучеников приносишь ты серебро, вино, яства и отрыжку? Ужели праведен тот, у кого полон карман, хотя бы он был и самым несправедливым человеком?

2. Скажите мне, мученики, действительно ли вам угодны народные стечения? – Что приятнее этого? – Чем же услаждаетесь вы? Добродетелью; потому что многие могут сделаться здесь лучшими, если чествуются добродетель. Справедливо это сказано вами. А пьянство, а служенье чреву, конечно, приятны другим. Добрым подвижникам чужда изнеженность.

3. В честь демонов пиршествовали те, который в прежние времена заботились приносить демонам приятное, а не чистые жертвы. Мы, христиане, освободились, наконец, от этого, и своим добрым подвижникам установили духовные собрания. Но теперь послушайте, любители пиршеств; меня смущает страх, что и вы подражаете демонским обрядам.

4. Не обманывайтесь, добрые, будто бы подвижники восписывают похвалу чреву. Это уставы собственных ваших гортаней. А я знаю одно только чествование мучеников – удалить от себя, что позорит душу, и истребят в себе тучность слезами. Свидетельствуюсь вами добрые подвижники и мученики, что воздаваемые вам чествования обращены в поругание этими чревоугодниками. Вы не требуете ни трапезы, издающей приятный запах, ни поваров. Они же в награду за добродетель приносят отрыжку.

Злословящему

1. Много худого говоришь ты обо мне, любезнейший. Если сам ты совершен: то, может быть, и поверю тебе. А если ты очень худ; то прошу тебя говорить обо мне всегда и еще хуже. Это может сделать меня совершеннее всех; прекрасно быть в ненависти у порочных.

2. Много худого говоришь ты обо мне, любезнейший; а зло делаешь себе самому. Для меня врачевством в этой беде служит такое рассуждение. Если великий Бог благоволит к тебе: то в ином благоволит и ко мне. А если прогневается на тебя; то во сколько строже будет суд!

3. Много худого говоришь ты обо мне, любезнейшей. Если говоришь справедливо, то виновен я, который дал повод твоему языку. А если несправедливо и ложно: что мне до твоих речей? Говори даже всякому: за это, без сомненья, большее наказание получишь от Бога.

Юлиану

Тот же пророк наводнил жаждущую землю дождем, который связал ее. А другой из вод исхитил целый мир. Иной помогал в болезнях, иной спасал от врагов; иной снедью с неба питал великий народ. Тебе же, именитый Юлиан, вложил Бог в руки сперва весы правосудия, а теперь весы для уравниенья податей – весы неуклонные, необманчивые, верные, достославные. Но и ты, доблестный муж, пощади у меня бедных, пощади своим писалом тех, которых изнурила болезнь, пожирая у них бедную плоть, пощади, – и ты будешь вписан в небесную книгу. Бог воздаст людям тою же мерою, какою сами отмериваем здесь человекам. Подай помощь смертному; потому что все мы имеем смертное тело. Лазарь у дверей твоих; дай ему чужие крошки. И Христос стал человеком, когда налагалась подать. Уважь перепись, современную Христу. Уважь мать свою, эту нищепитательницу, эту благочестивую кровь. Уважь дом, который умеете благоволить к страждущим членам. Уважь, друг, и мое богатство, которое охотно принес я в дар, и все отдал нищим, желая стать крестоносцем. Пристань есть общее достояние мореходцев; и эта часть имуществ есть общее пособие нуждающимся. Здесь мое имущество, а твое писало. О если бы нам обоим получить равную мзду за нищепитание! Да напишет так царь! Тебя наделил великий Бог многими дарами, какие даны не многим из живущих на земле. Ты производишь от священной крови, имеешь дар слова, богатство, имущество, прекрасную наружность, ты сведущ в том, чтоб производить суд по авзонским законам. Однако же всего более прославишь себя, если подашь Божью руку сим непогребенным мертвецам.

Филагрию на его терпение

1. У древних в великой славе Епиктет, в великой – Анаксарх. Один, когда сокрушали его, не обращал внимания на славу; другой, когда толкли руки его в ступе, кричал: выбивайте мешок. Но ты, Филагрий, терпишь долговременные страдания в теле, которое пожирает болезнь, и душа твоя никогда не поражается этим.

2. Если бы тело твое, Филагрий, не было так болезненно, то я не заметил бы всей силы твоей добродетели. А теперь оно истреблено болезнями, а ты непоколебим. Как справедливо то, что Бог посылает добрым болезни вместо врачевства.

3. Болезнь пожрала тебя, Филагрий, и закрыла твои глаза; но душа твоя от страданий стала светлее. Хотя знаю, превосходнейший, что ты сведущ во всякой мудрости; однако же ни о чем другом не могу сказать, чтоб оно было превосходнее этого.

4. Слышишь, Александрия! Филагрий утратил красоту лица, которая была не хуже его золотой души, а юного Кесария похитила зависть. Ты никогда не пошлешь уже таких Цветов к доброконным Каппадокиянам.

Сигантию пустыннику

С радостью шел я, надеясь угасить пламень желания, какое имел насладиться твоею божественною беседой. Когда же ясно увидел, что водоем безводен, потому что не было удобопиемого для меня источника: тогда возвратился с великою скорбью, приобретя одно, – что же именно? большую жажду. Помолись однако же, чтоб мог я свидеться с тобою в другой раз, и угасить великий пламень, заняв от тебя, и тебе сообщив, сколько-нибудь божественных мыслей.

Строителю дома Гигантию

Иной соорудил вавилонские стены, по которым могли ездить колесницы; другой воздвиг египетские пирамиды, а кто-то пеший перешел через море и хорошо оснащенные фракийские корабли перевез по суше. А я, всколебав возвышенность и небольшие пригорки Гигантиевою рукою, имею у себя орошенный водою сад.

К Немесию

Немесий, око правосудия и красноречия, ты, который прежде был славен у царя тем, что умел давать великую силу древним и авзонским законам, при алтарях правосудья обличая неправо дело собственными словами противника, а напоследок воссияваешь на высоком месте правителя у боголюбезных Каппадокиян, показывая им начатки своего правоведения! другие стали бы превозносить твою славу в стихах и громозвучных песнопениях, изливая из уст то пламенное красноречье, которое тебе свойственно, в котором ты всех далеко оставил за собою; потому что, если бы кто захотел подробно описать твои доблести, они, как ток великой реки, разделившейся на многие ветви, составили бы достаточный предмет для многих речей; Другие же, изобразив резцом или отлив в горниле из меди твой лик, о, муж обильный словом, поставили бы на градских стогнах безмолвного Немесия, чтобы прославить тем свои города; потому что городам доставляет славу и самый образ доброго правителя, видимый потомками. А меня великий Бог соделал ведущим небесное и земное; у меня ум, при озарении великого Духа исследывая самые глубины, парит выше всего; и потому буду говорить, что только прилично сказать священнодействующему, громозвучному вестнику истины, ученику тех, которые не на твердость доводов полагались, не силою богатства надмевались, но, не будучи дотоль славными, уловили мир в вожделенные Божии мрежи, чтобы всякий сознался, что чрез них действовала сила Бога-Слова. Но и ты удостой вниманьем мою песнь; ты долгое время услаждал слух приятными, но суетными песнопениями, в которых, как у любодейных женщин, привлекательность поддельна; теперь преклони ненадолго слух твой к моим словам, в которых неувядающую и неизменяемую красоту составляет мысль, ясным светом озаряющая чистые очи. Ибо, если бы Христос свыше уязвил и пронзил насквозь сердце твое Своею животворящею стрелою; то, рассмотрев

внимательно ту и другую любовь, узнал бы ты, сколь приятна поражает жало стрелы Царевой.

Седая моя голова и согбенные члены склонились уже к вечеру болезненной жизни. Много скорбей встречало мое сердце, а между ними много и кратковременных наслаждений; но я не видал еще славы, которая была бы выше и прочнее славы – приближаться к Божеству пренебесного Бога. Одна слава была для меня приятна – приобрести познания, какие собрали Восток и Запада и краса Эллада – Афины; над сим трудился я много и долгое время. Но все сии познания, повергнув долу, положил я к стопам Христовым; они уступили Слову великого Бога, Которое столько же затмевает Собою всякое извитие и многообразное слово ума человеческого, сколько высокошественное солнце затмевает собою прочие звезды. Посему уважь мои слова; это и для тебя будет лучше.

Человеку, который есть Божие создание, прекрасный и нетленный образ небесного Слова, который духовен, способен к духовному ведению и превыспрен, – человеку, говорю, не позволительно и не свойственно, вопреки справедливости, преклоняться пред суетными идолами, пред ничтожными, составленными из тленного вещества, изображениями рыб, земных животных и воздушных птиц, – пред сими произведениями человеческой руки, погибающими от ржавчины и моли, – произведениями из веществ, которых одна часть чествуется, а другая брошена с презрением. Он не должен поклоняться небесным телам, которые, при всей великой своей красоте, не боги, но произведения Бога Творца; не должен поклоняться ни луне, ни солнцу, ни звездам – сим украшениям неба, ни самому небу, этому необъятному круговращающему телу, украшенному многими внутренними красотами, этому безмолвно вещающему и вместе велегласному проповеднику того искусства, которое водрузило и гармонически связало сию вселенную, чтобы человек в видимом постигал невидимое. Ибо кто видит великолепный дом, тот представляет себе и соорудившего дом; и корабль есть не говорящей провозвестник о строителе корабля.

А ты, делатель богов, отец новых небожителей, ты с ненавистными чествованиями преклоняешь уже колена и пред бессильными демонами, называя их злыми и добрыми, тогда как все они злы, неприязненны доброй твари, завистливы, беслюбивы, свирепы, услаждаются плотями и туками жертв, погрязли в нечистотах. Их, после долговременного владычества на земле, изгнал Своею честною кровью Христос – Слово великого Бога, когда в человеческом образе явился неодолимый Бог. Он прекратил преступные кровопролития, и показал нам умную жертву, дотоле сокровенную и явленную не многим. И не дивись сему! Часто и я, Христово достояние, едва произносил досточтимое Имя, как демон с шумом убегал далеко прочь, скорбя и исповедуя могущество Царствующего в горних. То же самое происходило, когда описывал я в воздухе, по-видимому исчезающее, знаменье великого креста. И такое изображение делалось победным памятником, как древле руки великославного Моисея.

Желал бы я взойти наверх высокой башни и возгреметь вслух всем жителям земли: «Смертные человеки! строители того, что не существует! долго ли вам обольщаться и обольщать ложными, наяву видимыми грезами, и без цели блуждать по земле? Суемудрые служители идолов! покровителями своих страстей умыслили вы поставить непотребных богов, лжецов, человекоубийц, строптивых, клятвопреступников, хищников, андрогинов, прелюбодеев, мужеложников. Смотри, во сколько видов превращался самый первый из них, чтоб удовлетворить своему распутству. Он бывал волком, лебедем, золотом, змеею, мужем, медведем принимал на себя всякий вид, какого требовал немощный ребенок – нетерпеливый Эрот, как уверяют сами творцы этих бессильных богов. Но не довольно сего; вы и собственные страсти свои чествуете жертвами, и для каждого порока есть у вас особый заступник, чтобы всякий грех не только оставался ненаказанным, но даже почитался добрым делом, потому что оказавший ему почесть угождает тем Богу. Рассмотря и другое полчище пресловутых помощников – этих ифифалов рогатых, не имеющих шеи, до половины тела – змей, зверообразных, совмещающих в себе члены различных зверей,

достойных смеха чудищ!» – О, если бы они увидели у себя таких детей, каких чтут богов! О, если бы сделались они такими же помощниками для своих друзей, или сами встретили таких же помощников, когда угрожает им враг, каких помощников своим порокам имеют в сих богах! Но для чего тебе описывать сие подробно, и из священных уст источать такие мерзости? Одно важнее всего; но это, как гвоздем, скрепляется словом.

Мы, при помощи высоких книг и божественных пророков, а напоследок богодухновенных учеников Ходатая Христа, у которых ум исписан светозарным Духом, и которые чистым сердцем видели великого Бога (а это единственный способ постигать невидимое Божество), – мы стали сведущи в небесном, просвещены самим Богом, и восходим выше и выше, сколько нам, однодневным тварям, возможно восходить здесь к Богу; ибо глаз, и при самом остром зрении, нелегко проникает сквозь облака. Но большее ведение предоставлено нам впоследствии; ибо тем и награждается желание, что достигает желаемой цели. И которые из вас столько же стали внимательны к нашему учению, сколько прежде были к вашим басням и гибельным чествованьям, те трекратно и четырёхкратно блаженные смертные; потому что не единомышленны на злое, но подвергли его законному наказанью; и тех, кого вы чествуете алтарями, благозвучными народными гимнами, пресловутыми гекатомбами, нередко предавали они в снедь долговечным воронам.

Если же вашим богословам (потому что и у вас есть, точно есть, истолкователи священных песней) угодно утверждать, что, хотя все это – пустая песнь, по законам приятного сладкогласия, мерным словом изложенная, игривая баснь, однако же и в этом, под роскошною видимостью, скрывается более важная мысль, усматриваемая разумными, и имеющая две стороны, как и двулицый Ерм, который одним лицом смотрит вперед, а другим назад: то заметь, что и против сего есть у меня неотразимый, как думаю, довод. И в наших писаниях двоякий есть смысл, один внутренний – досточтимого Духа, а другой внешний; оба же Божественного начертания. И один внятен немногим, а другой многим на тот, думаю, конец,

чтобы преимущество имели мудрые, или чтобы с трудом приобретаемое тверже соблюдалось; ибо что скоро приобретается, то непрочное. Впрочем, в наших Писаниях тело и само светло, и облекает собою боговидную душу; это двойная одежда – багряница, просвечивающая нежною сребровидностью. Но у нас ничего нет срамного, что закрывало бы собою Бога. Стыжусь в помощь Божеству употреблять баснь. Кто велит тебе, спеша в Итаку, плыть мимо утесов Сциллы, или мимо грозной и гибельной Харибды, где до окончания плавания можешь погибнуть? Кто заставляет тебя, идя к источнику чистого Божества, останавливаться среди тины, где, пока вязнешь в тине, утечет от тебя чистая струя?

Обрати внимание и на это мудрое слово. Большая часть людей худы, и без путеказателя склонны к пороку; немногие же идут к совершенству. Остановить поток – для меня трудно; а дать ему течь по скату – весьма легко. Если же сделаешь богов покровителями разврата; то, прежде нежели разумным словом своим рассеешь мрак непроницаемой басни, погубишь ты читателя басен, стремящегося к свету. Но к чему мне другие доказательства? Хотя ты и столько умен, что в состоянии оспорить другого; однако же уверишься, если можешь, от моего довода. Ежели басни в вашем учении составляют сущность; то бросьте их наземь. Что за приятность жертвовать своим достоянием в честь невероятного срама, и бесчестить Бога – родителя и путеводителя жизни? А ежели баснь не составляет сущности, и любящий баснословить подобно старухам, который забавляются за любимыми чашами в бессонные ночи, сам себе на глаза налагает покрывало; то да падет это во глубину моря, как и погибло уже многое из таких бредней. Ибо Христос содержит все до самых пределов мира, совокупив во едино Своими дланями, который некогда распростер Он на преславном кресте.

Если же кажется тебе неприличным, что пришел ко мне Бог чрез непорочную Матерь по новым законам девического и безмужного рожденья, избавляя от страданий меня, низложенного грехом, что Он умер, приложился к мертвецам, а потом восстал: то, любитель приличий, воздающий чествованье

чистым богам, рожденным от чистых богов, если не слышал ты прежде, по крайней мере ныне выслушай от меня слово, какое вдохнул мне Христос, мой Бог, непреложный в слове.

Многие держатся и такого ученья, что из лона девического прозяб Божий человек, которого Дух соорудил храмом великого Бога, воздвигая чистый храм; потому что Матерь есть храм Христов, а Христос есть храм Слова. Ибо после того, как губительный змий подверг наше естество горькому преступлению, положено было рождением Божественного человека уврачевать грех и низложить ужасную державу пребеззаконного змия. Для сего сей Божий человек прошел сквозь утробу, и почтил одну половину нашего рожденья, а другой не коснулся, так как родила неискусомужная Дева. Но когда Дух создал и обожил Его во утробе, по исполнении же времени извел на свете; тогда приял на Себя грубую плоть и наполнил храм чистым Божеством Царь-Слово. Но тот и другой, и Божий человек и Царь-Слово, стали для меня единым Богом. Ибо смертное не уступило своего места наполнившему оное Бессмертному. Умер же Он по собственной воле, ненадолго сложив в могилу Свое членосоставное тело, чтобы, восстав по возвращению из мертвых, воскресить умерших, и привлечь их к Себе, как магнит камень привлекает твердое железо. Ибо всецелого меня, со всеми человеческими свойствами, воспринял на Себя Христос, приняв плоть, рожденье, мой образ, поруганье, гроб, славу, воскресенье.

Так говорю, чтобы остановить неудержимое стремление вашего слова, когда вы, покрытые срамом, вынуждаете меня на страшную прю, и пред собою не видите пучины грязи, а у меня замечаете капли. Но если желаешь знать истинное ученье, приклони слух свой. Знаю, что сказанное мною будет неприятно для многих; потому что многие не имеют здравого разума, но, увлекшись суетными мненьями, вознерадели об истине: однако же скажу, не скрывая, несомненное ученье, хотя паче всего желаю сребровидной жизни.

Кроме гнусного порока нет ничего неблагоприличного; единственное же совершенство – добродетель. Все прочее занимает средину между добром и злом, и зависит от нашего

произволения, оно благопотребно для добрых, и наоборот весьма неблагоприлично для злых. Сюда же отношу я и тайну моей вещественности – то, что с моими членами соединен бессмертный образ. Не по ненависти Бог создал человека, который есть свидетель Его Божества, дольний царь и слава горнего Царя. Не по любви также Божьей дано человеку бедственное рождение. Или прекрати слово, но откажись, что имеешь понятие о Божестве. Ты говоришь: если Христос произошел на свете не чрез чистую утробу, то нечиста; потому что для нечистого не вместиимо чистое. Но положи, ежели тебе угодно, что рождение есть нечто нечистое. Однако же всякому здравомыслящему известно следующее. К кому ни коснется солнечный луч, всякому приносит он света; к чему ни примешается приятность благоухающего мира, все то немедленно начинает благоухать. Но ни к солнцу, ни к миру не прикасаются никакие скверны. Так Бог, пришедший чрез чистую Матерь, не только Сам не осквернился во утробе, но и ее очистил. Так и умерши, сокрушил Он державу смерти, и не только Сам ничего не потерпел от смерти, но и ее истребил. Таково мое учение; а твой неукротимый язык, если прежде был неукротим, теперь да укротится!

Теперь вещает мой Христос; но и ты возбуди язык свой к благоговейному вещанию.

«Настала весна, а зима прошла, и наступило ясное благоведрие. Приступите же, и насытитесь от Меня безмерным светом. Долго ли быть вам связанными в темных пещерах? Наступило уже время, о котором издавна дал вам обетованье светлый Дух. Приступите, вкусите жизни, но примите и новое очищенье!»

Умолкните, стихотворцы! перестаньте и вы, неистовые демоны, воодушевлять к самым незаконным песнопеньям! Пусть Орфей водит за собою зверей! Пусть Аскреянин Исиод поет своему Персею! пусть славный Омир воспевае Трою и бедствия! Пусть Мусей и Лин, прославившиеся песнопеньями в глубокой древности, у богов поучаются мерам стиха! А трояко доблественный Ермий и против воли да спомоществует моей песни, и Сивилла в стихах своих да чествует крест! Разимые

стрелами великого Божества, хотя и ближе других (не отрицаю сего) подошли они к истине, однако же не по Божию вдохновенью, но потому что заглядывали в наши книги, а сами частью вовсе пребывали лишенными света, частью же ненадолго усматривали мелькнувшую молнию, и тотчас погружались снова во мрак.

Посему уступите мне, и наконец образумьтесь. Пусть Фив порицает смерть небывалых богов! Само-Отец, не зачат, безматерен Тот, Кто сокрушил во мне злую силу, воспев последнее (Матф. 26, 30). А кастальский источник, и Дафна, и прорицалища дуба, да низринутся во прах, не имея цены даже и для глупцов! Да падет египетский демон, пустословящий бог, Аммон; да падут также Вранхиды и надменный Епидаврянин; да исчезнут и скрытые и видимые очами обряды, и мерзости знаменитой у древних элевзинской ночи, и приводящий в бешенство раздирающий звук фригийских свирелей, и диктейские корабанты, в полном вооружении предающиеся неистовству, и вакханты, ходящие по горам вокруг Семелина сына, и злые призраки ночной Гекаты; да исчезнут жестокости во храме Мифры, неслыханные дотоле оргии, завыванья галлейской Кибелы, все мерзости распутства, какие производятся в честь оплодотворяющего Нила, жалобные мычанья Изиды и Озириса, сухой пень Серапис – с зловредною о нем баснею, откормленный бык Апис и безумный Мемфис, и ты, жалкая Лакена, изведывающая крепость юношей, которые, окружая твой жертвенник, секут друг друга бичами, и гетский Замолксис, бросающий стрелы в толпу; страшные для чужеземцев жертвоприношения у Тавров; бог прекрасного Просимна, обнимающий деревянного Фала; сладострастное торжество и торг в честь Киприды; Линд сопровождающий свои священнодействия ругательствами! Все приведено в бездействие кровью великославного Христа, Который вместе (что составляет величайшее из чудес) и перворожден и новорожден.

О тебе, Эмпедокл, жерло огнедышащей Этны засвидетельствовало, что ты надмевался напрасно и был смертен; выбросив медные туфли легкомысленного бога, оно

опозорило тебя пред всеми смертными, когда желал ты прославиться своим несчастным скачком! Перестаньте баснословить, Иракл, Эмпедотим, Трофоний, и ты, невероятная гордыня тщеславного Аристия; вы смертны, а не блаженны, – это видно из ваших страданий; и только тем, что ненадолго сокрывались от взора людей, также давностью обмана, при помощи своих басен, восхитили вы не принадлежащую вам славу! Но Христос не малочисленными прославлен устами: Его слава с течением времени не истребилась, как дым, мгновенно рассеваемый в воздушных пустотах; потому что немедленно падать – это закон для славы бренной. Но Христос всегда и у всех славен; слава Его с продолженьем лет будет возрастать непрестанно более и более; а некогда (в чем я уверен) на целую землю наложит она свои узы: ибо так предречено, и предсказанное идет уже к своему исполнению. Впрочем сие предоставим воле великого Бога! А я изрекаю то, чему научил меня Христос, Свет мой, показывая все основания нашего ученья, Божество, Божью тварь, и кормило всего, которым Слово великого Бога непрестанно приводит в движение мир; и изрекаю сие кратко в немногие стихи (таков у меня обычай) заключив обширное слово; все же прочее отсылаю за Гадес.

А ты, превосходнейший из друзей, Немесий, прими сей дар моей дружбы, дар приятнейший других даров, заимствованный из моих только стяжаний, и у меня единственный! Это не песнь сладкопесного лебедя, оплакивающего смерть свою, когда ветер приражается к его старческим крылам; это не жалобное пенье соловья, когда зима налагает узы на всех, а вместе и на поющих птиц; но сладкопенье Христоносных уст, настраиваемое самим Богом. Прими теперь от меня сей дар за все благодеяния, какими почтил ты мою седину, мою дружбу, мою болезнь, и мое крылатое слово – эту и твою славу, почтил (что всего удивительнее и дороже) еще прежде, нежели видел меня своими очами. Ибо у людей уважение свидетельствуется только в глаза.

Если последуешь сим советам и дашь ветрилам моим свободное плаванье; то трекратно блажен ты, что имеешь такое руководство и такую цель. А ежели не покоришься им, и

завистник, который не хочет, чтобы хотя один человек был; благоуспешен во всем, так сильно обаял тебя своим лукавым оком; то и тогда да сопровождаешь тебя сей добрый памятник Григорьев. Может быть, впоследствии одобришь мое слово и из малой искры возгнетешь в себе высокий пламень. И тогда кто-нибудь скажет: «Вот великодушный Немесий, который у Каппадокиян держал верные весы правосудья! Он пошел от нас не с обманчивым серебром и золотом, не с благородными крылатыми конями, имеющими отличную славу; потому что он неуязвим был богатством: но вместо всего приобрел великую и светлую жемчужину – Христа». А сим богатством (похваляюсь этим) мои соотечественники Каппадокияне превосходят всех. О если бы ты, как теперь написан в моих книгах, так вместе с нашими стал написан и в книги небесной!

Максиму

Что это? И ты, Максим, смеешь писать? Писать смеешь ты? Какое бесстыдство! В этом уже превзошел ты и псов.

Вот дух времени – всякий смел на все! Подобно грибам, вдруг выбегают из земли и мудрецы, и военачальники, и благородные, и епископы, хотя и не потрудились прежде на свою долю над чем-нибудь добрым. Что ж выходит из этого? Добродетель унижается, не берет преимущества перед необразованностью; потому что дерзость пользуется ненаказанностью, едва бросит несколько каких ни есть слов. Кидайся вниз головою всякий и не учась, стреляй из лука, заносись на крыльях под самые облака; довольно захотеть, а знать дело – вовсе не нужно.

Видно, и ты у нас вдруг получил вдохновение от муз, как говорят иные о древних мудрецах? Видно, и тебя привела в исступление какая-то лавровая ветвь? Или нечаянно ты напился прорицательных вод, и начал потом источать стихи, не наблюдая даже и стихотворного размера? Какие невероятные и неслыханные доселе новости! Саул во пророках; Максим в числе писателей! Кто же после этого не пророк? Кто сдержит свою руку? У всякого есть бумага и трость; и старухи могут говорить, писать, собирать вокруг себя народ. А ты не побоялся возбуждать и рукоплесканья. В числе слушателей немного бывает мудрых, но много Максимов и слабоумных. Нужно понравиться последним, а мудрецам можно пожелать доброго пути, после того как пообстригут и посожмут их насмешки. А если нужно отомстить (мудрому на все надобно быть отважным); будь смел! Пусть знают Максима по дерзости. И мы вправе посмеяться! Что ныне этого легче, как смеяться, и смеяться много. Будь витией; а на оскорбителей – псом. В таком случае никто не возьмет над тобою преимущества.

Опять воскликну, и воскликну не раз: о речи! Этим истощу свою скорбь, но истощу не вполне. Писать смеешь ты? Скажи же: где и у кого научился? Чьей руки дело – этот дар – писать? Но вчера было не то; ты рад был и тому, что узки плащ и

непрестанно лающие жизнь и нравы доставляли тебе скучный кусок. А речи для тебя тогда были то же, что для осла лира, для вола – морская волна, для морского животного – ярмо. Теперь же ты у нас Орфей, своими перстами все приводящий в движение, или Амфион, своими бряцаньями создающий стены. Таковы-то ныне псы, если захотят позабавиться! верно, смелость эту вдохнули в тебя старые няньки, твои помощницы, заодно с тобою слагающая речи; для них ты лебедь, для них музыкальны издаваемые тобою звуки, когда подобно зефиру, текут с крыльев, приятно распростираемых кроткими веяниями.

Но что и против кого пишешь ты, пес? Пишешь против человека, которому так же естественно писать, как воде течь, и огню греть. Не буду говорить, что пишешь против того, кто, сколько возможно человеку, ничем тебя не обижал, хотя и много был оскорблен. Какое безумье! Какая невежественная дерзость! Коня вызываешь, дорогой мой, помериться с тобою в бегу на равнине; бессильной рукой наносишь раны льву. Разве допустить, что у тебя одно было в виду: ты надеялся, что, и оскорбляя, не будешь удостоен словом. Это одно и кажется мне в тебе умным. Ибо кто при здравом смысле захочет связываться со псом?

От Никовула сына к отцу

Если родил ты меня, отец; не велико благодеяние. Ибо для всех, и для людей, а равно и для бессловесных, от начала положен один закон – покоряться любви. По воле же премудрого Слова, и рождаемым и рождающим должно владеть однодневную жизнь, а умирая, продолжать ее в своих прозябаньях.

Но ты, родив, вскормил меня! Впрочем и у сильной коровы скачущий телец упирает головою в сосцы; и она, по сладостной необходимости, переносит это беспокойство. И птица над милым гнездом, вокруг неоперившихся птенцов, не дает крыльям покоя; туда и сюда за кормом порхает эта тощая и давно не евшая кормилица. И родителей и детей связала природа узами любви, приискав то врачевство для родителей, что тяжелые скорби облегчают они усладой любви. Поэтому и рассерженная мать за юную телицу, и собака за милых ей щенят, и птица за птенцов, объявляют страшную войну; пестрая рысь с яростью бросается из древесной чащи; сильный вебрь приходит в бешенство; лесом встает у него щетина, сверкают глаза, пар валит от зубов, изощряемых один о другой, и челюсти пеною брызжут, когда идет он отмстить за детей, или встретить смерть. Это внушает им горячая любовь по незаученным законам. Осы, сидя на камнях, как скоро видят, что приближается кто-нибудь, хотя и не замышлявший зла новорожденным их детям, всем ополчением высыплют вдруг из камней, шумят пред лицом у путника, и поражают его немилосердными жалами. И в морских глубинах есть закон любви, если справедливо рассказываемое о дельфине, этом царе обитателей моря. Если какой-нибудь морской зверь приближается к его неукрепившимся еще в силах детищам; дельфин расширяет свой зев, и как снесь пожирая собственное порождение, прячет его в своей внутренности, чтобы не дать в добычу зверю, и дотоле не изрыгает из себя этого невероятного бремени, пока не избегнет страшной угрозы могучего врага;

тогда только без мук рождения возвращает из утробы свой плод.

Посему, добрейший родитель, не говори мне ни о рождении, ни о малом количестве пищи, которую даешь ты и своим рабам, и своим волам. Я, как человек, как сын доброго отца, желаю иметь что-нибудь лишнее перед ними. Извини же, если не потаю, но скажу какое-нибудь и оскорбительное слово.

Не по моей воле родил ты меня, и родив воскормил по необходимости. А если бы, родив, покинул одного на свете; это значило бы, что родил ты смертного на место смертного. Не желаю я ни золота, ни серебра, ни шелковых нитей, ни блеска переливающегося внутри драгоценных камней, ни большого участка доброкласной земли, волнующейся подобно равнинам Египта, ни множества рабов, ни четвероногих. Другим предоставляю заботиться о знатном супружестве, о том, чтобы привести в дом госпожу – это почетное бремя; другие пусть помогают престолу, который, попирая немногих, сам попирается многими, и часто людьми худыми, – что всего более возмущает сердце. Всякий кичится чем-нибудь своим; но все мы низки, не имеем ничего верного на завтрашний день, жаждем забав, который для нас чужды и пролетают мгновенно. Погибай же все то, что приносит вихрь горькой жизни, которым здесь и там клубится неверный для всякого прах! Все это видел я своим слабым умом, а то же слышал и от мудрых, и еще больше сведений принесет мне время, которое все называют учителем однодневных тварей. Взамен всего желаю теперь, родитель, одного, именно – быть сильным в слове. Прекрасна пламенная сила красноречья в речах народных, судебных и похвальных; но прекрасно также иметь ум, обогащенный историею; потому что история – складчина мудрости, ум многих. Но немаловажна и грамматика, которая превосходно споспешествует благородному языку Эллады, сглаживая слово и умягчая варварские звуки. Не маловажны и состязанья логического искусства, который закрывают сперва истину, пока, чрез возможное превращение понятия, не поставят ее в полном свете. Немаловажна и та наука, посредством которой усовершенствовавшиеся мужи образуют в человеке добрые

нравы, как творог, который принимает вид плетеного сосуда. Не маловажно и то, что мудрые мужи парящим умом, посредством остроумных изысканий, обозревая каждый свою область, открыли в глубинах, и предали книгам. Они уразумели природу вещей и воздушных, и земных, и морских, и небесных, а сверх всего постигли мысль неизреченного Бога, постигли, как Бог управляет вселенной, к чему ведет ее, и какой конец положен для целого мира, исполненного многих красот. Они изучили, уразумели то, что выше разумения смертных. Но, изучив сие в юности, предаю мысль свою Божественнейшему Духу, буду изыскивать следы сокровенных красот, непрестанно восходить к свету, и Божественные внушения приму мерилom жизни, чтобы и помощником, и спутником, и вождем имея Христа, с легкими надеждами вознестись мне отселе, сподобиться жизни чистой и непрекращающейся, не издали, как бы в зеркале и в воде, видеть слабые изображения истины, но созерцать чистыми очами самую истину, в которой первое и последнее есть Троица, единосущное Божество, единый Свет в трех равно Божеских Сияниях. Посмотри на великого деда моего по матери: украшенный многообразными сведеньями обо всем, собранными со всех концов земли во время пребывания у многих народов, последним ключом своего ученья соделал он Христа и высокую жизнь, к которой и я, родитель, простираю взоры. И хотя они не достигают еще до такой высоты; однако же благоразумному человеку свойственно – мерить жизнь свою великими мерами. Лучше быть вторым между великими, нежели первым между нищими, как лучше летать ниже высоко парящего орла, нежели рассекать воздух выше выющихся по земле мотыльков.

Вот чего желаю, родитель; исполни мою надежду. Умоляю тебя, и касаюсь твоей браны (2Цар. 20, 9). Умоляю тебя, воспользуемся временем, которое можно ловить, пока приближается, и которого напрасно станем искать, когда оно пройдет. Свое есть время – садить сад; время – возделывать землю; время – отрешать вервь кораблей мореходных; время – звероловам ловить зверей на горах; время – и для войны. Цветы родятся весенней порою. Так и людям есть приличное

время учиться, когда пламенная любовь согревает душу, когда внутренности сердца не избороздили еще многообразные начертанья, но украшают его одни новописанные красоты. Юноша сам для себя полагает в землю и добрый и худой корень жизни. Это особенно и надобно иметь во внимании.

Убедил ли я? Или к сказанному присовокупить еще более убедительное слово? Высоко ценю твое красноречье, родитель, в котором ты превосходен, потому что у тебя не отстают друг от друга и язык, и слух, и быстрая мысль, следуешь ли законам речи немирной, или мирной, и, что составляет верх чуда, все это бывает у тебя без больших усилий. Знаю, что ты предстоял великим царям и приобрел почести с храбрыми, когда бывал в рядах их, когда стремительным копьем своим разил Ахименидов. Знаю, что ты возвеличен богатством, и родом, и умом, что наружностью и величием уподоблялся древнейшим Эакидам, или Этолийцу Мелеагру. Но всего более прославило тебя твое красноречье; оно приобрело тебе твердую непоколебимую, нестареющуюся, неизменную, непрестанно с годами возрастающую славу.

И я желаю иметь отцево наследье; оно для меня то же, чем было для Спартанцев копье, для Пелопсовых потомков – Пелопсово плечо, для царей скипетр и для коренных Кекропидов – вплетаемый в волосы кузнечик, как сын земли. И наружностью походить на отца – составляет уже славу.

Уважь мое желанье; оно невинно. А я видал, что иной родитель уступал и худым желаниям детей, как врачующий болезни к полезному примешивает приятное, чтобы приятным прикрасить врачевство и изгнать большее зло – недуг – злом меньшим. Видал, что иной и не знакомый с мудростью соглашается нередко на просьбу сына, желающего учиться, и в угодность своему порожденью уступает добрым его желаниям, хотя они чужды ему самому. А я прошу тебя, родитель, уступить и подать руку сыну, который желает превосходнейшего. Но если бы стал я увеселяться худым, исключи меня из числа своих детей, как сына, который признан незаконнорожденным по испытанью в водах благородного Рейна, или как птенца, которого солнечный луч показывает не настоящим порожденьем

чистых орлов. Окажи, превосходнейший, милость, которая будет милостью сколько сыну, столько и отцу, потому что от сына опять перейдет к родителю. Ибо слава детей вменяется в честь родителям, равно как и слава родителей – в честь детям. И награда им общая и бесславие общее.

Иные по легкомыслию, полюбив непрестанные пляски, убийственную борьбу с людьми и губительными зверями, целую жизнь свою провели на поприщах, чтобы снискать благоволение у сограждан и оспорить у других славу, которая ненадолго прогремит в народных устах. Иные истощили и жизнь и богатство на борцов, которые напрасно изнуряют себя на песчаном поприще, и на ездоков, которые в виду разделившихся на части зрителей и с обеих сторон потрясающих восклицаньями воздух, рвутся друг друга превзойти неразумием. Иные ищут разнообразия забав в позоре мужей и жен, в поддельных пощечинах шутам, которые из разверстого рта вместо воплей издают громкий смех. Таковы занятия этих безумцев; так они, шутя, проводят бездельную жизнь! Чему учились, тому и других учат. И им одним наградою за злые дела не острый меч, но выгоды и богатство, потому что услуживают страстям. А между безрассудными не трудно взять верх наиболее злонравным. Так поступают сии люди, и что худо приобрели, то хуже расточают. Впрочем, их ожидает праведный суд.

Тебе же да дарует Бог, чего желаешь, как человек добродетельнейший, то есть, подать руку помощи детям и оказать добро всякому, кому только нужно. Но другим отдай излишнее, а мне предоставь то, что делает человека счастливым. Я желаю не многого, но чтобы самому стать достойным многого, и не слишком далеко отстать от родителей. Что за приятность иметь у себя обезьяну – это безобразие в человеческом виде, разукрашенного золотыми петлями? Наряд не изменяет смешной и глупой наружности. Что за радость ослу носить на себе таланты золота? Осел, хотя и золотом увешан, не перестает кричать по ослиному. Какая польза, ни к чему негодный для сражающихся свинцовый меч спрятать в

серебряные ножны? А таков и человек, который превозносится одною внешностью.

В заключение слова выслушай следующее; и Бог да будет свидетелем сказанного; ибо и Бог есть Слово, царствующее над смертными. С моей стороны, родитель, будут дарованья, нрав, неутомимый труд и постоянное совокупленье воедино дней и ночей; все же прочее да будет от тебя: Бог и время, и лучшая надежда, и советы товарищей, непрестанно поощряющие на доброе. Ибо и дровосеку придает большую силу топор. Не бойся ни моря ни дальнего пути; не жалея ни имущества, ни всего прочего, что может споспешествовать к стяжанию высокой добродетели. Похваляюсь, что я для тебя дороже большего имения, потому что я у тебя первородный, и первый назван отцевым именем, если это, как думаю, имеет какую-нибудь приятность для родителей. Но если владеет тобою любовь к имуществу, или, ежели любовь твоя к сыну походить более на женскую, материнскую, подобна огню, который вдруг воспламеняет солому и тотчас угасает; то в таком случае, не охотно, правда, однако же тобою самим вынужденный к этому, скажу, что никак тебе, родитель, не припишу имени чадолюбивого отца. Напротив того, отец мой, будь для своего сына не человеком, но Богом. Не заграждай источника, который готов произвести из себя большую реку, не дай померкнуть в светильнике свету от недостатка елея; не дай засохнуть растению от того, что не напояется росоносными влагами. Открой родник, поддержи свет, ороси дающее побеги растение.

И ты, мать моя, помоги просьбам моим, чтобы мне было за что возблагодарить вас обоих и именовать родителями не одного моего перстного состава (как говорят иные, замечая, что родители заботятся только о плоти), но и бессмертной души.

От Никовула отца к сыну

Желая быть сильным в слове, желаешь ты, сын мой, прекрасного. И сам я услаждаюсь словом, какое Царь Христос дал людям, как свет жизни, как преимущественный из даров, ниспосланных нам с небесного круга; потому что и Сам Он, превозносимый многими именованиями, ни одним не благоугождается столько, как наименованием: Слово. Но выслушай мою речь. Совет отеческий есть самый лучший, и седина имеет преимущество пред юностью. Время родило историю, а история родила высоко парящую мудрость. По сему уважь слова мои; это для тебя же лучше.

Во всем прочем, сын мой, будь превосходнее отца. Отец радуется, когда добрый сын берет над ним преимущество, и радуется больше, нежели когда сам превосходит всех других. Это согласно с Божескими законами, которыми великий Отец связал вселенную, и, из любви к Своему достоянию, незыблемо утвердил Словом. Но желаю, сын, чтобы ты удерживал в себе отцово свойство – имел больше стыдливости, нежели сколько теперь обнаруживаешь ее пред родителями. И я был сын доброго отца; но из моих уст никогда не выходило такого слова; даже и на языке не держал я чего либо подобного, потому что и Богу не угодны такие речи.

„Если родил ты меня, отец; не велико благодеяние. Ибо произвел ты меня на свет, угождая не мне, но своей похоти и своей плоти. А потом и воскормил! Что ж? Воскормил, кого родил? – Какое неблагодарное слово, разрушительное для мира, оскорбительное для великого Рождения! Природа взаимною любовью связала родителей и детей, чтобы труд, какого требуют рожденные, не утомлял родителей, и чтобы не для смерти мы рождали, оставляя родившихся без попечения. Посему, как справедливо сказал ты, родители ведут страшную войну за детей, не щадя жизни. Так поступают осы, рыси, волы, вепри, рыбы, птицы, а преимущественно пред всеми человеческий род. Если не покоримся этим законам; вся жизнь наша порадеет понапрасну. Но кто же обнимет сына, кто

порадеет ему лучшего, кто даст свое согласие, когда он хочет учиться, или желает чего либо другого, кто отделит ему надлежащую часть имущества, если все, что сын получает от отца, есть долг, а не милость, и если сын, не получив ничего, может нарушить закон стыда, а получив, вправе иметь и язык и ум неблагодарный?

Смотри же, чтобы иной разумный человек не возразил тебе: Не человеческий только мы – род, но и Божий, и Божий прежде, нежели человеческий. Отцы для детей вторичные только орудия рождения от Христа великого Бога. Христос взял землю, но даровал ей ум, и произвел единый род, смешанный из того и другого, произвел земного царя, который – тело, когда зломудрен, и сопричтен к богам, когда благочестив, который туда и сюда порывается многими бедствиями, чтобы при большем числе зол иметь нам неодолимое сердце. Но никто еще не терял до того здравого смысла и не увлекался кипучестью юной крови, чтобы из богоборных уст его исторглось такое злое слово: „Не по моему желанию сотворил Ты меня. А когда сотворил, не дивно, что и почитил. Если же, создав, оставляешь меня; это значит, что смертного создал на место смертного. Дай мне премудрость, дай богатство, потому что дал Ты это многим; дай величие и красоту, первенство в городах, все разящий меч, крепость тела не уступающего болезням, и все прочее, чем люди измеряют великое счастье. Иначе не стану чтить Тебя ни жертвами, ни обетами. Ибо не мне оказал Ты благодеяния, когда связал во мне душу и тело, но Сам, желая славы, привел в бытие меня, как и все иное, чтобы имя Твое, Блаженный, славилось и между земными». Но такие речи предоставим людям богоненавистным и неразумным, которые, став рабами виновника зла, богатство почитают богом. А мы за все, и за благое и за бедственное, будем песнословить великого Бога, что свойственно сынам достойным любви. После же первого Царя прославлю и земных родителей, которые озарили меня светом, чрез которых и в моем сердце воссияла, и всем открылась, воедино сочетающаяся Троица. Умолчу о великом круге мира, о широком небе, в котором сияют два светлые ока; о хребте моря (что для меня чудно) и льющегося и не

выливающегося из своих пределов, а напоследок и о земли, о течении рек, о вдыхаемом нами воздухе, о временах года, о приятности цветов, о природе человека и пернатых, о всем, что Бог предложил в трапезу очам моим. Все сие отец мой передал мне от великого Отца.

Посему не этим должен ты вознаградить за сие родителя, не отважностью, потому что отважность, преступив меру, делается дерзостью. Иначе какой-нибудь более раздражительный отец от моего лица скажет тебе подобное следующему слово: „если природа позаботилась о детях, вложив родителям любовь к ним; то природа же возбранила любить не любящих». Лучше от отца перенести худое, нежели видеть доброе от чужого. И человеку лучше всего смотреть только из рук отцовых. А если отец беден, скуден умом, изнемог телом; что будешь делать? Не заменишь ли ему своею рукою жезла? Не возьмешь ли и ты меня к себе на плечи и не понесешь ли вон из города, как сын Анхизов унес своего родителя от врагов? Или скажешь: «для чего ты произвел меня на свет? и за что требуешь моей услуги?» Дай голос рыбам и птицам воздушным, всему, что дышит и пресмыкается на земле. Дельфин не скажет: «Для чего Ты Царь, сотворил меня сыном моря? Мне не хотелось бы вести непрестанно странническую жизнь в соленой влаге, вдыхать влажный и видеть помраченный воздух. Лучше хочу работать, как вол, пастись на горах, иметь широкие плечи, как быстроногий конь вести жизнь вместе с человеком, нежели царствовать над всеми скользящими по водам рыбами». Волы не мучатся желанием ходить по морям. И злая змея, с усилием изгибаясь на своем чреве, не скажет: «Для чего Ты заставил меня грызть персть на земле? Мне хотелось бы ходить в прямом положении; а Ты определил мне пресмыкаться на чреве». Ворон не пожелает летать подобно орлам и поменяться своею наружностью с царем пернатых. Но всякий любит ту стезю жизни, какая ему назначена. И скудельное произведение никогда не скажет скудельнику: «Для чего ты немилосердно трещишь надо мною своим жестким колесом?»

Все это говорил я тебе, любезнейший сын, чтобы научить покорности твой ум, заставить тебя на весах взвешивать слова свои и не давать им свободы, отсекай все лишнее, ограничиваться же достаточным, не предаваться потоку молодости, но удерживать его стремительность. Когда говоришь; гораздо лучше многое затаить в себе, нежели пустить на воздух какое-нибудь неприличное слово. Никакой нет беды, если останется слово не вымолвленным; – это не ехиднино порождение; оно не проторгнет чрева, и не угрызет матери в отмщенье за губительного отца.

Теперь утрашу твою любовь словом своим, и родительскою снисходительностью развею на воздух сыновнюю дерзость. Не одна дорога жизни, сын мой; потому что и природа не у всех одинакова. У одних она добра, у других хуже и более походит на природу бессловесных, а у иных опять какая-то смесь и доброго и худого; как и земледелец троякого свойства находит землю: или плодоносную, или бесплодную, или такую, которая вместе с пшеницей произращает и терния. Три есть пути, и три цели. Один путь низмен, пробит следами многих, широк, мягок, но приводит к жалкому концу, к стремнинам, к мрачным пропастям, к страшному тартару, где огненные реки, казнь погибших душ и не прекращаемое мученье. Другой путь неглазок, крут, сух, тесен, излучист, с обеих сторон окружен повсюду стремнинами, и проходим немногими; но ведет к благому концу, к звездному небу, к великой славе, бесплотным красотам, к самой чистой, ничем не омраченной благой истине и даже к высочайшему, не имеющему пределов, Свету. Третий путь лежит в середине между первыми; он средней и по воздаянью; не очень труден, и весьма немного приносит славы – это свет слившийся с черною ночью, такое смешенье, которое у мудрых называется сумраком. Путем удобным идут все те, у кого ум развращен, лжецы, человекоубийцы, прелюбодеи, клятвопреступники, андрогины, отцеубийцы, хищники, чревоугодники, которые уподобляются не наполняемым морям, живут смертью, любят собственную гибель.

Одним врагам можно пожелать такой жизни. Добрым же путем идут те, у кого жизнь не на земле: это треблаженные

люди, которые во плоти живут превыше плоти, не связаны супружеством; это презрители мира, небошественные, нестяжатели, единоризцы; они плачут, спят на голой земле, едва переводят дыханье, не исполняют требований чрева, не имеют над собою крова, в одном поставляют славу – вменять ни во что всякую здешнюю славу, и богатство, и нищету, взирать же к единому Богу. Пред ним-то поникаю долу, боюсь и трепещу их, как царствующего в горних Бога, когда приближается Он к человекам. Ибо все они взошли гораздо превыше смертных. А мы идем средним путем; не услаждаемся пороками, но едва касаемся и божественного; у нас заботы о супруге, о возжеленной славе, о детях, об имуществе; для нас дорого все, что приходит в руки.

Конечно, что в этой жизни для меня самое главное – слово, это для обладающего сим даром нерасхищаемое богатство, некрадомое, доброе стяжание, хотя я не все еще изведаль как бы хотелось, не обтек еще на полных ветрилах целого моря наук. Я не верю твоим словам, и похвалы твои меня не пленят, потому что всякая похвала от родного неверна. Однако же преимущественно пред всем другим уважаю тебя, о слава красноречия! Ибо дар слова служит основанием моей жизни; им отличен я от зверей, воздвиг города, изобрел законы, воспеваю великославного Бога, превозношу до небес светлую добродетель, укрощаю бедственное для меня могущество ужасного греха, разделяю миры, мир небесный и этот мир, идущий к разрушению, различаю душу и тело, как изображение и изображаемое, как качества двоякого рода жизни и двоякий конец жизни живых и гибнущих. Сему научил меня Бог, в сем подкрепило меня слово мудрых, в сем утвердила вера, представляя письменное доказательство, как в последние дни прославлены будут доблести добрых, а бесславие порочных начертано на бессмертных столпах.

Быть сильным в слове – и живущему одиноко не скудная жизнь, и помогающему знаменитости славный венец, не весенним подобный цветам, сорванным поутру и увядающим прежде, нежели кончится день. Быть сильным в слове – великое врачевство от страстей; сим укрощаю вскипающий гнев – это

омрачение ума, сим усыпляю скорбь и полагаю меру веселию, не сокрушаясь слишком в обстоятельствах затруднительных, и не надмеваясь благополучием, но одно употребляя в помощь против другого, то есть, надежду – против скорбей, и страх – против благоденствия. Дар слова и царей руководит, и народ привлекает, процветает в народных собраниях, царствует на пирах, утишает брани, делает человека кротким, нежными и ласковыми речами умягчая всякого, сколько бы кто ни был упорен, подобно тому, как сила огня смягчает железо. Думаю, что Орфеевы гусли не иное что были, как дар слова, приятностью звуков увлекавший всех и добрых, и худых; а также и Амфионова лира делала покорными камни, то есть упорные и каменные сердца. Дар же слова разумею и под тем врачевством, которое дал Лаертову сыну его спутник, когда шел он к Цирцев, чтобы мог он оказать помощь своим товарищам, обращенным в свиней, и сам не дошел до необходимости есть свиной корм. Дар слова вижу и в том, что растворила Фонова супруга, Египтянка Полидамна, и подала Елене, как добрый гостинец – беспечальность, негневливость и забвение всех бедствий. А иной, не раз, по милости Божией, избавляясь от губительной брани и от свирепых волн моря, спасал это одно вожденное стяжание, и им увеселялся более, нежели другой многочисленными благами. Ибо дар слова делает человека почтенным в кругу людей; как можешь заключить из примера Одиссея. Без одежды, с сокрушенными членами и бедственным скитальцем спасся он из моря; но как скоро в умной речи изложил свою просьбу, уважила его царица и дева, и представила Феакиянам и царю Алкиною, как чужеземца, претерпевшего кораблекрушение, заслуживающего предпочтение пред всеми другими. Дар слова одерживал верх и над завистью, которая на многих смотрит злыми глазами; потому что зависть любит нападать не на совершенных, но на тех, которые возгордились неожиданно.

О, дар слова, чтобы восхвалить тебя, потребен особенный дар! И как бы я желал, чтобы мое слово равнялось твоим благим вещаниям! Но я одно уловил, другое нашел для себя не по силам; иное же подсказал мне язык любезного сына, изъявив

поспешные желанья своей сединою украшенной юности, что еще более возбуждает мое сердце.

Положившись на свои собственные и родительские молитвы, усердно, неуклонно и с лучшими надеждами стремись, сын, куда желаешь; да будет у тебя тот же добрый спутник, который был у твоего отца. Ибо и на нашу жизнь призирает Божие око. Восхитил ли тебя аттический соловей, или знаменитый город приятной Финикии – обитель авзонских законов, или великий град Александров, откуда иной, нагрузив корабли великим богатством, поспешает в свое отечество; всякая страна да протекает быстро под твоими поспешающими стопами, и произращает под ними прекрасные цветы; да шумят пред тобою приветливо реки, и всякое море легкими дыханьями ветров да приносит корабль твой в пристань; дельфин, в светлых волнах едва зыблущейся морской поверхности извивая хребет змеящимися кругами, да скачет по водам, став путеводителем твоей жизни, как некогда на хребте своем носил он знаменитого певца. Для самых наставников да будешь ты оком красноречия; да считают они сына моего между первыми и любят его наравне с своими детьми. А сладкую чашу наук жадный ум твой да исчерпает до самого дна. Рука твоя да пишет золотые письма на гибких дощечках, и соты да каплют с твоего свитка. А если весеннею порой, когда дыхания ветерков так усладительны для человека, или когда солнце бросает сверху огнистые лучи, сидя под древесными ветвями и углубившись мыслью, будешь трудиться над сочинением; то стрекочущие кузнечики и поющие птицы да сообщают бодрость твоим телесным силам своими сладкозвучными песнями, вызывая на состязанье в песнопении. Но как быстроногого коня, по природе горячего, этими любимыми звуками сделаю тебя еще более быстрым в бегу и еще более жаждущим великославной победы, или поступлю, как престарелый борец, который на поприще в Пизе отдает разумные приказы знаменитым борцам. Ибо желаю видеть сына на этом поприще с оливною ветвью. И как приказываешь, ничего не пощажу, ни имущества, ни труда, к какому обязаны родители, ни всего прочего, что способствует смертным к приобретению великих

доблестей; потому что благоразумная бедность лучше порочного богатства. Не загражу источника, который заключает в себе великую реку; не померкнет свет в светильнике от недостатка елѣя; и леторасль возрастет напѣиваемая присно-живыми водами.

Следующая же песнь да будет тебе от меня напутствием. Вождем и в слове и в жизни своей имей Христа-Слово, Который превыше всякого слова. Не дружись с человеком порочным и негодным: зараза проникает и в крепкие члены. Добродетели своей не сообщишь ты другу, а срамота его жизни падет и на тебя. Избери себе товарищем целомудрие, и им одним увеселяйся, чтобы преступная любовь не изгнала из тебя любви добродетельной. Одно предпочитай превосходству в слове – мудрый навык всегда быть совершенным. Когда же высокий свой ум наполнишь всем, чего желаешь, и станешь возвращаться домой; да будет у тебя видимым для всех вождем тот же, кто и теперь, при твоём отправлении из дома, сопутствует тебе в дороге. Родителям же да будут наградою – твоя любезность и твое доброе имя.

Сего желаю тебе, любезный сын. А если хочешь идти и дальше Гадеса; то и туда вождем твоим да будет Бог. Ничего нет невероятного в том, что человек мудрый, непрестанно исследующий глубины наук, под руководством мужей совершенных, подобных избранному тобою из нашей крови, – ни чего, говорю, нет невероятного, сын, что такой человек достигнет конца высочайшего блага.

К Виталиану от сыновей

О, отец мой, которого Бог даровал мне здесь в бога, Бог несотворенный в бога сотворенного и нетленный – в тленного, чтобы и земные имели честь и славу! Ибо как Царь Христос, Который по великим советам Своим правит миром, есть общий всех Родитель и наилучший Пастырь, так и отец для своих детей есть Бог. Выслушай же с божеским милосердием мое превосходное слово; потому что милосердо выслушивать свойственно великому Богу. Бог не презирает человека, за которого Он умер, которого воскресил с Собою, и к которому придет опять, придет – обличить всех в последний день.

За что наложил ты острые зубы на детей своих? Для чего вторглась в дом твой злорадная месть? Какая злобная Эринна изгнала из него счастье? Без сомненья, ты произошел от добрых родителей, и сам не последний в людях; и о тебе, конечно, радеет Бог, Который любит любящих Его, ненавидит же злых; ибо такой закон был доселе у Бога. Но не могу понять, от чего ты терпишь бедствия, постигающие людей богоненавистных, и так сказать, сам себя поражаешь ударами? Для других природа изобрела непредвиденные скорби жизни, и тем, и другим тревожа род человеческой. Никто не знает, как прекратится великое треволнение многостраннической жизни, какая пристань укроет в себе мой черный корабль. Беспредельное море погубило иного или и живого бросило на сушу, но бедняком; и скитальцем, не имеющим ни покрова, ни одежды сделало того, кто прежде благоденствовал; а что вез с собою, все то поглотила соленая влага. Другой сражался и пал на войне, или пленником достался в убийственные руки врагов. Иной всего, что имел, лишен властелином, который в один день может сделать человека и низким и счастливым. У того немилосердые разбойники отняли все среди дня, а у этого хитрые воры похитили все во тьме. У других же тлетворная болезнь пожрала члены. Но твоего спокойствия благоволил Бог не возмутить ни чем исчисленным мною; и да продолжит Он взирать на тебя благоволителем оком, ограждая и внутреннее и внешнее твое

благоденствие! Но тебе, который не знаешь никакого бедствия, дав силы, не соблаговолил Бог даровать одного, именно, чтобы ты помогал своим детям, соблюдая их как зеницу под благоокруженными веждами. Не благоволил для того, чтобы никто из совершающих плавание жизни не мог сказать: «Я один избежал всех злополучий и скорбей жизни». Что замыслил некогда ты, самосский царь, Поликрат? Убоявшись того, что счастье течет к тебе неудержимо, бросил ты в море любимый свой перстень, желая удовлетворить тем зависти. Однако же перстень получил ты обратно, а смерти не избежал. Но с нас не брала еще никакой дани зависть; потому ни мало не удивительно, если навела она какой-то мрак на дом наш. Ибо действительно какой-то мрак, или какая-то мгла, стоит у нас между детьми и превосходнейшим родителем. И какой певец, искусный в сложении песнопений, оплачет сие?

Подумаешь, что мы своими страданиями доставили древним повод к басне. Некто, влюбившись в собственный свой образ, бросился в источник; его погубило зеркало, в котором увидел свою прекрасную наружность. Не бывало человека, который бы возненавидел собственную плоть свою; однако же слышал я и то, что одна мать, в припадке безумия, умертвила своего любимого сына. Она убила его как дикого зверя, потому что зверем казался ей сын; но когда пришла в разум, оплакивала уже не зверя, но сраженного руками ее сына. А другая мать вонзила меч в собственных своих детей; потому что была раздражена любовью их отца к наложницам. И одного зверолова на горах, вместо быстрого оленя, растерзали скорые псы, которых любил он. Непусти же родитель, чтобы и тебя причислил к сим несчастным какой-нибудь певец, воспоминающий злодеяния родителей и воспевающих бедствия междоусобной брани и вражды между кровными.

Сего боюсь я. Хотя есть и моя вина; однако же виновен и родитель. Даже родитель тем виновнее, что меня с братом превосходит и сединою и честностью нравов. А если и нет его вины; то все же на него падет жалкое бесславие, которое нередко и доброго человека низлагает на землю. Ибо хотя

многим известна истина, однако же немало и таких, которые смотрят на людское мнение. О сем прошу тебя размыслить, родитель.

Как ни встревожен я, однако же, следуя требованию природы, желаю, чтобы родитель мой во всем и перед всеми имел преимущество, и, пользуясь у людей доброю славою, восходил выше и выше. Но как же иной почтет тебя, родитель, человеком снисходительным к чужому, когда столько гневаешься на детей, которых сам родил и некогда просил у Царя Бога, желая держать их на своих коленях, а когда явились мы на свет, почтил пресловутыми именами? Я – Петр, а брат мой – Фока, носим имена учеников Христовых. Но потом гнев, и все забыто. Какой отец, подобно тебе, превосходнейший, бывал так милостив к своим детям новорожденным, и так жесток к детям пришедшим в возраст? Если бы позволительно было вступать в состязание человеку с Богом, или детям с родителями; то, может быть, нашел бы я какое-нибудь слово в облегчение своих страданий. А теперь дозволю устам своим вымолвить только следующее: худы ли мы, или хороши у тебя, отец, – от семени колос. Хорош я, или худ, – твоя слава, и твой же позор. А всякому известно то, что надобно доброго любить, худому же служить подпорой, потому что врачи дают лекарство не здоровым, а изнуренным болезнью. Не о той птице жалеют, которая сидит на ветви, или летит по воздуху, но о той, которая выпала из высокого гнезда, или пронзенная кривыми когтями плотоядного коршуна от сильной боли бьет ногами по воздуху. И негоднейшего сына удостоить своего недра – это милость. А если удостоишь доброго; то вижу в этом закон для отца; потому что добродетельные и у чужих пользуются благосклонностью. И Божеская милость не в том состоит, чтобы приближать к Себе добрых, но в том, чтобы снизойти к худому, и, подняв его с земли, вознести высоко.

И Христос, когда приходил на землю, и водрузил в Божестве своего человека, не за непадших умер, но за тех, которые ниспали до земли и умерли в Адаме. Не слышишь ли о сыне юнейшем, как он, оставя отца и живя блудно, расточил все отцовское имение: а когда голод изнурил скитальца,

возвратился в дом к родителям и преклонил пред ним колена; и отец немедленно сжалился над негодным сыном, обвил руками его выю, пролил слезы и почтил сына пиршественною вечерею? И добрый пастырь овец, когда одна из них отстала от стада, оставил всех прочих, а пошел по следам заблудшей, и как скоро нашел ее блуждающею на горах или в лесах, взял на свои рамена и с радостью сопричислил к любезным ему десяткам. Таков великий закон моего Христа, Который, отвергая высокомерных, благоволит ко всем униженным.

Одно исповедание греха часто спасало человека, горькими слезами омывало вины и очищало душу, очерненную пороками. Не редко седмижды семь раз умилоствуется Царь к беззаконникам, как слышу в Божьем слове (Матф. 18, 22), и как научил меня Дух. Кто из людей хуже царя Манассии? Какой из городов хуже великого Нинова города? Что хуже несытой руки мытаревой? Но Царь Христос умилосердился и над ними, когда восплакались они о грехах своих.

Но что говорить о Христе? для чего упоминать и о человеческой любви, какую природа насадила в родителях к детям? И звери любят свое порождение, если слышал ты о рысях, о кабанах, о стаде круглооких волов, как они трепещут за своих детей и выходят на брань со зверями и с неприязненным для них человеком. Ужели же в тебе такой губительный гнев, какого нет ни в людях, ни в зверях? Укроти свое разгневанное сердце; или тебя, любезный родитель, воскормили неприступные утесы и море, и оттого гнев сделался в сердце твоём тверже адаманта.

Другие, и чужеземцы, и соотечественники, и люди богобоязненные, и безумцы, получают себе утешение из твоего имущества. Дом твой служит общим пристанищем для всех нуждающихся; трапеза твоя приятнее Алкиноевой рощи; много за нею друзей, много на ней и снедей, много всего, что живет в воздухе и на земле, и что плавает в водах. А мы, не омытые, не одетые, окоченевшие от стужи, изо дня в день скитаемся здесь и там по чужим дверям; и нет ни какого облегченья нашему бедствию. С того самого времени, как ты прогневался на нас, родитель, сколько ни желаем, не видим лица твоего; и что

особенно тягостно, в этом не отказываешь ты часто рабам своим, хотя и бываешь на них прогневан. Мы злосчастные сидим за скудной трапезой, и даже, подобно Лазарю, не похищаем малых крупиц с роскошного стола, не пользуемся и тем, чем питаются псы. По твоей милости, многие нами гнушаются, не многие же уважают. Странное дело! отец хвалится бесславием сыновей, которых одна небольшая горсть утешила бы в горести. Помощники для нас обоих хуже самой скорби; а иные и не знают, кто мы и чьи дети; ибо стыжусь и объявить о родителе. Двое, правда, благорасположены к нам; хотят ли они чрез это сами избежать несчастья, или найти облегчение в своих бедствиях, какие наведет на них злобный демон, и чужими напастями надеются искупить собственную свою беду.

Скажу еще более сильное слово; только будь милосерд, родитель; дай нам, по крайней мере, эту отраду в страданиях – не отринь нашего слова. К другим своим детям, родитель, ты столько благосклонен, сколько свойственно человеку, который Бога исповедует своим Отцем. Это – не зависть; единоутробным и не естественно завидовать. Дома в теремах воспитал ты нежных дочерей, обучил рукодельям пред вступлением в замужество, с помощью одной благородной женщины – этого Хирона в женском поле, образовал в них добрые нравы, дал им добрых мужей – людей именитых в гражданском кругу, богатой рукою отделил им часть своего имущества. А нас, которых произвела на свет тебе та же и наилучшая мать – эта благочестивая жена, достойная удивления всех земнородных, о которой, представляю себе, и доселе ты, любезный родитель, часто проливаешь слезы, нас – своих первородных (что весьма важно для отцов) гонишь из своего дома и столько же ненавидишь, сколько дочерям показал свое благорасположенное сердце.

Скажу; и не желал бы, правда, однако же выведу слово наружу, чтоб не разрывало оно меня, затаившись в сердце. Был брак и брачная вечеря; все было полно веселия; там были брачные дары, приветственные речи, приятные забавы. Много было родных, немало соседей; люди высоких чинов при

царском дворе украшали собою брачную трапезу; были и досточестные иереи, которые соединяли чету молитвами своими, и венцами. Вокруг прекрасного юноши толпились товарищи, и величали жениха, уподобляя его красивой леторасли; а жены наряжали черноокою деву к священному браку; отец восхищался детьми. А нас, как будто мы походим на диких зверей или на вепрей, или по действию жестокого демона погубили человеческий вид, нас заперли в доме вдали от сестры; и там мы оплакивали свое вступление в скорбные воды жизни.

Лучше бы мне не зачинаться в матерней утробе, или умереть недоношенным в муках рождающей! А если вступил уже я во врата жизни и привлек в себя роковой дух; то лучше было бы, если бы первый мой плачь стал слезою смерти, и не встретить я таких бедствий! Всего же более огорчило меня одно. Я искусный певец, желал воспеть брак и брачное ложе родной сестры, и своими брачными песнями утолить гнев отца; но, всегубительный демон! и это не было мне дозволено, как человеку ни к чему негодному. Другой воспевал мою красу, эту черную ночь из-под золотистых кудрей восходящую на серебряных ланитах; другой славил мою вечернюю звезду, другой величал мою зарницу; и еще какой-то не добрый певец. А я лежал безмолвный, презренный, покрытый облаком сетования, не мог быть и эхом, которое последние слоги разносит по высоким утесам, когда Пан поет на горах пастушеские песни. Оплачу кончину моих первородных песнопений, и не буду больше петь. Прощайте многозвучные книги! прощайте музы! Что за радость, если песнь моя не касается родительского слуха, если и Орфеево какое-нибудь песнопенье не привлекает к себе издали ни камней, ни зверей, ни птиц на одризских утесах? Воспользуйся от меня и этим, злобная зависть; пусть прекратятся мои песни! А тебе, превосходный родитель, да не воздаст за сие ни Бог, ни кто либо из друзей!

Но вот еще какой тревожит меня страх. Если не любишь нас, добрейший; то не любишь и дочерей, хотя и носишь их теперь на руках и стараешься возвысить. Нас лишил ты своего

дома и любезного лицезрения, а их сделали для всех ненавистными. Ибо Царю родителей – Христу не угодно, чтобы отец к одному был благосклонен, а к другому худо расположен; и Сын Безначального нередко превращает весы, гнев Свой с отца переносит на детей, и обременяет несчастьями любимых. Но да падет сие в глубину моря, да не коснется нашего дома, за настоящими скорбями да не последует новая скорбь! довольно и того, что старших детей твоих гоните Эринна.

Но против тебя, родитель, раздражены все и родители и дети за то, что имеешь неумолимое сердце. Ибо убивает жизнь негодование отца, которого соединили с детьми и естественный союз и любовь, разделила же злая вражда. Конечно, великое к нам сожаленье питают в сердце все те, которые сделали, или потерпели, что-нибудь достойное Бога; особливо же скорбят иереи, которых ты ущедряешь дарами и чествуешь в своем доме, но бесчестишь заочно, а иногда и в лице, как скоро обращаются они к тебе не с одними ласковыми советами и не с благосклонным только взором, но и с жесткими словами. Таковы, во первых, Григорий, который жизнью соответствует своему имени и проповедует устами сочетанное Божество, а потом Воспорий и Амфилохий, которые одарены великой душою. У них и мучительное чувство болезней уступает молитвам, чествованью Троицы и жертвам; а у тебя ни мольбы, ни жертвы не преклоняют сердца. Ты не приносишь сего в дар и добропобедным мученикам. Хотя из года в год ущедряешь их богатой и не знающей счета рукою, созидает в честь их алтари, приносишь дары, устраиваешь пиршества, лики, предлагаешь многие чаши усладительного питья и мягкие ложа, однако же в этом нарушаешь Божий закон. Ибо лучше, принося малость, посвящать Богу сердце, нежели чествовать Его всеми жертвами, но иметь оскверненный ум. Нет дара, который был бы достоин Бога, хотя соберешь все, что приносит людям земля, небо и море; потому что все – Божье. А что же смертный найдете кроме сего? Одна душа есть чистая жертва; а в этом и бедный часто идет наряду, и даже упреждает изобилующего всем.

Уважаю, родитель, и это великодушное намеренье, которыми ты, по Божью внушенью, поставил себя выше многих. Для жалких смертных не то одно рожденье, которое ведет начало от плоти и крови и по которому люди являются на земле, и исчезают вскоре. Правда, что оно самое первое; но потом есть еще рожденье чистого Духа, когда нисходит озаренье на омытых водою. Но есть и третье рожденье, которое слезами и скорбями очищает в нас образ Божий, очерненный грехом. Первое из сих рождений имеешь ты от отцов, другое – от Бога, а в третьем сам ты себе – родитель, и служишь для мира прекрасным светилом; потому что расторг мирские узы, вне брения поставил свою ногу, избег огня, угрожающего Содому, с низких равнин укрылся в возлюбленный Сигор, не озираешься на испепеленные города, на все свои стяжанья пробрел одну добрую жемчужину, поселясь в пустыне, совокупил воедино Христа и чистый свой ум, распростер облако над земным миром, от которого сам отрешился, воздвиг стену между ним и собою; прекратил наглость чрева – этой ненаполнимой пропасти, презрел высокие седалища, надмевающие человека, поверг долу кичливую гордость и тщеславие высокомерия. Одна для тебя слава – великий Бог и благочестивые, которые для тебя дороже кровных по плоти. Все уступило кресту, к которому пригвоздил ты разбойника, т. е. мир. Всеночными гимнами и дневными песнопениями славословишь ты Трисиянное озаренье небесного Духа. Все это прекрасно, родитель, и близко уже к совершеннейшему пределу; предел же сей, по моему мнению, – умосозерцаемый, а не в зеркале видимый, Бог.

Остался в тебе только один гнев – эта приятная для тебя отравка, и снедает душу твою, как неприметная ржа – твердое железо. Такое несчастье постигло тебя по злобе вероломного змея; он и прародителей, чрез малое вкушенье, изринул из рая и отдалил от Бога, от Которого сам отпал. Но укроти страшный гнев свой, родитель! И у нас есть Царь – Христос, в благоволеньи Которого сам ты имеешь нужду. Будь неразумным детям своим таким же отцом, каким желаешь иметь к себе Бога

во время скорбей, если бы когда-нибудь встретилась с тобою не легкая печаль.

Не ты один, родитель, произвел на свет подобных себе, не тебя одного печалит непокорные дети. Случалось нередко видеть, что отец снисходит и к грубым порокам непутного сына. Иной, не зная меры в игре, а иной, предавшись пагубному пьянству и позорной любви, расхитили дом; другой дошел и до того, что обращается к отцу с укоризненным словом, и даже руки у него поднимает Эринна. Однако же добрый отец оставишь гнев и на таких детей; потому что владычица-нужда не училась писанным законам. И она без труда врачует в родителях гнев на сыновей. Много, видя, не видят, потому что не желают видеть; многое падает им в уши, но они не слышат, чтобы обличеньем не вызвать детей на страшную дерзость, и не заглушить в них стыда – этого доброго помощника родителям. Ибо от оскорбления рождается дерзость, а от благосклонности – осмотрительность, особливо же в детях, которые имеют в виду близкую славу, покоряются не насилью руки, но узам убеждения.

Как огонь в соломе, так и досада в отце на детей, держатся недолго. Гнев воспламенит язык, а жалость еще прежде его угасит. Язык вымолвил укоризненное слово, а ум изрекает уже утешенье, подает руку, чтобы поддерживать бремя, и сам оплакивает причиненную скорбь. Давид, один из знаменитейших царей в Авраамовом потомстве, ко всем был милостив, а к детям своим до того снисходителен, что подавлял в себе гнев и досаду даже на отцеубийц. Вот доказательство! Когда возмущившийся против царя в тенистом лесу погиб от сучка и лошака; Давид не только слезно оплакал его, как доброго сына, но наказал, как убийцу, возвестившего о смерти.

А ты, увлекшийся недобрым советом, что видел, или что потерпел от нас худого, и питаешь в сердце своем неукротимый гнев? мы не отнимали у тебя, государь, отцовской власти, не похищали ни колосьев с твоего поля, ни волов, или овец, или коней из твоих стад; мы не доходили до такого безумья, чтобы осквернить твое ложе (это ненавистно!) или вступить в коварные замыслы с людьми тебе неприязненными. Если отец

гневаются за что либо подобное сему; нечего и сказать напротив; но в твоих сыновьях один порок; мы оказались хуже тебя – совершеннейшего родителя; а ты никому не уступаешь первенства ни в наружном виде, ни в величии. У нас не свободно течет слово, и на языке лежат узы. Или мы погрешили в этом; или ты, наилучший, не захотел дать детям совершеннейшей природы.

Здесь положим конец слову. Царь – Отец и всевышний Сын, подай руку и благоволи соделать милостивым ко мне родителя! Вот касаемся брады твоей, родитель, объемлем у тебя колена, как у Бога; да узрим же и лице твое, как Божье. Не супружества, не приличного богатства, не высокого дома просим у тебя; дай только руку и воззри благосклонно.

И ты, мать моя, которая, как видал я во сне, и отцу моему являясь в сонных виденьях, утоляешь гнев его своими молениями, напоминаешь ему о своей любви и согласном супружестве! упроси своего супруга стать милостивым к детям твоим. Есть мера в наслаждении пеньем, есть мера и в жестокой брани.

И если убедил я тебя, родитель; то довольно для нас понесенных бедствий. А если не внемлешь мне; то и у детей есть Бог. Будем скитаться, как и прежде. Твоя постраждет слава, если останемся непризнанными, если умрем. О, если бы хотя по смерти нашей пролиты были о нас слезы благосклонного отца!

К Селевку

(Сие послание приписывается св. Амфилохию, Епископу Иконийскому, и в древних списках имеет надпись: «от Амфилохия к Селевку»)

Прекрасному и доброму сыну Селевку, отрасли благородного корня, приказывая радоваться, сам желаю порадоваться на твою жизнь, похвалиться твоими сведениями и нравами.

Во-первых, имей страх Божий и любовь к Богу, потому что Бог для всякого благомыслящего есть начало и конец целой жизни. А во-вторых, сын мой, выработай свой нрав, чтобы он был кроток, смирен, воздержен, тверд, приятен, независтлив, правдив, мужествен, мудр, степенен, трудолюбив, постоянен, целомудрен. Вот украшение для юных и для старых – обогащаться не имуществом, а добрыми нравами! Добрые нравы – это твоя собственность; а имение – вещь обманчивая; оно издевается над недугом богатолюбия и любит улыбаться то одному, то другому, подражая обычаю неверной блудницы, которая разными способами обманывает многих любителей, с одним сближается, другого убегает, тому и другому показывает свою привязанность и ни к одному не имеет искреннего расположения. Богатство по природе своей не имеет в себе никакой твердости; оно уподобляется бурным волнам моря, которые в непрестанном своем стремлении то надувают, то опадают. Поэтому, сын мой, богатея непрестанно добрыми нравами, и будет у тебя сокровище, которого не расхищают воры, на которое не устремляются доносчики, которого не вычерпывают своими руками и притеснители, не истребляет оружие варваров, но которое, оставаясь в обителях бесплотных, безопасно соблюдается в сокровищницах души, и его не поедает стремительная сила огня, не покрывает волна глубокого моря.

Сберегая это богатство, в собственном смысле тебе принадлежащее и сродное, не допускай его до ржавчины упражнением в науках, занимайся стихотворными книгами,

историческими писаниями, красноречивыми произведениями витий, тонкими рассуждениями философов. Но со всем этим обращайся благоразумно; с мудростью собирай отовсюду полезное, с рассудительностью избегай всего, что в каждом писателе есть вредного, подражай работе мудрой пчелы, которая садится на всякий цветок, но весьма умно берет с каждого только полезное. У ней наставницей сама природа; а у тебя есть рассудок. Обильно пожинай, что может доставить пользу, а если что приносит вред, заметив дурное, лети скорее прочь, потому что ум человеческий быстро парит. Посему, что ни написано в похвалу добродетели у воспевающих ее и, напротив, осуждающих порок, то изучай тщательно, утверждай мысль и красоту речения. А что суесловили они о богах, какие по научению демонов написали нескромные басни, достойные смеха и слез, сказки, того бойся, как силков и сетей. Когда же будешь читать то и другое, и смешные сказания о богах, и прекрасные рассуждения; тогда презри богов-сластолюбцев, уважь же рассуждения и, как бы с одного растения, обойдя тернии, сорви розы. Вот наилучшее для тебя правило, как читать языческие писания! На какие же писания прилично тебе обратить все свое внимание, о том скажу после, а сперва намерен предложить тебе следующее.

Молодому человеку всеми силами должно избегать бесед с людьми порочными и не искать в них услаждения. Много людей, которые походят на шелудивых или другой какой болезнью зараженных животных. Они вводят в искушение простодушных юношей; будучи опыты в хитрых обманах, хотят и им передать все свои пороки, как болезнь, чтобы закрыть грехи своим участием в них многих. Остерегайся их, ибо, по слову Павла, «тлят обычаи благи беседы злы» (1Кор. 15,33) Да, тебе строго надлежит соблюдать следующее правило: имей отвращение от непристойных песней, какие поются в театрах, в зверинцах, на конских ристалищах; гнушайся неприятным зрелищем страданий, житейскими суетами, гидрой наслаждений, неблагоприличными наставлениями людей развратных, для которых одно только отвратительно – целомудрие. Служители их позора имеют искусство гордиться поруганиями – это

лицедеи смешного; они привыкли к пощечинам; еще прежде велось: бритвой обрили у себя стыд; стали складочным местом всякого распутства и срама; для них обратилось в род искусства – в глазах у всех и терпеть, и делать все непозволенное. А иные из них (еще более жалкий народ) поругали в себе славу мужей, извращениями членов извратив самую природу; это изнеженные мужи, мужеобразные жены, а если говорить правду: ни мужи, ни жены, потому что одним быть перестали, а другим не сделались, и как по нравам уже не то, чем они должны быть по природе, так по природе не могут быть тем, чем желали бы стать по своей превратной воле; это какая-то загадка распутства, какая-то нерешенная задача страстей – мужи в женском, а жены в мужеском образе. Что же сказал бы иной о заразительности срамных песен, о стихах, ослабляющих добрую настроенность сердца, о свирелях, о плясках блудных вакханалий, за которые у этих жалких людей назначаются даже награды? Чего достойно все это? Похвал ли, зрения и восхищения или слез и рыданий? У них властвует смех, естество предается поруганию, воспламеняется разнovidный огонь сластолюбия; воздвигаются зрелища для позорных дел, не тайно бесчинствуют пороки, но предлагаются награды за худые наставления. Ты же гнушайся сим, не опозоривай дев, избегай всякого растления очей, и девы да соблюдутся у тебя невинными.

Но еще более убегай от кровавых зрелищ, представляемых семи чревоугодниками, у которых бог – чрево. Как рабы чрева, этого гнуснейшего из недугов, они служат злым его велениям. А чрево, жестокий властелин прочих членов, заседая внутри, предает их диким зверям и с жадности пожирает добытую за них цену. Так прожорливое чревомучительски вторгает в гортани зверям родные свои члены. А сидящие зрители бесчувственны к этим страданиям; и если человек спасается от зверей, издают вопли, как будто больше самих зверей обманулись в ожидании и просидели понапрасну. Но как скоро человек пойман зверем, испускает жалобные крики, отчаянно вопит и лижет плоть, – во взоре каждого из зрителей пропадает всякая жалость. И едва увидят они потоки крови, с удовольствием поднимают громкие

рукоплескания; радуются при виде того, о чем надлежало плакать; принимают живое участие в зверях, и который из них поймает человека, того поощряют на большую жестокость, раздражают его гнев, как будто сами насыщаются вместе с зверями и за одно с ними пожирают человеческую плоть. И такой горький конец жизни находят для себя эти злые продавцы собственных членов, сперва рабы сладкого куска, и потом сами – снесь зверей, люди ненавистные в жизни, жалкие в смерти. Члены же их иные погребены в зверях, другие безжалостно растерзаны зубами, а иные, полурасторгнутые и разбросанные с разнообразными содраганиями, как будто вскакивают, ищут еще случая убежать и представляются бегущими. Не оскверняй же ока своего мерзостями жестоких зрелищ, не смотри на обнаженные тела умирающих людей, на пресытившихся ими зверей, на эти ходячие гробы, и на собратий твоих, поверженных на землю.

И зрелище конских ристалищ, которое кажется для многих не столько жестоким, также есть болезнь и язва для души. Оно делит между собой города, возбуждает народ к мятежу, учит браням, изоощряет язык на злословие, рассекает на части гражданские братства, вооружает одно семейство против другого, позорит старцев, ввергает в бешенство юношей, воспламеняет вражду между искренними друзьями, попирает законы, отваживается на зло, которое еще горестнее исчисленных, то есть в пособие неистовствующим призывать чародеев способствовать победе, и одну болезнь питает новой болезнью. Ибо как скоро разгорячатся и дойдут до жаркого спора, тотчас бегут к чародеям; а те обращаются к лукавству демонов и с их помощью производят падения, сокрушения, убийства; так как полчище бесов радуется нашим бедствиям. Из этого ясно видно, что зрелище конских состязаний, кажущееся кротким, гибель для душ, потому что доводит до споров, до драки, а сверх того причиняет явный ущерб имуществу. И сколько домов расстроило оно мгновенно! Скольких богатых заставило просить милостыню! Сколько городов, прежде благоустроенных, разорено им до основания! От него буйный мятеж обаграл руки народа кровью властителей, силой оружия

доводил города до безлюдства, предавал их в добычу огню и мечу, наказывая за убийства убийствами и за кровопролития кровопролитиями. Посему какой целомудренный человек сделает предметом зрелища не быстроту коней, но состязание чародеев, мятеж, порождающий убийства, язву городов?

Но ты вместо этого увеселяйся науками, с помощью которых, что всего предпочтительнее, образуются нравы. Когда же ум твой, как на поприще, достаточно изведает силы свои в различных произведениях словесности, тогда займи его богодухновенными Писаниями, собирая великое богатство двух Заветов, одного ветхого и другого, всегда нового; ибо Завет, написанный после первого, есть новый и не будет иметь после себя третьего. Охотно посвяти им все свое внимание; из них научишься, как образовать в себе добрые нравы, как чувствовать единого истинного Бога, Который есть вечная единица и Троица, Отец с Сыном и с Пресвятым Духом, Троица, раздельная в Лицах, Единица естеством. Посему не сливай Ипостасей численно и, обратно, поклоняясь Богу, не рассекай естества. Одна Троица, один Бог Вседержитель. Такова преутонченная тайна благочестия! И путь истины действительно тесен – это стезя, сжатая и окруженная стремнинами. Кто поскользнулся с нее в ту или другую сторону, тот падал в глубокие пропасти заблуждения. Так случилось с Савеллием, который приближается к иудеям, и с Арием, который подражает идолослужителям, один сливает Ипостась Лиц, другие злостно делят сущность. Но ты неуклонно держись среднего пути; разделяй, сколько нужно, и сочетай, сколько позволительно, потому что Троица сочетается неслитно, а также и Единица делится нерассекаемо, ибо естество нерассеваемо, а Ипостаси вечно пребывают совершенно неслитными. Будь и ты хранителем сих догматов, и как искренним исполнителем заповедей, так мудрым во всех таинственных созерцаниях, непрестанно преуспевая и никогда не надмеваясь. В таком случае процветет в тебе вящая благодать.

Смотри! Верный Моисей, сей Божий человек, образец добродетельной жизни, обучившийся первоначально всей

египетской мудрости, хотя воспитан был в недрах богатства, однако же добровольно предался бегству, стал бедным, и египетскую роскошь променял на рабскую трапезу пастырей в пустыне, славе мучителей предпочитая скорбную жизнь; пока не был признан достойным совершенных видений, пока не узрел величайшую тайну ангела, явившегося в огне горящей купины. А потом удостоенный того, чтобы первому из живших тогда услышать глас Божий, и, приняв власть, избавляет уже от рабского ига стенающий народ и по Божию определению делается начальником всего племени. Но, достигнув и такой высоты, не превозносится, а называет себя «худогласным и косноязычным» (Исх. 4,10), говорит, что он немощен, чтобы, думая о себе смиренно, быть крепким. Блуди в себе и ты образец такой жизни, образуй себя по подобию Моисея. И сведения свои в эллинской словесности, как судья, который произносит приговор по закону, покори (что и прилично) в служение свободе истинных догматов и премудрому умозрению Писаний. Ибо сама справедливость требует, чтобы духовная мудрость, как высшая и происшедшая от Бога, господствовала над ученостью земною, как над служительницею, которая должна не гордиться напрасно, но обучаться к скромному служению. Ибо земная мудрость да будет рабой мудрости Божественной!

Но, впрочем, особенно тебе надлежит знать и то, что не всякая книга, имеющая достоуважаемое имя Писания, несомненно такова. Ибо есть, точно есть, и лжеименные книги, и из них иные составляют нечто среднее, смежны со словом истины, а другие подложны и крайне сомнительны, как монеты поддельного чекана и состава, которые, хотя имеют на себе царскую надпись, но, по причине подмеси худшего вещества, не соответствуют надписанной цене. Посему наименую тебе каждую из богодухновенных книг и, чтобы раздельнее узнать тебе сие, переименую сперва книги Ветхого Завета.

Пятикнижие включает в себе Творение, Исход, в середине Левитскую книгу, за нею Числа, потом Второзаконие. К этим книгам присовокупи Иисуса и Судей, потом Руфь, четыре книги Царей, две книги Паралипоменон. За ними следует Ездра

Первый и потом Ездра Второй. После этого наименую тебе пять книг стихотворных венчанного за подвиги в разнообразных страданиях Иова, книгу Псалмов – благопотребное врачевство для души, три книги Соломоновы: Притчи мудрого, Экклесиаст и Песнь Песней. К этим книгам присовокупи двенадцать Пророков: первого Осию, второго Амоса, потом Михея, Иоиля, Авдия и Иону – образ Его трехдневного страдания, после них Наума, Аввакума, девятого Софонию, потом Аггея, Захарию и двуименного ангела Малахию. После них обрати внимание на четырех Пророков: свободно вещающего, великого Исая, сострадательного Иеремию, таинственного Иезекииля и последнего Даниила, мудрейшего и словом, и делами. К этим причисляют некоторые Эсфирь.

Теперь уже мне время сказать и о книгах Нового Завета. Принимай четыре только Евангелия: Матфея, потом Марка, к нему присовокупи третьего Луку, Иоанна же считай по времени четвертым, а по высоте догматов первым, ибо справедливо наименую его сыном громовым, он всех громче возгремел о Божиим Слове. Принимай и вторую книгу Луки, книгу вселенских деяний Апостолов. После этого присовокупи сосуд избрания, проповедника языков Апостола Павла, который премудро написал Церквям четырнадцать посланий: одно к Римлянам, к которому нужно присовокупить два послания к Коринфянам, одно к Галатам, одно к Ефесеям, после этого одно к живущим в Филиппах, потом одно написанное к Колоссянам, два к Фессалоникийцам и два к Тимофею, еще к Титу и к Филимону, к каждому по одному посланию, и одно к Евреям. Иные послание к Евреям называют подложным, но говорят несправедливо, потому что в нем подлинная благодать. Что же еще остается? Соборных посланий принимать нужно, по словам одних – семь, а по словам других – только три, одно Иаковлево, одно Петрово и одно Иоанново; некоторые же принимают три Иоаннова послания, два Петрова, и сверх того седьмое послание Иудино. Подобным образом Апокалипсис Иоаннов иные причисляют, а многие называют подложным.

Таков да будет нелживейший канон богодухновенных Писаний. Если будешь повиноваться им, то избежишь сетей

мира, а суету надежд повергнешь долу и щедрой рукой станешь рассеивать нищим скоротечное богатство в ожидании несомненной жатвы, потому что посеваемое здесь вносится в небесную сокровищницу. Последуй же Христу, премудрому Божию Слову. И ты, преблаженный, преисполненный всех утешений, для многих, и старых, и юных, явишься звездой, потому что благочестивая жизнь сияет паче звезд. Лик Пророков, Мучеников, Апостолов, тебя, как собственный член их сонма, окружит и увенчает с победными рукоплесканиями; и ты, стяжав нескончаемую славу, возрадуешься как ликовствующий среди ангелов венценосец.

Будь здоров и помни написанное. Приветствуй от меня тетку свою Олимпиаду – сей одушевленный образ честности, чистоты и подвижничества, сию печать веры.

Если бы ты, Селевк, пожелал знать число посылаемых к тебе ямбов, то да будет тебе известно, что их триста, столько же десятков и три единицы. Ибо желаю, сын, чтобы всегда была для тебя вожделенна Троица.

Двенадцать патриархов

От великого отца Иакова произошло двенадцать Патриархов: Рувим, Симеон, Левий и с ними Иуда; потом рожденные от наложниц: Дань, Нефеалим, Гад и Асир; а потом опять благородно рожденные от супруг: Иссахар, Завулон, Иосиф и последний Вениамин.

Египетские язвы

Всегда перечисляй в уме казни зломудренного Египта и трепещи великой Божьей силы. Воды этой земли сперва побагровели в *кровь* (Исх. 7,19), а потом воскипели губительными *жабами* (Исх. 8:5–6). В-третьих, воздух и земля покрылись *скнипами* (Исх. 8,17). В-четвертых, явились внезапно *песии мухи* (Исх. 8,24). В-пятых, истребительная смерть постигла четвероногих животных (Исх. 9,6). Шестая скорбь – «гнилые струпы» на телах человеческих (Исх. 9,10). В-седьмых, шел *град* вместе с *огнем* – этот дождь из несоединимых стихий (Исх. 9:23–24). В-восьмых, *саранчею* истреблено все прозябающее из земли (Исх. 10:14–15). В-девятых, ночь покрыла египетскую землю (Исх. 10, 22). Десятая казнь – смерть первородных (Исх. 12,29).

Моисеево десятисловие

1. Сии десять законов Бог некогда начертал на каменных скрижалях, а ты напиши у себя на сердце.

2. Не знай иного Бога; потому что чествованье возможно только одно – единого Бога.

3. Не ставь ничтожного кумира и бездушного подобия.

4. Никогда не воспоминай напрасно имени великого Бога.

5. Храни всякую субботу, и выпреннюю, и прикровенную.

6. Блажен, если родителям приносишь благодарность, если, где нужно, бегаешь осквернения рук человекоубийством, чужого брачного ложа, злонамеренного воровства, ложного свидетельства и желания чужой собственности – этой искры, воспламеняющей смерть.

Чудеса пророков Илии и Елисея

Многочисленны чудеса Илии-Фесвитянина. Сперва он питался воронами, потом сам немногими остатками масла и муки богато накормил сарептскую вдовицу, у которой и сына воскресил из мертвых своим дыханием. Он удержал и потом ниспослал дождь от Бога, попавив жертву необычайным огнем при необычайных священнодействиях. Потом без пищи провел многие дни, обратил в пепел двоих пятидесятников, перешел Иордан, рассекши его овчиною, на огненной колеснице взошел на небо, а Елисею ниспослал вместе и дар, и благодать.

Рассмотри и Елисеевы чудеса. Он перешел Иордан, рассекши его овчиною, посредством всыпанной соли сделал источники дающими плодородию, а детей-ругателей истребил зверями, жаждущему воинству извел токи вод из Едома; потоками елея освободил от долгов вдовицу; а Соманитянине сперва даровал, а потом воскресил сына; у диких зелий отнял смертоносную силу и скудной пищею спас многих от голода; очистил от проказы Неемана-Сириянина, а Гиезию послал сию болезнь; потом сделал, что секира всплыла из глубин Иордана на его поверхность; омрачив взоры Сириян, предал их врагам, предсказал обилие пищи войску; и мертвый воскресил мертвого близлежащими своими костями.

Родословие Христово

Писал о Христе великий Матфей, писал и превосходнейший Лука, и один внес в книги одно, а другой – другое родословие. Оба сии родословия низводят Христа до крови первоначального. Но почему же один евангелист ограничился большим, а другой меньшим числом праотцев? Река родов до царя Давида у обоих евангелистов не раздельна, а потом течет двумя потоками, которые напоследок сливаются, идя, как к безбрежному морю, ко Христу. А чтобы увидеть тебе это, послушай мое слово.

Давыдовы сыновья были Соломон и Нафан. Один из них, как ток великой реки, струил царственную кровь, а другой кровь святых и светочных иереев. Христос же стал тем и другим, и великим Царем, и Архиереем. Посему Матфей написал Духом Божиим потомков Соломоновых, а Лука обратился к Нафану. Но из двух этих родов, в одном поток вышел длиннее, а в другом короче; что и не удивительно: ибо не в собственном смысле один другого короче, а только число родов в них неравно. А таким образом разделившееся в начале потом слилось в одно.

Но реши мне этот вопрос: каким образом Иосиф произошел от двух отцов? Узаконено было Моисеем: ежели еврей умирал, не оставив после себя семени, то, чтобы память его не истребилась между людьми, один из братьев или ближних родственников умершего обязан был, взяв любезную его супругу и имение, восстановить семя и дом умершему. А потому и о Богочеловеке открыл я следующую сокровенность. Матфей, который ведь род от Соломона, был женат на Есфане; но по смерти его Есфану имел женой Нафанов потомок по имени Мелхий. И она родила сынов – одному Иакова, а другому Илию. По смерти же Илии, поскольку у него не осталось рода, и дом, и супругу его немедленно взял себе рожденный по одному с ним отцу Иаков и родил брату доблестного сына Иосифа. Так Иосиф был сын Иакова, а закон приписывает его Илии. И один из евангелистов, Матфей, указал на естественное происхождение, а другой, Лука – на законное. Посему и ты перестань возмущать прекрасное согласие евангелистов.

«Каким же образом Бог, явившийся на земле, ведет род Свой от Давида царя? От смертной матери произошел бессмертный Бог? Как же от Иосифа? Он был сын Девы: и по Марии потомок Левиин, потому что Мариам была от Аароновой крови, о чем свидетельствует нам ангел. Возвещая Богоподобной Марии о рождении Предтечи великого Света, обеих матерей возвел он к великому Аарону. Колена же царское и священническое между собой не смешивались».

Неправда! Колена были разделены, но и смешивались многократно. Еще в древности дочь великого Аарона ввела в знаменитый свой дом Наассон, а он был шестой от Иуды. После же, когда ассирийским оружием истреблен город и все потрясено владычеством вавилонян, не строго уже соблюдалась несмешиваемость колен. Так Христос возводится к царям и по матери, и, как просил я заметить, по мнимом отце. При Августе царе, когда облагали всех податями, и каждый в отечественном своем городе записывался в перепись, в Давидово отечество – Вифлеем, который принял в недра свои великого Христа, вскоре приходят записаться и обрученная жена и целомудренный Иосиф, потому что оба одного были племени. И здесь при яслях мать Дева родила Царя всего мира. Таким образом, и по отцу возводится Он к царям.

Великий Лука вел родословие в обратном порядке – от Христа к Адаму, Адам же ко мне пришел для Христа. Божьей рукой приведен в бытие первый человек Адам; от Адама же произошел Сиф, от Сифа Енос, от этого четвертый Каинан, от Каинана Малелеил, от Малелеила Иаред, родивший сына Еноха, который живой взят на небо. От Еноха же был Мафусал, который родил сына Ламеха, и это отец Ноев. Сим был сыном этого Ноя; от Сима произошли Арфаксад, Каинан, Сала; а сына Салы именуют Евером, а сын Евера – Фалек; от Фалека произошел Рагав, а этот родил Серуха, который родил Нахора. За сими следовал Авраам, сын Фарры, сына Нахорова. Авраамов же сын Исаак родил Иакова, а Иаков Иуду. А Иуда от Фамары родил Фареса, Фарес Есрома. Есром Арама (Есром Иорама, Иорам Арама), и этот Аминадава, и Аминадав Наассона, Наассон же Саломона, Саломон Вооза, от Вооза

произошел Овид, Овид родил Иессея, а от этого произошел великий Давид. Сыном Давидовым был Нафан, который родил сына Матфана (Маттафая), и сей Маинана, Маинан Мелеая, а сей Елиакима, Близким Иоаннана (Иоанна), Иоаннан Иосифа, Иосиф Иуду, от этого родился Симеон, от Симеона Левий, от Левия Матфан (Матфат), от Матфана Иорим, от Иорима Елиезер, от Елиезера Иосаф (Иосий), от Иосафа Ир, от Ира Елмод (Елмодам), а у этого был сын Косам, у Косама Аддий, у Адия Мелхий; от Мелхия произошел Нирий, от Нирия Салафиил, Зоровавель, Рисай, Ионан, Иуда, Осок (Иосиф), Семей, Матфий (Маттафий), Мааф, Наггей и Елим (Еслим). От Елима произошел Наум, Амос, Маттафий, Иосиф, Ианнай, Мелхий, Левий, Матфан (Матфат), Илий, Иосиф.

Так Лука; а как же великий Матфей? От Авраама до Давида согласно со сказанным выше. А там, где Лука перешел к священническому поколению, Матфей ставит род царей. Теперь скажем, сколько их было и как именовались сыны Давидовы: Соломон, Ровоам, Авия, Аса; от Асы произошел Иосафат, а седьмой был Иорам; потом Озия, Иофам, Ахаз, Езекия, Манассия, Амон, Иосия; а после этого Иехония, которого отвели пленником в Вавилон, Салафиил, Зоровавель, Авиуд, Елиаким, Азор; от Азора Садок, от Садока Ахин (Ахим), от Ахина Елиуд, от Елиуда Елиезер (Елеазар), от Елиезера Матфан, от Матфана Иаков, самый же последний, мнимый отец Христов, Иосиф.

Двенадцать апостолов

У Христа, великого Бога, двенадцать учеников: Петр, Андрей, Иоанн, Иаков, пятый Филипп, шестой Варфоломей, потом Матфей, Фома и Иаков Алфеев, Иуда, Симон, и другой Иуда, о котором лучше бы не упоминать.

Христос на корабле

Некогда Христос на корабле покоился естественным сном, а море колебалось от бурноносных ветров, и пловцы в ужасе вопили: «Пробудись, Спаситель, и помоги гибнущим! Царь, проснувшись, повелел утихнуть ветрам и волнам. Тогда бывшие на корабле уразумели в сем чуде чудодействующего Бога».

Чудеса Христовы по евангелию от Матфея

По Матфеевой книге таковы чудеса, которые совершил Царь Христос, вступивший в Единение с человеческой плотью.

Во-первых, избавил от лютой болезни – проказы (Матф. 8, 1–4). Во-вторых, укрепил члены сотников раба (Матф. 8, 5–13). В-третьих, рукой Своею угасил жар в теще Петровой (Матф. 8, 14–15). В-четвертых, утишил великое волнение и ветры (Матф. 8, 23–27). В-пятых, послал бесов в свиней в Гергесинах (Матф. 8, 28–32). В-шестых, отяжелевшими членами взял одр свой (Матф. 9, 2–7). В седьмых, Христос остановил источник кровей в прикоснувшейся к Нему кровоточивой (Матф. 9, 20–22). В-восьмых, дочь князя возвратилась на свет (Матф. 9, 18–25). В-девятых, Он даровал свет слепцам (Матф. 19, 27–29). В-десятых, немой, по изгнании беса, стал говорить (Матф. 9, 32–33) – В-одиннадцатых, Христос разрешил от уз сухую руку в субботу (Матф. 12, 10–13). В-двенадцатых, освободил от беса глаза и слух (Матф. 12, 22). В-тринадцатых, наполнил двенадцать коробов, насытив пятью кусками хлеба пять тысяч мужей (Матф. 14, 16–21). В-четырнадцатых, взошел по водам на корабль, и волнующееся великое море покорилося Его стопам (Матф. 14, 24–33). В-пятнадцатых, изгнал он духа из хананеянки, склоняясь на усиленные мольбы ее матери (Матф. 15, 22–28). В-шестнадцатых, исполнил семь кузовов от семи хлебов, между тем как число насыщенных было четыре тысячи (Матф. 15, 32–36). В-семнадцатых, преобразился в Божественный образ и просиял перед учениками паче солнца (Матф. 17, 1–8). В-восемнадцатых, по просьбе отца, освободил от болезни его любезного сына, который страдал в новомесячии (Матф. 17, 14–18). В-девятнадцатых, на пути даровал свет очам иерихонских слепцов, сидевших при дороге (Матф. 20, 29–34). В-двадцатых, возвратил зрение очам и разрешил расслабевшие колена Матф. 21, 14), изринув из храма всякую скверну (Матф. 21, 12–13); на пути же из Вифании совершил величайшее чудо – немедленно иссушил смоковницу, которую нашел бесплодной (Матф. 21, 18–19). Потом излилась глубокая тьма с креста, когда

отходил свет (Матф. 27,45), раздралась широкая завеса храма (Матф. 27,51); поколебалась земля, расселись в земле камни, и пробужденные мертвецы оставили гробы (Матф. 27,52–53). Наконец, и Сам, в третий день отверзши гроб (Матф. 28,1–7), явился вскоре возлюбленным Своим (Матф. 28,16–17) в Галилеи.

Чудеса Христовы по евангелию от Марка

Марк, поверив слову великого служителя – Петра, написал для Авзонян следующие чудеса Божии. Бес (Мк. 1, 23–26), горячка (Мк. 1, 30–31), проказа (Мк. 1, 40–45) и расслабление членов (Мк. 2, 3–12) уступили слову Христову, потом сухая рука распростерлась (Мк. 3, 1–5). Еще Христос укротил силу ветров или моря (Мк. 4, 36–41); Ему покорился легион (Мк. 5, 1–20); Он остановил кровавый ток (Мк. 5, 25–34); накормил многих пятью хлебами (Мк. 6, 35–44). Потом связал море и ходил по водам (Мк. 6, 47–51), изгнал беса из Финикиянки (Мк. 7, 25–30) в знамение Тирянам и Сидонянам; исцелил глухонемого (Мк. 7, 31–37); еще накормил тысячи семью хлебами (Мк. 8, 1–9); и слепой увидел свет (Мк. 8, 22–26). Потом просияло лицо Его (Мк. 9, 2–8); изгнав беса, разрешил узы языка (Мк. 9, 14–27); и Вартимей, слепец из Иерихона, увидел свет (Мк. 10, 46–52). А когда Христос, взалкав, нашел смоковницу бесплодной, единым словом предал ее смерти (Мк. 11, 12–21); еще исцелил слепых и хромых близ храма.

Чудеса Христовы по евангелию от Луки

Лука, поверив слову великого служителя Христова Павла, описал следующие четырнадцать Божьих чудес: бес (Лк. 4,33–35), горячка (Лк. 4,38–39), проказа (Лк. 5,12–14) и расслабление членов (Лк. 5,17–25) уступили Слову, и сухая рука распростерлась (Лк. 6,6–10). Потом сделал здоровым сотникова раба (Лк. 7,2–10), вдове в Наине дал сына, воскресшего из мертвых (Лк. 7,11–15), словом Своим очистил от грехов женщину, которая помазала миром чистые ноги Его (Лк. 7,37–50); усмирил ветры (Лк. 8,22–25) и великий легион (Лк. 8,27–39); остановил течение крови (Лк. 8,43–48); возвратил к жизни дочь Иаинову (Лк. 8,41–56); пятью хлебами и двумя рыбами накормил в пустыне пять тысяч мужей (Лк. 9,12–17); явил блистание Своего лица (Лк. 9,28–36); изгнал злого беса из юного отрока (Лк. 9,38–42), и другого беса, связывавшего язык (Лк. 11,14); а также исцелил еврейскую женщину, скорченную лютым недугом (Лк. 13,11–13); освободил от водного бремени (Лк. 14,2–4); очистил десять прокаженных, из которых один был Самарянин (Лк. 17,12–19); даровал свет сидящему при дороге слепцу из Иерихона (Лк. 18,35–43). А также Лука описал и те знамения, какие видели во время смерти Христовой, и когда Христос из мертвых явился Своим возлюбленным.

Чудеса Христовы по евангелию от Иоанна

В священной Иоанновой книге найдешь немногие чудеса, но многие речи Христа Царя. Был брак и виночерпцы растворяли вино из воды (Ин. 2, 1–10). Христос сказал, и страждущий сын царедворца исцелел (Ин. 4,46–53). Сказал и взял одр свой, не избегший от уз в купели (Ин. 5,1–9). Потом совершил чудо пяти хлебов (Ин. 6,1–13); потом ходил по кипящему морю и спас учеников (Ин. 6, 17–27). Исцелил слепого от рождения, помазав ему брением очи (Ин. 9,1–41). Четвертый был уже день, и Лазарь возбужден из гроба (Ин. 11,1–44). Напоследок и Сам Христос Царь, Который умер за мертвецов, и восстал, чтобы оживить их, открыто беседовал со Своими друзьями (Ин. 20,21).

Притчи Христовы по евангелию от Матфея

Вникни и в загадочный смысл прикровенных Христовых слов, что значат: дом, построенный на сыпучем песке (Матф. 7,26–27), одинаковое семя, но не одинаково падшее на землю (Матф. 13, 3–8); и доброе семя, к которому приметались семена вражеские (Матф. 13, 24–30); дерево из малого горчичного семени (Матф. 13,31–32); а также закваска, сокрытая в муке (Матф. 13, 33); поле, покупаемое ради сокровищ (Матф. 13,44); драгоценная жемчужина, которую купец приобрел за все, что имел (Матф. 13, 45–46); невод, извлекий из моря всякого рода рыб (Матф. 13, 47–48); поднятая на плечи заблудшая овца (Матф. 18, 12–13); царь, немилосердный к служителю, который был немилосерден к своим должникам (Матф. 18, 23–34); последние, получившие плату, равную с первыми (Матф. 20, 1–15); два сына, посланные в виноградник, ни в чем между собой несходные (Матф. 21, 28–30); виноградари, предавшие смерти наследника (Матф. 21,33–40); гости, собранные с распутий на пир в брачном чертоге (Матф. 22, 1–13); неусыпные девы со светильниками (Матф. 25,1–12); господин, разделивший рабам по неравному числу талантов (Матф. 25, 14–30); козлища, поставленные напротив овец (Матф. 25, 32–33)!

Притчи Христовы по евангелию от Луки

Лука упомянул о следующих притчах: о положившем надежное основание на камне (Лк. 6, 47–49); о том, кто больше получает благодетей и больше любит (Лк. 7, 41–43); о семени, которое пало на четыре рода земли (Лк. 8, 5–15); о путнике, который попался в руки разбойников (Лк. 10, 30–36). Потом некто, безвременно пришедши к дверям, просит и получает не худое (Лк. 11, 5–8), нечистый дух вселяется с другими семью духами (Лк. 11, 24); богатый, обрадовавшись множеству плодов, предаётся напрасным надеждам, не зная, где будет (Лк. 12, 16–21). После этого и то, что, ожидая возвращающегося с брака Христа, должно бодрствовать, и как можно лучше пользоваться служением Ему (Лк. 12, 36–40); и то, что бесплодная смоковница облагается навозом (Лк. 13, 6–9); закваска (Лк. 13, 20–21); нищие на браке (Лк. 14, 16–24); радость о найденной драхме (Лк. 15, 8–10), и о найденной овце (Лк. 15, 3–7); отец, сжалившийся над падшим сыном (Лк. 15, 11–34); домостроитель, который, благоразумно обкрадывая господина, каждому из должников его прощает некоторую часть долга (Лк. 16, 1–8); Лазарь и богач (Лк. 16, 20–31); докучливая просьба вдовицы (Лк. 18, 2–5); мытарь и кичливость фарисея (Лк. 18, 10–14); равный раздел десяти мин (Лк. 19, 12–27); злонравные земледельцы, убийцы своего господина (Лк. 20, 9–16).

Притчи Христовы у четырех евангелистов

Боюсь, чтобы, основание жизни положив на песке, не разрушиться мне от рек и ветров.

Боюсь, чтобы, подобно семени, которое пало на сухую и бесплодную землю, и мне, прозябнув скоро, еще скорее не засохнуть, когда ударят в меня солнечные лучи и легкие напасти, или не быть съеденному птицами и подавленному терниями.

Боюсь, чтобы сеятель негодных плевел и завистливый враг во время моего сна не подмешал худого семени, и чтобы мне, когда на прозябшие вместе и добрые, и худые растения наложу руку прежде, нежели они выколосятся, не погубить с плевелами и доброго растения; потому что немногие имеют опытную руку и умеют истреблять одни плевелы там, где добродетель и порок, обитая попеременно, стали между собой близкими, и где худое вырастает вместе с добрым.

Хвалю малое горчичное семя, которое, при всей своей малости, весьма скоро разрастается в дерево, и достигает такой высоты, что делается приютом для птиц небесных.

О если бы и мне, возлюбив красоту Твою, драгоценная и знаменитая Жемчужина, стать великим купцом, и, продав все, что у меня есть, до последнего хитона, получить взамен дорогое стяжание, и сделаться богаче всех, когда приобрету единственную из всех драгоценность или сокровище, сокрытое на поле в земных глубинах!

Знаю и то, что целый мир вовлечен в сеть, когда ловцы людей, исполняя веления Христа Царя, обложили его своею сетью, чтобы плавающих в горьких волнах сей жизни исторгнуть из глубин моря и представить Христу. Но когда будешь произносить суд о сей ловле и пойманное делить на части, меня не отбрасывай вдаль, как одну из негодных рыб, но вложи в сосуды для сбережения Царю.

О, если бы мне в великий, прекрасный и цветущий Божий виноградник войти с раннего утра и понести большой перед другими труд, а награду и славу получить наравне хотя бы с

последними! Чему завидовать, если Бог равняет с трудами и одно желание трудиться?

Отец посылал в виноградник сыновей, чтобы позаботились о нем, и сначала послал старшего. Он охотно принял приказание, но не исполнил отцовского желания, как обещал, а младший сын отказался исполнить приказание, однако же исполнил по моему мнению, лучше, да и родителю был бы приятнее обоим такой сын, который бы и принял приказание, и исполнил надежду.

Но те, которые уготованы огню, убьют наследника вне виноградника.

Вот и брачный пир, который устраивает добрый отец, радуясь наилучшему сыну. О, если бы на этом ужине было место и мне, и всякому, кто со мной единомыслен! Но вне пира останется тот, кто брачному веселью предпочитает или село, или пару новокупленных волов, или жену. Боюсь и того, чтобы из среди пирующих, которые одеты по-брачному, одного меня, у которого осквернены одежды, не связали по рукам и по ногам, и не изринули из брачного чертога далеко и от друзей, и от брачного пира.

Когда же десять чистых дев, бодрствуя, с зажженными светильниками и с неспящими очами ожидают вождя Жениха – Царя Бога, чтобы им светлыми выйти навстречу Приходящему с веселием; тогда не поставь меня в числе бедных умом и юродивых дев, чтобы мне, уже в самое пришествие Христова, отягченными от сна очами заметив едва мерцающий блеск светильников, слишком поздно не пожелать для себя каплей елея светлой жизни, и запертые двери не преградили мне входа на брак, где Слово, великими узами любви сопрягаясь с чистыми душами, дарует им дерзновение и славу.

Когда же, Царь мой, возвращаясь с брака, придешь внезапно и к ожидающим, и к неожиданным, о если бы мне тогда оказаться в числе ожидающих и заслужить похвалу, как доброму служителю, имевшему страх, снисходительному к подначальным и правдивому раздаятелю жить – твердого слова!

И в грозный день, при разлучении овец и козлищ – людей благочестивых и неправоверных, не поставь меня на сторону козлищ, но вели стать мне с овцами по правую руку, по левую же руку да останутся одни худшие!

Если есть во мне какой-либо светоносный светильник, да светит он вне, поверх свещника! Но хорошо и то, чтобы иное видел во мне один Бог, Который оком Своим всех назирает.

О, если бы мне всегда и больше всего любить Бога, посылает ли Он что-нибудь горькое, или доброе, потому что все для меня прекрасно!

Но если на меня, по выходе из великого Христова града, нападут разбойники, то не допусти, чтобы я погиб от убийственных рук.

И если извлечешь из меня дух жизни, то враг да не нападет на меня со своим множеством, как на человека, ни к чему не годного!

Не губи, о, Царь, бесполезной смоковницы, но подожди еще плода; не посекай меня, но приложи попечение обновить мои силы!

Обретя драхму, овцу и совершенно погибшего сына, одну на земле, другую в горах, и третьего у ног, в жалком состоянии возвратившегося в отчий дом, причти меня опять, о, Царь, к числу Твоих сынов, овец и драхм!

Поскольку Царь добр к моим немощам, то да не буду и я немилосердным истязателем подобных мне рабов! И хорошо, если бы у меня достало благоразумия тайно убавить нечто из их долгов, чтобы в последний иметь себе помощь при нужде!

Желал бы я быть Лазарем и здесь, и в будущей жизни, потому что другой был высокомерен здесь, а там стал бесчестен, и за пресыщение мучится в пламени.

Не буду высокомерным; ибо я – негодный мытарь, и слезами привлеку к себе милосердие; а фарисеи пусть будут унижены!

Если же изнуренную вдовицу отошлю когда-нибудь от дверей своих ни с чем, или из собственных рук, вместо желанного хлеба или вкусной рыбы, подам кому-нибудь камень

или страшную змею, прикрывая приветливостью вражду, то и сам да получу такое же воздаяние от Бога!

Если у меня к одним кладовым приложена уже печать, а другие наполняет быстролетная надежда, то ночь да истребит меня и мои пустые грезы!

Нет, нет, не желаю того, чтобы талант, какой вверил мне Бог, уделивший другим большую благодать, и поровну всем разделенная мина, то есть дар естественного слова, остались в руках моих не употребленными в дело; напротив, пущу их в обращение, и лучше получить мне за это славу, чем подвергаться строгому наказанию и позору.

Определения, слегка начертанные

«Бог» есть сущность и первая доброта.

«Мир» – сопряжение скоропреходящего и умопредставляемого. А то, что каждую вещь делает той, или иной, есть природа.

«Природа» невещественная – «ангел»: , первая тварь.

Но что такое ангелы, уклонившиеся от доброго? Это «демоны». Первый из них, бывший некогда Люцифером, есть изобретатель и начальник безобразной тьмы.

«Вещество» же – основа для образов, вторая тварь.

А «красота» вещества – вид вещества, облеченного в образ.

Взаимный предел скоропреходящего и умопредставляемого есть «небо».

«Природа» звезд – круговращающийся огонь.

А «свет» есть воспламененное озарение и в душе разум. «Тьма» бывает двоякая, как отсутствие двоякого озарения.

«Век» есть протяжение, непрестанно протекающее не во времени.

А «время» – мера солнечного движения.

«Земля» есть отверждение вещества, окружаемого небом.

«Огонь» есть естество горящее и стремящееся вверх.

«Вода» – естество текучее и падающее вниз.

«Воздух» – наполнение пустоты и вдыхаемый поток.

«Я человек» – Божье создание и Божий образ.

«Тело» – вещество и протяженная дебелисть.

«Стихия» есть первоначальная часть тела.

«Душа» – природа оживляющая и движущая; с моей же душою соединены разум (λόγος) и ум (νους).

«Жизнь» есть сопряжение души и тела; равно как смерть – разлучение души с телом.

«Ум» – это внутреннее и безграничное зрение; а дело ума – мышление и впечатление в себе мыслимого. «Разум» – разыскание впечатлений ума; его ты выговариваешь посредством органов речи.

«Ощущение» есть какое-то принятие в себя внешнего.

«Память» есть удержание в себе впечатлений ума, отложение памяти – «забвение»; а отложение забвения есть опять какая-то память, которую называю «воспоминанием».

Под «хотением» понимаю наклонение ума и встречу чего-то такого, что в нашей власти; но иного и хотеть недолжно.

Движение, куда я хочу, – это «свобода».

Я движение такое с усилием называю рвением; а произвольность есть насилие воли.

Под «суждением» понимаю различение предметов.

«Вожделение» есть пожелание или прекрасного, или не прекрасного; а вожделение воспаленное и неудержимое – это «любовь».

«Раздражение» есть внезапное вскипание в сердце; раздражение продолжительное – это «гнев»; а раздражение, в котором человек помнит зло и замышляет сам сделать зло, есть «злопамятность».

«Терпеливостью» называю переваривание в себе скорби; а спокойно встречать обиду означает «негневливость»; древние обыкновенно называли это «кротостью».

Навык к доброму почитай «добродетелью», и напротив, навык к худому – болезнью, противоположной добродетели. И первую признавай даром Божиим, а последнюю – своим изобретением.

«Красота» есть соразмерность во всем; а «гнусность», по моему рассуждению, есть поругание красоты.

«Мужество» есть твердость в опасностях; «дерзость» есть смелость, где не надлежало бы отваживаться; а какое-то сжатие сердца, когда надлежало бы на что отважиться, есть «робость».

Не поддаваться удовольствиям – это есть «целомудрие»; а поддаваться удовольствиям – это называю «распутством».

Не домогаться того, чтобы иметь у себя больше других – это «справедливость»; а выступать из пределов равенства – это «несправедливость».

«Благоразумие» есть опытность в делах.

Под «мудростью» понимай созерцание сущего.

«Простота» есть какой-то навык быть недеятельным к злу. А «двоедушие» есть коварство нрава. «Удовольствие» есть какая-то разнеженность души.

«Скорбь» есть угрызение сердца и смущение, а «забота» – это кружение; высшая же ее степень – «беспокойство».

«Рассуждение» есть противопоставление суждений о том, что делать.

«Решение» есть установление определений ума в одном.

Отказ от определений ума считаю «беспечностью».

«Зависть» есть сокрушение об удаче ближних; а «злоречие» сверх того и вредит из зависти. Но упрекать людей порочных есть похвальная страсть.

«Стыд» есть какое-то сжатие сердца от страха подвергнуться позору; а презрение стыда есть «бесстыдство».

«Прилежание» есть какая-то стойкость в предположенном; ослабление этой стойкости называю нерадением. Лень же есть неподвижность к чему бы то ни было.

«Ревность» есть то подражание, то какая-то скорбь о том, что нежность тайно питают к постоянно любимому предмету; древние называют это «ревнивостью».

«Хвастливостью» называю надменность сердца, а «кичливостью» – воспламенение сердца, производимое легкомыслием. «Горделивый», по моему мнению, любит выказывать себя перед другими. А «спесью» называю самоуслаждение.

Иметь «смиреномудрие» значит не думать о себе и того, чего бы заслуживал; притворно выказывать свое смиреномудрие есть «насмешка».

«Щедрость» – когда просто дает кто другому деньги; а «расточительностью» называю пожирание денег; «скупость» же есть бережливость на деньги.

«Пышность» есть блистательность в делах; а «щепетильно» – и о маловажном думать много.

«Великодушен» тот, кто все переносит с благодушием; а не переносить и малости – знак «малодушия».

«Честолюбие» есть умеренное желание чести; а «суетность» простирается далее меры; желание же пустых

отличий есть «тщеславие».

Казаться таким или таким есть «слава» (δόξα); а иное дело – «мнение» (δόξα), то есть, наши представления о вещах.

«Обида» есть неблагородный поступок, или неблагородное слово человека неприязненного. Злоречивый старается опозорить. Порицание друга, не подвергающее наказанию, есть «упрек». Обвинение же в чем-нибудь заслуживающем наказание есть «жалоба». Если жалоба несправедлива, то делается «клеветой». А если принесена еще тайно, то назову ее «ябедой». Какой-нибудь безотчетный упрек есть хула. А «злаязычен» тот, кто против всех вооружает свои уста.

«Обходительность» есть развязность в беседе; а «ловкость» обращения – смелость, кроме слова, в движениях; «глупость» же есть неумение сказать слово кстати.

«Смех» есть судорожное движение щек и трепетание сердца.

Неумеренное употребление вина назову «пьянством»; непристойное состояние упившегося есть «опьянение»; а «похмелье» – неприятное следствие вчерашнего опьянения.

«Убийство» бывает двоякое – или тела, или образа Божьего; а в том и другом случае разрушается вожденная гармония.

«Блуд» и «прелюбодеяние» также бывают двоякого рода: это или какое-то похищение чужим телом или и демоном, когда любовь, какую обязаны мы питать к Богу, питаем к врагам Божиим. Но тот, кто чтит и золото, есть также «идолопоклонник».

Если приобрести что-нибудь для души есть «польза», то лишить ее чего-нибудь есть «вред».

«Жалость» есть сострадание к несчастью; а «милосердие» проявляется когда мы оказываем какое-нибудь благодеяние страждущему.

Известный навык в делах есть «нрав»; а «поведение» – такой образ действия, в котором выказывается нрав.

«Обучение» есть образование делом и словом.

«Совершенное слово» врачует злых; а «несовершенное» губит и добрых.

Под «созерцанием» понимай размышление об умопредставляемом; а деятельность есть некоторое действие, относящееся к тому, что обязаны мы делать.

«Навык» есть какое-то постоянное качество, а произведение навыка называю «действием».

«Искусство» есть заведенный порядок действия по опыту; а такой навык, от которого и отступить невозможно, называется «знанием».

Что само не ради чего-нибудь, тогда как другое ради сего, то называю «концом»; а «цель» есть то, к чему стремимся в конце.

Под «прошением» понимай испрашивание необходимого; под «молитвой» – испрашивание лучшего; под «обетом» – обещание умиловительной жертвы; а «умиловительная жертва» есть дар, приносимый в честь.

«Похвала» есть доброе слово о чем-нибудь моем. «Хвала» есть благоговейная похвала Богу. «Песнь», как думаю, есть мерно сложенная хвала. Псалом в соединении с пением делается «псалмопением».

Говорить о чем-нибудь действительном, как оно есть, – это «нелживость»; а говорить не так, как оно есть, это «ложь», говорить же вопреки есть «словопрение», и что хуже этого в жизни?

«Клятва» есть уверение при Боге как посреднике. И соблюдение того, в чем клялся, есть «верность клятве».

Под словом «набожность» понимаю и почитание демонов. А «благочестие» есть поклонение Троице. «Отречение от Бога» будет, как унижать Одно из Трех Лиц, так и не чтить со-естества в Боге.

«Вера» бывает двоякая, одна по убедительности слова, а другая по какому-то на все готовому согласию. И первая есть правильная, потому что начальником слова – само Слово.

«Надежда» есть общение с отсутствующим предметом; а прекращение такого общения называю «отчаянием».

«Любовь», по моему определению, есть единомушие; а «любовь к Богу» – одновременно и путь к обожанию.

«Ненависть» есть какое-то отвращение, порождающее вражду.

«Лицемерие» есть скрытая горечь.

«Любить» человека значит воздавать честь Создателю; «служить нищим» значит воздавать честь Обнищавшему ради нас.

Тот «страннолюбив», кто себя самого признает странником.

«Безмятежность» жизни есть вожденный мир, особенно же мир душевный, то есть утишение страстей.

«Вражда», по моему мнению, есть разномыслие и раздор. А вражда и война – изобретатели зол.

«Чистота» есть общение с Богом.

«Скверным» и «скверной» считай грех.

«Очищение» есть омовение нечистот; а нечистотой считаю и запечатление в себе худого.

«Бракосочетание» есть законный плотский союз.

«Девственность» есть исшествие из тела.

Тот «монах», кто живет для Бога, и притом для Него единого, а «монастырь», по моему мнению, есть учреждение, которое имеет целью спасение.

«Грех» есть уклонение от доброго, не допускаемое ни законом, ни природой.

«Закон» есть судебное определение того, что мне делать, а «заповедь» есть Владычное повеление.

«Преступление» есть худой поступок при существующем законе. Под беззаконием понимаю неподчинение законам.

«Первый закон» есть иудейство, а второй – таинство страдания. Один скрыт и истребляет служение демонам; а другой – ясен, и разрушает гадания.

«Воплощение Христа в человеческом теле» есть новое создание меня, человека, потому что Бог во плоти пострадал моим страданием. Он вполне воздал за все мои долги, по милости к Еве родился от женщины, но от Девы; ибо и первое Его рождение есть от единого Отца, и Бессупружный произошел от бессупружных. А перепись была как образ последовавшего Божия вписания. Повитие «пеленами» – взамен Адамовой наготы. «Избиение младенцев» – это отменение младенческих

преобразований. «Идущая звезда» – это поклонение твари. «Приходящие волхвы» – это вступление язычников в Церковь. «Крещение Христово» было очищением вод для меня. Дух – это засвидетельствованное родство. «Пост» – умягчение на борьбу со врагом. «Искушение» было познанием хитрости Божией. «Терновый венец и облечение в порфиру» – это отнятие державы у врага в открытой борьбе. «Крест» – это победное знамение; и деревянный – знамение древа. «Гвозди» – это пригвождение моего греха. «Распростертыми руками» Христос все объемлет. А «вкушение желчи» противоположно Адамову вкушению. Один из «разбойников» спасся – это уверовавший Адам; а другой был худ, хотя и пригвожден к кресту. «Тьма» от шестого часа – это плачь о Страждущем. А «распадение камней» побеждает камни. «Воскресение мертвых и вшествие во град» – это представление умерших в небесах. «Кровь и вода», вместе истекшие из ребра, – это двойное крещение купели и страдания, когда время гонений принесет опасности. «Смерть Иисусова» есть истребление смерти во мне. «Воскресение Христово» из мертвых – мое освобождение из ада. «Вознесение Христа в небеса» и меня поднимает ввысь.

Рассмотрим теперь и то, что за этим следует.

«Народ» – это собрание богопочитателей.

«Храм» – это освященное место очищения для народа.

«Дар Богу» – это очистительные жертвы.

«Богоприимная трапеза» – это чистое хранилище даров.

«Священство» – это освящение мыслей, приближающее человека к Богу, и Бога к человеку.

«Таинство» есть невысказанное богочестие.

Под «благодатным дарованием» понимаю Божественное даяние Духа.

«Пророчеством» называю проповедь о сокровенном.

А «Евангелие» – это проповедь о новом спасении.

«Апостольство» же есть содействие проповеди.

«Оглашение», преподаваемое юным, есть ведение слова.

«Покаяние» – обращение к лучшему.

«Закливание» – изгнание демонов.

«Купель» есть печать второй жизни.

«Просфоры» – общение Божьего воплощения и Божьих страданий.

«Знамение» есть чудное событие, выходящее из ряда обыкновенных.

«Огненные языки» – присутствие Духа.

«Человек душевный» далеко несовершенен; «человек плотской» крайне предан страстям, а «человек духовный» недалек от Духа.

Кто «антихрист»? Зверь, исполненный яда, человек многомогущий.

А что такое «отступление» (2Сол. 2, 3)? Это недавний, наизлейший отступник, или господствующее ныне учение, рассекающее Бога.

После него Христос опять придет во славе Отца и с телом, чтобы видели Его богоубийцы. После него воскресение, или сопряжение сложного. После него скончание – разрушение существующего, а может быть, и некое изменение к лучшему. После него суд и страх.

Что же такое «суд»? Собственная и внутренняя тягота, или легкость совести, и приравнение жизни к закону.

А бодрость жизни, по моему мнению, есть «блаженство».

Что же такое «царство»? Созерцание Бога, Его славословие и песнопение совокупно с ангелами.

«Тьма», уготованная самым злым, – это отпадение от Бога. А «червь» и огонь – потребление вещественной страстности. Если же и что иное лучшее, то и сие не вне возможного Богу.

А что такое случай, Промысл, судьба? – «Случаем» было бы нечто совершившееся само собой, без всякого к тому основания. Промысел есть руль, которым все приводит в движение Бог. «Судьба», как я сам себе представляю, есть цепь Божиих предначертаний.

Таковы мои определения в первом их очерке!

Надписи

1. К храму Илии, называемому Вдовым.

Вот, странник, сидонская Сарепта, вот башня той вдовицы, которая гостеприимно приняла у себя пророка Божьего, Илию Фесвитянина, когда голод опустошал города, и у нее было немного масла в сосуде, и только горсть муки скрывалась в водоносе! Но все это без бережливости отдав пришельцу, открыла она в даре своем какой-то источник, из которого напился ее дом. Илия не только накормил ее сына, пока он был жив, но и умершего забрал из мрака смерти. И мать, которая оплакивала свою бездетность, снова стала матерью без новых болезней рождения.

2. К церкви, которая из идольского капища обращена святым Григорием в храм Божий.

Древний был я древним город, который наполняли демоны, а теперь, восставленный руками Григория, соделался храмом Христовым. Удалитесь от меня, демоны!

Надгробия

Софисту Прозерсию.

Не много величайся, после этого Кекропсов город Небольшого пламенника не возможно сравнивать с солнцем; и другому смертному нельзя спорить в красноречии с Прозерсией, который некогда приводил в потрясение мир новородящимися речами. Аттика произвела вновь возгремевший гром. А весь сонм высокоговещих софистов уступил Прозерсию. Уступил; однако же зависть и Прозерсия покорила смерти. Неславны теперь стали Афины; бегите, юноши, из Кекропсова города!

Грамматику Феспесию.

Увы! увy! Феспесий, и ты умер; завистливая смерть и тебя сокрыла в могилу! Но слава и умершего Феспесия не умрет; так обильно источал ты новородящиеся речи; и Аттика взывает: «кто теперь поддержит славу моей мудрости?»

Мартиниану.

1. Перед тобою горы и море, нечестивец! Пользуйся равнинами, засеянными пшеницей, и стадами четвероногих. Таланты золота и серебра, драгоценные камни и тонкие шелковые нити – все это жизнь приносит в дар живым. А умершим остается немного камней, и те им дороги. Но ты и сюда заносишь руку, несчастный, не страшась, что иной, по твоим же законам, но более правдивыми руками, может разорить и твою могилу.

2. Когда Мартиниан вступил в общую всех матерь – землю, тогда восплакали все города Авзонии; обитатели всей Сицилии и широких пределов земли остригли себе волосы: потому что удалилась от людей сама Фемида. Но мы, вместо тебя объемля твою славную могилу, всегда будем показывать ее приходящим, как нечто священное.

3. Послушайте, Христоносцы и вы, которым известны права живых и честь, подобающая умершим! Все я оставил – царский двор, отечество, род, славу. Увы! увy! во всем имел я преимущество; однако же теперь почтенный всеми Мартиниан

сталь небольшою горстью праха. Уроните же слезу на мою могилу, но не налагайте на нее рук.

4. Я – гробница заключаю в себе благородного Мартиниана, стихотворца, витию, судью, превосходного во всем, победоносного на морях, воинственного на суше. Но прочь от могилы, пока не потерпели чего худого!

5. Не объявляйте войны умершим, злодеи; много и живых. Не объявляйте войны умершим. Я – Мартиниан приказываю это всем живым! Не справедливо завидовать мертвым в том, что есть у них несколько камней.

6. Счастливый, в доброй старости, безболезненно, занимая первое место при царском дворе, достигнув высоты священной мудрости, умер я, если вы слышали о каком-нибудь Мартиниане. Но прочь от моей гробницы; не заносите на меня неприязненных рук!

7. Отойди, отойди прочь! ты предпринимаешь не добрый труд – потревожить камни и мою могилу. Отойди! Я – Мартиниан приносил пользу живым, и мертвый здесь имею немалую силу.

8. Великая похвала Каппадокиян, пресветлый Мартиниан, и могилу твою чтим мы смертные! Ты некогда составлял силу градоправителей в царских твердынях, а оружием приобрел Сиканию и Ливию.

9. Клянемся державою бессмертного и царствующего в горних Бога, клянемся душами мертвых и твоим прахом, знаменитый Мартиниан, клянемся тебе, что на твой памятник и на твою гробницу никогда, никогда не поднимем руки, как на святыню.

10. Рим, цари мои и концы земли – вот памятники Мартиниану, которых не разрушит время. Однако же боюсь за эту небольшую могилу, чтоб ей не потерпеть чего-нибудь; потому что у многих руки не святы.

11. Вот надгробный камень славного Мартиниана, если слышал ты о римском правителе из благородных Каппадокиян, который украшался добродетелями всякого рода. Но, что прах его, облобызайте памятник и могилу.

12. Никогда не поднимал я руки на умерших и не искал себе приобретений в гробницах; клянусь в этом правосудием и

умершими. Поэтому и ты не заноси железа на мои камни; а если занесешь, да падет это на твою голову! Вот о чем просит тебя Мартиниан. Если слава моя дорога тебе; то пусть всегда стоит моя гробница!

Ливии.

1. Одно здание; но внизу могила, а вверху храм; гробница храмоздателям, храм добропобедным мученикам. И храмоздатели покрыты уже сладостным прахом, – а это ты, Ливия, блаженная супруга Амфилохиева, и ты, прекраснейший из сыновей, Евфимий! Примите же их, Свидетели истины; примите и тех, которые еще остались в живых!

2. Лучше бы жить тебе, Ливия, и твоим любезным чадам! Лучше бы достигнуть тебе врат старости! Но теперь еще прекрасную, еще блистающую цветами юности, сокрушила тебя преждевременная смерть. А супруг твой, Амфилохий, вместо доброй и разумной супруги, увы! увы! имеет перед собою жалкую гробницу.

3. Увы! увы! и Ливию покрывает прах. Никогда не подумал бы, что эта женщина была смертная, смотря на ее наружность, кротость и целомудрие, которыми она превосходила весь пол свой. Поэтому тебя и умершую почтили таким гробом трое твоих сыновей и супруг твой Амфилохий.

Евфимию.

1. Подлинно была чета, чета священная, в двух телах единая душа, и по крови, и по славе, и по мудрости, по всему родные братья, два Амфилохиевы сына, Евфимий и Амфилохий – светлые звезды для всех Каппадокиян. Но грозно на обоих взирала зависть, и одного лишила жизни, а другого оставила; но в нем уже одна половина Амфилохия.

2. Вития между витиями, певец между певцами, слава отечества своего, слава своих родителей, едва достигший юношеских лет и не давно в чертог свой призывавший любовь, умер Евфимий. Какая жалость! вместо девы нашел он себе гроб, и за днями предбрачных веселий наступил день плача.

3. Двадцатилетний Евфимий столько знаком был с эллинскою и авзонскою музою, сколько другой не ознакомился бы и с одною из них. Он сиял и красотою и благонравием. Но

теперь сошел в землю. Увы! увy! как скороспешна зависть в рассуждении добрых.

4. Светло просиял людям Евфимий, но не на долго; потому что и блеск молнии бывает не продолжителен; просиял же вместе и мудростью, и наружною красотою, и доброоердечием. Все это составляло прежде славу Каппадокиян, а теперь стало причиною слез.

5. Плачьте, источники, реки, рощи, сладкопевные птицы, с вершины дерев прекрасно поражающие слух, ветерки, своим шелестом навевающее тонкий сон, и цветники собравшихся вместе Харит! А тебя, прелестный сад Евфимиев, сколько славных соделал умерший Евфимий; потому что ты носишь его имя! Если бывал кто прекраснее всех юношей, так это Евфимий. Если есть какое поле прекраснее всех полей, так это его Элизий. Потому и собрались вместе все Хариты. Хотя покинул жизнь Евфимий; однако же оставил свое имя этому восхитительному месту.

Амфилохию 1.

И Амфилохиево любезное для нас тело перешло в величественную гробницу, а душа удалилась, отлетев в блаженные обители. Что нужно для ближних, всем владел ты, блаженнейший, нашел ключ разумения для всякой книги, смертным ли она писана, или пренебесна, а в любезную землю сошел уже в старости, оставив детей, которые лучше и родителей. Человеку невозможно и пожелать большего.

2. Амфилохий, встретив бодрую старость, охотно присовокупил свое тело к телам супруги и сыновей. Он был счастлив, благороден, силен в слове, служил защитою для всех ближних, благочестивых, благородных, ученых; он был преобильным раздаятелем слова. Воззри же, друг, на это надгробное писание одного из твоих товарищей. Все ты, о блаженный, общее врачевство нищеты, о крылатые речи, о источник, из которого все черпали, все ты оставил с последним дыханием. Но одна вечно цветущая слава последовала за тобою, восхищенным отселе. Сие написал Григорий, словом возблагодарив за слово, которому научился у тебя, Амфилохий.

3. Амфилохий умер; рушился прекрасный храм витийства, какой еще оставался у людей. Восплакали Хариты, сошедшись с Музами, особенно же восплакало о тебе любезное отечество – Диокесария.

4. Малый я городок – Диокесария; но алтарям правосудия дарован мною великий муж, Амфилохий. Он умер; умерли с ним и пламенное краснорчие и слава отечества, производящего столь доблестных мужей.

5. Я, малый прах, вне отечества содержу Амфилохия, великого сына Филатиева и Горгониина, который пламенным своим краснорчием разил противников, а по нравам и сердцу был слаще меда.

6. Вещайте теперь, витии; я – могила заключаю в себе уста великого Амфилохия, связанные молчанием.

7. Вот гробница медоточивого Амфилохия, который некогда превосходил всех Каппадокиян своим красноречием и добросердечием.

Никомиду.

1. Отошел от нас ты, Никомид, моя слава. Как же dokonчат свою жизнь твои дети, – эта чистая чета? Чья рука довершит прекрасный храм? Чей ум воспошлет к Богу совершенную жертву? С тех пор, как ты, блаженный, так скоро вступил в общение с пренебесными, чего не потерпел несчастный род человеческий?

2. Посмотри и на могилу Никомиды; если слыхал ты о том Никомид, который, соорудив храм великому Христу, сперва себя, а потом девство чад своих, принес в славную, чистую жертву: потому что ничего не нашел у себя лучшего сей иерей и наилучший родитель. За это и вступил он скоро в общение с великою Троицею.

3. Наконец, Никомид, отошел ты в славную жизнь; но очень скоро похищен отселе. Кто ж дал на это свой приговор? – Царь Христос, чтобы, вместе с священной четой своих чад, с небес правил твоим народом.

Картерию.

1. Куда ты, любезнейший из товарищей, достославный Картерий, отошел так поспешно, оставив на земле меня,

обремененного трудами? Куда удалился ты, управлявши кормилом моей юности, когда на чужой стороне изучал я слово, – ты, который привязал меня к жизни бесплодной? Без сомнения, для тебя всего вожденнее Царь Христос, Которым теперь обладаешь. Молния великославного Христа, превосходнейшая ограда благонравия, бразды моей жизни, не забывай Григория, которого образовал ты в добрых нравах, что было уже давно, мой вождь к добродетели, Картерий!

2. От чего, как у всякого смертного, и у Картерия прекратились вы, источники слез, бездейственными стали вы, колена, и вы, руки умиловлявшие Христа чистейшими жертвами? – От того, что тамошнее ликостояние пожелало иметь нового песнопевца.

3. Скоро, Никомид, похитил ты у меня сердце мое, похитил Картерий, который за одно с тобою подвизался в благочестии.

4. О, священная страна блаженных Ксолов, какую опору имеешь ты для себя, призвав к себе крестоносца Картерия?

Вассу.

1. Вдали от отечества, разбойническою рукою умерщвлен ты, друг Васс, более всех Христу угождавший. Тебя заключает в себе не отечественная могила. Однако же великое имя твое осталось в наследие всем Каппадокиянам; оно написано на таких столпах, которые лучше незыблемых. Вот памятник, воздвигаемый тебе Григорием, которого ты любил!

2. Ты, Васс, как Авраам, принял на лоно свое Картерия, несомненного сына твоего по духу. Но и я, хотя бы и сокрыл меня один гроб с моим родителем, неразлучен буду с вашим сотовариществом.

h7 Филтатию.

Эта священная земля скрывает в себе тело Филтатия – великого юноши, правителя великого народа.

Евсевию и Василиссе.

Здесь лежат великославные Евсевий и Василисса, Христоносные питомцы боголюбезных Ксолов, а с ними и священное тело блаженной Нонны. Ты, который проходишь мимо сих гробов, вспомни о сих великих душах.

Елладию.

1. Твой ум, Елладий, всегда пребывал в небе; на дольней же земле не утверждал ты и малого следа, а потому и отошел так скоро с земли. А прах твой объемлет единоутробный брат твой Евлалий.

2. Я, обитель мучеников, заключаю в себе юного, но великого Христу и поседевшего разумом Елладия. И не чему дивиться; потому что и он терпеливо нес скорби, подобно мученикам, когда угашал в себе брань завистливого противника.

3. Едва дышал ты на земле, уступая нуждам плоти, большую же часть жизни имел уже горе, о, великая слава Христова, Елладий! А если очень скоро разрешился от уз; то и сие – награда за твои труды.

Георгию.

И ты здесь лежишь, любезное тело Георгия, который препослал ко Христу многие чистые жертвы; а вместе с тобою, родная тебе сестра и по плоти и по духу, великая Василисса, имеет общий гроб, как имела общую жизнь.

Евпраксию.

Я, великая арианзская земля, заключаю в себе Евпраксия, архиерея сей священной страны. Он был друг, сверстник и сотруженник Григорию; поэтому в соседстве с ним нашел себе и могилу.

h7 Максентию.

Благородной был я крови, служил при царском дворе, высоко поднимал тщеславную бровь. Все рассеял Христос, когда призвал меня к себе. На многих стезях жизни утверждал я стопу свою, волнуемый желаниями, пока не нашел надежного пути. Для Христа изнурял я тело многими скорбями, и теперь Максентий легким воспарил отселе горе.

2. В трепет приходит сердце мое, когда пишу имя твое, Максентий; ты шел путем жизни суровым, не человеческим, высоким, неприятным. И к гробу твоему, превосходнейший, не без трепета приближаться будет христианин.

Двоим Евпраксиям.

Не в последних этот Евпраксий, а равно и другой; у обоих одно имя, и одно сердце; оба были превосходными

служителями иерея Григория. Ему же и ныне служа, там предстоят.

Павлу.

1. Неизвестен предел жизни; поэтому иди не на удачу, но стремись к добродетели, чтобы обрести тебе блаженство там.

2. Смотри, все прах и все обращается в пепел; что ни есть в мире, все непременно примет в себя могила. И продолжительная жизнь есть скоро увядающий знак, не осуществляемое блаженство, не отпечатлевшийся след.

3. О, родительница, проливающая горькие слезы на гроб мой! на что ни посмотришь ты, приобретаешь только новую болезнь сердцу.

4. Могилы полны слез, полны безмерной горести. Кто ни заглянет во гроб, соберет в сердце скорбь.

5. Ты обращаешь взор свой на мое тело, рассмотри мои члены. Как молодую ветвь, скосила меня смерть; ненасытный тартар отверз свою мрачную обитель, и вовлек туда меня, Павла, срезав преждевременно, как нежный росток. Всю красоту юных, как траву, пожинает смерть своею косою; ибо действительно она неизбежна.

6. Смотри, куда идешь? Остановись! Смотри! Ты прикасаешься к тлению. Этот мир есть прах, облако, ветер, пепел. Все, на подобие воздуха, течет быстро, невозвратно.

7. Земля сокрыла меня в недрах своих. Не могу произнести ни одного слова; тление связало мне язык, рассыпало все мои члены.

8. Отец, отец, Бог мой! Тебе принадлежит дыхание каждого, Ты сотворил мои руки. Когда повлечет меня клокощущий пламень всеочистительного суда, тогда – увы мне! – как не воспламениться той скверне, какую собрал я себе; ибо дела мои – солома?

Григорию.

Дядя по матери, великий иерей Григорий, положил здесь, у чистых мучеников, юного, цветущего, не достигшего зрелых лет Григория; и прежние надежды – иметь кормителя в старости, стали прахом.

Кесарию.

1. Немилостив этот гроб. Я никак не ожидал, чтобы первые стали хоронить последних. Однако же он принял в себя Кесария, знаменитого сына знаменитых родителей, и принял прежде, нежели родителей. Какая в том справедливость? – Не гроб в этом виновен: не упрекай его: это дело зависти. Могла ли она терпеливо видеть, что юный премудрее старцев?

2. Правда, что ты, Григорий, имел такого сына, который и красотою и мудростью превосходил смертных, и пользовался дружбой царя: однако же не думал я, чтоб он вовсе не подвластен был неумолимой смерти. Но что говорит гроб? Будь терпелив! Хотя умер Кесарий: однако же вместо любезного сына у тебя осталась великая его слава.

3. Созрели уже мы для могилы, когда каменотесы клали этот камень для нашей старости. Да, они клали для нас; а камень достался, кому не следовало, достался Кесарию, последнему из наших детей. Велико, велико наше горе, сын! Но прими скорее нас поспешающих в нашу могилу!

4. Этот камень ставили родители для своего гроба, в том чаянии, что не велика уже остается доля их жизни. Но против желания оказали они тем горькую услугу сыну Кесарию; потому что он прежде их отрешился от жизни.

5. Моя старость замедлила на земле; а любезнейший из детей, Кесарий, вместо отца получил этот камень. Какой в этом закон? Какое правосудие? Как соизволил на сие Ты, о Царь смертных? Для одного так долга жизнь! Для другого так поспешна смерть?

6. Не хвалю, не хвалю того, что ты, Кесарий, из всех наших достояний избрал один дар, и именно эту могилу. Как горек этот камень престарелым родителям! Так захотела зависть. И сколько продолжительна стала наша жизнь от таких горестей!

7. И в геометрии, и в познании положения небес, и в логическом искусстве состязаться, и в грамматике, и во врачебной науке, и в силе витийства, один ты, Кесарий, крылатым умом своим объял всю мудрость, какая доступна тонкому уму человеческому. А теперь, увы! увы! подобно всякому другому, стал ты горстью праха.

8. Славный Кесарий, все ты оставил своим единоутробным, и вместо всего избираешь небольшую могилу. Ни геометрия, ни звезды, которых положение знал ты, ни врачебная наука, ничто не защитило от смерти.

9. Прекрасен, славен, именит, первый во всякой мудрости был ты, Кесарий, когда тебя, отличнейшего из врачей, отпускали мы из отечества к царю. И увы! Из Вифинии прияли обратно один твой прах.

10. Хотя избежал ты плачевной опасности во время ужасных землетрясений, когда город Никея сравнен с землею; однако же утратил жизнь от жестокой болезни, и целомудренною юностью и мудростию преукрашенный Кесарий.

11. Я – гроб заключаю в себе лучшего из сынов Григория и богобоязненной Нонны, благородного Кесария, который отличен был по дару слова, высок при дворе царском, и молнией осиял концы земли.

12. Когда умерь Кесарий, опечалился двор царский; уныли духом Каппадокияне, и погибло все, что оставалось еще у людей прекрасного, даже и речи облеклись облаком молчания.

13. Вот что пишет Григориева рука: скорбя о превосходнейшем брате, проповедуя смертным возненавидеть настоящую жизнь. Кто подобен Кесарию красотою? Кто своею мудростью в такие годы достиг такой славы, как он? – Никто из обитателей земли. Но и Кесарий отлетел из жизни, как роза из терний, как роса с древесных листьев

Горгонии

1. Здесь лежит любезная дочь Григория и Нонны, таинница пренебесной жизни, Горгония.

2. Нет Горгонии: земле оставила она одни кости; все же прочее добропобедные мученики вознесли в горнее.

3. Имение, и плоть, и кости – все принеся в дар Христу, Горгония оставила одного супруга, но и его ненадолго, а теперь внезапно восхитила к себе и славного Алипия. Блаженный супруг и блаженнейшая супруга, отложив скверны в купели, живите возрожденными!

Отцу.

1. Столетний, преступивший за пределы человеческой жизни, сорок лет в духе и на престоле, кроткий, сладкоречивый, светлый проповедник Троицы, Григорий вкушает здесь телом глубокий сон; окрыленная же душа его преселилась к Богу. А вы, иереи, с уважением лобызайте и его гроб!

2. Меня, который был дикою маслиною, великий Бог призвал к Себе, как не последнюю овцу поставил вождем Своего стада, даровал же мне счастье от богомудрого ребра. Оба мы достигли блаженной старости. Возлюбленейшего из чад своих посвятил я Богу. А если кончина постигла меня – Григория; это не удивительно: я был смертен.

3. Если кто, как Моисей на горе, был таинником, внимавшим чистому гласу, так это ум великого Григория. Его, стоявшего некогда вдали, благодать соделала великим архиереем, а теперь поставляет близ Святой Троицы.

4. Сам я украсил храм Богу, и Григория дал чистой Троице, чтоб он был светлым иереем, вестником истины, громозвучным пастырем людей, целомудренным защитником той и другой мудрости. Сын мой, старайся во всем прочем превзойти отца, а в кротости будь его достоин; большего и желать невозможно; руководясь ею, встретишь, блаженный, глубокую старость.

5. Здесь лежу я – сперва не овца Христова, потом превосходнейшая из овец, потом пастырь, а потом отец и пастырь пастырей, приводящий в общение смертных с великим, бессмертным Богом, Григорий, Григориев родитель.

6. Счастливый, благочадный, в старости добрый умер я – Григорий, архиерей и отец архиерея. Чего же больше? Хотя и не рано пришел я в многоплодный виноградник; однако же получаю мзду большую, нежели пришедшие прежде меня.

7. Я – Григорий, пастырь добрый, кроткими нравами воспитавши Христу большую часть стада, хотя не святого корня отрасль, однако же глава благоговейной супружницы и троих чад, управлял единомысленною паствою, и отошел отселе, исполненный земных и небесных лет.

8. Григорий, вземлемый отселе, (о чудо!) и благодать и светозарность Духа поверг на любимого сына.

9. Жемчужина не велика, но царствует между дорогими камнями. Мал и Вифлеем, но Христоносен. Так и я, Григорий, получил в удел малую, правда, однако же прекраснейшую паству. Об ней прошу и тебя, любезный сын, будь ее вождем.

10. Пастырскую свирель вложил в твои руки я, Григорий. А ты, сын, свиряй на ней, как искусный пастырь; всем отверзай дверь жизни, и в отеческий гроб сойди созревшим.

11. Воссиял некогда свет ученикам, пред которыми Христос преобразился на горе; воссиял свет и уму чистого Григория, когда бежал он от идольского мрака. поскольку же очистился он вознесенными им жертвами; то и доселе предводит народ свой.

Матери, скончавшейся во святилище.

1. Во всяком слове и деле опорю для тебя, мать моя, был день Господень; всякий плачь чествовала ты плачем, но уступала одним праздникам; свидетелем веселия и скорбей имела храм. Всякое место запечатлено твоими слезами, но единым крестом препобеждались и слезы. Жертвоприемная Трапеза никогда не видала твоего хребта; чрез уста твои не проходило скверное слово; на нежных ланитах твоих, таинница, не имел себе места смех. Умолчу о сокровенных трудах твоих, блаженная; они были внутренние. А внешние труды твои всем известны; потому и тело свое оставила ты в Божьем храме.

2. Как изнемогли прекрасные колена Нонны! Как сомкнулись уста ее? Почему не проливает она слез из очей? Другие вопиют при гробнице. Сия Трапеза не имеет уже плодоношений великой руки; пусто место, где стояла ее непорочная нога. Иереи не возлагают на главу трепетной руки. Что будете делать вы; вдовы и сироты? И девство и благоустроенное супружество остригли себе власы. Украшавшаяся ими все отдает земле после того, как согбенное тело свое оставила во храме.

3. Премудра Сарра, которая чтит любезного супруга; но ты, мать моя, доброго супруга, который далек был от света, уготовила к тому, чтобы стал он сперва христианином, а потом великим иереем. Ты – Анна; ты и родила по молитве любезного сына, и принесла в дар храму чистого служителя Самуила. Но была и другая Анна, которая великого Христа приняла на лоно

свое. И славы обеих сподобилась Нонна; напоследок же, молясь во храме, сложила с себя любезное нам тело.

4. Жерло огнедышащей Этны доказало о тебе, напрасно надмевавшийся Эмпедокл, что ты смертен. А Нонна не бросалась в жерло, но пред этою Трапезой молясь однажды, восхищена от селе, как чистая жертва. И теперь стала опорой жен, с Сусанною, Мариамой и Аннами отличаясь в сонме благочестивых.

5. Иракл, Эмпедотим, Трофоний, и ты невероятная гордыня тщеславного Аристия, умолкните с своими баснями! вы смертны, а не блаженны с своими страстями. Но Христоносная Нонна, служительница Креста, презревшая мир, с мужественным духом пройдя стезю жизни, теперь, как желала, треблаженная, воспарила в пренебесный круг, совлекшись тела во храме.

6. Призывая Григория среди цветущих виноградников, всходила ты, мать моя, на встречу возвращавшимся с чужой стороны, и любезные руки свои простирала к возлюбленным чадам, призывая Григория. Кровь родительницы текла в обоих сынах, но особенно в том, которого воспитала ты своими сосцами. Потому и почтил я тебя, мать, столькими надписями.

7. Чадо сосцев моих, священная отрасль, Григорий, с какою любовью к тебе отхожу я в небесную жизнь! Ты много потрудился, ухаживая за моею и отцовою старостью; это записано в великой книге Христовой. Последуй же, любезный, за родителями; мы с охотою, как можно старее, примем тебя в тот свет, в котором сами.

8. Иная из женщин заслуживает славу домашними трудами, другая – любезностью ни плоти, слезами, набожностью, попечительностью о бедных. А Нонна славна всем. Она, если можно назвать это кончиною, и умерла во время молитвы.

9. Я гроб заключаю в себе Нонну, наслаждающуюся пренебесным светом, присноцветущую отрасль священного корня, супругу иерея Григория, с ним единокровную, мать благочестивых чад.

10. Молитва, возделенная воздыхания, без сна проводимые ночи, и орошаемый слезами помост храма доставили тебе, чудная Нонна, такую кончину, что во храме приняла ты и определение смерти.

11. Окрыленная душа Нонны воспарила на небо; а тело ее из храма перелагаем к мученикам. Примите же, мученики, великую жертву, эту многопотрудившуюся плоть, приобщившуюся даже ваших кровей, – ваших, говорю, кровей; потому что продолжительными подвигами свергла она с себя великую державу губителя душ. Не в тенях изображаемую жертву, не тельцов, не козлов, не первородных принесла в дар Богу Нонна. То предписывал Закон древним; потому что это одни образы. Она сама себя приносила в жертву в продолжение целой жизни, себя же принесла (заметь это) и в самой смерти.

12. Пусть иной любитель чистоты оспаривает преимущество у Нонны; но невозможно состязаться с нею в молитвенной ревности. Доказательством этому конец ее жизни, прекратившейся среди молитвы. О воздыхания, слезы, всенощные бодрствования! О сокрушенные подвигами члены чудной Нонны! Во храме была она однажды, и храм положил конец ее старости, которой не могли преобороть труды.

13. Молясь и взывая пред пречистою Трапезою, скончалась Нонна; связаны стали и голос и прекрасные уста старицы. Что ж удивительного? Богу угодно было – песнословящий язык, когда произносил он хвалебные слова, замкнуть ключом. И ныне на небесах усердно молится за нас богобоязненная Нонна. А прежде своими молитвами для своих возлюбленных чад утишила она море, и материнская любовь ее с пределов востока и запада свела вместе покрытых славою сыновей, когда не ожидали они такой встречи. Прежде своими молитвами избавила она и супруга от жестокой болезни. Но что всего удивительнее, молясь, внутри храма, кончила она жизнь.

14. Как умерла она? Или как совершился славный конец моей матери? – Во время молитвы душа ее отлетела горе к Богу.

15. Здесь у молящейся некогда Нонны душа оставила тело. Отсюда восхищена Нонна, оставившая тело.

16. Неоднократно спасала ты меня от болезней, от страшных смятений, от ужасных колебаний и от свирепо волнующегося моря; потому что Бог был к тебе милостив. Но спасите меня и теперь великими молитвами, о родитель, и ты, блаженная родительница, умершая в молитвах!

17. Нонна, светлая Нонна! у тебя оставался еще голос, когда ты от чистого сердца вознесла чистую жертву, все без изъятия вложив в великие точила. А напоследок, восхищенная отселе, и этот голос оставила ты в храме.

18. Не вне благоухающего храма скончалась Нонна; но прежде глас молящейся восхитил отселе Христос; ибо она желала в молитвах скончать сию жизнь, которая была чище всякой жертвы.

19. Священная Нонна, ты, всю жизнь свою вознося в дар Богу, напоследок и душу предала в чистую жертву. Ибо здесь, молясь, оставила ты жизнь, и эта Трапеза даровала славу смерти твоей, мать моя. Этой же Трапезы великим служителем был мой отец; перед этою же Трапезой, молясь подле супруга, и мать прекратила жизнь.

20. Григорий и Нонна великославны. Молю Царя, чтобы и мне иметь такую же жизнь и такой же конец.

21. «Много слез Нонниных приняла ты, возлюбленная Трапеза; прими теперь и душу, Сию последнюю жертву!» Так сказала Нонна, и душа ее отлетела из тела, но желала взять с собою и сына, который один из чад ее остается еще на земле.

22. Прежде воспарял отсюда ум молящейся Нонны, а наконец и душа последовала за восхищенным умом. И вот молящийся мертвец возлежит пред священной Трапезой! Благочестивые, запишите это чудо для грядущих родов!

23. Кто умирал, как умерла Нонна, пред святою Трапезой, держась за священные доски? Кто расстроил это положение молящейся Нонны? Как долго хотела она пребыть здесь, и мертвая сохраняя благоговейный вид!

24. Молившейся здесь однажды Нонне свыше сказал Бог: приди! и она охотно отрешилась от тела, одною рукою держась за Трапезу, а другою молясь: «Будь милосерд, Христе Царю!»

25. Как оставила ты своего Исаака, возлюбленная Сарра? Или пожелала ты, Нонна, на Авраамовом лоне сретить скорее богомудрого Григория? Подлинно велико чудо – и умереть не вне храма, не вдали от жертв! Простите мне, мученики! Не без боязни, но скажу, что возлюбленная Нонна не ниже вас по своим подвигам и в тайной и в открытой брани. Потому и получила она такую кончину жизни, нашедши для себя один конец и молитвы и жизни

26. От благочестивого корня происходила Нонна; была и плотью и матерью иерея; и тело, и жизнь, и слезы – все истощила в дар Христу, а напоследок отсюда восхищена, в храме оставив старческое тело.

27. Вера преложила Эноха и Илию, а из жен – первую – мать мою. Сие знает эта Трапеза; ибо отсюда вместе с бескровными жертвами восхищена еще молящаяся телом, возлюбленная Нонна.

28. Не болезнь, не подобная болезни старость, не скорбь сокрушили тебя, престарелая мать моя. Напротив того неуязвима и непреоборима была ты, Нонна, и, молясь у подножия пречистой Трапезы, отдала глас свой Христу.

29. Авраам и знаменитый Иефеай принесли Богу великие жертвы: один принес сына, а другой – дочь. Но ты, Нонна, принесла в жертву чистую жизнь, а напоследок молитвенную душу – это угодное Богу заклание.

30. Единое сияние, единое величие – Троица, к Которой стремилась ты, Нонна, молящуюся тебя восхитила на небо из великого храма; и ты сретила конец, который стал чище самой жизни.

31. Никогда ты, мать моя, не совокупляла чистых уст своих с устами нечистыми, никогда чистой длани своей не давала руке безбожной; и в награду за это кончила жизнь при возношении жертв.

32. Лучезарный и пресветлый Ангел восхитил тебя, Нонна, когда молилась ты, чистая и телом и умом, и ум твой восхитил, а тело оставил здесь во храме.

33. Этот храм не мог удержать в себе целой Нонны; потому, когда душа удалась, оставил в себе одно тело, чтоб душа,

когда опять заключена будет в тело более чистое, вознеслась отселе и облеклась во славу вместе с потрудившеюся плотью.

34. Здесь лежит Нонна, дочь Филтатиева. Где она скончалась? – Во храме. Как? – Молясь. Когда? – В старости. Какая прекрасная жизнь, и какая святая кончина!

35. На огненной колеснице взошел на небо Илия; а Нонну молящуюся принял к Себе великий Дух.

Здесь глубоким сном почил возлюбленная Нонна, охотно последовавшая за супругом Григорием.

И ужас и радость вместе! На небо восхищена отсюда среди молитвы оставившая жизнь Нонна.

Конец и молитве и жизни Нонниной! Сему свидетель – эта Трапеза, у которой поднята бездыханною вдруг ставшая Нонна.

Вот могила целомудренной Нонны, которая прежде, нежели разрешилась от жизни, вступила уже в небесные врата!

Смертных оплакивайте смертные; а кто, как Нонна, умер молясь, о том не плачу.

Прославляя непорочную жизнь Нонны, еще более прославлю ее кончину; потому что она и скончалась во храме молясь.

Здесь некогда, молясь и повергшись на землю, скончалась светлая Нонна; теперь же она молится, предстоя в лике благочестивых.

Памятником вожденной смерти для тебя, Нонна, служит эта Трапеза, пред которою отрешилась ты от жизни, молясь в последний раз.

Немного в тебе, Нонна, оставалось дыхания жизни, и то отдала ты Богу, молясь некогда здесь.

Все препровождайте из храма богоподобную Нонну, препровождайте отсюда выносимую великую старицу!

Из чистого храма восхитил Бог на небо меня – Нонну, которая поспешает приблизиться к небесным!

Из великого храма выносимая Нонна говорила так: «за многие труды приемлю еще большую награду».

Здесь лежит Нонна – жертва любимой ею молитвы, Нонна, которая, однажды молясь, разрешилась от этой жизни.

Из великого храма вознесена великая жертва – Нонна. Она разрешилась от жизни во храме. Радуйтесь, благочестивые!

Сия Трапеза препослала от себя к Богу богоподобную Нонну.

На общую гробницу своего семейства.

1. Мученики, будьте милостивыми сообитателями, и в лоно свое примите кровь Григория, Григория и великославной Нонны, – примите соединенных вкупе и благочестием и священными гробами!

2. Я – один камень покрываю двоих знаменитых Григориев, родителя и сына; я – один камень покрываю два равные светила, двух иереев. А этот камень заключил под собою благородную Нонну с великим ее сыном Кесарием. Так разделили они между собою и сыновей и гробы. Но у всех один был путь – в горнее: у всех одна была любовь – к жизни небесной.

3. Первый Кесарий – общая скорбь; а потом Горгония; потом любезный родитель, и гораздо после мать – о скорбная рука, о горькие письма Григориевы! Напишу напоследок и свою смерть.

Навкратию, брату Василия Великого.

1. Однажды Навкратий, погрузившись в речной водоворот, в глубине отпутывал от камня рыболовную сеть; но сети отпутать не мог, а сам удержан ею в водах. Скажи мне, Слово, почему мрежи, вместо рыбы, уловили рыболова? А я гадаю, что образец чистой жизни – Навкратий извлек для себя из вод и благодать и смерть.

2. Навкратий кончил жизнь в пучине завистливой реки, запутавшись в веревках погруженной во глубину мрежи. Научись из этого, что смертны забавы сей жизни, из которой исхищен этот молодой, высоконесущийся конь.

3. Навкратий, запутавшись в веревках рыболовной мрежи, отрешился от уз сей жизни.

Еммелии, матери св. Василия Великого.

Кто бы сказал это? Умерла Еммелия, которая даровала миру свет стольких превосходных чад, и сынов и дочерей, посягших и непосягших, которая одна в человеческом роде

была и благочадна и многочисладна! Ибо от нее произошли три славные иерея. Сама – супруга иерея, и ближние ее, как воинство небесное. Прихожу в изумление, видя многочисленное и знаменитое поколение великой Еммелии, – это полное плодоношение ее утробы. По чему, если Еммелию назову Христовым стяжанием, благочестивою кровью; то скажу этим не много. Таков корень; такова священная награда твоему благочестию, о исполненная совершенств, – то есть, честь твоих чад, с которыми ты имела одно стремление!

Макрине, сестре св. Василия Великого.

Я – прах покрываю собою светоносную деву, если слышал ты о Макрине, первородной дочери великой Еммелии. Она скрывалась от взоров всех мужчин, а теперь в устах у всякого, и всех превосходит славой.

Феосевии, сестре св. Василия Великого.

И ты, Феосевия, дочь славной Еммелии, в точном смысле подружие великого Григория, опора жен благочестивых, покрылась здесь священной землею; от жизни же отрешилась в зрелых летах.

Василию Великому.

1. Прежде думал я, что одно и то же – жить телу без души, и мне без тебя, возлюбленный Христов служитель, Василий. Но перенес я разлуку, и еще жив. Долго ли же медлить? Для чего не исхитишь меня отселе, и не введешь с собою в ликование блаженных? Не оставь же, не оставь меня! Клянусь могилой, что никогда, если бы и захотел, не забуду о тебе. Вот Григориево слово!

2. Когда Троица восхитила к себе дух богомудрого Василия, который охотно поспешал отселе; тогда все небесное воинство возрадовалось, видя его шествующим, а всякий город у Каппадокиян возрыдал. Скажу еще больше: тогда и великий мир воззвал: «не стало проповедника, не стало того, кто был узлом, скрепляющим прекрасный мир».

3. Целый мир – достояние равномошной Троицы приведен в необыкновенное колебание сопротивными учениями. А уста Василиевы (увы! увy!) заключены молчанием. Пробудись, Василий, и останови бурю своим словом и своими

священнодействиями. Ибо ты один показал нам, как жизнь равную учению, так и учение равное жизни.

4. Один Бог царствующий в горних; и наш век видел одного достойного архиерея. Это ты, Василий, громозвучный вестник истины, светлое око христиан, озаряющее душевными доблестями, великая слава Понта и Каппадокиян! Умоляю тебя, и ныне предстательствуй и приноси свои дары за мир.

5. Здесь Кесарийцы положили меня, архиерея, Василия, Василиева сына, Григориева друга. Сердечно любил я Григория: да дарует ему Бог, как благоуспешность во всем другом, так и то, чтобы скорее вступить ему в нашу жизнь. Что пользы, оставаясь долго на земле, истаевать тому, кто ищет небесного дружества?

6. Не многим дышал ты на земле, но все принес и отдал в дар Христу, и душу, и тело, и слово, и руки, о Василий, великая слава Христова, опора иереев, опора истины, которую ныне всего более стараются рассечь.

7. Науки! общая обитель дружбы! Дорогие Афины! ранние условия вести божественную жизнь! Знайте это, что Василий на небе, чего желал, а Григорий на земле, и на устах носит узы.

8. Светоносный Василий великая похвала Кесарийцев! Твое слово – гром, а жизнь – молния. Но и ты оставил священный престол! Так угодно стало Христу, чтобы, как можно скорее, присовокупить тебя к сонму небожителей.

9. Ты изучил все глубины Духа и всю земную мудрость. Ты был живою жертвой.

10. Восемь лет держал ты бразды богомудрого народа. Это одно мало в делах твоих, Василий.

11. Радуйся, Василий, хотя ты и разлучен еще со мною! Таково тебе от Григория надгробное писание!

12. Вот слово, которое любил ты! Воздан тебе, Василий, долг дружбы и дар для нас многоплачевный.

Сию двенадцатицу надписей возлагает Григорий на прах твой, Василий.

Себе самому. .

1. Во-первых, Бог даровал меня молившейся светлой матери, во-вторых, принял от матери, как угодный Ему дар; в-

третьих, умирающего меня спас пречистою Трапезой; в-четвертых, Слово даровало мне обоюдоострое слово, в-пятых, Девство приветствовало меня в дружелюбных сновидениях; в-шестых, приносил я единокровные жертвы с Василием; в-седьмых, Жизнеподатель исхитил меня из недр бездны; в-восьмых, очистил Он руки мои болезнями; в-девятых, юнейшему Риму возвратил я, о Царь, Троицу; в-десятых, был поражаем камнями или друзьями.

2. Эллада моя, и любезная юность и все, что приобрел я, и сама плоть, как охотно уступили вы Христу! А если и матерняя молитва и рука отцова соделали меня угодным Богу иереем; то чему завидовать? Ты, блаженный Христе, прими меня в лики Свои, и даруй славу служителю твоему, Григорию сыну, Григорию!

3. Здесь лежит любезный сын Григория и Нонны, служитель Священной Троицы, Григорий, который мудростью уловил мудрость и в юности еще имел одно только богатство – пренебесную надежду.

4. Еще немного жил ты на земле, но все добровольно принес в дар Христу, а вместе с прочим и крылатое слово. Теперь, как великого иерея, в небесные лики прияло небо тебя, славный Григорий.

5. С младенчества призывал меня Бог ночными видениями, и я достиг пределов мудрости, плоть и сердце очистил словом, нагим бежал из пламени сего мира, для родителя Григорий стал вторым по нем Аароном.

6. Чудного родителя носил я на себе имя; с ним разделял престол; с ним разделяю и гроб. Вспомни же, друг, о Григории о том Григории, которого Христос дал матери в дар, и в которого ночными видениями влиял Он любовь к мудрости.

7. Царь мой Христос, для чего Ты опутал меня этими сетями плоти? Для чего ввел меня в эту противоборную жизнь? Произошел я от отца, имевшего богоподобные совершенства, и увидел свет по молитвам матери, которая была не мала пред Богом. Она молилась, и с младенчества посвятила меня Богу; горячую же любовь к девственной жизни влияло в меня ночное виденье. Так благоволил о мне Христос; а впоследствии

обуреваем я был кипящими волнами, стал добычею хищных рук, изнемог телом, встретил недружелюбных пастырей, испытал невероятное, поглощенный бедствиями, осиротел, лишившись чад. Вот жизнь Григорьева! А что будет после, о том попечется Христос жизнедавец. Напишите сие на камнях.

На расхищающих гробы

1. Когда тебя, лютый зверь, разоритель гробницы столько великолепной – произведения многих рук, допустило внутрь себя это сокровенное убежище; тогда, скажи мне, что ты увидел там? Не гнилость ли, не черепа ли умерших, не остовы ли людей, некогда существовавших; так как сказывают, что тут были положены супруг и супруга? И не распалась твоя плоть? Но что же ты нашел? Ничего, точно ничего. Впрочем, преступленье твое при тебе. Отойди, отойди от меня прочь! Ты будешь наказан за мертвых; не приближайся же к живым; хотя еще и не умерли мы, однако же боимся тебя.

2. Этого разорителя гробниц, опустошителя могил, который готов все сделать для золота и раскопал сей гроб, отличнейший из всех памятников, – его если убьет кто из обладателей сего гроба, ежели только и здесь обладатели, воздаст тем должное наказание. Но что говорю: убьет? Разве низринет в стремнины? Что говорю: низринет? Разве отсечет ему обе руки. Что говорю: отсечет? Разве труп его оставит без погребенья. Тогда только понесет справедливую казнь; впрочем, останется еще ненаказанным за то, что все это делал ради блестящего золота.

3. Кто ты идущий к моим костям с землекопателем и с руками, готовыми разорить мой гроб? Увы! увy! несчастный! Ты не хочешь оказать уваженья и самой красоте этой гробницы. О, как ты достоин того, чтоб подавили тебя собою обломки этой же гробницы!

4. Был Фригьянин Мидас. Он просил, чтоб все у него обращалось в золото. И он получает просимое, однако же умирает с голода. Правда, что умирает, каким желал, т. е. богачам, но все же умирает. О, если бы то же самое постигло и тебя, раскопатель гробов, чтобы все научились уважать гробницы!

5. Как? и на это наложили вы руки, злодеи? И сюда завлекло вас обманчивое золото? даже не золото, а только надежда найти золото. Такая страсть – достойное наказание злым!

6. В этой гробнице нет золота. Если хочешь разбогатеть, сделайся начальником разбойников, – вот самая прибыльная жизнь! Но не трогай мертвых; тебя и самого ожидаете какая-нибудь могила.

7. Обманулся я; ибо, копая эту могилу, думал, что ее уважают смертные. Но они сбежались и ко мне мертвецу, как к богачу; и поскольку не было у меня ничего другого, завладели моим гробом.

8. Разрывай, разрывай гробницу! Очень знаю, что ты хочешь у мертвого найти золото; но ты себе самому роешь яму, в которую со временем вринет тебя Божие правосудье. Если оно приходит поздно, то с лихвою.

9. Много потерпела гробница; а больше потерпел тот, кто раскопал ее. Гробница и не чувствует того, что потерпела; а ты, поклонник золота, стал притчею для всех. Если умрешь, тебя не примет могила.

10. Погибни, погибни у людей, золото, которое научило богатых строить гробницы! Свидетелем сему и эта гробница, не похожая теперь уже и на гробницу. Помогите, люди; иначе кому-нибудь будет худо.

11. Пусть обратится у тебя в пепел то золото, которое окажется в гробе! Это будет справедливым наказанием тебе, который и в гробах тревожишь давно умерших.

12. Смотри, кого ты обидел и кого обнажил, раскапывая гробы и перерывая праха? – Того, кто не может сказать живым, ни что он терпит, ни много ли у него было золота в гробе.

13. Какой это Скирон, или Тифей, или исполин приходит грабить мертвых и мою могилу? Что это? Где гнев, карающий раскопателей гробов? Пора уже молниям разить злых.

14. Помогите, мертвецы! Но какая сила у мертвых? Помогите, соседи! Но кто же иной и погубил меня? Ты медлишь еще, Правосудье? И гробу – губитель золото. Так я буду стоять до последнего огня.

15. Правосудие, судьи, законы, судилище, и вы помогаете злодеям! Иначе этот гроб не был бы разорен неприязненною рукою, которая и у давно умерших требует золота.

16. Возделанная земля дает плоды, песок – золото, шелковичный червь – тонкие нити, а гробница – прах. Если же у тебя и из костей добывается золото; то не оставляй ни одной кости в земле: пусть из всех течет золото!

17. Видно, человеку наскучило уже проводить по земле борозды плугом, переплывать море, брать в руки всенизлагающее копье, а только бы с киркой и с свирепым сердцем в груди, входя в гробницы отцов, искать там золота, когда и мою красивую гробницу взрыл какой-то нечестивец ради корысти.

18. Семь на свете чудеса: стены, статуя, сады, пирамиды, храм, еще статуя и гробница. Восьмым же чудом была я – огромная, высокая, далеко вверх возносившаяся с этих утесов гробница. Но первенствуя по славе у умерших, возбудила теперь ненасытность твоей неистовой руки, человекоубийца.

19. Было время, что незыблемо стояла я – гробница, многим превышая вершину горы, как издали видный утес; а теперь поколебал меня ради золота домашний зверь, и я потрясена руками соседа.

20. Кто расхитит эту могилу, которую со всех сторон объемлет собою венец из четырехгранных камней, тот стоит, чтоб его самого заключить в этот памятник, и отверстие тотчас заделать над нечестивцем.

21. Преступное дело видела я на дороге – раскопанную могилу. Всему этому виною коварное золото. Но если и добыл ты себе в ней золото, то нашел худое. А если вышел из могилы ни с чем, то понапрасну умышлял такое нечестивое дело.

22. Сколько раз сменялась при мне человеческая жизнь! однако же и я не избегла рук губителя соседа. Не убоявшись ни Бога, ни святости умерших, немилосердо опрокинул он на землю меня, величественно стоявшую здесь гробницу.

23. Бегите все прочь от этого злодея – опустошителя гробов, когда он так легко разорил такую громаду, а не сам скорее ею раздавлен! Дальше, дальше бегите от него! Этим угодим мы умершим.

24. Увы! увy! смотря на этот высоковоздвигнутый, но уже разрушенный памятник, предвижу близкое бедствие,

угрожающее раскопателям гробов и окрестным жителям. Но враг не минует казни, а наше дело – пролить слезы об умерших.

25. Величествен гроб Мавзолов. Но он в уважении у Карян. Там нет руки, разоряющей гробы. А я отличался своим великолепием у Каппадокиян, и смотри, что потерпел! Напишите на позорном столпе имя убийцы мертвых.

26. Под горою стояла стена, и потом она упала; из кучи же лежащих вместе камней, как холм, возвысилась я – гробница. Но что это значило для златолюбцев? – Ничто. Они сокрушили меня до основания.

27. У мертвых и памятники мертвы. А кто воздвигает великолепную гробницу праху, тот пусть и потерпит за сие; потому что этот человек не расхитил бы моего гроба, если б и с мертвецов не надеялся получить золота.

28. Какой это памятник и чей? – Не знаю; на столпе не видно надписи; потому что опрокинут он прежде гробницы. А какого времени? – Работа памятника старинная. Скажи же, чья зависть расхитила это? – Злодейские руки соседа. Что хотелось им найти? – Золотую обводку.

29. Кто ни будет проходить мимо моей гробницы, пусть знает, что потерпел я эту обиду от нового наследника. Хотя у меня не было ни золота, ни серебра; однако же красота этих блещущих сводов подала мысль, что у меня есть и то и другое.

30. Стань ближе и плачь, смотря на этот памятник умершего. И я был никогда великолепен; а теперь служу памятником на гробе бедняка. Не строй гробницы, другой смертный! Чему быть с нею, кроме того, что будет разорена златолюбивою рукою?

31. Вечность, заклепы угрюмой смерти, глубины мрачного забвенья, мертвецы! Кто и как смел поднять руки на мою гробницу? Как смел? И святость умерших не оберегает их?

32. Я – гробница покрываюсь позорными ранами, вся изъязвлена, как человек на губительной битве. Ужели это угодно смертным? И какой противозаконный предлог! Из меня извлекают мертвеца, как будто золото.

33. Богом, покровителем странников, умоляю всякого, кто проходит мимо моей гробницы, сказать: «да потерпит то же и

сам, кто сделал это!» Не знаю, какого мертвеца заключает в себе гробница; но, возливав на нее слезы, скажу: да потерпит то же и сам, кто сделал это!

34. Покинув все, и земные глубины и пределы моря, идешь ко мне, желая найти золото у моего мертвеца. У меня есть мертвое тело и гнев умершего. Кто ни приди, с охотою отдадим это желающему.

35. Если бы дал я тебе золото один на один, не поберег ли бы ты взятого у меня? А иначе я назвал бы тебя очень злонравным. А если теперь разрываешь могилу, где сокрыт неприкосновенный залог, и делаешь это для золота; то скажи, чего ты достоин.

36. Зарывай в землю живых; ибо для чего зарывать мертвых? Те достойны могилы, которые пустили так жить тебе – поругателю отшедших и златолюбцу.

37. И ты, несчастный, теми же дланями дерзновенно будешь принимать таинственную Снедь, теми же руками будешь обнимать Бога, которыми раскопал мою могилу? Ужели праведным нет никакого преимущества, когда и ты избегаешь весов правосудия?

38. Что это за верность, о любезная земля, когда погубила ты по смерти того мертвеца, которого вверил я твоим недрам? Не земля поколебала меня, но сокрушил злой человек, и ради корысти вторгся внутрь меня.

39. Прежде были два убежища – Бог и мертвец. Но Бог милостив к прибегающим к Нему; а будет ли милостив мертвец, увидит это расхититель гробниц.

40. Тебя, конечно, будет мучить совесть; а я стану оплакивать умерших, оплакивать злодеяние твоей руки.

Перестаньте строить гробницы; перестаньте скрывать умерших в земной глубине: дайте место расхитителям гробов!

И это – хитрая выдумка погребателей – строить такие памятники, чтоб найти златолюбивую руку!

Что тебя, ненасытный, навело на мысль домогаться такой беды для жалкой и непостоянной прибыли?

41. Не нужны вы больше, столпы и гробницы – памятники мертвых. Не буду уже возвещать об умерших сооружением над

ними памятников после того, как сосед разметал мою славную могилу. Ты, любезная земля, принимай от меня мертвецов!

42. Столпы, каменные в горах могилы – труд исполинов, не истлевающая память умерших! Пусть все это ниспровергнет всколебавшись земля, и тем поможет моим мертвецам, на которых нападает губительная рука, вооружившись железом.

43. Когда ты, свирепый титан, раскапывал на горе знаменитую могилу; как осмелился посмотреть на мертвецов? И когда посмотрел, как наложил руки на кости? Или, может быть, и удержали бы тебя там, если б можно было тебе иметь одну с ними могилу.

44. Гробницы, сторожевые башни, горы и мимоходящие, оплачьте мою могилу, оплачьте расхитителя гробов! А ты, эхо, повторяй с окрестных утесов последние слова: «оплачьте расхитителя гробов!»

45. Убивайте, расхищайте, злые рабы низкой корысти: никто уже не удержит вашего сребролюбия! Если ради золота и на это отважился ты, злоумышленный злодей; то на все наложишь свою хищническую руку.

46. Этот человек из пустой надежды раскопал мою, дорогую для меня могилу, – единственное достояние, оставшееся мне по смерти. И его какой-нибудь злодей пусть убьет своими руками, и, убив, бросит вдали от гроба отцов!

47. Кто разорил мою, дорогую для меня, гробницу, которая на вершине высокой горы воздымалась, как гора? – Золото изострило меч у людей; золото погубило ненасытимого плователя в волнах весеннего потока; надежда получить золото разорила и меня – огромную и прекрасную гробницу. Для людей несправедливых – все ниже золота.

48. Не редко путник предавал земле занесенное волнами тело мореходца; не редко иной погребал умерщвленного зверем и даже кого сам убил на войне. А я погребен был чужими руками, но сосед раскопал мой гроб.

49. Какое ты зло, о коварное и немилосердное золото! И на живых и на мертвых занносишь неправедную руку. Кому под сохраненье отдал я свой гроб и свои кости, тех-то злодейские руки меня и погубили.

50. Все кончилось: мы шутим и мертвецами; в живых никакого не стало уже уваженья к умершим! Посмотри на этот гроб. Так был прекрасен, составлял чудо для мимоходящих, чудо для окрестных жителей: но надежда получить золото и его погубила.

51. Где ни умру я, умоляю вас: бросьте тело мое в реку, или псам, или отдайте в снедь всепосядающему огню. Это лучше, чем гибнуть от златолюбивых рук. А их-то и боюсь, смотря на этот гроб, потерпевший такое разорение.

52. Когда-то царь Кир, ища золота, открыл одну царскую гробницу, и нашел в ней следующую надпись: «раскрывать гробы – ненасытное дело руки». Так и ты не святыми тоже руками раскрыл этот величественный надгробный памятник.

53. Кто не добр до живых; тот, может быть, окажет еще помощь умершим. А кто не помогает умершим, тот никогда не поможет не умершим. Так и ты, когда расхитил гробы умерших, никогда уже не прострешь священной руки к неумершим.

54. Уверяю тебя, что нет у меня ничего; лежу здесь бедный мертвец. Вот и в этом гробе не было золота, но он раскопан. Златолюбцам все доступно. Беги отсюда, правосудие!

55. Если такой памятник воздвиг ты умершему, это – еще не великое чудо. А если разорил такой памятник, то славен будешь У потомков, а иной причислит тебя к великим злодеям; потому что ниспроверг ты гроб, который приводит в трепет и убийц.

56. Как на Родосцев дождем падало золото, так тебе из могилы приносится железом золото, а с ним и беда. Раскапывай же, раскапывай все могилы; может быть, какая-нибудь из них, обвалившись, задавит и тебя, а тем окажет помощь мертвецам.

57. Я была гробница, но теперь уже не гробница, а куча камней. Так стало угодно златолюбцам. Где же правосудие?

Увы! увы! стал я прахом, но не избежал злодейских рук. Что хуже золота?

Боюсь за человеческий род, если и тебя, гробница, осмелился кто-то непристойными руками опрокинуть на землю.

Я – гробница, как башня, стояла гор; но человеческие руки сравняли меня с землею. Какой закон позволил это?

Эта обитель принадлежала мне умершему; но железо проникло и в мою могилу. Пусть и твоим домом овладеет другой!

Заступ нужен на пашне; но прочь от моей могилы, прочь! у меня нет ничего, кроме гневных мертвецов.

Если бы ждал я тебя, ненасытный опустошитель гробов; то здесь висели бы и кол и колесо.

Для чего ты тревожишь меня – пустой гроб? Одни только кости и прах скрываю в себе для проходящих.

58. Я – гробница выше всех гробниц: но и меня на ряду с прочими раскрыла рука убийцы! И меня ограбила рука убийцы! Смертные, не стройте больше надгробных памятников и не делайте погребений. Собирайтесь к мертвым телам, псы! А люди, эти искатели золота, и из праха мертвецов извлекают уже золото.

59. Один соорудил гробницу, а ты уничтожил ее. Пусть и тебе, если позволено, соорудит один гробницу, а другой опрокинет ее на землю!

И на мертвецов уже наложили руки златолюбцы. Умершие, бегите, если можно, из гробов.

Для чего тревожишь меня? Одни только хрупкие черепа мертвецов заключаю я в себе. Все богатство гробниц – кости.

Беги от демонов, которые здесь поселились! А больше ничего нет во мне – гробнице. Все богатство гробниц – кости.

Если бы целый гроб был золотая обитель, и тогда, златолюбец, не надлежало бы поднимать своей руки на умерших.

Всем владеете вы, живые; а мне умершему досталось немного камней, и они для меня дороги. Пощади же мертвецов!

Я – не золотая обитель; для чего же опустошают и меня? У меня – гробницы, которую ты тревожишь, все богатство – мертвец.

Я – гробница была славою окрестных жителей; а теперь стала памятником самой злодейской руки.

Если у тебя слишком златолюбивое сердце: выкапывай себе золото в другом месте, а у меня нет ничего, кроме перетлевших погребальных одежд.

Не оставляй мертвеца обнаженным напоказ людям; иначе и тебя иной обнажит, а золото по большей части – только сонная греза.

Для смертных не довольно стало налагать руку на смертных. Напротив того спешите вы брать золото и с мертвецов.

Окажите помощь и своим гробницам вы, которые видите этот разоренный памятник. Посмотрите, каков этот расхититель гробов!

Кто меня с давнего времени закрытого неподвижными камнями, на показ смертным выставил бедным мертвецом?

Для чего ты, несчастный, разорил мою могилу? Да пресечет Бог и твою жизнь, о златолюбивое чудовище!

Клянусь умершими, клянусь самым тартаром, никогда не обращать благожелательного взора на расхитителя гробов!

Горы и утесы, плачьте над моим гробом, как над одним из товарищей; всякий же камень да падет на того, кто прикоснется к тебе железом!

Был я богат, а теперь нищ; гробница огромна, а золота внутри нет. Пусть знает сие тот, кто готовит поругание неприкосновенному убежищу мертвеца!

Хотя без отдыха будешь до основания раскапывать мое подземное жилище; однако же концом всего этого будет для тебя один труд. У меня нет ничего, кроме костей.

Разоряйте, разоряйте! гробница много дает золота любителям камней; а все прочее – прах.

Любезная земля, не принимай в свои недра, когда умрет наслаждавшийся выгодами от расхищения гробов!

Приходило железо наругаться надо мной уже не живым, и сыскать у меня золото, но нашло нищего мертвеца.

60. Тартар-для некоторых басня; ибо иначе этот человек не открыл бы гроба. Правосудье, как ты медлительно!

О, правосудие! Как ты медлительно! И тартар уже не страшен; ибо иначе этот человек не открыл бы гроба.

Стихотворение, в котором Святой Григорий пересказывает жизнь свою

Цель этого слова – изобразить ход моих несчастий, а может быть, и счастливых обстоятельств жизни, потому что один назовет их так, другой иначе, в каком сам, думаю, будет расположении духа. А наш произвол – ненадежное мерило в суде. Мерная же речь, забавляя, врачует от скорби, а молодым людям служит и уроком, и утешением, одним словом: приятным наставлением.

И слово мое к вам, некогда моим, а теперь для меня чужим, к вам, и единоверные со мной, и не право мыслящие, ежели есть они, потому что каждый стал ко мне благорасположенным, как только сомкнул я уста. Вы, именитое око вселенной, обитатели, как вижу, нового мира, облеченные красотами суши и моря, ты, новосозданный Рим, отечество новых знаменитостей, град Константинов и столп Державы! Выслушайте человека самого нелживого, который во многих превратностях жизни, где и узнается многое, немало понес трудов.

Все ветшает, ветшает со временем даже прекрасное; остается или ничего, или самая малость. Где смыло землю стремительным потоком проливных дождей, там остаются одни мелкие камни; поэтому нимало не удивительно, если скажу то же о людях обыкновенных, которые и прежде не бывали в числе добрых, но походили на бессловесных, поникших к земле. Страшный же, изрытый пропастями овраг, – это мы, то есть наше, забывшее чин свой, сословие (говорю сие со слезами); это мы, не на добро воссевшие на высоких престолах; мы, председатели народа, учителя прекрасного; мы, которым дано в удел питать души божественной пищею, но которые сами таем от голода; мы, врачи немощей и в то же время мертвецы, заражающие непрестанно новыми и новыми недугами; мы путеводители по стезям, может быть, стремнистым, по стезям, по которым никого еще не водили, даже не ходили и сами, мы, не последовать которым – правило самое короткое, и вместе урок, всего прямее ведущий ко спасению, мы, которых эта

возвышенность обличает в худых нравах, а эта решетка отделяет от прочих не жизнью, но высокомерием. Но почему решился я передать это слову, тогда как не люблю разглашать многое без уважительной причины, пусть слышит это всякий и теперь, и в последующие времена.

А рассказ об обстоятельствах моей жизни, хотя потребуются и длинное слово, необходимо начать несколько выше, чтоб не дать укрепиться лживым речам обо мне; потому что злые люди любят на пострадавших возлагать вину в том, что сами сделали им худого, чтоб этой ложью еще более причинить им зла, а себя избавить от обвинений. И это пусть будет введением в слово.

Отец мой был прекрасный и весьма добрый старец, простой нравом, образец для жизни, истинный патриарх, второй Авраам. Добродетели его были действительные, а не мнимые, которые видим ныне. Прежде жил он в заблуждении, а потом стал другом Христовым, потом сделался Пастырем, и даже какой-то мощью Пастырей. Мать же моя, выражусь кратко, ни в чем не уступавшая такому супругу, ему равновесный талант, происходя от благочестивых родителей, сначала превосходила его благочестием, и только по телу была женщиной, а по нравам превышала мужчин. Оба в жизни составляли для всех общий предмет разговоров.

Чем подтверждаю слово, объявляя о следующем? В свидетели рассказываемого мной представляю ее же – мою родительницу, эти уста истины. У нее было в обычае: лучше скрывать явное, нежели из славолюбия хвалиться сокровенным. И в этом руководил ею великий наставник – страх. Она, желая видеть в доме своем рождение дитяти мужеского пола, что, конечно, вожделенно для многих, открыла желание свое Богу и просила исполнить его. И так как сердце было неудержимо, предваря дарование усердием, отдает она Богу дар, который желала получить. А поэтому и дорогой обет не остался без исполнения, благоприятным же началом этого послужило ей видение, показавшее тень желаемого; ей ясно представились и мой образ, и мое имя.

И этот дар ночи стал действительностью, потому что родился у них я. И если достоин я обета, это дар даровавшего

меня Бога. А если не соответствую обету, мой это грех. Так вступил я в жизнь сию, так я, несчастный, стал сопряжен с бременем и с этим составом, которые владеют мной, и которыми с трудом владею сам! По крайней мере нельзя не благодарить за то, что в залог всего прекрасного получил я такое рождение. А как скоро вступил в мир, тотчас делаюсь ему чуждым, и отчужден прекрасно, потому что посвящен в дар Богу, как агнец, или любимый телец, жертва благородная и разумная, помедлю говорить, как новый Самуил, разве и это скажу из уважения к усердию принесших меня в дар.

От пелен воспитанный во всем прекрасном, потому что имел совершеннейшие образцы для себя дома, тогда еще приобрел я какую-то старческую степенность, и как облако к облаку, мало-помалу скоплялось во мне усердие к совершенствованию. Я возрастал, а вместе преуспевал во мне и разум. С радостью читал я книги, в которых проповедуется о Боге, и имел обращение с мужами, которые совершенны по нравам.

Таково было начало. Но не знаю, какую стезю избрать мне для слова при описании последующего. Скрыть ли мне те чудеса, какими возбуждал меня Бог, приняв ревность мою за доброе начало (ибо так влечет Он обыкновенно людей к спасению), или со всем усердием изречь их перед всеми? Одно неблагодарно, а другое не без кичливости. Лучше молчать. С меня довольно и того, что знаю это сам. Иначе будет противоречить слову видимое теперь, как недостаточное для сравнения с тогдашнею ревностью. Но что необходимо, то сделаю известным для многих.

Еще не опушились мои щеки, но мной владела какая-то пламенная любовь к наукам. И не совсем чистые учения старался я придать в помощь учениям истинным, чтоб не превозносились ничему не обучившиеся, кроме суетного и пустого красноречия, которое состоит в громкости и благозвучии, и чтоб сам я мог не запутываться в хитросплетениях лжеумствований. Но мне никогда не приходило на мысль предпочесть что-либо нашим урокам.

Однако ж, чему всегда подвергается пламенность молодых людей, которая легко предается беспорядочным стремлениям, тому подвергся и я, пустившись в путь, как полный отваги молодой конь. Совершенно не вовремя, когда еще не утихло море, когда, по словам знающих дело, грозил опасностью какой-то хвост тельца, и плыть было делом дерзости, а не благоразумия, оставил я Александрию, где пожал уже некоторые познания, и рассекал море, несясь прямо в Элладу. Когда огибали мы Кипр, бунтующие ветры всколебали корабль. Земля, море, эфир, омраченное небо – все слилось в одну ночь. На удары молний отзывались громы, плескались канаты надутых парусов, мачта гнулась, руль потерял всю силу, и ручку руля насильно вырывало из рук, вода стеной стояла над кораблем и наполняла собой подводную его часть. Смешались плачевные крики корабельных служителей, начальников, хозяев корабля, путешественников, которые все, даже и не знавшие прежде Бога, единогласно призывали Христа, потому что страх – самый вразумительный урок. Но ужаснейшим из всех бедствий было безводие на корабле, который от сильных потрясений расселся, и сквозь дно пролились в глубину все, какие были на нем, сокровища сладкой влаги. Надобно было умереть, борясь с голодом, бурей и ветрами. Правда, Бог послал скорое от этого избавление. Вдруг появились финикийские купцы, и хотя сами в страхе, но по нашим мольбам, узнав о крайности бедствия, с помощью багров и при могучих ударах руками, как люди сильные, вскочили они на корабль и спасли нас, почти уже мертвых мореплавателей, походивших на рыб, которые оставлены морем на суше, или на умирающий светильник, которому недостает питания. Но между тем ревущее море, в продолжение многих дней, непрестанно еще больше свирепело против нас. После многих поворотов не знали мы, куда плывем, и не видели себе никакого спасения от Бога.

Когда же все боялись смерти обыкновенной, для меня еще ужаснее была смерть внутренняя. Негостеприимно убийственные воды лишали меня вод очистительных, которые соединили бы меня с Богом. Об этом проливал я слезы, в этом

состояло мое несчастье; об этом я, несчастный, простирая руки, возносил вопли, которые заглушали сильный шум волн, терзал свою одежду и, распростершись ниц, лежал, подавленный горестью.

Но вот что, хотя маловероятно, однако же совершенно несложно. Все плившие на корабле, забыв о собственном бедствии, и в общем несчастье став благочестивыми, со мной соединяли молитвенные вопли. Настолько были они сострадательны к моим мучениям!

Ты, Христос, и тогда был моим великим Спасителем и теперь избавляешь от волнений жизни. Когда не представлялось никакой доброй надежды, ни острова, ни твердой земли, ни вершины гор, ни горящего светильника, ни звезд – путеуказателей мореходцам, ничего – ни большого, ни малого не было в виду, что тогда предпринимаю? Каково окончание моего затруднительного положения? Отчаявшись во всем земном, обращаю взор к Тебе, моя жизнь, мое дыхание, мой свет, моя сила, мое спасение, к Тебе, Который устрашаешь, поражаешь, улыбаешься, врачуешь и к горестному всегда присоединяешь полезное. Напомнив же Тебе о всех прежних чудесах, в которых познаем Твою великую руку, о море распустившемся и о путешествующем по нему Израиле, о врагах, побежденных воздеванием рук, о египтянах, сокрушенных небесными карами, о твари, рабски повинующейся вождям, о стенах, разрушенных звуком труб и обходом, а к чудесам, прославленным издревле, присовокупив чудеса и надо мной совершившиеся, сказал я: «Твой я был прежде. Твой и теперь. Ты двукратно примешь меня, как одно из дорогих для Тебя достояний, как дар суши и моря, очищенный и материнским обетом и чрезмерным страхом. Для Тебя буду я жить, если избегу двойной опасности. Ты утратишь Своего служителя, если не спасешь меня. И теперь ученик Твой обуревается. Отряси сон, или приди по водам и прекрати опасность». Так говорил я, и бушевание ветров прекратилось, море опало, корабль понесся прямо. И вот приобретение моей молитвы. Кто ни был на корабле, все сошли с него, благоговея перед великим Христом, получив от Бога двойное спасение.

Между тем, миновав Родос, в скором времени, при попутном ветре, вошли мы в эгинскую пристань, потому что корабль был эгинский.

Потом Афины и науки. Но пусть другие скажут, что было там, как жил я в Божьем страхе, стараясь первенствовать между знавшими то, что есть самое первое; и когда другие молодые люди в своих собратствах, в порывах юности и отважной стремительности, предавались излишествам, проводил я тихую жизнь. Подобно тому источнику, который, как сказывают, и среди горьких вод моря остается сладким, не увлекался я за теми, которые вели к пагубе, но сам привлекал друзей к совершеннейшему. А мне Бог и в этом оказал благодеяние, соединил меня узами дружбы с человеком самым мудрым, который один и жизнью и словом был выше всех. Кто ж это? Весьма легко узнаете его. Это Василий – великое приобретение для нынешнего века. С ним вместе мы учились, и жили, и размышляли. Если нужно чем и похвалиться, то я составлял с ним чету, не бесчестную для Эллады. У нас все было общее, и одна душа в обоих связывала то, что разделяли тела. А что преимущественно нас соединяло, так это Бог и стремление к совершенству. Когда приобрели мы столько взаимной доверенности друг к другу, что высказали один другому и глубины сердечные, тогда соединились между собой еще теснейшими узами любви, потому что одинаковость чувствований делает более неразрывной и взаимную привязанность.

Что же потом? Возвращение в отечество и избрание образа жизни. Уже много времени посвящено было наукам. Мне исполнилось почти тридцать лет. Здесь узнал я то, как любили нас товарищи, и какое имели о нас мнение. Время приближалось, приближался и трудный подвиг. Нужны стали объятия и слезные напутственные речи, в которых припоминались сердечные воспламенения друг к другу. Принужденно и с трудом, однако же уступили Василию, когда он представил многие причины своего отъезда. А у меня и теперь еще текут слезы при воспоминании о тогдашнем смущении. С великой поспешностью окружили меня все, чужеземцы, близкие

знакомые, сверстники, учителя; к заклинаниям и слезам присоединили даже и насилие, дружба внушила им отважиться и на это. Меня крепко держали, говоря: «Что бы ни было, не выпустим отсюда! Почтенный, Афины не должны лишиться тебя; они по общему приговору отдадут тебе первенство в словесности». Один дуб разве мог бы противиться стольким слезам и убеждениям, и я уступил, впрочем не полностью. Меня влекло к себе отечество. Оно почти одно под солнцем было сильно верой. Там посвятить себя философии казалось мне прекраснейшим делом. Туда привлекали меня и родители, обремененные старостью и временем. Поэтому недолго я пробыл в Афинах, скрылся оттуда почти тайно и пустился в путь.

Показал я образцы своего красноречия, удовлетворил недугу людей, которые требовали от меня этого, как долга. Но в виду у меня были не рукоплескания, не говор удивления, не упоения, не поклонения, которыми в толпе молодых людей восхищаются софисты. Я выше всего поставил для себя ту философию, чтоб и все прочее, и ученые труды свои повергнуть перед Богом, как иные оставляли поместья свои пастухам, или, собрав свое золото, кидали в морскую глубину. Однако же, как сказал я, покорился я воле друзей. И сие послужило как бы приуготовительным упражнением к будущим подвигам или преддверием важнейших таинств.

Наконец нужна была мужественная решимость. Во внутреннее судилище собираю друзей, то есть, помыслы свои – этих искренних советников. И когда искал я лучшего из лучшего, страшный круговорот объял мой ум. Давно было решено мной – все плотское ввергнуть в глубину; и теперь это всего более нравилось. Но когда стал я рассматривать самые пути божественные, нелегко было найти путь лучший и гладкий. И тот и другой из них, как это часто бывает с нами, когда решаемся на какое-либо дело, казался по чему-нибудь или хорошим, или худым. Если же состояние мое изобразить каким-нибудь сравнением, то я походил на человека, который задумывает отдаленное какое-то странствие, но, избегая плаванья по морю и трудов мореходных, отыскивает путь, на котором было бы

больше удобств. Приходили мне на мысль Илия Фесвитянин, великий Кармил, необычайная пища, достояние Предтечи – пустыня, нищетолюбивая жизнь сынов Иоанадава. С другой стороны пересиливали любовь к Божественным книгам и свет Духа, почерпаемый при углублении в Божье Слово, а такое занятие – не дело пустыни и безмолвия. Много раз колебался я туда и сюда, и наконец смирил свои желания, и скитающийся ум установил на середине, а именно следующим образом.

Я примечал, что люди, которым нравится деятельная жизнь, полезны в обществе, но бесполезны себе, и их возмущают бедствия, от чего мягкий нрав их приходит в волнение. Видел также, что живущие вне мира почему-то гораздо благоустроеннее и безмолвным умом обращены к Богу; но они полезны только себе, любовь их заключена в тесный круг, а жизнь, какую проводят, необычайна и сурова. Поэтому вступил я на какой-то средний путь между отрешившимися и живущими в обществе, заняв у одних собранность ума, а у других – старание быть полезным для общества.

Присовокупилась и важнейшая причина – признательность к людям достопочтенным, разумно родивших меня, у которых был я в долгу. И так как всего благочестивее первую честь по Богу воздавать родителям, которым обязаны мы и тем, что познаем Бога, то я лелеял их старость, поддерживал всеми силами, водил их за руку, чтоб самому иметь счастливую старость, угождая их старости. Ибо что сеем, то и пожинаем. И это для меня составляло часть образования в философии – не показывать и вида, что тружусь для жизни превосходнейшей, но в большей мере быть, а не казаться угождающим Богу. Поэтому, хотя признавал я, что надобно любить тех, которые ведут жизнь деятельную, в удел от Бога получили честь – посредством Божественных таинств руководить народом, однако же сам, по видимому, принадлежа к обществу, больше имел привязанности к жизни монашеской, потому что она состоит не в телесном местопребывании, но в обуздании нрава. Церковная же кафедра была для меня почетна, но как стоял я вдали, то казалась она тем же, чем и солнечный свет бывает для слабых

глаз. Свое мог бы надеяться я на иное, а именно на то, что, среди многих превратностей в жизни, получу ее сам.

Но человеку нельзя ни о чем важном говорить решительно. Зависть всегда полагает преграды нашим парениям. Не ищи примеры далеко; посмотри на мою жизнь. Я располагал собой так, но меня настигла страшная буря. Отец мой в точности знал мои мысли, но не понимаю почему, может быть, побужденный отеческой любовью (а любовь при власти сильна), чтоб удержать меня духовными узами, и почтить лучшим из того, чем обладал сам, против воли возводит на один из низших престолов.

При этом принуждении (и доселе не могу назвать этого иначе; да простит меня Божий Дух за такие чувства!) так сильно восскорбел я, что забыл все: друзей, родителей, отечество, род; и, как вол, уязвленный слепнем, ушел в Понт, надеясь там в божественном друге найти себе врачевство от горести. Там, в сожительстве с Богом, трудился он, покрытый облаком, как один из ветхозаветных мудрецов. Это был Василий, который теперь с ангелами. Он облегчил скорбь моего сердца. Между тем добрый отец, изнемогающий от старости и желания иметь меня при себе, много убеждал сына почтить последние дни его жизни. А во мне и само время ослабило чувство бедствия. И я опять (чего бы никогда не надлежало делать) пускаюсь в глубину, убоявшись слезных отеческих угроз. Опасно было, чтоб нежность не обратилась в клятву, ибо таково бывает прогневанное простодушие.

Немного времени прошло после этого, и новое треволение; не могу сказать, насколько оно было свирепее прежнего. Но не будет излишним все пересказать друзьям. Брат мой занимал в свете высокую должность. Брат мой – о, как ты силен, злобный демон! – брат мой, когда ему вверена была государственная казна, умирает на должности. На имущество и останки умершего кинулось множество псов; все расхищали домашние, сторонние, друзья. Когда дуб упал, кто не запасает себе дров? Но насколько касалось это собственно меня, то я еще не боялся обстоятельств, потому что был свободной птицей, которой не трудно улететь вверх. Однако же

необходимо было вместе с прекрасным родителем нести на себе все, и доброе, и худое, и разделять с ним, если не имение, то заботы. А кто занес первый шаг над пропастью и поскользнулся однажды, тот не в состоянии уже удержаться и падает в стремнистую глубину; так и для меня, как только вкусил я зло, из одной беды выросла другая.

В это время (умолчу о том, что было дотоле, опасаясь подать мысль, что произношу хулительное слово на человека, которого теперь только ублажал я с благословениями) пришел ко мне возлюбленнейший из друзей Василий (со скорбью выговариваю слово, однако же скажу). Он стал для меня вторым отцом, возложившим на меня бремя еще более тягостное. Но от одного нужно было терпеть, хотя он поступал со мной и властительно; терпеть же от другого, ради дружбы, приносившей мне вред, а не освобождение от бедствий, не было необходимости.

Не знаю, кого винить за случившееся со мной, оно все еще, как недавнее, приводит меня в волнение: винить ли больше себя за свои грехи (а они часто и сильно меня угрызали), или тебя, превосходнейший из людей, упрекнуть в превозношении, до которого довел тебя престол? Если все прочее принять во внимание, то, может быть, и сам ты не пожелал бы (как и не желал дотоле по своей великой доброте) взять надо мной перевес. А если бы и пожелал, то, вероятно, удержал бы тебя какой-нибудь благомыслящий судья, хорошо знающий нас обоих. Что же с тобой сделалось? За что вдруг бросил ты меня в такую от себя даль? Да погибнет в мире закон дружбы, которая там мало уважает друзей! Вчера мы были львы, но теперь я стал обезьяной, а ты почти что лев. Если бы так смотрел ты на всех своих друзей, То (скажи горделивое слово) не надлежало бы по крайней мере тебе смотреть так на меня, которого, бывало, предпочитал ты прочим друзьям, пока не вознесся за облака, и не стало все ниже тебя.

Но к чему волнуешься, сердце мое? Удержи коня силой, и пусть речь опять идет своею тропой. Лжецом для меня стал этот во всем прочем нелживейший друг. Не раз слышал он, как я говаривал: «Теперь все надобно переносить, хотя бы случилось

что и худшее. Но как только не станет родителей на свете, тогда у меня будет полная возможность оставить дела, и от бездомной жизни приобрести хотя бы ту выгоду, что легко буду гражданином всякого места». Он слышал это и хвалил мое рассуждение. Но при всем том, вместе с отцом моим, насильно возводит меня на епископский престол, в другой раз задержав меня в этом.

Не приходи в беспокойство, пока не узнаешь всего. Если бы враги мои потратили много времени, выискивая, чем довести меня до бесславия, то, думаю, не иной, а тот же самый нашли бы они способ. Хочешь ли узнать, какой? Скажет тебе всякий, кому только поступок сей казался неприличным. Как же вел я себя с другом, об этом знает Понт, знает Кесария, знают все общие наши друзья. Низко было бы укорять меня в этом. Воспоминать о сделанном добре прилично тому, кто им пользовался, но не прилично тому, кто его сделал. Но каков он был ко мне, пусть уверят в том самые дела!

На большой дороге, пролегающей через Каппадокию, есть место обычной остановки проезжих, где одна дорога делится на три, место безводное, не произрастающее и былинки, лишенное всех удобств, селение ужасно скучное и тесное. Там всегда пыль, стук от повозок, слезы, рыдания, собиратели налогов, орудия, пытки, цепи, а жители – чужеземцы и бродяги. Такова была церковь в моих Сасимах! Вот какому городу (подлинно это великодушие!) отдал меня тот, кому было мало пятидесяти хореепископов. И чтобы удержать это за собой, когда другой отнимал насильно, установил новую кафедру. А я у него (потому что и мы были некогда сильны) стоял в первом ряду воинственных друзей. И конечно, раны за дело святое не страшны, потому что, кроме прочего перечисленного мной, овладеть этим престолом невозможно было без пролития крови. Он служил предметом спора для двоих состязающихся епископов; между ними началась страшная ссора, а причиной тому служило разделение нашего отечества, по которому два города делались начальственными над другими меньшими. Предлогом объявлялось попечение о душах, а истинным

побуждением было любоначалие, не осмелюсь сказать: сборы и поборы, отчего весь мир приходит в жалкое колебание.

Что справедливо было бы сделать мне? Скажите перед Богом. Терпеть? Принять на себя все удары бедствий? Идти, не взирая ни на что? Погрязнуть в тине? Идти туда, где не мог бы я упокоить и этой старости, непрестанно насильственной рукой гонимой из под крова, где не было бы у меня хлеба, чтоб разломить его с пришельцем, где я, нищий, принял бы в управление народ также нищенствующий, не видя никакого средства оказать ему услугу, и изобилуя только тем, что есть в городах худого, где я должен был обирать тернии, а не розы с терний, пожинать одни бедствия, не прикрытые никакими выгодами? Требуи от меня великодушия в чем-либо другом, если хочешь, а это предложи тем, которые меня мудрее! Вот что принесли мне Афины, общие упражнения в науках, жизнь под одной кровлею, питание с одного стола, один ум, а не два, в обоих удивление Эллады и взаимные обещания, как можно дальше отринуть от себя мир, а самим жить общей жизнью для Бога, успехи же в слове принести в дар единому, премудрому Слову! Все рассыпалось! Все брошено наземь! Ветры разносят давние надежды! Куда бежать? Разве что вы, дикие звери, примете меня к себе? У них, думаю, более верности. Вот каково, скажу короче, было мое положение!

Но после того, как я, хотя и не склонился духом, склонил однако же шею, что сказать мне? С какой бы стороны ни стал я изображать всю свою болезнь, везде для меня жало. Опять я беглец, опять укрываюсь в гору, предаваясь любимому мной образу жизни, услаждаюсь им. Какую же пользу приносит мне это? Оказалось, что был я нерешительный беглец. Во всем ином умея быть терпеливым, не имел я в этом мужества, не вынес отеческого гнева. Первым покушением отца моего было утвердить меня в Сасимах. Но так как не имело оно успеха, пускается он в новое плавание, и простирает ко мне руки, касается моей бороды, прося, чтоб я не оставался на низшей степени, но, трудясь вместе с ним (потому что его обременяла уже плоть), облегчал его труды. И каких не употребил он убеждений? «Тебя, любезнешний из сыновей, – говорил он, –

умоляет отец, юного молит отец-старец, служителя молит тот, кто и по естеству и по двоякому закону твой владыка. Не золота, не серебра, не дорогих камней, не участков возделанной земли, не потребностей роскоши прошу у тебя, чадо, не домогаюсь того, чтоб сделать тебя другим Аароном и Самуилом, досточестным предстателем Богу. Ты, сын, принадлежишь Даровавшему тебя. Не обесчести меня, чтоб и к тебе был милосерден единый наш Отец. Прекрасно мое требование, по крайней мере, оно отеческое. Ты не живешь еще столько на свете, сколько прошло времени, как я приношу жертвы Богу. Сделай мне эту милость; сделай, или другой предаст меня гробу. Такое наказание определяю я за непокорность. Подари немногие дни остатку моих дней, а прочей своей жизнью располагай как тебе угодно».

Когда выслушал я это, и душа высвободилась несколько из под тяготившей ее ноши, как солнце из-за облаков; что тогда происходит, чем оканчиваются мои страдания? Рассудил я сам с собой, что нет еще беды, во избежание кафедры, исполнить желание отца. «Ибо это, – говорил я, – не удержать против воли меня, которого не связывают ни наречение, ни обещание». Вот до чего довел меня превозмогший страх!

Но когда родители мои переселились из этой жизни, сподобившись жребия, к которому давно поспешали, я не на добро остался свободным. Правда, что вовсе не касался я данной мне церкви, ни разу не совершал там служения Богу, не молился с народом, не возложил рук ни на одного из клириков; но что касается церкви отцовой (несколько людей благоговейных напали на меня и не переставали заклинять, угрожая успехами множества людей богомерзких); то имел я о ней некоторое попечение в продолжение краткого времени (не отрицаю сего), но имел как человек сторонний о Церкви чужой. Это самое всегда говорил я епископам, от глубины сердца прося у них, как дара, поставить кого-нибудь епископом этого малого града. По всей справедливости утверждал я, во-первых, что не принимал этой Церкви в управление по гласному наречению, а во-вторых еще, что моя давняя мысль – бежать и от друзей и от дел. Но я не мог их убедить, и одни по великой ко

мне привязанности, а другие, может быть, по высокоумию, хотели взять надо мной вверх. Поэтому пошел я сперва беглецом в Селевкию, к храму прославляемой девы Феклы, рассуждая, что, может быть, от такого средства, когда утомит их время, они убедятся отдать бразды другому. Там провел я немало времени. Но, опять встретившись со своими бедствиями, не нашел ни одной из выгод, каких ожидал. И дела, которых думал я избежать, как к сроку, явились ко мне в великом множестве.

Но здесь, конечно, самое трудное в моем слове. Впрочем скажу, хотя буду говорить и очень известное, скажу, чтобы вы, когда нет с вами меня, имели по крайней мере это слово во врачевство от скорби, в укор врагам, и в свидетельство друзьям, от которых я, ничем их не обидев, сам потерпел обиду.

Природа не произвела двух солнц, но два Рима, два светила для целой вселенной, древнюю и новую Державу. Они тем только различаются между собой, что один там, где начинает сиять солнце, а другой на западе. Но что касается красоты, они по красоте не уступают друг другу; и если спросить об их вере, один с давнего времени шел добрым путем и идет еще доньше, весь Запад связывая спасительным словом, как и должно первопрестольному в целом мире граду, который чтит всецелое согласие Божества, а другой (говорю это о моем, а потом уже не моем Риме) был прежде правошествен, но теперь не таков, напротив же, погряз в бездне погибели после того, как легкомысленный и исполненный всех зол город Александрия – эта безумная кипучесть, послал от себя мерзость запустения – Ария, который первый сказал, что не достопоклоняема Троица, неразделимую сущность рассекши на неравные части, в одном естестве разграничил пределы достоинству, отчего и мы разошлись по разным путям.

Однако же, как ни злосчастен был этот город, доведенный до такого состояния, и по закону времени (ибо всякий застаревший обычай обращается в закон) от неверия погибший жалкой смертью, в нем было еще малое семя жизненного дыхания, были души совершенные и слова веры, был народ, правда, малочисленный, но многочисленный перед Богом,

Который приемлет в расчет не множество, но сердца, в нем было надежное насаждение, был самый драгоценный остаток.

К ним благодать Духа послала меня: обо мне думали, что значу нечто перед Богом, как человек, известный жизнью и словом, хотя всегда вел я сельскую жизнь. Меня приглашали многие и из Пастырей, и из овец, приглашали быть помощником народа, защитником слова, души безводные, но еще зеленеющие, освежить струями благочестия, с питательностью елея подлить света в светильник, а многооборотливые словосплетения, языков быстрых, которыми губится простота веры, – эти паутинные ткани, гнилые узы, смешные для крепких, но связывающие легкомысленных, разрешить и расторгнуть твердым учением, чтоб мог избежать сетей всякий, кто попал в них.

Так, не по доброй воле, но насильно увлеченный другими, пришел я туда, чтобы стоять защитником слова. Ибо носилась молва о каком-то сборище епископов, которые вводят в Церковь новоявившееся еретическое учение. То соединение с нами Бога-Слова, в какое вступил Он, Сам не изменившись, но приравняв к Себе человека, имеющего душу и ум, доступного свойственным телу страданиям, целого прежнего Адама, кроме греха, это, говорю, соединение рассекается в новом учении. И оно вводит какого-то неумного Бога, как бы убоявшись, что ум вступит в противоборство с Богом. Но на таком основании убоялся бы я и телесной природы, потому что она еще намного дальше от Бога. Или, конечно, когда все имело нужду в спасении, определено было полностью погибнуть уму, который преимущественно перед всем надлежало спасти моему Богу, и который более всего погублен в первосозданном, потому что умом и принял он закон, и изменил закону! Но что было оставлено в небрежении, то и надлежало воспринять, и потом да спасет Слово не половину меня, который весь пострадал! И да не бесчестится Бог тем, что будто бы воспринял не целого меня, но один прах, душу неразумную, душу какого-то бессловесного животного, которое, конечно, и спасено, по твоему учению. Да удалит от себя подобные мысли всякий благочестивый! Ибо рассекающие земное благосрастворение,

хотя и противоположным образом, однако ж, в некотором отношении равно грешат, как и те, которые необдуманно вводят двух сынов, одного от Бога, а другого от Девы.

Одни худо обсекают, а другие худо удваивают. Если существуют два сына, боюсь, что выйдет одно из двух: или будем поклоняться двум Богам вместо одного, или, если из благоговения не захотим потерпеть сего, Совокупленное поставим вне Божества. Хотя Бог не может потерпеть ничего такого, что терпит плоть, однако же естество человеческое приобщилось всецелому Богу, приобщилось не так, как Пророк, или кто-либо другой из людей боговдохновенных, приобщающийся не к Богу, но к Божьим дарам, а, напротив, приобщилось так, что Бог в естестве человеческом пребывает Своею сущностью, как солнце в лучах. Поэтому да не будет у нас о них слова, если не хотят поклоняться Богочеловеку, как единому и воспринявшему, и одновременно воспринятому, безлетному и подчинившемуся времени, сущему от единого Отца и от единой Матери – двум естествам, сочетавшимся в единого Христа!

Но в каком положении были мои дела? Явившись туда, встретил я множество бедствий. Сначала город пришел в волнение, восстал против меня, будто бы вместо единого Бога ввожу многих богов. И это было неудивительно. Их учили так, что вовсе не знали они благочестивого учения, не знали как Единица умопредставляется троично, и Троица – единично, если в обоих случаях умопредставлять благочестиво. А простой народ увлекается в пользу страждущих. Так, ощутив жалость к тогдашнему своему предстоятелю и пастырю, стоял за бедствующего и этот многочисленный народ, исполненный высокого о себе мнения, почитавший для себя крайним позором не одержать в чем-нибудь верха. Умолчу о камнях – этом угощении, каким встретили они меня, и укорю только за то, что были неудачны в выборе цели и метили в тех, в кого попасть было напрасным убийством. А потом меня, как убийцу, представили правителям города, которые смотрели как-то свысока и надменно, и у которых один был закон – домогаться народной к себе благосклонности. К ним представили меня,

который, как ученик Слова, никогда не сделал и не помыслил ничего зловредного. И защитником мне в слове предстал Христос, помогая моему защитительному слову. Он спасал и отданных в сожительство львам; Он оросил огонь в прохлаждение юношам; Он из кита сделал молитвенный дом благочестивых; Он и меня прославил на суде чуждом.

Потом обнаружилось ужасное ревнование в моих; они влекут меня к какому-то Павлу и Аполлосу, которые никогда за нас не воплощались и не проливали крови в драгоценном страдании, между тем как именуемся их именем, а не именем Спасшего нас. С ними все приводится в движение; все потрясено, как будто Церковь благоденствует в других отношениях. Но как устоят корабль, или город, или воинство, или единство хора, или дружелюбный дом, когда в них больше разрушающего, нежели скрепляющего? Это самое и было тогда с Христовым народом. Благородное порождение сие еще не окрепло, не приобрело смелости, не отрешилось от детских пелен, не оперлось еще нежной стопой на землю, как уже в глазах родителей было посечено, брошено наземь, истерзано волками, жаждавшими моего безчадия.

Несносно им было, что человек самый бедный, сгорбленный, поникший в землю, одетый худо, обуздавший чрево слезами, страхом будущего и другими злостраданиями, странник, скиталец, не имеющий ничего привлекательного для взоров, скрытый во тьме земной, берет преимущество перед людьми, отличающимися силой и красотой. От них слышны были почти такие слова: «Мы льстим, а ты нет; мы чтим высокие престолы, а ты чтишь богобоязненность; мы любим дорогие яства, а ты любишь дешевую пищу, в которой вся приправа – соль, и презираешь соленую горечь высокомерия. Мы рабы времени и народных прихотей, отдаем ладью свою всякому подувшему ветру, у нас учение, наподобие хамелеонов, или полипов, принимает непрестанно новый цвет, а ты – неподвижная наковальня. Какая надменность! Как будто всегда одна вера, что так слишком стесняешь догмат истины, ступая все время по одной скучной стезе слова. Для чего же тебе, превосходнейший, и народ привлекать говорливым своим

языком? Для чего с успехом низлагать предающихся худым мудрствованиям в заблуждениях всякого рода? Для чего не одинаковым быть для друзей и для посторонних, но для одних магнитом, а для других прачею?»

Но если это не худо (как и действительно не худо), для чего негодуешь, как будто встретив какую-то необразованность? Если же худо (как это тебе одному кажется), суди правдиво, как Божий предстоятель. Порази меня, который впал в погрешность, но не трогай народ, который не сделал никакой неправды, кроме того, что любит меня и покорился моим наставлениями.

В состоянии еще был я сносить первые нападения. Хотя новость изумила меня ненадолго, подобно грому, внезапно поразившему слух, или быстроте молнии, облиставшей непривычные глаза, но на мне не было еще ран, и мог я все перенести. И надежда, что дела примут счастливый оборот, и в другой раз не случится со мной того же, убеждала меня легко переносить несчастье. Но из этого самого вскоре произошли для меня новые беды. Как мне описать труды свои? Как мог привести в исполнение такое злое дело ты, изобретатель всякого зла, завистливый демон? Меня низложили не кровь, не жабы, не тучи вшей, не песьи мухи, не истребление скотов, не срупы, не град, не саранча, не тьма, не губительство первородных – это последнее из бедствий, какие, что всякому известно, были казнями для свирепых египтян, а наконец меня сокрушили и не волны Красного моря, потопившие народ. Что же поколебало меня? Легкомыслие египтян. А как поколебало? Это стоит того, чтобы рассказать о сем, ибо может послужить вечным памятником позора для злых.

У нас в городе был человек женоподобный, какое-то египетское привидение, злое до бешенства, пес, и пес из мелких, уличный прислужник, Арей, безгласное зло, китовидное чудовище, красный, черноволосый, курчавый, косматый. Курчавым был он издавна, а космы изобретены вновь, потому что искусство – второй творец. Чаще всего это бывает делом женщин, а иногда и мужчины золотят и завивают волосы, остриженные по-философски. Употребите же в дело, мудрецы, и те притирания, которые на лицах у женщин. Ибо для чего одним

мудрым женам можно пользоваться этим неприличным и худым благообразием, которое безмолвно служит вывеской нравов? Что Максим не принадлежит уже к числу мужчин, это таилось до времени, а теперь показала его прическа. Для нас удивительно в нынешних мудрецах, что природа и наружность у них двойственны, и жалким образом принадлежат они обоим полам; по волосам походят на женщин, а по жезлу на мужчин. Этим хвастался и Максим, как человек, значащий что-то в городе; у него плечи всегда осенялись золотыми кудрями, с волос, как из пращей, слетали умствования, и всю ученость носил он на теле. Он, как слышно, прошел по многим лукавым путям, но об иных пусть вспоминают другие, у меня нет и времени входить в исследование всего; впрочем, это имеется во многих записях у градоправителей. Наконец утвердился он в этом городе.

Здесь у него не доставало привычной ему пищи, но глаз был зорек, и чутье у него было мудрое, потому что нельзя не назвать мудрым и этого горького для меня замысла – низложить с кафедры меня, который не имел ее, и вообще не почтен был никаким титулом, а только охранял и примирял народ. Но еще мудрее то, что всю завязку дела, как опытный изобретатель и составитель козней, ведет он не через посторонних, но через меня же самого, человека совсем к этому не привыкшего, совершенно не экономного с хитростями и привыкшего уважать другого рода хитрость, а именно, чтоб сказать нечто мудрое, похвалить, когда скажет это другой, и из Божественных книг извлечь самое их сердце.

При описании такого бедствия хочу сказать одно новое слово. Надлежало бы всем быть одинокими по нравам, или неопытными, или ухищренными в зле, потому что меньше вреда терпели бы одни от других, если бы нравы у всех были уравновешены, или согласны. А теперь добрые делаются добычею злых. Что значит такое смешение твари? Как много неравенства в тех, которых Бог взаимно соединил между собой. Кто из скромных в состоянии приметить, как человек злонравный хитрит, завязывает, приводит в исполнение свои козни, всегда умея закрыть себя тысячами уверток? И кто готов на негодный поступок, тот за всем наблюдает и высматривает

удобное время. А кто расположен к доброму, тот по природе медлителен и недеятелен в подозрении чего либо худого, от чего добродушие и уловляется удобно.

Смотрите же, как и с каким искусством этот человек приводит в исполнение свой умысел. В нем видишь какого-то нового египетского Протея. Он делается человеком благомыслящим и весьма верным. Кто был так расположен ко мне, как этот Максим? Он жил со мной под одной кровлей, делил одну трапезу, разделял мои мнения и предположения. И это нимало не удивительно. Как будто какой-то большой пес, он лаял тогда на людей зломудренных, а мои поучения хвалил усердно.

Но вместе с этим заимствовал он от служителей алтаря какую-то болезнь, остаток первоначального недуга. А это было врожденное зло – непрекращающаяся зависть, потому что порок не без труда приводится в изнеможение. Над ними то не правдивым, но своевольным судьей стал Максим, и, отыскав двух споспешников своей злобы, первого и второго человекоубийцу, едва наконец разрешился от своего бремени, породив аспида. Первый из сих споспешников был демон, некогда ангел, а второй – пресвитер этого народа, по уму еще более, нежели по телу, варвар. Он не был мной забыт, не видал от меня никакого пренебрежения, всегда пользовался первенством и в почестях, и в сопрестоллии (внемли, Христос, о, непогрешительное в судах око, если только прилично призывать здесь Христа!) и вдруг стал чревоболеть лукавой и злонравной ненавистью. Увы! Как оплачу сие? Чистое небо покрылось тьмой; нашло на меня вдали скопившееся зло – египетская туча. Сперва появились соглядатаи, каких в избранную израильскую землю посылал некогда доблестный Моисей. Но это были не Иисус и Халев – мудрецы, а нечто наглое из юношей и старцев, Аммон, Апаммон, Арпократ, Стип, Родон, Анувис, Эрманувис – египетские боги, в виде обезьян и псов преставшие демоны, жалкие и буйные моряки, которые недорого себя продают, за небольшую монету охотно (только бы нашлись) предлагают многих богов. А вскоре потом прибыли и пославшие сих соглядатаев, достойные такого полчища вожди,

или пастыри, если о псах приличнее сказать последнее. Но больше ничего не произнесу; хотя много у меня в готовности слов, и они приводят в трепет мою внутренность, как завязанный мех, в котором бродит молодое вино, или как кузнечные меха, которые наполнены воздухом. Впрочем, уважаю пославшего их, хотя он и легкомыслен, уважаю и их самих, как людей, которых, может быть, нужно и извинить несколько, потому что увлеклись по грубости, действовали по наущению других, а именно тех, кого злыми на меня сделала здесь зависть.

Решите, мудрые, мою задачу. Для меня это непонятно, и разве растолкует какой-нибудь мудрец. Отчего сам Петр (Архиеп.Александрийский), этот судия пастырей, сперва писанием своим, которое явным образом не заключает в себе никакой двусмысленности, как в этом уверяет самое письмо его ко мне, признал меня возведенным на престол и почтил знаками своего утверждения, а теперь вместо девы оказался для меня ланью? Это – дело темное, которое требует объяснения. Видали ли что более похожим на лицедейство, хотя на свете и много разыграно лукавых дел?

Но увидят и еще нечто более забавное. Один из пирующих (2Ездр. 3,11–13) говорил, что всеми владеет вино, другой утверждал, что всеми владеют женщины, а мудрый сказал, что владеет истина. Но я присовокупил бы и золото и сказал, что ему принадлежит владычество. Им без труда все приводится в движение; и нимало не странно, если одно только мирское побеждает у нас дух.

Но спросят: откуда золото у этого пса? Один пресвитер прибыл сюда из Фасса и привез золото тамошней церкви, чтоб купить на него проконнийский мрамор. Обласкав этого бедняка, при содействии других, связав его множеством надежд (ибо худые с худыми сходятся скоро), Максим добыл у него золото, приобрел этого на все пригодного служителя, верного помощника, искреннего товарища. И вот доказательство! Те самые, которые прежде уважали меня, начинают теперь презирать, как бесполезного и безнадёжного друга, и, подобно стрелке в весах, легко склоняются на худшее.

Была ночь, а я лежал больной. Как хищные волки, явившиеся вдруг в загоне овец, с немалым числом наемных моряков (которыми легко приводится в воспламенение Александрия, потому что к этим морякам пристают и умные люди), они спешат постричь этого пса и возвести на кафедру прежде, чем стало то известно народу, вождям Церкви, и даже мне, если более не вождю, то, по крайней мере, псу этого стада. Они говорят, что так было им приказано. Вот как Александрия воздает за труды! Пусть судит об этом кто-либо другой, к вам благорасположенный!

Настало утро! Клир (потому что клирики жили близко) приходит в воспламенение, молва быстро переходит от одного к другому, и разгорается самый сильный пожар. Сколько стеклось людей чиновных; сколько посторонних и даже сомнительной веры! Не было человека, который бы, видя такое вознаграждение за труды, не раздражился тогдашним поступком. Но к чему продолжать речь? Немедленно с гневом удаляются они из храма, скорбя о том, что не достигли цели. Но чтобы не пропадало понапрасну начатое зло, доводят до конца и остальную часть своего лицедейства. Почтенные и богоугодные эти люди, в сопровождении нескольких мирян из числа самых презренных, вошли в бедное жилище свирельщика и там остригли волосы самому злому из псов, впрочем не употребив ни уз, ни насилия, потому что этот пес готов был и на большее, назнаменуют его пастырем. Свершилось посечение густых кудрей, без труда уничтожен этот долговременный труд рук, а сам он приобрел из этого то одно, что обнаружена тайна волос, в которых заключалась вся его сила, как повествуется сие и о судии Самсоне, что остриженные волосы предали его врагам, в угоду которым обрезала их женщина, и произвела эту безвременную и губительную жатву. Но из псов сделанный пастырем опять из пастырей стал псом, и (какое бесчестие!) псом покинутым. Не носит уже он красивых волос, но не владеет и стадом, а бегают опять по мясным рынкам за костями. Что ж сделаешь с прекрасными своими волосами? Снова ли будешь тщательно их отращивать? Или останешься таким посмешищем, как теперь? То и другое срамно, а между этими

двумя крайностями невозможно найти ничего среднего, кроме одной удавки. Но скажи также, где положишь, или куда пошлешь эти остриженные волосы? К лицедеям ли на зрелище, или к девам, и к каким тогда девам? Не к своим ли коринфским? Не к тем ли, с которыми некогда ты, о всемудрый, один на один упражнялся в богоугодных подвигах! За все это назову тебя лучше псом небесным.

После этого город столько скорбел о тогдашних происшествиях, что все были смущены, всякий распространял о Максиме ненавистные слухи в осуждение его жизни, и что доселе таилось в мысли, то гнев вывел наружу. Каждый присовокуплял от себя что-нибудь новое; и из всего этого составлялось стройное изображение одного совершенного негодяя. Как в теле, при больших недугах, появляются и малые немощи, остававшиеся неприметными, пока человек был здоров, так и у Максима все прежние худые дела были выставлены на позор последним возмутительным поступком. Но никогда не стану разглашать их я. Пусть знают об этом те, которые говорят. Я, хотя и потерпел обиду, однако же из уважения к прежнему замыкаю уста.

«Итак, что же? Не вчера ли был он в числе твоих друзей? Не вчера ли удостаивал ты его самых великих похвал?» Так, может быть, возразит мне иной, кто знает это дело и захочет обратить мне в вину тогдашнюю готовность, о какой уважал я даже худших из псов. Точно, я был в неведении, достойном порицания, как Адам, обольщен был зловредным вкушением, горькое дерево прекрасно было на вид, меня обманула личина веры, какую видел я на его лице, обманули и притворные слова. А кто верен, тот всех доверчивее, легко привлекается благоговением другого, будет ли оно истинное или мнимое. Конечно, это еще добрая немощь. Ибо всякий то и думает, чего желает. И скажите, премудрые, что надлежало мне делать? Что иное, по вашему мнению, сделал бы кто из вас самих? Церковь находилась тогда в таком еще тесном положении, что немало для меня значило собирать и солому. Стесненные обстоятельства не дают такой свободы, какую можно иметь во времена изобилия. Для меня очень было важно, если и пес

ходит на моем дворе, и чтит Христа, а не Геракла, Но здесь было нечто и большее. О том изгнании, какому подвергся Максим за срамные дела, уверял он, что потерпел сие ради Бога. Он был наказан бичами, а мне казался победоносцем. Если это тяжкая вина, то знаю, что не один раз и во многом грешил я подобным сему образом. Простите же меня, судии, за это прекрасное прегрешение. Максим был самый негодный человек, но я уважал его, как доброго. Или скажу нечто и более отважное. Вот отдаю мой говорливый, неумеющий приноравливаться ко времени язык. Кто хочет, отсеки его без милосердия. И что же? Разве он не отсечен уже? Если угодно, то это действительно так. По крайней мере давно он молчит, и долее еще будет молчать, может быть, в наказание за неблаговременность, и в поучение, что не всем он приятен. Но каково и это? Позвольте присовокупить еще одно. Лукавство подлинно идет вопреки здравому рассудку. Кого и доброта не сделала кротким, из того могло ли что сделать всякое другое средство? Вот и самая честь – для него уже укоризна. Каким назовешь ты нрав этого человека? Весьма худым. И если это верно, не доискивайся большего. А если не правда, то не соглашайся и на прежнее. Что может быть неоспоримее этого?

Так бесчестно прогнан отсюда этот злой человек, вернее же сказать, прогнан прекрасно, потому что был зол. Поскольку же царь Востока, готовя гибель варварским племенам, находился в фессалоникийской крепости, то смотри опять, что замышляет этот здешний пес. Взяв с собой подлую толпу египтян (имею в виду тех, которые постригли его так безобразно), направляет он путь в воинский стан, чтобы царским указом утвердить за собой кафедру. Но там еще ничей слух не был расположен ко мне худо и не внимал клевете, поэтому Максим и там с великим гневом и страшными проклятиями отринут, как пес, и вскоре скрывается в Александрию, сделав это одно справедливое и умное дело. Ибо с наемной толпой бездомных людей нападает на Петра, у которого было двойное перо, и который без труда писал все, хотя бы это и противоречило одно другому. Сего-то старца теснит Максим, требуя себе престола, на который надеялся, а в противном случае грозя, что самого не оставит на

престоле. Наконец градоправитель, опасаясь (как и справедливо было), чтобы раздуваемое пламя к старым бедствиям не присовокупило еще новых, выгоняет его вон. И теперь, по-видимому, он спокоен. Но боюсь, чтобы эта страшная, чреватая градом туча, нагнанная сильным ветром, не разразилась над теми, которые вовсе того не ожидают, потому что злонравие никогда спокойно быть не может, хотя оно теперь и связано, но не сделается благоразумнее. Такова-то философия нынешних псов! Это псы лающие, чем единственно и похожи они на псов. Что же такое в сравнении с ними Диоген, или Антисфен? Что перед ним и Кратес? Ни во что ставь философию Платона; ничего не значит портик. Тебе, Сократ, доныне принадлежало первенство. Скажу нечто вернее самой Пифии. Всех мудрее Максим.

А я бедствую, как едва ли бедствовал какой смертный; так было со мной с самого начала; так, и еще более, продолжается и теперь. И великое благодарение трудам на суше, опасностям на море, и тем страхам, которыми я спасен! Они, поставив меня выше всего коловратного, явным образом обратили к высшему. Однако же не перенес я тогдашнего бесчестия и с радостью ухватился за открывшийся предлог. Как только узнал, что этот негоднейший человек пострижен, хотя окружили меня все друзья, составили около меня неприметную стражу, охраняя мои движения, выходы и возвращения, однако же, поскольку все враги мои видели эту борьбу, и происшедшее разделение почитали низложением самого учения, смотря на все это и не имея терпения перенести (не отрицаю этого), испытал я на себе нечто свойственное человеку простому, а не мудрому. Тотчас, как говорят, поворотил я корму назад и поворотил не слишком искусной рукой. Никто бы, может быть, и не догадался; но у меня вырвалось какое-то прощальное слово, которое изрек я в скорби отеческого сердца. «Блюдите, – сказал я, – всецелую Троицу, как предал вам, возлюбленным чадам, самый щедрый отец; помните, любезнейшие, и мои труды». Едва народ услышал это слово, один нетерпеливый громко вскричал, и, как рой пчел, изгнанный дымом из улья, они вдруг поднимаются и оглушают криками, и мужчины, и женщины, девы, юноши, дети,

старики, благородные и неблагородные, начальники, воины, живущие на покое; все равно кипят гневом и любовью, гневом на врагов, любовью к Пастырю.

Но не в моих было правилах принудить преклонить колени и обрадоваться утверждению на престоле, которое не было вполне законно, если не могли меня принудить и к принятию законного престола. Чтобы достигнуть желаемого, избирают другой путь, прибегают к сильным заклинаниям и молениям, просят, чтобы я, по крайней мере, остался у них, помогал им и не предавал паствы на расхищение волкам. Можно ли было удержаться от слез? Анастасия, наичестнейший из храмов, в котором воздвигнута вера, поверженная на землю, Ноев ковчег, который один избежал всемирного потопа и сохранил в себе семена нового православного мира! К тебе отовсюду стекался многочисленный народ, потому что приближалась самая опасная и решительная минута – одержать верх или мне, или народной любви. А я посреди их, безгласный, в каком-то помрачении, не в состоянии был ни остановить шума, ни обещать того, о чем просили. Одно было невозможно, от другого удерживал страх. Все задыхались от жары, обливались потом. Женщины, особенно уже ставшие матерями, в страхе напрягали свой голос, дети плакали; а день клонился к вечеру. Всякий клялся, что не отступится от своих домогательств, хотя бы храм сделался для него прекрасным гробом, пока не исторгнет у меня одного желанного слова. Некто (для чего ты, слух мой, не был загражден в то же самое мгновение), как бы вынужденный скорбью, сказал: «Ты вместе с собой уводишь и Троицу». Тогда убоявшись, чтобы не случилось какой беды, не клятвой обязался (похваюсь в этом несколько при Боге, я никогда не произношу клятв с тех пор, как омыт по дарованию Духа), но дал слово, за которое ручался мой нрав, что останусь у них, пока не явятся некоторые епископы, которых тогда ожидали. Тогда и я надеялся получить избавление от чуждых для меня забот. Так с трудом мы разошлись, для той и другой стороны приобретаю тень надежды.

Они воображали, что теперь я уже их; а я рассуждал, что остаюсь не на долгое теперь время.

Так было дело. И опять засияло Божие слово, казалось, что поредевший несколько воинский строй снова сгущается от расторопных распоряжений военачальника, или разрушенный местами оплот быстро растет под множеством рук. Еще прежде принявшие на себя узы догматов и потом присоединившиеся ко мне, как только увидели, чему я подвергся, возлюбили меня крепче. Одних приводила ко мне проповедуемая Троица, учение о Которой было изгнано на долгое время, но не скажу, чтоб оно издавна погребено было совершенно, нет, это была отечественная проповедь, и теперь она возвращалась в свое отечество. Она была здесь и прежде, потом прекратилась, но теперь явилась снова, удостоверяя тем в воскресении из мертвых. А в других было уважение, может быть, и к моим словам. Иные же притекали ко мне, как к терпеливому подвижнику. Другим приятно было видеть меня, как дело собственных рук. И об этом пусть одни спросят у знающих, а другие расскажут незнающим, если найдутся люди, которые были бы так удалены от нас и от преобладающего ныне владычества римлян, пусть, говорю, расскажут, чтобы могло быть это пересказано и во времена последующие, пересказано, как одно из небывалых еще в свете бедствий, приносимых к нам непостоянным течением времени, которое ко всему доброму примешивает в большей мере худое. Не говорю уже о правоверном народе, о сем благородном плоде моего чревоболения. Об них можно сказать только, что, поскольку не было у них единомыслящего с ними Пастыря, то, как при безводии бегут к первой показавшейся влаге, и в совершенной тьме – к малому свету, так и они стекались ко мне, чтобы в моем слове найти себе пособие от голода. Но что сказал бы иной о людях, чуждых вере, припоминая, как и они восхищались словом?

Много путей, которые слишком уклонились от пути законного и непогрешимого. Много путей, которые ведут в бездну погибели. На эти-то пути растлитель увлекает образ Божий, чтоб через это найти к нему какой-нибудь доступ, разделяя у нас мысли, а не языки, как в древности разделил Бог. Это было причиной нездоровых учений; одни не знают

иного Бога, кроме случайного стремления, каковым будто бы составила и управляется эта вселенная, другие вместо единого Бога вводят множество богов, и кланяются собственным своим произведениям, иные все земное лишают Промысла и ставят в зависимость от сопряжений звезд, другие, быв избранным Божиим народом, распяли на кресте Сына, думая тем почтить Отца, иные поставляют благочестие в исполнении маловажных заповедей, иные отрицают ангелов, духов и воскресение, или отметаю пророческие писания, другие в законных сеньях чествуют Христа; иные чтут Глубину, Молчание – довременные природы, и зонов – андрогинов, это дети Симона, волхва, и их порождения, то слагающие Божество из букв, то ветхий и новый Завет приписывающие двум богам – жестокому и всеблагому, то вводящие три неподвижные природы: духовную, плотскую и среднюю между обеими, то с восторгом принимающие Манесову первобытную тьму, то нечестиво чествующие Монтанова Духа, или суетное превозношение Новата, наконец сократители всецелой Троицы и разделители нераздельного естества. А от них, как от одной гидры, расплодилось многоглавое злочестие; от них происходит и тот, кто одного Духа называет тварью, и тот, кто к Духу прилагает и Сына; от них происходят и те, которые вводят современного кесарю Бога, или ни с чем несообразно приписывают Христу призрачный образ, или допускают другого Сына, земного, или утверждают, что спасен человек не полный, не имеющий ума. Таковы, скажу кратко, сечения правой веры, таковы родоначальницы всех нелепых учений.

И кто же из них был тогда настолько упорен, чтоб не склонить слуха к моим словам? Одних пленяла сила учения, других делал кроткими образ выражения. Без вражды, не столько с укором, сколько с сердоболием вел я речь; сетовал, а не поражал, и не превозносился, как другие, скоротечным и непостоянным временем. Ибо какое общение у Слова с земной властью? Не делал я щита своему неразумию из дерзости. Это слишком ухищренно и только каракатице свойственно изрыгать черноту из своих внутренностей, чтобы в темноте избежать обличений. Напротив, в словах своих соблюдал я кротость и

благоприличие, как защитник Слова кроткого, сострадательного, не наносящего никому ударов. Потому и побежденным оставаться славно, но еще гораздо честнее одерживать верх над приобретаемым для Бога невольным убеждением. Так было начертано на моих скрижалях!

Но был у меня и другой, так же ясно и прекрасно начертанный, закон обучения, а именно следующий: не признавать единственным путем к благочестию этого легко приобретаемого и зловредного языкоболия, не метать таинственных учений без всякой пощады на зрелищах, на играх, во время упоения, среди смеха, когда сердце разнежено песнями, не метать языком, который не очищен предварительно от мерзких речей, не метать слуху, который осквернен и чужд Христа, и не обращать в шутку того, что с трудом уловляется, но доказывать благочестие более всего исполнением заповедей, тем, чтобы питать нищих, принимать странников, ходить за больными, постоянно проводить время в псалмопениях, молитвах, воздыханиях, слезах, возлежаниях на голой земле, в обуздании чрева, в умерщвлении чувств, в подчинении доброму порядку раздражительности, смеха и уст, наконец усмирять плоть силой Духа. Ибо много путей к спасению, много путей, ведущих к общению с Богом. Ими надо идти, а не одним путем слова. Достаточно учение простой веры, которой без мудрствований по большей части спасает Бог. А если бы вера доступна была одним мудрым, то крайне беден был бы наш Бог.

Но ты любослов; ты исполнен ревности; для тебя несносно, если не польется у тебя слово! И в этом случае желаю тебе не больше, чем то, что свойственно человеку. Говори, но со страхом; говори, но не всегда, не обо всем, не всякому и не везде; знай, кому, сколько, где и как говорить. Всякой вещи, как ты слышишь, есть свое время, а всего лучше всему мера, по слову одного из мудрых. Не сходятся между собой пределы мидян и фригийян; не сходятся между собой учения внешних и мои слова. У тех говорятся речи напоказ, в собрании молодых людей и для образца им, в них не важны ни успех, ни неудача. Ничто так не бессильно, как тень тени. Но у нас одна цель – говорить истину. Поэтому нельзя без страха так, или нет,

вымолвить слово. Путь с обеих сторон окружен стремнинами; едва соступишь с него, тотчас упадешь, а упадешь прямо во врата адовы. Поэтому нужна особенная осторожность в словах, чтобы умно говорить и умно слушать. Иногда же, равно избегая того и другого, нужно пользоваться правдивым мерилom – страхом. Слух меньше подвергает опасности, нежели язык. Но еще меньше будет опасности, если ничего не примешь и слухом, но побежишь прочь. Для чего тебе прикосаться к гною и умертвить свой ум? Для чего тебе приближаться к дыханию бешеной собаки?

Сему научился я из законоположений Писания, которыми и был напитан еще прежде, нежели собрался с собственным своим умом. Так действовал я на граждан и на чужаков, и стал уже одним из богатых земледельцев, хотя жатва моя не вся сразу готова была к сбору. И некоторые из терний только что перестали быть дикими, а иные выравнивались, в другие только вкладывалось семя, иные были еще в молоке, у иных едва показывался из земли росток, другие дали зелень, у других завязался стебель, другие наливались, а иные побелели к жатве, иные были на гумне, другие лежали в кучах, одни выевались, другие стали чистой пшеницею, а иные и хлебом, что составляет конец земледелия. Но этот хлеб кормит теперь не трудившегося на земле делателя, а тех, которые не пролили и капли пота.

Здесь желал бы я завершить свое слово и ничего не говорить о том, что недостойно слова. Но теперь не дозволяет мне это дальнейший ход дел, из которых иные текли для меня успешно, а о других не знаю, что и сказать, к какому причислить их разряду, и кого похвалить.

Таково было мое положение, когда внезапно прибыл из Македонии Самодержец, после того как он остановил тучу варваров, которых воодушевляли и надежда на свою многочисленность, и дерзость. Государь, что касалось веры в Бога, не был зломыслен, мог удерживать в нужных пределах души более простые, сам усердно читл Троицу (говорю это от чистого сердца, и то же подтверждают все, безопасно утвердившиеся на прочном основании), но у него не было такой

горячности духа, чтобы настоящее уравнивать с прошедшим, самому времени предоставив отразить удары времени. Или, может быть, имел он и горячность духа, но ей не равнялась (как это назвать? Научите сами) отважность или дерзость. А может быть, лучше наименовать сие предусмотрительностью, потому что и сам признаю законным не принуждать, но убеждать, и нахожу это более полезным как для нас самих, так и для тех, кого приводим к Богу.

Невольное, сдерживаемое силой, как стрела, остановленная тетивой и могучею рукой, или ручей, отовсюду прегражденный в своем течении, при первом удобном случае презирует сдерживающую силу. А добровольное навсегда твердо, потому что связано неразрешимыми узами любви. С такой мыслью, как полагаю, и царь не давал пока места страху, всех привлекал кротостью, желая лучше, чтоб действовали свободно, а не только из повиновения писаному закону.

Когда же обрадованный Государь прибыл к нам, которые втрое более обрадовались его приезду, тогда насколько почтил он меня при первом свидании, как благосклонно и сам говорил со мной, и меня выслушал! Но нужно ли говорить об этом мне? Слишком было бы стыдно, если бы подумали, что такие вещи дорого ценю и я, для которого дорого только одно – Бог. Но вот чем закончил он разговор со мной: «Через меня, сказал он, Бог дает тебе и твоим трудам этот храм».

Слова сии казались невероятными, пока не приведены были в исполнение, потому что в городе готовились противиться этому всеми мерами; кипение страстей было сильно и ужасно, решались не уступать, но удерживать за собой все, чем владели, хотя бы случилось что и неприятное. А если бы к уступке принудили их силой, то стоило им обратить несколько гнева на меня, над которым не трудно было взять верх. Но так сказал Государь, и я ощутил в себе какой-то трепет удовольствия, смешанный с содроганием ужаса. Христос мой, призывающий нас к страданиям теми страданиями, какие Сам претерпел! Ты и тогда был мздовоздаятелем моих трудов, будь и теперь моим утешителем в злостраданиях!

Наступило назначенное время. Храм окружен был воинами, которые в вооружении, в великом числе, стояли рядами. Туда же, как морской песок, или туча, или ряд катящихся волн, стремился, непрестанно прибывая, весь народ, с гневом и мольбами, с гневом на меня, с мольбами к Державному. Улицы, ристалища, площади, даже любое место, дома с двумя, с тремя жилищами наполнены были снизу доверху зрителями, мужчинами, женщинами, детьми, старцами. Везде суета, рыдания, слезы, вопли – точное подобие города, взятого приступом. А я, доблестный воитель и воевода, с этим немощным и расслабленным телом, едва переводя дыхание, шел среди войска и рядом с императором, возводя взор ввысь и ища себе помощи в одних надеждах; наконец, не знаю как, вступил в храм.

Стоит примечания и следующее обстоятельство. Тогда многим казалось оно даже выше всякого слова, а именно тем, для которых не просто и все, что они видят, особенно в важнейшие мгновения времени. А я, который не меньше всякого другого не склонен верить чрезвычайному, не имею причины не верить утверждающим это, потому что оспаривать все без разбора хуже, нежели иметь готовность всему беспрекословно верить. Одно показывает легковерие, а другое – дерзость. Какое же это чудо? Пусть провозгласит о нем миру моя книга, и да не скроется от потомства такой дар благодати.

Было утро, но над целым городом лежала еще ночь, потому что тучи закрывали собой солнечный круг. Это всего менее прилично было тогдашнему времени, потому что при торжествах всего приятнее ясная погода. В этом и враги находили для себя удовольствие: они толковали, что совершаемое негодно Богу. И мне причиняло сие тайную в сердце печаль. Но когда я и порфироносец были уже внутри священной решетки, вознеслась от всех общая хвала призываемому Богу, раздались восклицания, простерлись вверх руки; вдруг, по Божию велению, сквозь разошедшиеся тучи засияло солнце, так что все здание, дотоле омраченное, мгновенно сделалось молниевидным, и в храме все приняло вид древней скинии,

которую покрывала Божия светлость. У всех прояснились и лица и сердца.

Такое зрелище внушило смелость. В громких восклицаниях, как чего-то единственно недостававшего к настоящей радости, требуют меня; говорят, что для города от державной власти будет первой, самой важной, лучшею самого престола наградой, если константинопольскому престолу дан буду я. Таково было требование и чиновных и простолюдинов; все в равной мере желали этого. О сем кричали наверху женщины, почти забыв, чего требует от них благоприличие. Все оглашалось как бы какими-то невероятными раскатами грома. Наконец, велев встать одному из восседавших со мной (а у меня не было тогда силы в голосе, от смущения и от страха), чужими устами проговорил я следующие слова: «Удержите, удержите ваши крики; теперь, конечно, время благодарению; после займемся и делами». Народ с рукоплесканиями принял слова мои, потому что обнажен был один меч, но опять скрыт в ножнах, и дерзость из храма; похвалил меня. Такой конец имело это собрание, которое так много меня утешало; и весь страх кончился тем, что обнажен один меч, но опять скрыт в ножны, и дерзость пламенного народа пресечена.

Но что было после, не знаю как продолжать о том слово, потому что и самый предмет приводит меня в затруднение. Лучше бы кто-либо другой кончил начатое мной повествование, потому что стыжусь слышать себе похвалы, когда и другой говорит обо мне хорошо. Такой у меня закон! Впрочем, буду говорить, соблюдая умеренность, насколько могу.

Я оставался дома. Город после того, как стал принадлежать нам, прекратил свои грозные на меня рыкания, но издавал еще глухие стоны, подобно исполину, который, как сказывают, пораженный молнией близ горы Этны, изрыгал из глубины и дым и огонь. Как же надлежало мне поступить в этом случае? Научите меня ради Бога, скажите вы, властвующие ныне, вы – собрание жалких юношей, у которых кротость почитается слабостью, а упорство и злонравие – мужеством? Должен ли я был, без меры воспользовавшись обстоятельствами и властью, толкать, гнать, свирепствовать, воспламенять? Или надлежало

мне врачевать лекарствами спасительными? В последнем случае можно было извлечь две выгоды, и их сделать умеренными своею умеренностью, и себе приобрести славу и благорасположение. Это было справедливо; так и всегда буду действовать, а всего более так прилично было действовать тогда. Во-первых, надобно было показать, что приписываю это не столько счастливому стечению обстоятельств, сколько Божью могуществу. Имея самого надежного советчика – Слово, какой совет получаю от этого доброго советника? Все тогда кланялись гордыне чиновначальствующих, особенно тех, которые имели силу при дворе и не способны были ни к чему другому, как только собирать деньги; трудно и сказать, с каким усердием и с какими происками припадали тогда к самым вратам царевым; друг друга обвиняли, перетолковывали, употребляли во зло даже благочестие, одним словом, отваживались на всякие постыдные дела. Один я признавал для себя лучшим, чтоб меня любили, а не преследовали ненавистью. Я хотел снискать уважение тем, что меня редко видели; большую часть времени посвящал Богу и очищению, а двери сильных земли предоставлял другим.

Сверх того я видел, что одни, причинив мне обиду, как сами себе сознавались в том, беспокоились о последствиях, а другие, что естественно, имели нужду в новых моих благодеяниях. Поэтому одних избавил я от страха, а другим помог по мере нужды каждого и насколько сам был в силах. Для примера скажу об одном из многих случаев.

Однажды оставался я дома, не занимаясь делами по болезни, которая посещала, не раз посещала меня вместе с трудами; и вот та нега, какой предавался я по мнению моих завистников! В таком был я положении; вдруг входят ко мне несколько простолюдинов и с ними молодой человек, бледный, с всклокоченными волосами, в печальной одежде. Я свесил немного ноги со своего одра, как бы испугавшись такого явления. Прочие, наговорив, как умели, много благодарений и Богу и царю за то, что даровали нам настоящий день, сказав немало слов и мне в похвалу, удалились. А молодой человек припал вдруг к моим ногам, и оставался у них каким-то

безмолвным и неподвижным от ужаса просителем. Я спрашивал: кто он, откуда, в чем имеет нужду? Но не было другого ответа, кроме непрерывных восклицаний. Он плакал, рыдал, ломал себе руки. И у меня полились слезы. Когда же оттащили его насильно, потому что он не внимал словам, один из бывших при этом сказал мне: «Это убийца твой; если видишь еще Божий свет, то потому, что ты под Божьим покровом. Добровольно приходит к тебе этот мучитель своей совести, не благомысленный убийца, но благородный обвинитель себя самого, и приносит слезы в цену за кровь». Так говорил он; меня тронули слова сии, и я произнес такое разрешение несчастному: «Да спасет тебя Бог! А мне, спасенному, неважно уже показать себя милостивым к убийце. Тебя дерзость сделала моим. Смотри же, не посрами меня и Бога». Так сказал я ему. И как ничто прекрасное не остается тайным, город вдруг смягчается, как железо в огне.

А в рассуждении прославляемых богатств, какими повелители целой вселенной обогащали храмы во все времена, и тех драгоценностей, и отовсюду собираемых доходов, в которых не нашел я никакого отчета ни по записям прежних настоятелей, ни у сокровищехранителей, у которых все это было на руках, если не стал я входить в разыскания, и для проверки, как советовали мне иные, и к чему даже принуждали, не принял никого стороннего, что послужило бы к оскорблению таинства; то как думаешь о сем? Пусть отчет дают в том, что у кого было, а не в том, что следовало кому получить. Кто пристрастен к богатству, тот порицает и этот мой поступок; а кто выше этой страсти, тот весьма его одобрит. Если во всяком случае худа ненасытность, то еще хуже – быть ненасытным духовному. Если бы все так рассуждали о деньгах, то никогда бы не было такого беспорядка в Церквах. Но входить в такие разыскания не имею намерения, говорю же единственно о том, что относится к священнослужению и приближает к Богу.

Противниками распускаем был и тот слух, что не достает у меня народа для наполнения и одних притворов; так прежде разделен был народ, когда мы были скудны; так презирал всякий меня, у которого теперь полный храм, даже полные

храмы! И это было предметом моих попечений; не говорю уже о том, что я заботился о нищих, о монахах, о девах, служащих в храме, о странниках, о прохожих, об узниках, о псалмопениях, о всенощных слезах, о мужах и женах, упражняющихся в делах честных, и обо всем, что веселит Самого Бога, когда совершается благочинно.

Но не успокаивается губительная зависть, которую все уязвляет или явно, или тайно. Моя победа делается для меня началом бедствий. Для утверждения благочестивого престола собрались все настоятели народные, сколько их ни было на Востоке, кроме Египта, до самого нового Рима, не знаю какими-то Божиими вещаниями подвигнутые из внутренних глубин суши и моря. Председателем у них был муж весьма благочестивый, простой и нехитрый нравом; он весь был в Боге; светлый взор его, внушая уважение, обуздывал дерзость, и взирающим открывал в нем возделанную Духом ниву. В этом изображении кто не узнает настоятеля Церкви Антиохийской, который действительно был таков, как именовался, и чье имя вполне соответствовало его качествам, потому что и имя и нравы его медоносны! Он много пострадал за Духа Божьего, светлыми подвигами возделывая в себе духовные дарования, хотя и был недолго водим чуждой рукой.

Эти-то настоятели утверждают меня на досточестном престоле, сколько ни вопил я и ни жаловался на сие. По крайней мере, утверждают не совершенно против воли, чему одна только была причина, – будь в этом моим свидетелем Слово! Какая же это причина? Скрывать истину было бы непозволительно. Кто чего желает, тот слепо этого надеется. Когда же дух кипит, тогда все кажется удобным. В таких случаях и я, подобно всякому другому, бываю высокоумен. Поэтому в мечтаниях суетного сердца предполагал я, что как скоро приобрету могущество этого престола, поскольку видимость придаст много веса, тотчас приведу в согласие отдалившихся, к несчастью, друг от друга, подобно управляющему певчих, который, став в середине двух хоров, и одному предписывая закон той, а другому – другой рукой, делает из них один хор.

И не верх ли это бедствия? Не достойно ли это обильных слез, сильных рыданий и терзаний, каким не предавался никто ни из древних, ни из новейших ни в одном горестном событии, как ни много со многими встречалось несчастий, не исключая и то, известное всякому рассеяние Израиля, развеянного христоубийственной ненавистью? Эти председатели и учителя народов, податели Духа, с высоты престолов сияющие спасительным учением и непрестанно среди Церквей широковещательным гласом проповедующие всем мир, с таким огорчением восставали друг на друга, что, с грозными восклицаниями собирая себе пособников, обвиняя других, сами подвергаясь обвинениям, предаваясь сильным движениям, перебегая с места на место, расхищая, что только удавалось захватить прежде других, в страсти к любоначалию и единоначалию (как и какими словами опишу это?) расторгли уже (как сказал я в начале этого слова) целую вселенную. Их споры, по-видимому, больше отделяют Запад от Востока, нежели разность местности и климатов. Последние, если не в крайних, то в средних своих состояниях, имеют некоторое единение. Но нет уже ничего связующего этих разделившихся между собой, не из благочестия, выставляемого в предлог ненавистью, готовой ко лжи, но из-за спора о престолах. О ком говорю это? Неужели об епископах? Не столько об епископах, потому что достаточно знаю обоих, сколько о тех, которые некстати стоят за того и другого, раздувают пламень и без того разгоревшийся, из дела друзей прекрасно извлекают собственные плоды, если только действительно это прекрасно, а не крайне худо!

Из сих бедствий и я приобрел нечто на свою долю. Когда предстоятель Антиохийской Церкви, которого восхвалял я недавно, исполненный и измеряемых и неизмеряемых лет, после многих (как слышно) увещеваний о примирении, какие и прежде, по рассказам, делал он друзьям своим, отошел отсюда в ангельский лик, а потом при чудном сопровождении и стечении города, особенно тогда, как сказывали, опечаленного, перенесен в собственную свою Церковь, как прекрасное сокровище для знавших его; тогда у нас предлагается на

совещание вопрос, не требовавший совещаний. Его предложили люди мятежные и злонамеренные, имевшие в виду какого-нибудь первостоятеля противопоставить тому, который теперь один оставался на престоле. Много было наговорено и с той и с другой стороны, многое предложено с целью примирения, а многое послужило к увеличению зла. Тогда и я с своей стороны сделал предложения, какие признавал лучшими и более подходящими для прекращения бедствий.

«Мне кажется, друзья, – говорил я, – что не все вы равно постигаете дело и хотите, чтобы слово мое касалось не того именно, о чем надлежит теперь рассуждать, но как можно далее уклонилось от необходимого вопроса. У вас идет рассуждение об одном городе, и это для того, чтоб произвести теперь еще больше споров. Вот цель, которой стараетесь достигнуть, и для которой требуете помощи и моей руки. А у меня слово о деле гораздо более важном и общем. Видите великий круг земли, запечатленной потоками драгоценной крови Бога, Который пострадал в образе человека и Себя Самого предал в искупительную цену, видите круг земли, освященной и другими многими вторичными жертвами. Он то приводится в колебание двумя (скажу так) ангелами, но и они (выговорю сие со скорбью) не достойны такой чести, а, напротив, поскольку они ангелы, тем паче достойны не того, чтоб из-за них ссориться и поступать еще хуже, если только лучшее и достойно лучшего. Пока находился еще в живых божественный епископ, и оставалось неизвестным, примут ли его когда-нибудь епископы западные, ранее раздраженные против него, извинительно еще было несколько и оскорбить в меру этих (как говорят) защитников законов; потому что, как кротость этого мужа служила некоторым врачеванием против гнева, так неведение весьма много придавало дерзновения. Теперь же, когда бури уже нет, и Бог даровал тишину Своей Церкви, теперь что, по словам моим, нужно? Примите мое предложение, предложение благоразумное, превышающее мудрость юных; потому что нам, старикам, не убедить их кипучести, которая всегда уступает верх желанию суетной славы. Престол пусть будет предоставлен во власть тому, кто владел им доселе. Что

худого, если этого мужа оплакивать будем долее, чем предназначает для этого Ветхий Закон? Потом дело решит старость и общий для всего нашего рода необходимый и прекрасный предел. Он переселится, куда давно желает, предав дух свой даровавшему его Богу; а мы по единодушному согласию всего народа и мудрых епископов, при содействии Духа, дадим тогда престолу кого-нибудь другого. И это пусть будет единственным прекращением неурядиц! Тогда, или, что всего важнее, приобретем себе и чуждое; ибо теперь, как вижу, чужд для нас Запад, или, что составляет вторую выгоду, многочисленные жители города, утомившись продолжительностью времени, согласятся во мнениях. Да утихнет наконец, да утихнет, говорю, эта буря, волнующая мир! Сжалимся над теми, которые впали теперь в раскол, или близки к нему, или могут впасть впоследствии. Никто из нас да не пожелает изведать на опыте, чем это кончится, если превозможет надолго. Настал момент, когда решается или сохраниться на будущее время нашему досточтимому и священному догмату, или от раздоров пасть невозвратно. Как непрочность красок, хотя и не совсем справедливо, ставят в вину живописцу, или нравы учеников – в вину учителям, так тайноводимый, а тем паче тайноводитель, если он худ, не поругание ли таинству? Пусть победят нас в малом, чтоб самим нам одержать важнейшую победу, быть спасенными для Бога и спасти мир, к вреду нашему погубленный. Не всякая победа приносит славу. Доброе лишение лучше худого обладания. Это известно Троице; это доказывает и светлая проповедь моего дерзновения, встреченная камнями и сделавшая меня предметом зависти людей злонравных. Я говорю сегодня просто и по правоте, говорю, насколько знаю, сообразное с целью. Если же кто из злонамеренных думает, что я говорю это или из человекоугодия (потому что сам он намерен продать себя, а ныне действительно есть люди, которые, имея у себя много золота и столько же рвения, покупают голоса в пользу избираемых), или, по обычаю многих, не теряю при сем из виду собственной выгоды (потому что сам он ухищрялся, как бы укрыться в произведенном им беспорядке, или замышляет

ухватить из этого нечто и себе), то да будет предоставлено решить сие конечному огню! А мне позвольте остаться без престола и вести жизнь хотя и не славную, однако же безбедную. Я пойду и успокоюсь там, где нет этих зол, потому что это гораздо лучше, чем жить с ближними, но не иметь силы и другого склонить к своему мнению и самому согласиться с другими вопреки разуму. Пусть выступит на середину тот, кто имеет виды на этот престол. А он заступит место многих и достойных и худых пастырей. Вот о чем надлежит вам рассуждать! Мое слово сказано».

Так сказал я; а они кричали каждый свое. Это было то же, что стая галок, собравшаяся в одну кучу, буйная толпа молодых людей, общая мастерская, вихрь, клубом поднимающий пыль, бушевание ветров. Вступать в совещание с такими людьми не пожелал бы никто из имеющих страх Божий и уважение к епископскому престолу. Они походили на ос, которые мечутся туда и сюда и вдруг всякому бросаются прямо в лицо. Но и степенное собрание старцев, вместо того, чтоб вразумить юных, им же последовало. И смотри, какое похвальное рассуждение! Надобно, говорят, чтобы наши дела текли вместе с солнцем, там воспринимая начало, откуда воссиял нам Бог под плотской завесой. Что же? Мы научены не круговращения чествовать, но признавать, что Христова плоть есть начало всего нашего рода. А если здесь положено начало, то потому, может быть, как скажет иной, что здесь более дерзости, и следовательно, здесь удобнее было Христу умереть, следствием же смерти было воскресение, а следствием воскресения – спасение. Державшиеся таких мыслей не должны ли были, как сказал я, уступить хорошо знавшим дело? А из этого видно, как высокоумны они и во всем прочем. Но каково и то, что прекрасный и сладкий источник древней веры, которая досточтимое естество Троицы сочетала воедино и была некогда преподана в Никее, этот, говорю, источник веры, как видел я, жалким образом возмущен был солеными потоками учений, какие распространяли люди сомнительной веры, которые, держась середины, принимают всякое мнение, какое только угодно властителю? И это было бы всего утешительнее, если бы

они действительно держались середины, а не явно передавались к противной стороне, эти епископы, ныне только научившиеся знать Бога, вчера учителя, а ныне ученики, сперва тайноводители, а потом тайноводимые, ведущие к совершенству людей, и одновременно, не знаю почему, оглашающие собственные свои пороки, и оглашающие без слез. Не странное ли дело – без слез исповедовать свои немощи? Таковы эти люди, потому что все, говорят они, раболепствует перед временем. Не всего ли приятнее шутя приобретать то, чего во многих случаях нельзя приобрести трудом, что не снискивается и другими средствами, даже не покупается? А мы как-то чрезмерно человеколюбивы. Поставили перед алтарями проповедническую кафедру и всем вопием: «Входи сюда, кто хочет, хотя бы два и три раза переменивший веру! Настало время торжища. Никто не уходил без прибыли. Время всего изменчивее: может быть, кость ляжет другой стороной, тебе не удалось тогда, мечи снова. Неблагодарное дело – привязаться к одной вере, когда мы знаем, что путей жизни много». Что же выходит из этого? Тот многосоставный кумир, который издревле являлся во сие, – золото, потом серебро, медь, железо, потом попираемый ногами черепок. Боюсь, чтоб всего этого не сокрушил камень. И моавитянам и аммонитянам, которым в древности не позволялось входить в Церковь, ныне открыт в нее вход.

Но скажи: не сам ли ты хвалил это прежде? Да и кто имел некогда силу на Соборах? Правда, что были Соборы, под чьим бы председательством они тогда ни были (повременю выговорить то, что приводит меня в стыд); но на них имели силу все, или, что то же самое, никто не имел силы, потому что многоначалие – тоже безначалие. А надо мной, к счастью, одерживала верх болезнь, которая нередко и подолгу держала меня безвыходно дома. У меня перед глазами было одно – переселение из этой жизни, которое освобождало меня от всех бед. Поэтому, что представилось, то пусть и будет законом. Правда, что были на Соборе люди, которые насильно и с трудом, потому что было у них столько дерзновения, вошли в собрание, но им извинением служит неведение зла, они

уловлены были двусмысленностью учений, проповедуемое открыто казалось им благочестивым, как порождение, вовсе не походившее на своих родителей. Но этот многочисленный сброд христопродавцев только тогда допущу на Собор, когда и грязь станут примешивать к благоуханию чистого мирра, потому что худое сообщается легче, нежели доброе. Им не понравился вводящий новых учений (так дерзкие называют благоразумных); но и они не понравились благоразумному. И вот Лот и патриарх Авраам идут, один в ту, а другой в противную сторону, чтоб не стесняться множеством своих имуществ. Нужно ли говорить, сколько раз и какими словами искушали вы, любезнейшие, эту седину, то предлагая мне первенство, то, как искренние друзья, у искреннего друга Григория (увы, точно искренние, но в единоклюбии для худого) прося чего-нибудь, а именно содействия вам во всем? Как же во всем? Кому же пришла такая мысль, что склонит меня к чему-нибудь народная толпа, а не Божье Слово? Скорее реки потекут вверх и огонь примет направление противоположное обычному своему стремлению, нежели я изменю чему-либо в моем спасении.

С этого времени нога моя избегала ваших собраний; и это делалось явно, потому что переменял я дом, спасаясь из глубин Церкви, устранившись от худых бесед и собраний. Впрочем, сколько сожалели о сем приверженные ко мне, особенно народ, не говорю уже о всех! В громких восклицаниях умоляли они, воздевая руки к Богу, заклиная, оплакивая меня, как уже умершего. Сколько терзаний! Сколько слез! Как и чьему сердцу можно было вынести сие? «И ты оставляешь нас, твой, как называл ты, колос, некогда тощий, а теперь уже налившийся и готовый к жатве. Оставляешь народ, недавно присоединенный к церкви, оставляешь тех, из которых одни стоят у дверей твоих и ждут, когда они будут открыты, другие введены уже тобой внутрь дома, а иные сами уловляют посторонних. И кому оставляешь? Кто воспитает твое рождение? Уважь труды свои, которыми изнурял себя, и остаток дыхания своего отдай нам и Богу. Пусть этот храм препроводит тебя из этой жизни!»

Таковы были удары, однако же я укрепился. Еще недолго, и вот Бог подает избавление. Ибо вдруг прибыли приглашенные

содействовать утверждению мира; прибыли египетские и македонские делатели Божьих законов и таинств. Но они повеяли на меня чем-то западным и суровым. Против них выступил сонм высокомудрствующих с Востока. Те и другие сошлись между собой (скажу нечто в подражание трагикам), как вепри, остря друг на друга свирепые зубы и кося огненными очами. Коснувшись же многих вопросов, при чем руководились более раздражением, нежели разумом, и в моем деле усмотрели они нечто весьма горькое, когда стали перебирать законы давно уже не действующие, от которых всего более и явным образом я был свободен, и делали это не из вражды ко мне, не из желания скорее увидеть престол свободным для других, нет! Но, как, не скрываясь, уверяли меня в тайных со мной беседах, чтобы привести в затруднение возводивших меня на престол, находя для себя несносной их наглость, которую те проявляли и прежде и в новых делах. А я, сокрушенный бедствиями и болезнью, как связанный конь, не переставал между тем прядать мысленно ногами, жаловался на порабощение и стеснительность уз, изъявлял желание увидеть свои пажити и эту мою пустыню. Когда же коснулись того, о чем сказал я, тотчас разорвал я узы и (хотя никогда, как очевидно, не уверяю в этом людей, зараженных любоначалием, однако ж сие справедливо) я с радостью схватился за такой предлог.

Выбрав время, я вышел на середину и сказал следующее: «Вы, которых собрал Бог для совещания о делах богоугодных, вопрос обо мне почитайте второстепенным. Чем ни кончится мое дело, хотя осуждают меня напрасно, это не заслуживает внимания такого Собора. Устремите мысли свои к тому, что важнее, соединитесь, скрепите, наконец, взаимные узы любви. Долго ли будут смеяться над нами, как над людьми неукротимыми, которые научились одному только – дышать ссорами? Подайте с усердием друг другу руку общения. А я буду пророком Ионой, и хотя невиновен в буре, жертвую собой для спасения корабля. Возьмите и бросьте меня по жребию. Какой-нибудь гостеприимный кит в морских глубинах даст мне убежище. А вы с этой минуты положите начало своему единомыслию, потом простирайтесь и к прочему. Пусть место

сие назовется местом пространства (Быт. 26, 22). Это и для меня обратится в славу. А если на мне остановитесь, то это будет для меня бесчестьем. Даю закон стоять за законы. Держитесь такого образа мыслей, и ничто для вас не будет трудно. Я не радовался, когда восходил на престол, и теперь схожу с него добровольно. К тому убеждает меня и телесное мое состояние. Один за мной долг – смерть; все отдано Богу. Но забота моя единственно о Тебе, моя Троица! О, если б иметь Тебе защитником какой-нибудь язык благообученный, по крайней мере исполненный свободы и рвения! Прощайте и вспоминайте о трудах моих!»

Так сказал я; они уклонялись от решительного слова, а я оставил собрание и с радостью и с каким-то унынием. С радостью, что несколько прекратятся труды для меня, со скорбью, потому что не знал, что будет с народом, да и кто не сокрушается о сиротеющих детях? Таковы были мои чувства; известно же только им самим и Богу, не скрывали ли в себе чего-либо большего, кроме выказываемого, эти подводные утесы, эти засады в морских глубинах, эта гибель кораблей. Иные говорят и так, но я смолчу. У меня нет времени распознавать хитросплетения злобы. Я упражняюсь в приобретении простоты сердечной, от которой зависит спасение. А спастись – единственное мое попечение. Впрочем, знаю, и знаю более, чем было бы нужно, что Собор тотчас почтил меня беспрекословным согласием. Так отечество вознаграждает друзей!

Так было у меня с ними; а что же с Государем? Кланялся ли я, изгибался ли, припадал ли к его руке? Вымолвил ли перед ним какое-либо просительное слово? Засылал ли ходатаем кого-нибудь другого из друзей, наиболее сильных при дворе и особенно ко мне расположенных? Сыпал ли золото, прибегал ли к помощи этого сильного властелина, домогаясь того, чтоб не пасть с престола? Такие меры предоставляю другим людям, слишком гибким. А я, как только мог, пришел к порфиноносцу, и в присутствии многих наблюдавших за тем, что буду говорить, сказал: «И я, щедродаровитый царь, прошу у твоего всемогущества некоторой милости; прошу у тебя не золота, не разноцветного

мрамора, не покровов для таинственной трапезы, прошу не о том, чтоб родные мои получили высокие чины или удостоились служить при твоей особе; просить об этом свойственно тем, которые домогаются немногого; а я считаю себя стоящим и более важного. Даруй мне одно: дозвожь несколько уступить зависти. Желая чтить престолы, но только издали. Я изнемог, видя что меня ненавидят все, даже друзья, потому что не могу обращать взоров ни на что, кроме Бога. У них требуй вожделенного согласия; если не из страха Божия, и не из страха наказания, то, по крайней мере, из угождения тебе пусть сложат они оружие. Воздвигни себе победный памятник в этой бескровной битве, как воздвиг уже, сокрушив необузданную дерзость варваров. Требуй и этой (указал я на седину и одновременно на следы пота, пролитого мной для Бога), она не отказывается терпеть для пользы мира. Тебе известно, что ты возвел меня на престол против моей воли». Самодержец рукоплескал, когда я говорил сие, рукоплескали и другие. И я получаю просимое, правда, как говорят, с трудом, однако же получаю.

Что еще после этого заботит меня? Стараюсь убедить всех, чтоб приняли это равнодушно и из любви ко мне, и из раздражения против дурного поступка, нимало не задумывали какого-либо сопротивления. Я употреблял ласки, похвалы, рукоплескал людям злонамеренным; так действовал на служителей алтаря, на посторонних, на вождей стада, на тех, которые издавна принадлежали к Церкви и которые присоединились к ней недавно и не могли перенести, что лишают их пастыря; так действовал на епископов, которых крайне сие поразило, ибо многие, как только узнали о решении Собора, поспешно потекли вон, как стрелы молний, затыкали себе уши, всплескивали руками, не хотели даже и видеть, чтобы другой возведен был на мой престол.

Конец слову. Вот я, дышащий мертвец, вот я, побежденный и вместе с тем (не чудо ли?) увенчанный, взамен престола и пустой пышности стяжавший себе Бога и божественных друзей! Оскорбляйте меня, благодумствуйте, скачите, мудрецы, сложите песнь о моих несчастьях, пойте ее в собраниях, на

пирах и в храмах, провозглашайте свою победу, как петухи, вытянувшись и высоко подняв голову, ударяйте локтями себе в бока среди безумцев! Один захотел, и все вы одержали победу. А если сам я хотел этого, то какая зависть – лишать меня и этой славы, хвастаясь, что свели с престола силой! Если же я не хотел, устыдитесь сделанного худо, вы, которые вчера возвели меня на престол, а ныне изгнали.

Что ж буду делать, избежав сего? Стану с ангелами. Какова ни будет моя жизнь, никто не причинит ей вреда, но никто не принесет и пользы. Сосредоточусь в Боге. А речи других обо мне пусть разносятся, как легкие ветерки. Я пресытился ими; меня часто осыпали и злоречием и чрезмерными похвалами. Одного ищущу для себя – обитать вдали от злых, где мог бы единым умом искать Бога, где питала бы мою старость утешительная надежда высших благ.

Что ж принесу в дар Церквам? Слезы. К этому привел меня Бог, подвергнув жизнь мою многим превратностям.

А куда приведет она меня, поведай мне Божье Слово. Молю Тебя, чтобы привело в неколебимую обитель, где моя Троица и Ее сочетанное сияние, Троица, и неясные тени Которой приводят меня в восторг.

О себе самом и на завистников

Григория иерея и забава и рыдания. Увеселяйся, кому угодно, моими несчастьями.

У меня и безделка имеет свои украшения, и из ямбов родится новая мера. Прочти акrostих и ясно увидишь.

Хотя я стар и изведаль много бедствий, потому что морщины показывают опытность в делах, а опытность всего чаще производит благоразумие, однако же и моя старость в продолжение многих лет не видала такого бедствия, какое видит теперь. И это нетрудно узнать из краткого слова.

Вожди народа незаконно восстали друг против друга. Ополчась вместо орудия гневом и завистью и кипя гордостью, как свирепым огнем, они восстали, и разделилась целая вселенная. А я – человек тонкий (потому что думал о себе немало), хотя никак не мог поражать злых жезлом (вам известно, что и теперь я тоже предпочел бы всему), однако же делал то, что был в состоянии, и придерживался обоих камней, подражая краеугольному камню – Спасителю. Но, как укрощающий львов, или рассвирепевших кабанов, оскорблений не прекратил, а сам затоптан; потому что легче пострадать, нежели сделать доброе дело. Если бы стал я мучеником, то, подвергшись большим и жесточайшим страданиям, скорее всего освободился бы от двоякой опасности. Но нет возможности переносить благодушно обиду, которая такое долгое время непрестанно перед глазами. Кто не знает сего, даже и неблизкий ко мне? Если это одно у них дело, то пусть двоедушие их ко мне остановится на одном. Если сам я сошел с престола, чего же еще больше? А если свергнут против воли, чего достойны отважившиеся на это? Ныне возведен на престол, а наутро сводят меня с престола. В состоянии ли кто найти для этого хотя бы ложную причину? Осмеливаюсь сказать, Христос мой, что у меня на сердце. Они завидуют моим подвигам, тем камням, которые в меня метали. А может быть (скажу ясно), предметом их нападения является Дух, – Дух (выслушайте это), исповедуемый Богом. Еще говорю: Ты мой

Бог, и в третий раз восклицаю: Дух есть Бог. Бросайте, цельте в меня камнями; вот неколебимо стою перед вами целью истины, презирая свист и слов и стрел.

У нас Отец – корень и источник Добра. От Него рожденный Свет и Слово – печать Безначального; от Него и Дух – безлетное естество. Бог – Бог мой и Бог тройственная Единица. Никто не возбранит мне говорить сие. Свидетель тому – моя Троица, что время не изменит этого слова. Пусть все колеблется, только бы не превращали у меня Бога! Равно нечестиво: одно ли что или все обесчестить. У меня есть голос, а у тебя – города и блистательные престолы. Удерживаю язык; какое прекрасное принуждение! О, если б мне светить, как светильнику, поставленному на подсвечнике! О, если б мне озарять целую вселенную!

Так теперь; а в скором времени новые престолы, законный порядок и первых и вторых престолов. Тяжелы были бы здешние неудачи, если б Бог впоследствии не оборачивал костей другой стороной. Не хочу иметь привязанности к здешним благам. Ты делай возлияния этому миру, а я приношу жертву Богу, чтобы без труда переносить неприятности. Ночь все покрывает; а день все освещает. Много потрудился я, однако же труды мои не стоят еще тех наград, какие ожидают друзей Божьих.

Исайя перепилен был пилой, но перенес сие с терпением. Трех отроков в печи приветливо принял огонь. Даниил брошен к зверям, как к друзьям. А Павел и Петр явились победоносцами в Риме. И Предтеча не жертва ли своего дерзновения? Они знают, что я умер! Но пусть знают, что я жив, хотя бы Тебе, Отец, угодно было послать мне что-нибудь еще худшее.

К завистникам

Правосудие, судьи, законы, судилища, и ты меч, заостренный для злых, и грозный день – обличитель всего, и неумирающий червь, и источники всепожирающего огня, выслушайте, выслушайте мой суд! Когда все умерло, умирает и зависть, потому что борьба бывает с противоборствующим; а что не стоит на дороге и не противится, тому без зависти оказывают честь. Но я и умер, и терплю от зависти, хотя и перенес в жизни борьбу всякого рода. Чем докажу это, какими свидетельствами? Все вопиют, хотя и закрою уста свои. О, если бы несчастье мое осталось негласным!

О, если бы мог я не осквернить языка, выговаривая словом (что из всего худого есть худшее) и самое имя! Зверь, исполненный яда, опасная и ужасная кладовая зависти, позорный столб, сокращенно представляющий всякое ужасное зло. Кому не надлежало бы приближаться к спасительным дверям, тот предпочтен моим тайнодействиям, и труд этой власяницы поставлен выше метаний в меня камнями и моих очищений. Увы! Кто из мудрых похвалит сие? О, ты, Который проникаешь в тайники моего сердца, всем располагаешь и все ведешь к другой жизни! Они поставили меня ниже худых! Неужели и там будут первенствовать злые? Они худую помощь оказывают друг другу, одно имея в виду – безопасность своих престолов. О, если б иметь мне часть, какой я достоин! Но ежели нет мне доли здесь, Ты, Христос, часть моя, и лучше Тебя иметь, нежели все то, что есть у всех. Ты единственное твердое и свободное обретение, которого не лишит меня никакая зависть.

О различиях в жизни и против лже-иереев

Тот совершенный живописец, кто чертит на картинах верные и живые изображения, а не тот, кто, намешав понапрасну много красок, хотя и доброцветных, представляет на картине написанный луг. И корабль мореходный хвалю не за то, что блистает излишними украшениями и расцвеченной кормой, но за то, что рука корабельного строителя крепко соединила его гвоздями, надежным и смелым пустила по волнам. И войско должно быть храбро, а не красиво; и в доме хорошая отделка – уже второе достоинство после прочности. Так и жизнь человеческая, или божественна, когда страх ведет человека ко Христу, делает его чуждым сетей греха, постоянным, неразвлеченным и беспечальным, или весьма порочна и внутренне бессильна, хотя по наружности недолго имеет такую же силу, какую замечаем в умоисступленных, у которых все кружится, потому что мысль идет кругом.

Так неодинаково и сердце молящихся великославному Христу. Один – всегдашний слуга человеческого могущества, смотря по обстоятельствам, как трость, колеблемая ветром, клонится туда и сюда, и дает не исцеление, но образец всякого порока. Другой трепетными и благоговейными руками возносит дар благодарения Христовой плоти и великим страданиям, какие понес на земле Бог в избавление наше от первородных недугов. Он живет для единого Христа, Им утешается, для Него, возносясь отсюда, отрешает сердце от земного, и из людей одним добрым покоряет мысль; злым же противится, как твердый камень алмаз. Он не заботится о богатстве, о великих престолах, о человеческой славе, пресмыкающейся долу. И, нося на себе кожу могучего царственного льва, не скрывает под нею раболепства лисицы, чтоб быть трупоедом, хитрецом, злодеем, перекидываться во все виды порока. Напротив, непрестанно обогащая ум чистыми представлениями, касается даже небесной Троицы, утвердил Ее образ в своем сердце, созерцая единую Славу в трех Добротах, а на конец, чистыми

жертвами приготавливая народ богоподобный, приносит бескровную сердечную жертву.

В числе таких молящихся желал быть и я, не скрой этого, потому что нога моя стояла уже внутри преддверия. Но как только увидел я дела непотребные и заботливо обдуманый обман, отступил назад и вне поставил свою ногу. Правда, что много понес я огорчений и среди других неправовверных, у которых и теперь еще отдаются звуки моего голоса. Мне – камни; а им – новоутвержденное Божество Троицы – вот дары, какие принесли мы друг другу! Но если и уступал я, то нигде не оставлял слова не утвержденным, куда только ни заносили меня наши волнения. Теперь я низложен; наступай, наступай на меня, злобная зависть! Или, может быть, остановлю еще тебя, хотя скроюсь в крайних пределах земли, буду заключен в мрачной утробе морского зверя-кита, как некогда было с Ионой. Пусть тело в утробе, но ум, сколько бы ни преграждали ему пути, с неудержимым стремлением пойдет куда желал. Вот единственное достояние добрых – свобода, неудержимость, неодолимость, ум, воспаривший ко Христу.

Григорий уже не сотрапезник земного царя, как прежде, не станет делать и малых угождений своему мешку (телу), не будет, потупленный и безмолвный, возлежать среди пирующих, с трудом переводя дыхание и пресыщаясь, как раб. Судья не посадит меня или рядом с собой, чтобы почтить, или ниже себя, чтобы положить меру моему духу. Не буду целовать окровавленных рук или ласкать подбородок, чтобы добиться небольшой милости. Не побегу с многолюдной свитой на священный, или именинный, или похоронный, или свадебный обед, чтобы все предать расхищению, иное истребив собственными зубами, а иное предоставив своим провожатым – этим хищническим рукам Бриарея, чтобы поздно вечером отвести нагруженный корабль, одушевленный гроб, то есть с трудом привлечь опять домой болезненное чрево, но едва переводя дыхание от пресыщения, и еще не избавившись от прежней тягости, спешить на другой богатый пир. Нет, нет, не буду говорить приятного слуху, председательствуя в священных местах или один, или в совокупном собрании многих; не

отвергну глаголов Духа из заботливости снискать любовь у народа; не стану утешаться рукоплесканиями, ликовать на зрелищах; не буду, подобно состязающимся на ристалищах в ловкости и изворотливости, или обгоняющим друг друга на колесницах, носиться по стремнинам словесных состязаний, и притом не для того, чтобы истребить гнев, охладить бешенство распаленного тела, узами слова связать руку, которая с неистовством простирается ко всему чужому, изгнать из сердца ложную славу, поучениями своими низложить на землю кичащуюся гордыню, источниками слез вызвать слезы, но для того, чтобы вкусить одну жестокую отраву, которая причинит несомненную смерть, удовлетворить страсти, гоняться за славой. Не буду заседать в собраниях гусей или журавлей, которые дерутся между собой без всякой причины, где раздор, где смятение, а прежде всего, собран в одно место весь тайный стыд враждующих.

Вот причины, по которым рядом с низкими сижу я – такой врач страстей, который сам не болен. Ибо моей седине не подобает забавляться по-детски, и против своего обычая услуживать из-за престолов, препираясь из-за которых, другие делятся на скопища и незаконно рассекают целый мир. Увы! Увы! Как велики наши скорби!

Владей всем этим тот, кому угодно и кто хитер. А я бестрепетно буду исполняться Христом. Если же худо покинуть бразды богомудрого народа, то да падет сие на голову тех, которые сами свергли их с себя, чтобы, подобно быстрому коню, не терпящему узды, неистово нестись по стремнинам и утесам. У меня одно желание, чтобы они имели попечение о всем богоугодном. Если же заботятся о худом, молю Бога поставить слух мой вдали от них.

К епископам

Приносящие бескровные жертвы иереи, достославные приставники душ, вы, которые на руках своих носите создание великого Бога, приводите человек в преимущественное единение с Богом, вы – основания мира, свет жизни, опора слова, тайноводители в жизнь светлую и нескончаемую, христоносцы, вы, которые восседаете на знаменитых престолах, превознесены, восхищаетесь благолепными зрелищами, выходите на позорище, становитесь на деревянные ходули, вы, которые под чужими личинами слабо отверзаете уста, а в делах внутреннего благочестия не отличаетесь от прочих, шутите, если угодно, и над тем, над чем шутить неприлично, говорите с важностью о том, что делаете слишком легкомысленно! А я, хотя все вы единодушно почитаете меня человеком худым и несносным, далеко гоните от своего сонма, поражая тучами стрел и явно и тайно (последнее более вам нравится), а я скажу, что побуждает меня и что внушает мне сказать сердце. Хотя не охотно; однако же изрину из сердца слово, как струю которая, будучи гонима вон сильным ветром, и пробегая по подземным расселинам, производит глухой шум, и где только может прорваться из земли, расторгнув узы, выливается из жерла. То же теперь и со мною: не могу удержать в себе желчи. Но снесите великодушно, если скажу какое и колкое слово – плод моей горести. И то врачуete от скорби, если и воздуху передашь слово.

Было время, что сие великое тело Христово, сия досточестная слава Царя – народ царствующий на целой земле был народом совершенным). Ныне опять колеблется сие Божье стяжание, подобно волне мног шумного моря, или дереву, потрясаяемому порывистыми ветрами. Это тот народ, для которого Бог снисшел с небесного престола, истощив Свою славу в смертной утробе, вступил в общение с человеками воедино сочетанный Бог и человек, в великую цену искупления предал на страдания Свое тело, и для избавления нас от греха изливал Божественную кровь. Это народ, за который принесены

многие другие жертвы именно те, которые впоследствии сеяли всем слово, от жестокой руки прияли сладостную смерть, чтобы почтить и словом Бога-Слово и кровью – кровью. Кто же беспокоит сие тело? Откуда у меня столько скорбей? Почему единопасущийся вепрь повредил мою ниву? Почему померкшая луна затмила такую славу?

Неистовый, злоторный враг ненавидит человека с тех пор, как первого Адама изверг из рая, и чрез вредоносный плод лишил его бессмертной жизни. Он не переставал приводить людей в изнеможение многократными и сильными потрясениями; однако же, сколько ни желал, не мог своими ухищрениями повергнуть весь род наш пред собою на колена. Искра слова, как огненный столп, со славой протекла всю землю. Гонители еще более утвердили тех, для которых венценосные мученики стали общим союзом. И вот враг изобрел новую, действительную хитрость: видя могущественное воинство, посеял гибельную вражду между вождями. Ибо с падением полководца все воинство преклоняется долу. И мореходный корабль, как скоро лишен кормчего, опрокидывается губительным ветром, или сокрушается о камни. Дома, города, лики, колесницы и стада – все терпит вред от невежества ими управляющего. Говорю сие знающим наш порок, всем предстоятелям народа.

Прежде учреждены были города убежища для человекоубийц (Числ. 35, 11), определено было место для жертв отпущения (Лев. 16, 8–10); а в последние дни было место горести и крови (Матф. 27, 6–10) – крови Христовой, которую зломудренные, прияв худую и малую цену Неоцененного, пролили, правда, не против воли Его, но когда Сам Он восхотел, потому что был Бог неудержимый руками, однако же пролили. А ныне все, и чужие и принадлежащие к нашей ограде, знают одно место для злочестия и смерти, и это – огражденное прежде седалище мудрых, двор совершенных, возвышение для ангельских ликостояний, решетка, разделяющая два мира, мир постоянный и мир преходящий, предел между богами и однодневными тварями. Так было некогда; а что ныне, смешно то видеть. Всем отверст вход в незапертую дверь, и кажется

мне, что слышу провозвестника, который стоит посреди и возглашает: „Приходите сюда все служители греха, ставшие поношением для людей, чревоугодники, утучневшие, бесстыдные, высокомерные, винопийцы, бродяги, злоречивые, одевающиеся пышно, лжецы, обидчики, скорые на лживые клятвы, снедающие народ, ненаказанно налагающие руки на чужое достояние, убийцы, обманщики, льстецы пред сильными, низкие львы над низкими, двоедушные рабы переменчивого времени, полипы, принимающие, как говорят о них, цвет камня, ими занимаемого, не давно поженившиеся, кипучие, люди с едва пробивающимся пушком на бороде, или умеющие скрывать естественный огонь, питающие в глазах воздушную любовь, потому что избегаете явной, невежды в небесном, новопросвещенные, и от того, что ваша греховность встречается с светозарным Духом, обнаруживающие свою черноту, приходите смело: для всех готов широкий престол; приходите и преклоняйте юные выи под простертые десницы: они усердно простираются ко всем, даже и не желающим! Опять дается манна – этот необычайный дождь; собирай всякий в свое недро, кто больше, а кто скуднее. Если упорно, не щадите и святого дня – благочестивого покоя; или, может быть, она и загниет в ненасытных руках. Общее всех достояние – воздух, общее достояние – земля, для всех широкое небо и все, что открывает оно взорам, для всех также дары моря для всех и престолы. Великое чудо! Саул не только не лишен благодати, но даже пророк! Никто не останавливайся вдали, земледelec ли ты, или плотник, или кожевник, или ловец зверей, или занимаешься кузнечным делом; никто не ищи себе другого божественного вождя; лучше самому властвовать, нежели покоряться властвующему. Брось из рук, кто большую секиру, кто рукоять плуга, кто мехи, кто дрова, кто щипцы, и всякий иди сюда; все толпитесь около божественной трапезы, и теснясь и тесня других. Если ты силен, гони другого, не смотря на то, что он совершен, много трудился на престоле, престарел, изможден плотью, небожествен, презритель мира, живет в Боге; мертвец между живыми и добрый священник Царя. Кто пишет картину с подлинного изображения, тот ставит сперва перед собою

подлинник, и потом картина принимает на себя списываемый образ. Но кто смотрит на вас, тот пойдет противоположной стезею. И это – единственная польза от вашей испорченности». Так говорит громогласный провозвестник.

Но меня приводит в страх, что слышу о достославном Моисее, который один внутри облака видел лицом к лицу Бога, а другим велел остаться внизу горы, и очистившись, в чистой одежде, с трепетом внимать только Божью гласу; попираť же святую землю не безопасно было не только народу, но и самым скотам; ибо всех поражали отторгавшиеся от горы камни. Боюсь также участи сынов Аароновых, которые, возложив жертвенные начатки на огонь чуждый, чудным образом погибли; самое место жертвоприношения немедленно сделалось местом их смерти, и хотя они были дети великого Аарона, однако же лишились жизни. Так жалкая гибель постигла и Илиево семейство; и дети Ильевы погибли за то, что имели продерзливый ум и на священные котлы налагали неосвященные руки; но не избежал, – да, не избежал гнева и сам Илий; неблагоприятная жадность сыновей довела до гибели и сего праведника, хотя он никогда не оставлял проступка детей без укоризны. Если таких мужей и за такие грехи постиг гнев; чего должно страшиться за большие преступления? И тот, кто тебя, царственный кивот, клонившегося к паденью, поддержал нечистою рукою, умер внезапно смертью! А Божий храм делали неприкосновенным для рук внешние ограждения стен.

Посему-то я плачу и припадаю к стопам Твоим, Царь мой Христос; да не сретит меня какая либо скорбь по удалении отсюда! Изнемог пастырь, долгое время боровшийся с губительными волками и препиравшийся с пастырями; нет уже бодрости в моих согбенных членах; едва перевожу дыхание, подавленный трудами и общим нашим бесславием. Одни из нас состязаются за священные престолы, восстают друг против друга, поражаются и поражают бесчисленными бедствиями; – это неукротимые воители, они возглашают мне мир, и хвалятся кровью. О когда бы Божье правосудие поразило их гефскою болезнью, и за седалища терпели казнь на своих *седалищах* (1Цар. 5, 9)! Другие, разделясь на части, возмущают Восток и

Запад; начав Богом, оканчивают плотью. От сих противоборников и прочие заимствуют себе имя и мятежный дух. У меня стал Богом Павел, у тебя – Петр, а у него – Аполлос. Христос же напрасно пронзен гвоздями.

По имени людей, а не по Христе, именуемся мы прославленные Его благодеяньем и кровью. До того омрачены очи наши этою страстью или к суетной славе, или к богатству, и этою страшною злорадною завистию, которая иссушает человека, и справедливо сама себя снедает скорбью! Предлогом споров у нас Троица; а истинною причиной – невероятная вражда. Всякий двоедушен; – это овца, закрывающая собою волка, это уда, коварно предлагающая рыбе горькую снесь. Таковы вожди; а недалеко отстал и народ. Всякий мудр на злое даже и без вождя. Нет никакого различенья между добром и злом, между благоразумною сединою и безрассудною юностью, между люботрудной, богобоязненной жизнью и между жизнью распутной. Один закон: тому иметь преимущество, кто всех порочнее. Да погибнет тот, кто всех порочнее. Да погибнет тот, кто первый ввел сюда людей негодных! Они хотели бы, чтобы им принадлежали и мир, и Бог, и все, что в последние дни возмерится совершенным; и чтоб добрые трудились напрасно. Вот что угодно нашим судьям, чтобы бежала отсюда всякая правда, чтобы все слилось во едино – Христос, человек, солнце, звезда, тьма, ангел добрый и денница уже не светозарная, чтоб почитались равными Петру – богоубийца Искарот и священному Солиму – злочестивая Самария, чтоб были в равной цене и золото, и серебро, и железо, в одном достоинстве жемчужина с диким камнем, и сток нечистот с чистым источником, – чтоб все смешалось между собою, и слилось вместе, как прежде, когда мир был еще первозданным веществом, которое только чреватело миром, но не пришло еще в раздельность!

Маовитянам и Аммонитянам недоступен был великий храм, потому что они огорчили доброе воинство (Второз. 23, 24). А иных причислил Иисус к водоносцам и дровосечцам за то, что употребили обман (Нав. 9, 23). Так поступлено с злыми! Колено же великого Левия удостоено чести; Левиты поставлены

служителями небесной скинии; но и им распределены жертвоприношения, места и труды; руке каждого предоставлялось особое дело, всякий исполнял особую потребу внутри и вне храма. Такими законами ограждалась у них добродетель! Но мы опять назначили награды пороку. О гибель! Оплачет ли сие какой певец, искусный в сложении плачевных песней?

Остановите зло, друзья мои! Перестанем обременять себя злочиством. Да будет наконец почтен Бог святыми жертвами! И если убедил я вас, воспользуемся сим. Если же слово мое и седину мою затмевает дерзость юных, или этих ворон, которые безрассудно накликают на меня гибельную тучу; то свидетельствуюсь рукою бессмертного Бога и страшным днем, который наконец потребит огнем легкое вещество, свидетельствуюсь что я не сопрестольник, не сотрудник им, не хочу участвовать с ними ни в совете, ни в плавании, ни в пути. Но пусть идут они своим путем, а я поищу себе Ноева ковчега, чтобы спастись в нем от ужасной смерти; а потом, пребывая вдали от злых, постараюсь избежать жестокого и неизобразимого дождя, которым популен Содом. Наложив узду на блуждающий ум, собрав его внутрь, весь углубившись сам в себя, смеясь над житейскими бурями, который и лица мудрых покрывают часто грязною пылью, непрестанно напечатлевая в сердце мысли божественные, не смешивающиеся с худшим и просветленные, стремительным желанием приближаясь к свету Трисиянного Божества, приступлю к милосердному престолу бессмертного Бога, где все открыто, а еще более откроется, когда всем равным за равное возмерят весы в руках правосудного Бога.

К константинопольским иереям и к самому Константинополю

Иереи, приносящие бескровные жертвы, и служители великой Единицы в Троице! Законы! Цари, украшающиеся благочестием! Знаменитый град великого Константина, младший Рим, столько преимуществующий пред другими городами, сколько звездное небо пред землею! Взываю к вашему благочестию. Каково поступила со мною зависть? За что разлучила с священными чадами меня, который подвизался долгое время, озарял их небесными учениями, и из камня источал им поток? Какое в этом правосудие? Мой был труд, я подвергался опасности, в первый раз напечатлевая в городе благочестие; а теперь другой веселит сердце свое моими трудами, неожиданно вступив на чужой престол, на который возведен я был Богом и добрыми Божиими служителями. Вот следствия страшного недуга! Так поступили Божии служители, которые, питая друг к другу достоплачевную вражду, о Царь мой Христос! не дружелюбны ко мне; потому что я не дерзкий воитель, не держался ни той ни другой стороны, ничего не захотел предпочесть Христу. В том мой грех, что я ни в чем не прегрешал, подобно другим, и как малый корабль, не вступаю в бой с кораблем, тяжело нагруженным. За это ненавидят меня и люди легкомысленные, которые не благочестно отворяли святилище сие друзьям-угодникам времени. Но да покроется сие глубоким забвением! А я, удаляясь отсюда, буду утешаться спокойствием, столь же охотно оставляя и царский двор, и город, и священников, сколько прежде желал сего, когда Бог призывал меня и ночными видениями и ужасающими страхованиями холодного моря. Посему радуюсь, что избежал зависти, и после великой бури привязываю вервь в тихой пристани. Там чистыми представлениями ума восторгая сердце, так же буду приносить в дар и безмолвие, как прежде приносил слово. Таково слово Григория, которого воспитала Каппадокия, и который всего совлекся для Христа!

На свое удаление

1. И из угодных Богу одни совершают доброе плавание, а другие, будучи не хуже первых, встречают затруднение в плавании. Кто же кроме Тебя, Слово, знает тому причины! Не превосходнее ли идти стезею крутою и негладкою, нежели путем удобным? Впрочем скажу, какая у меня об этом мысль. Лучше то и другое вместе – и идти, и идти к совершенству. А если сие не возможно; то труды предпочитаю бесславному и недоброму спасению. Конечно, многое должно возносить к Богу меня, которого утомляют и плоть и стечение дел. Что же мне делать, если не достигаю обоих желанных целей? Приуготовь себя, как можно скорее, и к небу окрыли душу драгоценную для Слова. Не оставляй при себе ничего излишнего, сбрось с себя всю тяготу суетной жизни и здешних зол. Я предстоятель таинственной трапезы; я очищаю людей, которых приношу Тебе в дар посредством бескровных и совершенных учений. О приснотекущая Светлость, Источник света! Я сам имею нужду в очищении, и потому знаю, как тяжело очищать пятна нечистоты. Заметьте сие, пастыри людей, и трепещите!

2. Наконец-то я умер для зависти, соиереи! Теперь и на востоке и на западе, у врагов и у друзей, кончилась ко мне зависть. Я удалился; скажите мне доброе слово; по крайней мере я всем скажу мое прощальное слово. Если на мое место найдете другого; почитайте его. Дух досточтим для меня, Его защитника. Но теперь я уже не средостение брани.

3. Да проповедуется Троица, и другой кто-нибудь да примиряет людей, как должно. Я оставляю престол; но не престану вещать к Богу.

На возвращение свое из Константинова града

Пускаюсь в путь, оставив за собою великую широту жизни, волнуемую здесь и там бурными ветрами, имея при себе все, что сделал, и покинув, что меня утруждало; пускаюсь в путь, одного трепеща, а другим увеселяясь. Не покинул я ничего приятного, ничего такого, о чем бы стал скорбеть. Хотя покорился одному я против воли, за то другому – по собственной воле.

Одно было у меня любимое стяжание, одно преимущественное богатство, одна надежда к забвению трудов, – это общее для всех сияние великой Троицы, проповедать Которую приходил я к людям именитым, для меня чужеземным. И хотя не вовсе остался я неуязвим (меня, как нечестивца, встретили камнями; за что благодаренье Тебе, Троица!); однако же проповедал я Троицу, и как круг около средоточия, всех привел в движение вещаниями благочестия. Я был еще среди поприща; но меня возвратили назад труд и болезнь; и весьма много жалуюсь на завистливого демона, который исторг у меня чистый плод моего чревоболения, только что образовавшийся, когда он находился в преддверьях жизни.

Теперь моя Троица опять среди торжище и ликостояний рассекается устами нечестивыми, и слова блуднические одерживают верх. Увы! увy! Какой Финеес, ревнитель в душе и по имени, вонзит меч рукою, карающею блуд! Или какой Моисей окажет помощь несправедливо попираемым еврейским догматам, и, немедленно изгубив египетские басни, приобретет великую славу у великого народа? Кто вместит в уме своем всецелое Божество, ничего не сократив в великой Троице? Или кто рассудительным умом и крепкими доводами развеет силу сопротивных учений? Кто защитит от стрел непреклонную веру, не изменяясь с обстоятельствами, стоя твердо при перемене властелинов, и не станет совращать ее с прямого пути, устремляясь туда и сюда, подобно току не постоянного Еврипа? Кто остановит ужасную брань преобладающих иереев, примирив между собою поборников миролюбия?

А я сильно желал сего; потому что Христос Бог, врачество человеков, повелевает это законами Своих страданий, по которым связал Он крестом вместе и добрых и злых, и того, кто близок к Нему; почему для тех и для других составляет Он краеугольный камень, соединяя людей воедино союзом любви. Я желал сего; но те, которые враждовали на меня прежде, вменили меня ни во что, не оказали никакого внимания к моим советам. И о если бы только не вооружились они против Троицы, в Которую мечут тучи стрел!

Ты Сама, Троица, прекрати брань! Никого да не уязвит сия зловредная брань; а напротив того положи добрый конец моим трудам, дав возрастать правому о Тебе учению!

Прости, знаменитый храм Анастасии! Ты, посредством моих слов, опять воззвал к жизни умершую веру. И умирая, не забуду о тебе, но буду поставлять тебя на ряду с превосходнейшими храмами, умоляя Троицу о чадах моих.

К себе самому

Много, очень много случается перенести человеку с течением времени. Но что ни посылает правящий нашею жизнью Бог, все это сносно. Сколько бед претерпел я в чужом городе, принеся в дар слово свое, чтоб поддержать падающее учение! Похваляю, если скажут о них другие. Но и говорят уже многие, как чужие, так и любители высокоуважаемой мной веры. Ибо доселе ничто не приводило в такое колебание целую землю, как дерзновение, с каким Духа провозглашаем Богом. Сие-то, как известно, и меня подвергло неблагорасположению друзей. Но величайшее благодарение Тебе, Блаженный, за сие прекрасное бесчестие! Ибо что для человека может быть достославнее такого бесчестия? Но что, сверх ожидания, встретил я здесь, о том сам скажу друзьям, чтобы они научились равнодушно переносить нападения зависти. Прекрасное и подлинно божественное слово изрек некогда Бог, что всякий пророк кажется достойным чести только на чужой стороне; а известное чаще всего не признается достойным и чести (Марк. 6,4). То же самое, и еще большее, очевидным образом случилось теперь и со мной. Когда, оставив чужую сторону, возвратился я в отечество, и с удовольствием увидел родную землю и любезный мне народ, тотчас пришел мне на мысль ковчег, который один избежал потопления в справедливо погибшем мире, потому что и отечество мое, когда в нем уже почти оскудевало правое учение, спас древом великий отец мой, сделав его всецелым почитателем Троицы. Сей-то народ, страждущий от безначалия, подобно кораблю, который, среди глубин лишившись кормчего, обуревается волнами, хотел я спасти от величайших бед. Пусть всякий мечет в меня камнями, потому что издавна приучен я к камням! Да, я хотел извлечь его из глубины рукой кормчего, о котором знал, что он будет сильно противостоять дыханию бури, хотя и недавно принял на себя правление делами. Этого хотелось мне, но зависть, враждебная добрым, всеми мерами воспротивилась прекрасным учреждениям. Во-первых, (кто бы мог ожидать этого?) были ко

мне недобры занимающее вторые степени престола, старейшины, предводители народа – это прекрасное сонмище. Иные, кого удерживал еще малый остаток стыда, люди, подобно иным хитонам, двуличные и двуцветные, внешне стояли за меня, а внутренне были ко мне худо расположены. Впрочем, я благодарен им и за то, что скрывали неразумные свои желания. Ибо явное раболепство хуже бесчестия. Другие же не тайно, но слишком явно, были ко мне неприязненны; они устыдились бы показаться ничего не значащими в своей злобе.

О вы, кланяющиеся плоти, очевидным образом презирующие Самого Бога, чтители Веелфегора, а не истинного Владыки. Где же таинственная трапеза? Рассудите справедливо. Где хлеб, где руки, которые на головы ваши привлекли Духа? Попирайте в злобе своей и самую благодать! А народ не укоряю. Ибо что удивительного, если грешат в подобных делах, имея таких настоятелей? И при мудрых вождях с трудом можно быть совершенным.

Впрочем, не этому, дети, учил я вас некогда, хотя и не долго правил чужими удилами. Не тому учил я, чтобы презирали вы законы и слова учителя. У меня доставало еще сил и это переносить терпеливо, потому что страдание всего лучше учит терпению. Но всего более изнывало мое сердце оттого, что меня обманывали мудрые, епископы народные на словах были моими друзьями и одобряли мнение, как твердое и более им угодное чем чье-либо, а к чему клонились на самом деле, не мне о том говорить. Скажу только, что я был обманут. О, проповедуемая мной Троица! О, алтари, о, метания камнями, и все труды, какие совершил я дотоле с первоначального подвижничества! Погибла вера в Бога, погибла у людей! Куда кому обратиться, чьим стать ближним? Если светильники сделались таковыми, если свет таков, то рассуди: какова тьма?

Двукратно впадаю я в обман; и подвергаясь сему, знаю это, если только и мне дано от Бога понимать нечто. Но мучимый (кому известно это, кроме Бога?) переносил я сие, подражая (если смею сказать) Божью человеколюбю. По-видимому, я один вовсе не слышу и не вижу того, что всем открыто и явно, что видит целый мир; не вижу и не слышу, только бы оставался

цвет прежнего тела, теперь уже изнемогшего и приведенного в жалкий упадок! Угодно ли это Слову, научите меня вы, мудрые; а мне кажется это не только неприятным, но и крайне злым.

От сего, как в пробитую стену или как в прорвавшуюся плотину, вторгаются все сеятели новых зловерных учений. У них явились даже и новые, злостно написанные скрижали. Они незаконным сечением рассекают моего великого Бога, единое, всепревосходящее деля на высшее, среднее и низшее. А как рассекают моего Бога, так рассекают и великого Богочеловека, признавая Его не имеющим ума, как будто не имел ума падший Адам, или как будто боятся они, чтобы я страданиями не был спасен совершенно. Видно, надобно одной моей коже получить спасение; а все прочее во мне, как бесчестное, оставлено Богом! У них есть и это, не знаю откуда взятое, какое-то новое иудейство – бредни о тысячелетии, порождении языческого упоения и заблуждения. Они-то, как *валцы яжцы*, вторгшись в доброе стадо, не имеющее пастыря, немилосердно рвут и расхищают его, к скорби моего сердца. А я, хотя принял жезл другого стада, однако же болезную, видя уничтожение отеческих трудов. Да и почему же не болеть кому-либо, даже рассуждающему хладнокровно? Не меня же одного воспитал какой-нибудь дуб или камень!

Пусть назовут меня лжецом и злым; однако же скажу свою мысль. И сам ты, любезнейший, который теперь с надменностью смотришь на мои страдания, насколько знаю, не свободен от болезни, хотя и думаешь о себе, что стоишь безопасно и выгодно. Зыблются башни; как же не колебаться рядом стоящему дому? Содрогаются кедры; как же оставаться в безопасности сосне? Старайся отдалить битву, если не хочешь быть к ней близким. О сих словах моих вспомнит иной со временем, когда нечего будет более делать, как только терзаться напрасно.

Что худшего пошлешь еще мне, Христос мой? Будешь ли еще пережигать меня огнем? Все приму охотно, только будь ко мне милосерден. Не долгий и не гладкий путь жизни будет еще мной пройден. А каково там?.. Как бы ни было худо – все для меня хорошо, потому что там нет двоедушия, но одна простота.

О стихах своих

Видя, что в нынешний век многие пишут речью не мерною, легко сливающеюся с пера, и большую часть времени проводят в трудах, от которых нет иной пользы, кроме пустой говорливости, а притом пишут весьма самовольно, так что в заключение всего является не меньше бредней, чем морского песку, или египетских скнипов, видя все сие, всего более восхитился я тою одною мыслью, чтобы, бросив всякое другое слово, держаться только словес богодухновенных, как и избегающему бури всего приятнее тихая пристань. Ибо если Писания представляют столько опор, то самая мудрая мысль – увлекшимся в худое в них же искать убежища от всякого суетного ученья. Да и как тебе, человек, пиша по дольным понятиям, изречь несомненное слово?

Но поскольку совершенно невозможно отказаться от всякого слова, когда мир разделился на столько расколов, и всякий, в подкрепление своего уклонения от истины, прибегает к защите этих речей; то вступил я на новый путь слова, который хорош, или худ, но мне приятен, и употребил несколько трудов своих на мерную речь. У меня не было намеренья (как подумали бы многие) делом самым легким пожать пустую (как говорится) славу; хотя знаю, что мои противники такой способ писать назовут скорее человекоугодием; потому что большая часть людей и дела ближнего меряют своею мерою. Не предпочитаю также сего божественным трудам. Мой разум никогда не отпадал столько от Бога. Что же со мною сделалось? Подивитесь, может быть, этому.

Во-первых, хотел я, трудясь для других, тем самым связать мой грех, чтобы вместе и писать, и, заботясь о мере, писать не много.

Во-вторых, молодым людям, и всем, которые всего более любят словесное искусство, как бы приятное какое врачевство, хотел я дать эту привлекательность в убеждении к полезному, горечь заповедей подсластив искусством. Да и натянутая тетива требует некоторого послабления. Если тебе угодно и это, и не

требуешь ничего больше; то вместо песней и игры на лире даю тебе позабавиться сими стихами, ежели захочешь иногда и позабавиться, только бы не нанес кто тебе вреда, похитив у тебя прекрасное.

В-третьих, хотя знаю, что, может быть, это и мелко, однако же подвергся я сему; не хочу, чтобы чужие имели перед нами преимущество в слове, – разумею это цветистое слово, хотя у нас красота в умозрении. Поэтому хотя, конечно, посмеялся я над вами, мудрые; однако же да будет мне оказана львиная милость.

В-четвертых, изнуряемый болезнью, находил я в стихах отраду, как престарелый лебедь, пересказывая сам себе вещанья свиряющих крыльев, – эту не плачевную, но исходную песнь.

Судите же теперь поэтому вы, ведающие внутреннее, если и сами отдаете преимущество мерной речи. Стихи мои вмещают в себе по большей части дельное и нечто игривое, но нет в них ни растянутости, ни излишества. А думаю, что нет также совершенно бесполезного; в этом, если хочешь, удостоверят тебя самые стихи. Ибо в них иное из нашего ученья, а иное из учений внешних, и это или похвала добродетелей, или осуждение пороков, или мысли, или какое-нибудь мнение, или краткие изречения, замечательные по сочетанию речи. Если это маловажно, сделай сам что-нибудь более важное. Охуждаешь размер стихов; и справедливо; потому что сам не наблюдаешь размера, пиша ямбами, производя на свет какие-то выродки стихов. Какой слепец узнавал видящего? Кто, не двигаясь с места, догонял бегущего? Впрочем, покупая порицаемое тобою, сам знаешь, что покупаешь. Ибо что хулишь, того сам помогаешься, и даже употребляешь самые непомерные усилия на это, то есть, писать стихи. Или когда обличаешь, тогда рождается в тебе и доверенность? Для меня всего любезнее тот, кто претерпевает кораблекрушение на суше. Вы, мудрые, ухищряетесь на нечто подобное. Не явная ли это ложь; не двуречие ли? Недавно была обезьяна, а теперь стала львом. Так легко уловляетея любовь к славе!

Впрочем узнайте, что и в Писании многое писано мерною, речью, как говорят мудрые из Евреев. Не назовешь ли размером и те бряцания струн, с которыми древние пели стройно сложенные речи, чтоб приятное, как полагаю, соделать колесящую для доброго, и чрез сладкопение образовать нравы? В этом уверит тебя Саул, игрою на гусях освобождаемый от духа. Какой же вред видишь в том, что молодые люди чрез благопристойное наслаждение приводятся в общение с Богом? Их трудно вдруг перестроить. Пусть же будет в них некоторая благородная смесь. Но когда доброе со временем окрепнет, тогда, отняв красное слово, как подпорку у свода, соблюдем в них самое доброе. Что может быть полезнее этого? И ты ревнитель строгости, нахмуривающий брови, и самоуглубляющийся в себя, разве не подкладываешь сладостей в кушанье? За что же охуждаешь мою речь, дела ближнего измеряя своею мерою? Не сходятся между собою пределы Мидян и Фригиян; не одинаков полет у галок и орлов.